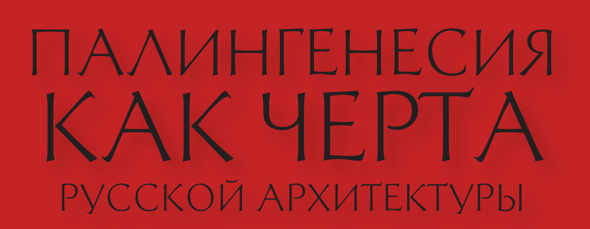
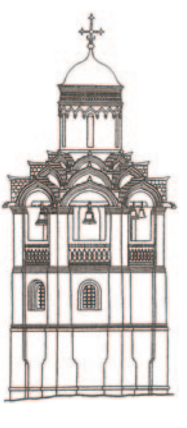
ВИДИМОЕ НЕВИДИМО



ПАЛИНГЕНЕСИЯ КАК ЧЕРТА РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ РОССИИ

Выпуск 9



ВИДИМОЕ НЕВИДИМО

Палингенесия как черта русской архитектуры

Валентиновка
• Памятники исторической мысли •
2025

ББК63.3(2)44
К89

Художник
Александр Григорьевич СТРОЙЛО

Кузнецов И.Н. из
К89 Видимое невидимо.
Палингенесия
как черта русской архитектуры.
Валентиновка:
Памятники исторической мысли, 2025.
(Памятники истории России. Послекнига.
https://vk.com/poslekniga. Вып. 9).
392 с.
МСКН 978-5-88451-378-5

ПРЕДВАРЕНИЕ

Если видимое сделано невидимым, то наверняка для чего-то, тем более что такого невидимого – видимо-невидимо, считать устанешь. Первое, что приходит в голову, из предположений, для чего же именно – чтобы не спрашивали, не приставали, не мешали работать, потому что один дурак может задать столько вопросов , что сто умных не ответят. С другой стороны, если сделали – стало быть, рассчитывали, что увидят, кто-нибудь и когда-нибудь. Получается так, что настала пора этого «когда-нибудь» и кто-нибудь это «что-нибудь» всё-таки увидит.

Трудно также сказать, что его вовсе никто никогда не видел –не только потому что никто не проговорился, но и потому что тот, кто знал, ни считал нужным поделиться своим видением, по разным причинам, из опасения преследований, как во времена первых христиан, вплоть до самой очевидной – «чего ж показывать-то, всё и так видно». Есть (было) много людей, в неосведомлённость которых поверить невозможно. Это десятки, нет, сотни, нет, тысячи выдающихся архитекторов, реставраторов, фотографов, знатоков, любителей старины и обожателей всяких хитростей. Чтобы не обидеть никого подозрением в непрозорливости, упомянем только нескольких, с которыми никто не посмеет сравнивать себя, и которые наверняка знали, но помалкивали. Это такие, как И.Э. Грабарь, В.В. Верещагин, П.Д. Барановский, В.В. Кавельмахер, С.С. Подъяпольский, Л.А. Давид (список всегда вопиюще неполон, даже если запятые после фамилий долго не сменятся точкой). Отчего помалкивали – их теперь не спросишь, может быть, всё дело просто в неосведомлённости автора этих строк, может быть, это общее место в учебниках по архитектуре (если кто-то после Витрувия их всё ещё пишет) или личное дело каждого.

Важность видимости этого невидимого – в том, что оно не из разряда трудностей при формировании изгиба конхи или состава антаблемента в связи с теоретическими задачами формообразования в практике строительства, а из группы несопоставимых по сложности задач передачи межпоколенческих навыков жизни, которые передаются следующим ещё хранящими тепло рук предыдущих, и эти навыки не могут и не должны быть вербализованы, записаны, высечены в скале – это всё слишком ненадёжно, речам, словам, буквам и знакам можно верить и не верить, опровергать, забывать и разрушать. Нужны не такие легкомысленные вещи, а сосчитываемые на пальцах одной или двух рук отрицательные запреты и положительные правила, которые работают как нож или топор: если сильно ударить себя по лбу острием, хорошо не будет, не стоит так делать, и наоборот, есть вещи, которые всегда надо делать так, как надо, никак иначе. Трансляция, передача этих навыков тем лучше и эф-

фективнее, чем менее она заметна для тех, кто их осваивает. В этой области с архитектурой может сравниться только природа. Живя в природе и в архитектуре, их можно не замечать, но нельзя сопротивляться их влиянию: не стоит на Таймыре в январе долго ходить по улице без шапки, это непременно продлится недолго. Не стоит архитектуру заменять бидонвилями – это тоже непременно продлится недолго. Пейзажи русских художников второй половины XIX века, писанные с натуры, работают теперь в музеях, а Пальмира и Колизей работают там, где стоят, зато для всех. В музее нужен экскурсовод, билет, какой-никакой вкус и любопытство, а Кижи или Ангкор-Ват втыкаются в любой мозг и что-то в нём делают, независимо от желаний обладателя, распорядителя и собственника мозга. Избегнуть влияния архитектуры можно устранением зрения или предмета рассматривания – как Спаса на Нередице или пирамид в джунглях. Правда, можно ещё изуродовать архитектуру так, что она онемеет и наоборот, превратится в пугало, но всё равно останется возможность восстановления, разглядывания, проникновения в суть, угадывания, фантазирования – а что там, под поздней тазикообразной крышей может прятаться, что-то ведь прячется, скрывается.

Доказать тезис, о котором пойдёт речь, – невозможно так же, как доказать, будто дважды два – четыре. Это нельзя опровергнуть, но нельзя и доказать, можно только согласиться – ну да, это так точно и есть, но как доказать – никто не знает, потому что это так.

Неизвестно когда, но по крайней мере в конце XV века (хотя есть подозрения и про самое начало XIII-го – Успенский собор Княгинина монастыря во Владимире) в России были построены сохранившиеся до сих пор (иногда неузнаваемо перелопаченные) здания сакральной архитектуры с применением фиксированного, сосчитанного количества подобных друг другу архитектурных элементов общим числом «33». Это в той или иной степени полукруглые закомары или кокошники, своими обводами почти полностью вторящие луковичным или шлемовидным главам независимо от размеров, иногда очень разнящихся. Само число – апокрифическое количество земных лет Иисуса Христа, и с его именем связаны посвящения Преображенских, Богоявленских, Предтеченских, Воскресенских, Благовещенских, Успенских, Рождественских и Бородицерождественских храмов. Кажется, более всего – Успенских, что позволяет решить непростую несколько оксюморонную задачу – как можно праздновать смерть, при том, что это не пляски на тему смерти врага, а кончина родительницы близкого многим Бога. Строительством Успенского храма знаменовалось воссоединение Матери и Сына в одном сооружении, все его 33 года снова с ней и в ней, в церкви: их встречу можно отмечать как долгожданный праздник (после Голгофы она прожила ещё около двух десятков лет, держа в голове Крест), как событие, не только могущее радовать кого-то, но и как пример для тех, кто готов это праздновать. Вера и разум здесь подталкивают друг друга во встречном направлении, а эстетическое совершенство санкционирует этот союз.

Но увидеть его трудно. Трудно было уже сразу после строительства – просто потому, что никто не обязан уметь считать до 33-х, во-первых. Во-вторых, с какой стати должна кого-то посещать мысль о том, что количество овалов и полуовалов можно и нужно подсчитывать, обходя мысленно или ногами вокруг церкви, что к сосчитанным 32 кокошникам (вместе с закомарами, когда они есть) следует прибавить одну (или две, как в Иоанно-Предтеченской в Кириллове, или три в Преображенской там же, или пять в Богоявленской в Ярославле и столько же в Успенской в Нижнем) главу на том только основании, что их рисунок на песке тождественен рисункам кокошников. Трудно потому, что по прошествии нескольких десятилетий сложное покрытие неизбежно ветшает, за ним надо ухаживать, появляется соблазн

упростить задачу, сделать крышу поровнее, желательно подешевле, совсем уж хорошо, если попроще, в общем, короче говоря, появление плоской крыши было неизбежным и ожидаемым событием. При одном условии – надо забыть о смысле сложной крыши. Что произошло раньше, строительство скатной крыши – или забвение, сказать теперь трудно, да и нет нужды. Важен результат. В Кирилло-Белозерском монастыре только одно завершение церкви соответствует начальному замыслу – в Преображенской надвратной церкви на берегу озера, восстановленной С.С. Подъяпольским. Успенская (та самая, с иконостасом), Владимирская, Иоанно-Предтеченская, Иоанна Лествичника надвратная (не вспоминая про остальные) не покрыты, а накрыты перевёрнутыми тазиками, казанами, сковородками, кубиками, закладками, подкладками, улучшениями в меру разумения, что всё вместе свидетельствует о полной утрате рассудка и веры у некоторых строителей и поновителей монастыря на протяжении двух-трёх столетий по крайней мере.

Когда появилась или проявилась эта черта возрастной зрелости в русской архитектуре – сказать трудно. Самые взрослые примеры, киевской, псковской, черниговской, новгородской архитектуры ничего про число «33» в своей архитектуре не говорят, или пока это незаметно. Единственный самый ранний намёк – успенский собор Княгинина монастыря во Владимире (1200), но попытка насильственно удревнить традицию до XIII века ни на чём не основана, кроме тезиса о высоте апсид, которая должна была быть характерна для древнейших церквей и только потому не могла не сохраниться в момент перестройки впоследствии, что очень уж убедительной и радостной для глаза получилась примерно в начале XVI века. Аргумент «так уж повелось» трудно признать достаточным для отнесения главных черт собора к XIII веку. «Вновь-возрождение-к-новой-жизни» – черта, свойственная любой архитектуре, памятники которой восстанавливаются и реставрируются после повреждений и утрат, полностью или частично, это даже не черта, характеризующая группу памятников, а просто перевод из руинированного в приличное состояние. И точно так же любая церковь, над которой возвышается крест, связана с именем Иисуса. Но начиная с XV века можно с полным правом говорить о том, что в русской архитектуре появилась мысль о возратности, вновь-обновлении, опять-обретении после катастроф и страданий самой возможности жить опять, хотя именно «жить опять» только что казалось немыслимым, после всего пережитого, то есть способность воспрять, восстать, распрямиться – оказывается связана с самой катастрофой, катастрофа становится необходимой для восстановления, отсюда сумрачность и упорство исихазма, логика «если–то» смещается в сторону «если» и мало не доходит до оправдания страданий и мук, потому что без них никак не настаёт новый этап и новое строительство. Особенно ярко эта строгая мысль проявляется в Успенских соборах, когда строителю приходится до начала проектирования согласить у себя в голове обжигающее, булькающее и кипящее масло мысли о страдании и весёлую идею ликования, убедив себя в том, что кончину (даже две кончины – Его и Её, хотя окончание плохо соединяется с вечностью) можно праздновать. Именно встреча увядания и распускания в одном архитектурном решении, когда надо сказать без слов, показать не пальцем, намекнуть не кивая головой и не размахивая глазами – многим строителям показалась, начиная по крайней мере с XV века, достойной того, чтобы к ней раз за разом возвращаться, придумывать варианты, где-то выставлять напоказ, а где-то – прятать надёжно, как в сундук. На протяжении XV, XVI и XVII веков традиция жила, сохранилось несколько десятков примеров (посчитать утраченное невозможно), а в XVIII веке она пресеклась, как будто корни выжгли огнём и вытравили кипятком, буквально ни одного нового сооружения, прокламирующего Успенский (Богоявленский, Благовещенский, Преображенский, Рожде-

ственский, Богородицерождественский, Введенский) праздник таким образом, нет (или не попалось на глаза, разве что в Казани две колокольни). Размытость нижней временной границы и отчётливость верхней – вероятно, о чём-то свидетельствует, но о чём именно, сказать нелегко, потому что квалификация эпох требует существенно большей квалификации знаний.

Поскольку доказать, что «33» – не случайность, не совпадение, не фальсификация и т. д. нельзя, остаётся показывать.

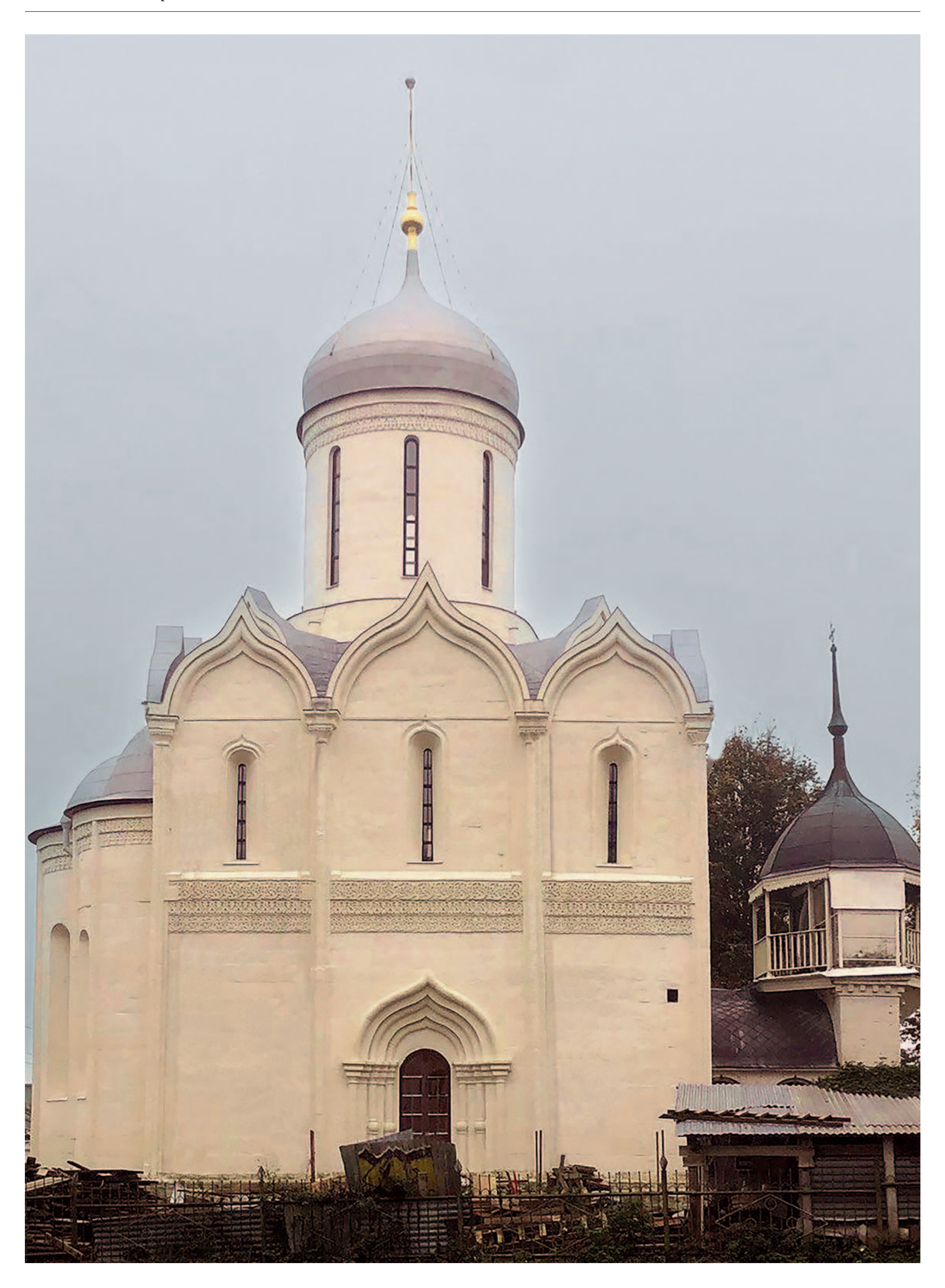
		≈
11	Успенский на Городке	1399
215	Рождественский в Саввином	1407
99	Троицкий в лавре	1423
25	Спасский в Андрониковом	1427
41	Троицко-Покровский Александровской	1427
61	Рождественский в Ферапонтове	1490
87	Успенский в Кириллове	1497
197	Малозаметная и малопонятная в Рождественском	1502
25	Рождественский в Рождественском	1505
241	Успенский в Княгинином	1510
295	Успенский в Ростове	1512
137	Алексеевская в Александровской слободе	1513
19	Никольский Николо-Пешношского	1525
61	Благовещенская в Ферапонтове	1531
123	Успенский в Старице	1530
327	Иоанна Предтечи в Кириллове	1534
375	Сергиевская в Свияжске	1556
221	Иоанна Лествичника в Кириллове	1572
53	Малый в Донском	1593
203	Придел Василия Блаженного	1588
229	Преображенская в Кириллове	1595
155	Богоявленская в Красном на Волге	1595
177	Иконолит Введенского в Серпухове	1599
247	Никоновская в Троице	1623
260	Евфимьевская в Кириллове	1646
273	Рождественская в Пояркове	1665
369	Михаило-Архангельская в Архангельском	1667
339	Успенская на Ильинской горе в Нижнем	1672
141	Петропавловская во Флорищевой пустыни	1692
383	Богоявленская в Ярославле	1693

УСПЕНСКИЙ НА ГОРОДКЕ СОБОР

Собор на пенсии, почивает на лаврах общегосударственной святыни, внутри Звенигородский чин неизвестного автора, здание успешно реставрируется; и истово, десятилетиями длятся споры о том, как он должен или может выглядеть. Двойственность возможности и долженствования к добру привести не может.

Во-первых, собор после реставрации остался с благоприобретённой в веках согбенностью – он на несколько десятков сантиметров короче, чем был в конце XIV столетия, о чём реставраторы не без гордости докладывали на публике. Несколько десятков – это не два десятка, а по крайней мере три. Или четыре-пять? То есть возможны и полметра? Тогда дама в новом шикарном платье и в кедах оправдывается тем, что не смогла сегодня после вчерашнего влезть в туфли на двадцатисантиметровых шпильках. Голова на шее (глава на барабане) заметно опустилась за истекший период, рост уменьшился, пропорции исказились, но королева – всегда королева, даже если позвоночник несколько утрамбовался и осанка поправилась не в сторону благолепия. А сантиметры – пустяки, это же не останкинский колосс на полкилометра, всего-то метров 20-30 в высоту, занудным интерессантам можно предложить включить воображение и представить себе, что церковь немного выше, чем она есть на самом деле, и что культурный слой и его рост в веках тоже надо принимать во внимание, да и люди с течением лет стали более рослыми, тут всё так, знаете ли, непросто, а вы со своими измерениями и дотошностью. Видеть надо внутренним зрением, а не внешними глазами, видимость обманчива. «Вы, голубчик, не выше, Вы – длиннее». Император может так веселить публику, а для архитектора такая гибкость несколько рискованна, прежде всего потому, что даже для стороннего наблюдателя решение очевидно: надо переложить барабан, добавив обозначенное (или необозначенное – тут можно спорить) положенное число рядов кладки, частично из старого кирпича, частично из нового. И потом, почему это шея вдавилась, а плечи остались? Раствор там такой же, нагрузки почти те же. Две, три, четыре сотни лет назад задача была бы решена именно так, и скорее всего с запасом на будущее по высоте, о чём только и имело бы смысл дискутировать, сделать так же, или повыше, на вырост, то есть наоборот, на «отрицательный рост». Всадник с головой в руках живописно выглядит в кино, неспешно перемещаясь по таинственному зелёному лесу или прериям, а в жизни на вторые сутки начинает попахивать, и тут уже не до красот.

Вросший в плечи барабан утратил ещё одну не портившую его когда-то вещицу. Это воротник, жабо, на худой конец не на место (а на шею) надетая корона из восьми кокошников, в изначальном существовании которой трудно усомниться. Дело в том,



что такое украшение, однажды увиденное или подсмотренное, уже не удастся вытравить из памяти – оно не только врезается в глаз, но и очень полезно, потому что прикрывает основание барабана и переход от круглого светового отверстия в сводах, накрытого обычно кольцом (в Троице – прямоугольником), эстетически ненагруженным: если пояс нельзя спрятать, его надо подчеркнуть. Кокошники, похожие на вертикально поставленные листья, стрелками верхушек повторяют ритм щелевидных окон, немного возвышаясь над линией их подоконников, и разбавляя вертикальные линии световых проёмов своими элегантными заострениями или хоть полукружиями. В Успенском на Городке их нет. Видимо, не хватило кирпича. Но это полбеды. Главная беда ниже.

Это диагональные кокошники, они же закомары.

Издалека и вблизи, прямо и с углов – второй ряд кокошников умело прячется от наблюдателя, они словно нарочно поставлены так, чтобы не показываться на глаза.

Есть только один известный нам случай успешного применения диагональных кокошников – это отлично отреставрированный Успенский собор в Старице. Вот уж где удалось в середине XVI века сделать из церкви праздник средствами архитектуры при помощи настырной рассимметрии и почти произвольных углов поворота деталей, в том числе диагональных кокошников (см. ниже). Во всех остальных (немногих известных нам для XV века) случаях применение диагональных кокошников не выглядит естественным, уместным, стоящим на плечах традиции.

Глава часто сдвигается в сторону апсиды, из-за этого прясла получаются разной ширины, чтобы поровнее подпереть будущую главу, уже на стадии фундамента соответственно под неё сдвигаются столпы; кольцо под главой, встав на арки, опирается всё-таки не целиком на всю верхнюю площадку столпа, а на его краешек, оставшаяся часть площадки поддерживает, тоже через арки, то, что сверху, потом, уже на крыше появится между барабаном и закомарами. При обычном, естественном течении мысли, не измученной соображениями экономии, оставшаяся площадь верхушек колонн может быть использована как опора для второго ряда закомар, которые теперь уже можно называть кокошниками, поскольку они часть декорации, а не конструкции, и размерность их допускает согласование с несущей способностью сводов. Именно эта возможность пропадает при использовании 4 диагональных (иногда и 4 центральных) кокошников во втором ряду. В зависимости от постановки столбов (скорее в углах или скорее по сторонам, что редкость) или те, или другие повисают на раскрытых перенапряжённых руках, как гимнаст над бездной, выполняющий упражнение, напоминающее прописную букву «Т» – вся тяжесть или диагональных, или центральных, может быть, и тех, и других кокошников рассчитывает только на крепость рук (сводов), а висеть приходится долго, веками. С этим связана и этим объясняется диковинная геометрия второго ряда кокошников в Успенском соборе (да и в Троице тоже). Угловые диагональные кокошники жмутся к краешку здания, к соседям поближе – к закомарам слева и справа, чтобы использовать несущую силу смежных стен, не удаляясь от них; а центральные как магнит притягивает к себе барабан. Отползти от геометрического диктата каменных масс невозможно, никакой сопромат не поможет отодвинуть диагонали от углов и центральные от барабана, конструкция управляет декорацией, не наоборот. В итоге зрительная доступность и диагональных, и центральных кокошников растворяется в пространстве игры в прятки трёхлетних детей, закрывающих глаза вплотную приставленными ладошками: «Ку-ку, меня нет». И напротив, по три кокошника с каждой стороны света, параллельно закомарам можно аккуратно поставить на опору с подвышением по отношению к ним, все 12 штук придётся сделать поменьше, они уже поэтому будут выглядывать из-за закомар, то один кокошник, то соседний, то левым боком, то правым. Доказать, что кокошников второго ряда должно быть тоже 12 – трудно. В первые две-три сотни лет существования собора ремонтные работы не включали в себя археологического интереса и представлений об исторической или эстетической ценности: главная цель – спасти и накрыть в меру разумения и давления технологических перемен на представления о прекрасном, побыстрее и попроще. Последней точкой на этом пути стали скатные крыши и стропильные системы, махом сносившие особенно зловредные верхушки закомар. А промежуточные точки – перестройки XVI и XVII веков (уж про XVIII и XIX говорить не приходится, не вспоминая про XX, когда бомбардировки стали ковровыми). Естественно, реставратор не может «из головы» брать форму, ему нужны остатки, бумаги, на худой конец очертания на иконах. Спорить с этим запрещает

Венецианская хартия. Но даже она не может запретить думать. Если остатков нет, а сохранилась только скатная крыша – её и надо беречь? Не слишком ли накладно – при огромном размере утрат ориентиром брать явно худший, доказательно худший промежуточный вариант из какого-нибудь XVI или XVII века, спасая не начальный вариант 1399 года, определивший, создавший качество памятника, а брезент, которым его накрывали от дождя сразу после изобретения ткацкого станка, который сам по себе, безусловно является тоже памятником, но всё-таки только ткачества, а не того, что накрывали. Доказательство правомерности 12 кокошников во втором ряду – строительно-архитектурная логика, даже не баланс масс, и не прочностные характеристики, а согласованность друг с другом и во времени деталей и процессов, когда одно естественно тянет за собой другое, не оставляя возможности отвильнуть от правильного пути не потому что он верный, а потому что он единственный – зачем на ровном месте делать плохо, если можно сделать хорошо? 12 кокошников второго ряда – хорошо, 8 (или 4) кокошников второго ряда – плохо, и это не магическое заклинание, от повторения которого должно помутиться в глазах, а честно установленные на ровной поверхности выверенные весы, и 12 перевешивают не потому что работают на «схему 33-х» (12+12+8+1), а потому что пока внутри стен меж столпов видно небо – есть выбор, как сделать, 12 или 8. И ни один человек, взвешивавший в руке кирпич, пока другая рука удерживает на весу мастерок с раствором, не выберет 8, это какое-то... антиблаголепие, какая-то несуразица, нестыковица, нелепица, сущая каракатица, которая никуда не катится.

Немного неприлично ссылаться на авторитеты для обоснования своей точки зрения, но на А.С. Щенкова можно. Примерно во второй половине 90-х годов XX века Алексей Серафимович с супругой, Ольгой Павловной, во время личной беседы долго рассматривали свежие фотографии Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря, и не просто скептически, а с некоторой ноткой гневливости, которую невозможно было от них ожидать, даже едва ли не с возмущением отмечали присутствие в соборе именно диагональных закомар, используя при этом указательные пальцы правых рук, не без риска убрать эти диагонали хотя бы с фотографий. Тема беседы (подробности издания книги по истории реставрации) не позволила вникнуть в суть разногласий с автором реставрации, но чужеродность закомарных диагоналей Рождественского собора твёрдо отпечаталась в памяти.

Неявно, невнятно, сквозь зубы и не разжимая губ пишущие об архитектуре XV и XVI веков проговариваются (или можно сделать вывод, что нехотя признают), что от XV века остались слёзы в основном, что здания перестраивали много раз, перекладывали барабаны и переделывали главы, надставляли стены и расширяли узкое, зауживая широкое. Единственное, чего избегали – раздвигать фундаменты. Мотивация перестроек простая – ветхость сооружения, обременительность ухода, бедность прихода и невозможность прохода, если прибудет сам великий князь, а тут и рынду некуда поставить для приёма. В понятие ветхости первым включалось покрытие – если прохудилась крыша, беды посещают каждый уголок внизу, хоть летом, хоть зимой. Если поставить закомару наискосок – их общее число становится меньше, хлопот, денег, материала, мастеров, всего требуется меньше. К этому надо добавить разного происхождения бедствия – войны, стенобитные орудия, пожары и т. п., после которых состояние строительного дела не всегда было в числе насущных забот.

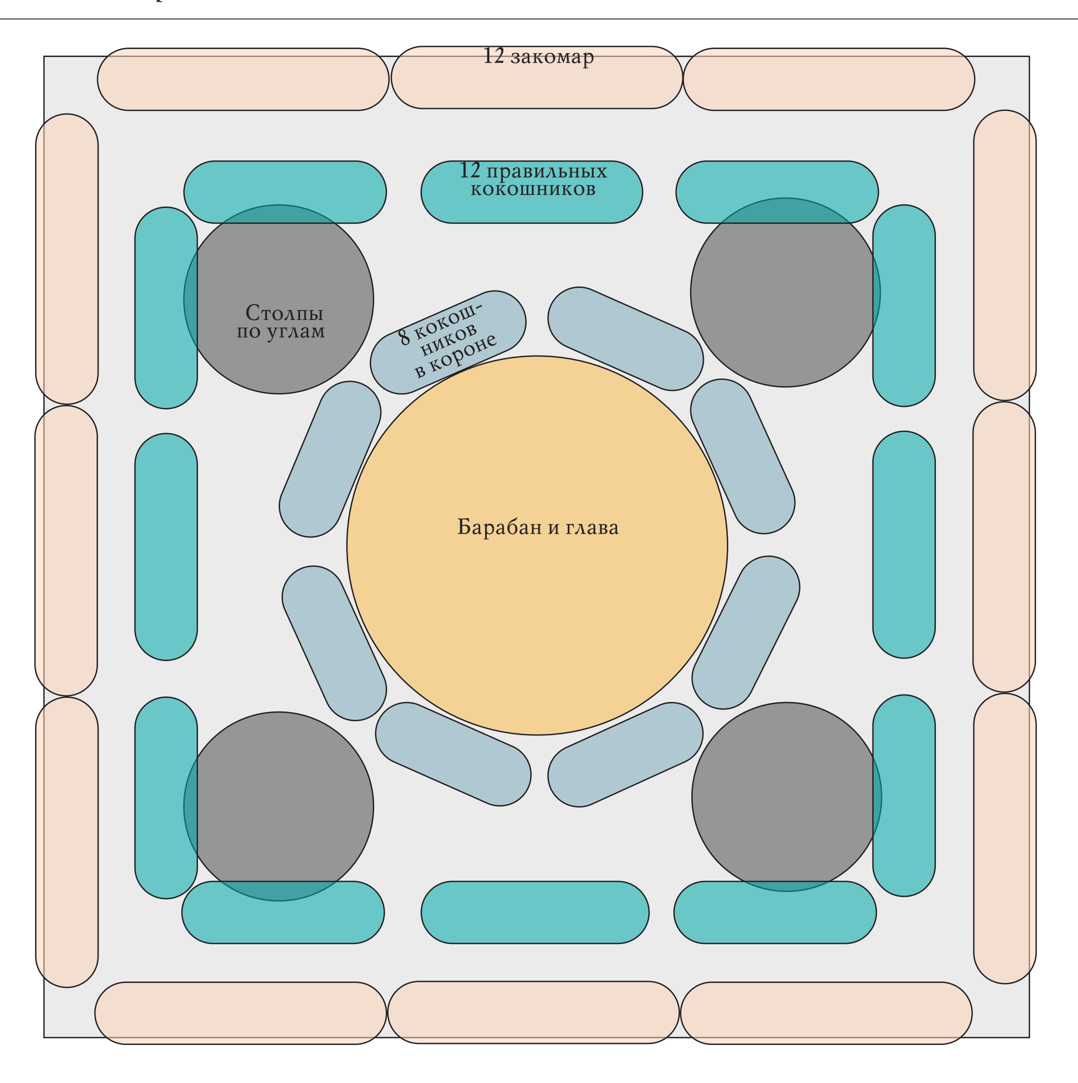
Поэтому мы считаем правомерным предположение, что почти все церкви перестраивались, и в момент перестройки в XVI и XVII веках покрытия упрощались, удешевлялись, ухудшались, потому что параллельно строились новые церкви, куда уходили деньги, люди и материалы.

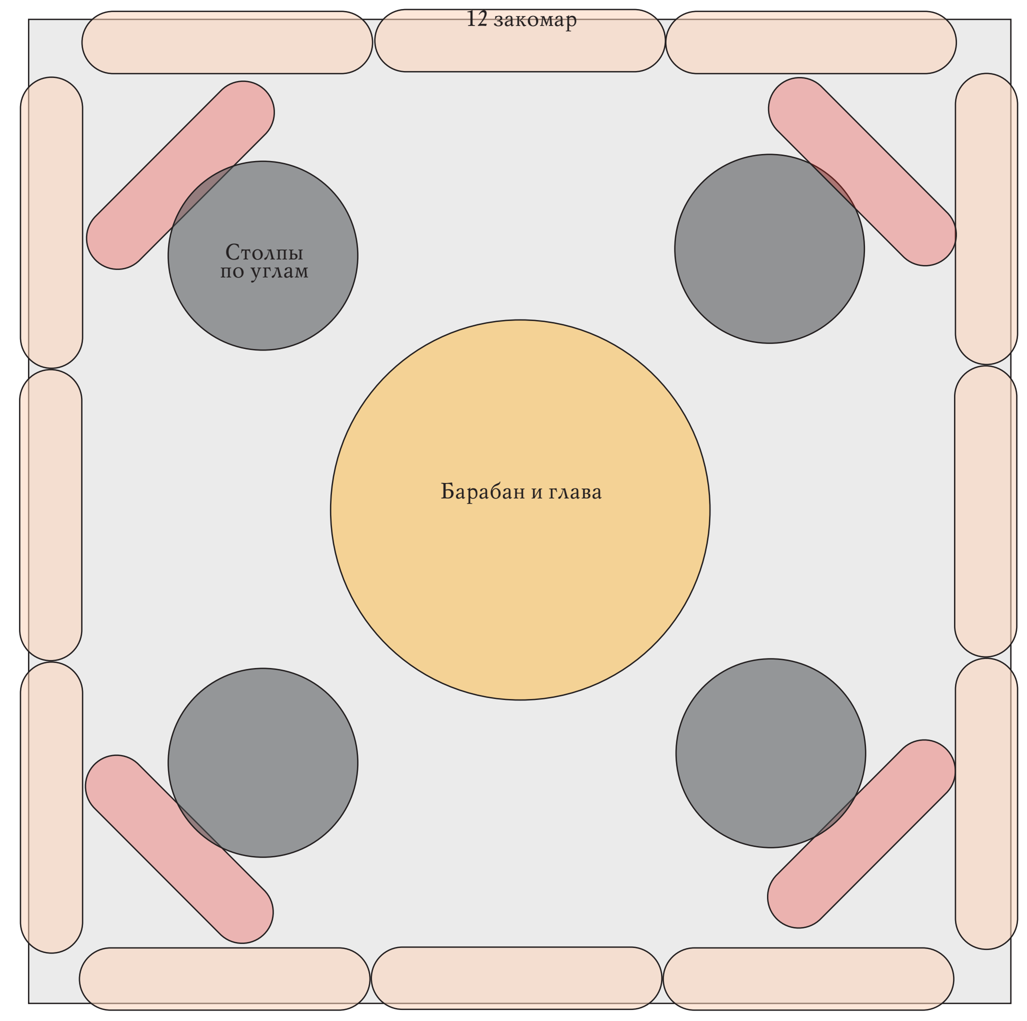
Для начала XV века примеров не так много. Успенский на Городке, Рождественский в Саввино-Строжевском монастыре, Покровско-Троицко-Покровский в Александровой слободе (в этом соглашаемся с М.А. Ильиным и В.В. Кавельмахером), Троицкий в Троице-Сергиевом монастыре в Сергиевом Посаде, Спасский в Андрониковом монастыре. Черниговско-псковско-новгородские церкви всеми своими массивами в этом ряду не участвуют.

Для XVI и XVII использование числа «33» в архитектуре не вызывает сомнений. Сомнения вызывает именно XV-й. Ренессансный характер архитектуры всех трёх веков с пиками в Коломенском и на Красной площади можно не трудиться доказывать, XVI век наследовал XV-му, и в этом-то веке, в XV-м – возрожденческие умонастроения должны были из чего-то вырасти, с чего-то начаться, от кого-то переняться, даже если с неба упали – кто-то должен был подхватить и отнести в тёплое место. Феофан Грек и Андрей Рублёв – не просто богатыри, раззудившие плечо и размахнувшие талант на полтысячелетия пока, их живопись должна была быть понятной зрителям, для которых они писали. Танк Т-34 не может быть построен для людей, использующих гужевой транспорт, они уже должны были привыкнуть к рычагам и педалям. Если живописцы ренессансные, стало быть, и какие-то части общества – ренессансные, и архитекторы тоже, итальянцы, русские или немцы – неважно, все гости на земле. Начиная с Успенского на Городке, все упомянутые церкви – возрожденческие, и (предположительно) с них должно было начинаться использование числа «33» в архитектуре. Недоказуемость этого предположения по размеру, по весомости меньше, чем его логическая обоснованность: откуда ещё могла взяться традиция уже к 1490 году в довольно далёком Ферапонтовом монастыре, в Рождественском соборе, спустя не так уж много лет, время жизни одного-двух поколений после Троицкого и Спасского соборов? У С.С. Подъяпольского в макете Рождественского собора, правда, 36 кокошников (не 32), но и эту ошибку он исправил в макете Успенской церкви Спасо-Каменного монастыря. Рождественский собор построен уверенной, не пробующей рукой, форма найдена не наощупь, а по привычке, по уже существующему лекалу, прошедшему проверку и признанному удачным.

Успенский собор на Городке имеет в нижнем ряду над стенами 12 закомар, по три на сторону света, 8 кокошников под барабаном признаем пока стеклянными, неразличимыми, но необходимыми. Между барабаном и закомарами пока ничего в проекте нет, думаем, поскольку всё предположительно, вот и предполагаем. Внизу, внутри, ровно под этими пока пустыми местами – 4 столпа и от них вверх идут сложновыведенные арки к серединному отверстию для света и барабана, а к стенам – другие арки, чтобы покрытие было сплошным. Вес барабана и относительно массивных закомар приходится на стены и серединные арки, а между ними столпы не поддерживают пока ничего. Можно, конечно, поставить, пользуясь прочностными характеристиками кладки столпов и сводов, выведенных с большим запасом, во втором ряду в углах диагональные и посерединке параллельные закомарам кокошники, и их будет не 12, а 8, но нагружать они будут не столпы, а своды на весу, между столпами. Поэтому лучше, проще, надёжнее, красивее будет ровно на столпы поставить второй ряд кокошников, по краям, над сводами, помельче, центральные, за средними закомарами, побольше. 12 закомар + 12 кокошников среднего ряда + 8 стеклянных + глава = 33 апокрифических года. Собор-то – Успенский, где же ещё и быть празднику воссоединения, как не здесь, а для этого нужны не диагональные кокошники, а правильные, прямые, и тогда всё встаёт на свои места.

Примерные схемы зданий с 12 и с 4 кокошниками (апсиды и сдвиг главы на восток условно не показаны):


12 закомар
12 правильных кокошников
Столпы по углам
8 кокош-ников в короне
Барабан и глава


12 закомар
Столпы по углам
Барабан и глава

НИКОЛЬСКИЙ СОБОР ПЕШНОШСКОГО МОНАСТЫРЯ

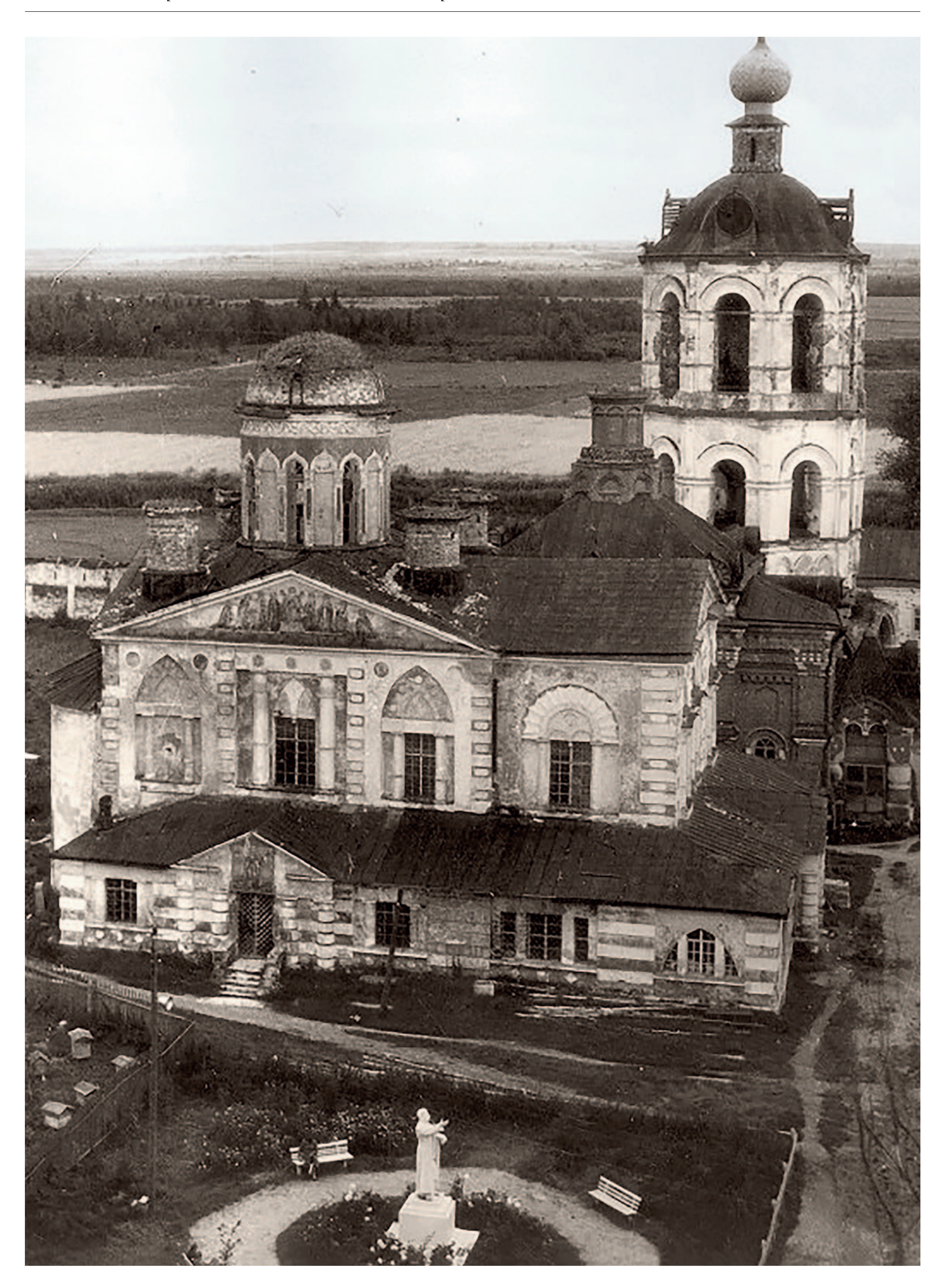
Крышепортикоколонная болезнь Никольского собора Николо-Пешношского монастыря в начале XXI века почти прошла, но раны и увечья, ею нанесённые собору (первая четверть XVI века, то есть несколько десятилетий спустя после росписи Дионисием Рождественского собора), пока не все затянулись и не всё восстановилось.

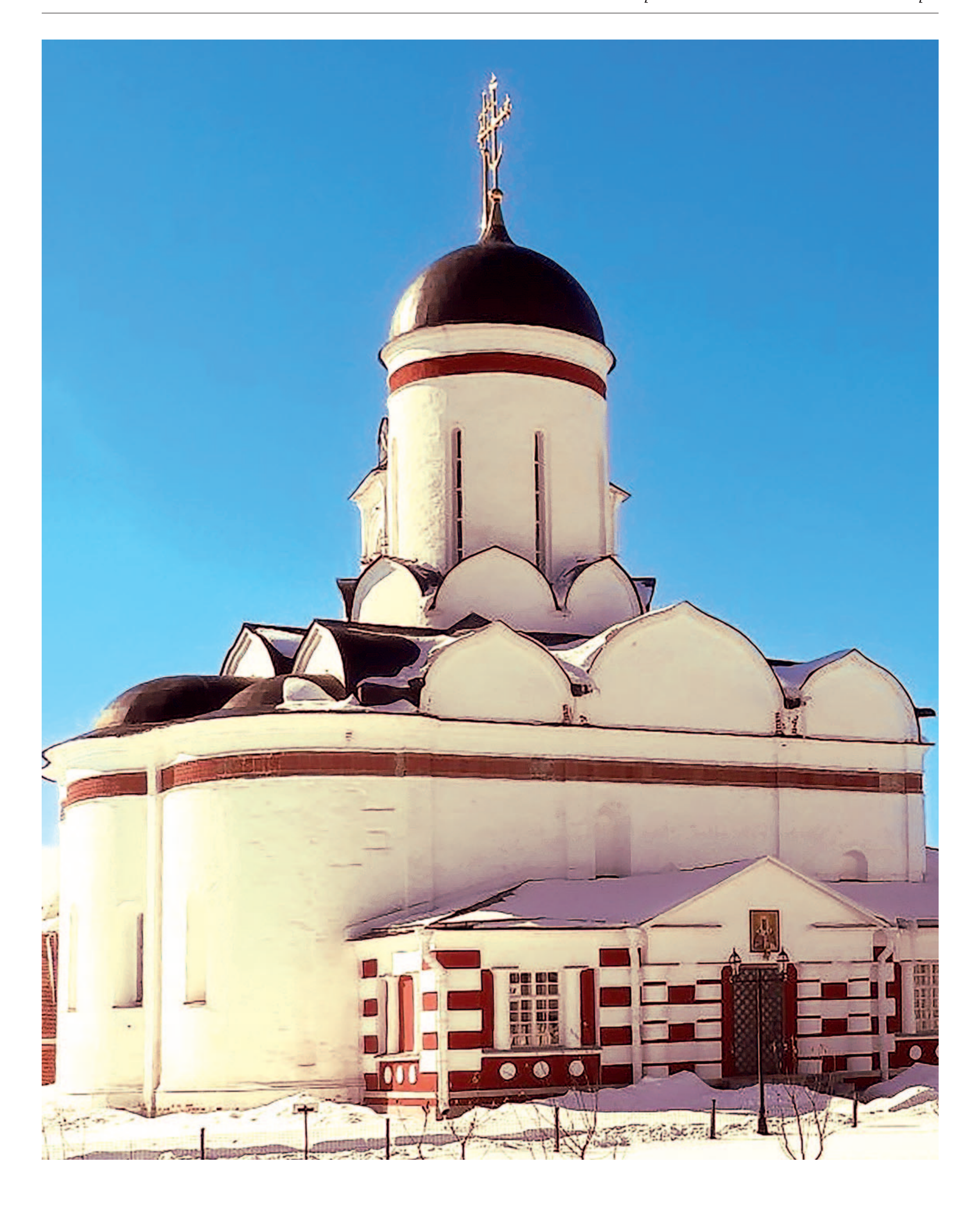
Многовековая жизнь здешних зданий, и как некоего единства, и каждого в отдельности, являет собой пример удручающего постепенного измельчания мысли, умирания способности видеть взаимосвязи и взаимозависимости как изнутри, с соседями, от разных центров, так и снаружи в центростремительном направлении. Дело не в том, что нос Ивана Ивановича надо пристроить куда-то ещё, и он станет чудо как хорош, а том, что постепенно истаивало умение видеть форму куском, не комбинацией деталей: не очелье наличника славно смотрится на фасаде в комбинации с рундуками и вальмовой крышей, а само лицо или прекрасно, или безобразно, и разглядывать надо не нос, губы, глаза и уши, а лицо – и человека, и здания. Это умение сохранилось почти у всех применительно к людям (смазливость определяется за полсекунды), а применительно к домам хуже, плохие примеры испортили глаза, возмутительное стало привычным, безобразное из языка вернулось в жизнь – потерялся образ, «и умным кричат – дураки-дураки, а уж дураки незаметны», архитекторы выучились у хирургов – любую деталь можно воткнуть в форму, что станется с лицом – дело девятое.

Фотографии монастыря конца XIX – начала XX века радуют целостностью деталей и сооружений, и немного озадачивают нежеланием строителей ассамблировать то, что было – с тем, что будет, умеривая революционность собственных представлений о прекрасном. Прядильное веретено само по себе не плохо и не хорошо, оно полезно. Простота его вращательного формообразования может быть привлекательна для не знавших ещё лепки детских пальцев, но вовсе не для умножения церковных куполов весёленьких очертаний, в небо не надо тыкать остриями веретён, ему, может быть, больно.

На Никольском соборе в конце XVII века поставили 4 экстраординарных главы. Как строители объясняли хотя бы самим себе необходимость водружения дополнительных барабанов и глав – можно не пытаться вообразить и нафантазировать. Кому станет лучше и легче от превращения пятиглавия в правило и норму – если такая мотивация присутствовала – ни угнетённый неверием, ни просвещённый воцерковлённостью мозг постичь не в силах, никакая нумерология не объясняет преимущества пятёрки над единицей, просто потому, что единица всегда больше, ибо включает в себя (со всех точек зрения) все остальные числа. Делить нельзя только на ноль. На единицу можно делить всё.

Но как бы то ни было, пять глав появились, вероятнее всего, центральная подросла на несколько десятков сантиметров, не исключено, что и скатная крыша с изысканнейшими фронтонами тогда же сменила закомары и прочие излишества нехорошие, вроде восьми кокошников у основания барабана центральной главы. Четыре молодых главы поставлены не без выдумки. С запада на восток общие два ската объединяют четверик и притвор на западе, конёк выведен одной линией. Восточные малые главы отстоят от конька дальше, чем западные, и восточная пара ближе к обрыву восточной стены над апсидами, чем западная (совсем немного) – к западной. Предположить, зачем проявлена такая изобретательность – трудно; первое и последнее, что приходит в голову – так давным-давно (почти два века назад) поставили столпы на землю, и, чтобы не нагружать своды перекрытия, главы опёрли прямо на них, то ли краешками, то всей площадью окружности. Для установки глав и фронтонов надо было избавиться от всех закомар и кокошников, они давно опостылели зодчим фронтонов из-за дороговизны кровельных работ, что и было исполнено. От закомар остатки благополучно остались, на них улеглись украсно украшенные кирпичные фронтоны, а использовать старые своды перекрытия, просто разместив поверх них новые главы, не удалось. Не надо семи пядей во лбу, чтобы понять, что кирпичные бочонки даже с очень тонкими стенками (всё-таки способными держать главы) лучше





поставить прямо на столпы – а не на своды и арки. Поэтому от закомар и кокошников под барабаном остатки можно отыскать, а от промежутка между ними – ничего не осталось именно из-за появления четырёх малых глав на месте среднего ряда из двенадцати кокошников.

Негодный из-за этой лакуны силуэт собора своей вопиющей ущербностью недостаточно повелительно требует восстановления правды, потому что от цельного восприятия формы отвлекает ещё одна беда с трёх сторон. Не смысла выяснять, кто, в каком веке, для чего построил рустованную кавалергардию под видом гульбища. Она уродлива сама по себе, уродлива в соседстве с собором, сверху, сбоку, отовсюду. Если истина выяснится и фамилии будут названы, позор смыть будет невозможно, торжество эстетической беспомощности и незрячести ляжет пятном на целые эпохи и века. Беречь эту архитектурную гримасу – всё равно что лицезреть (и даже пытаться наслаждаться зрелищем) красные трусы с надписью «Adolf Daßler» на статуе Венеры Каллипиги – с какой стати?

В 50-е годы XX века ложнокаменный Демосфен в шинели (на пьедестале в палисадничке) настоятельно указывал дорогу, по которой следует шагать всем (с. 22).

В 2005 году в стенах и за стенами монастыря ещё бродили и гримасничали сумрачные клиенты насильственно-оздоровительного учреждения с синеватыми лицами и повадками недоубитого шакала, которые (клиенты), как и собор, пострадали от недуга безмысленной жизни. Ярче всего бессмысленность отразилась на облике Никольского собора, искажённого гримасой боли, видимо, в XIX веке. Смешение всего всегда везде во всех формах, от беспомощности именуемое иногда эклектикой (поскольку набор обрывков стилей не может быть понят как самостоятельный стиль), накрыло Никольский собор скатной крышей, налепило несколько малых глав, учинило стрельчатые очелья наличников, не позабыв, конечно, про всеукрашающие колонны, колонки, полуколонки и всякие прочие штучки округлой и продолговатой формы. Результат валит с ног, но очень подходит, как нельзя лучше подходит для лечебно-трудового профилактория с охраной в погонах под белыми халатами. Любуйтесь, так сказать, исцеляйтесь ужасно прекрасным.

Реставрация начала XXI века преобразила собор. Но скупость остатков декора и тщательность прошлых перестроек не оставила возможности восстановить главное – общий образ. Его портит, убивает, насмерть опошляет кавалергардия. Так же уместна была бы композиция из металлических гаражей-ракушек у подножия церкви Покрова-на-Нерли, аккуратненько так, пяток-другой, поближе к воде вполне можно было бы поставить – как памятник эпохе. Морские контейнеры ещё очень убедительно бы смотрелись, не говоря уж про парочку пятиэтажек и спортивный городок. И столбов, столбов побольше, да с проводами.

Уже сейчас белая махина начала XVI века, цепляясь слабыми пока руками, карабкается в ряд безусловных шедевров столетия, которых отнюдь не сотни осталось, чтобы можно было пренебрегать строительными нормами того времени просто потому, что нет остатков. Где второй ряд кокошников, числом 12, между закомарами и восьмёркой под барабаном? Ну и что, что его нет в остатках? При таком подъёме восьмёрки, при таком расстоянии от закомар до барабана в короне кокошников, что там можно поезда пускать, – просто не может не быть среднего ряда, по три с каждой стороны света, согласованные размерами с закомарами пониже и с восьмёркой повыше, у основания барабана.

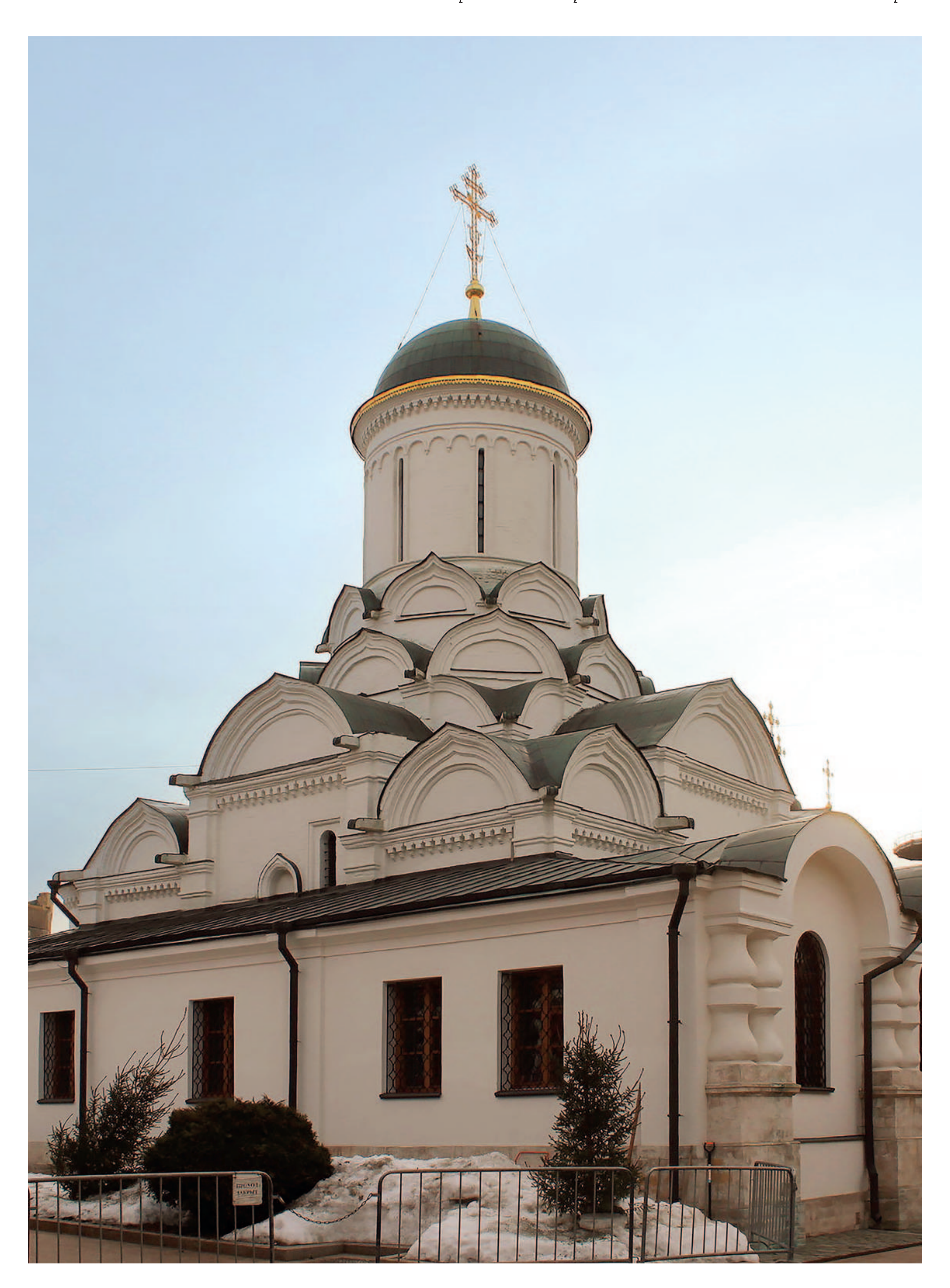
Вот когда этот ряд появится, когда смоется позорное пятно кавалергардии, тогда только собор распрямится, встанет во весь рост, расправит плечи, оглядится окрест улыбнётся и прошепчет:

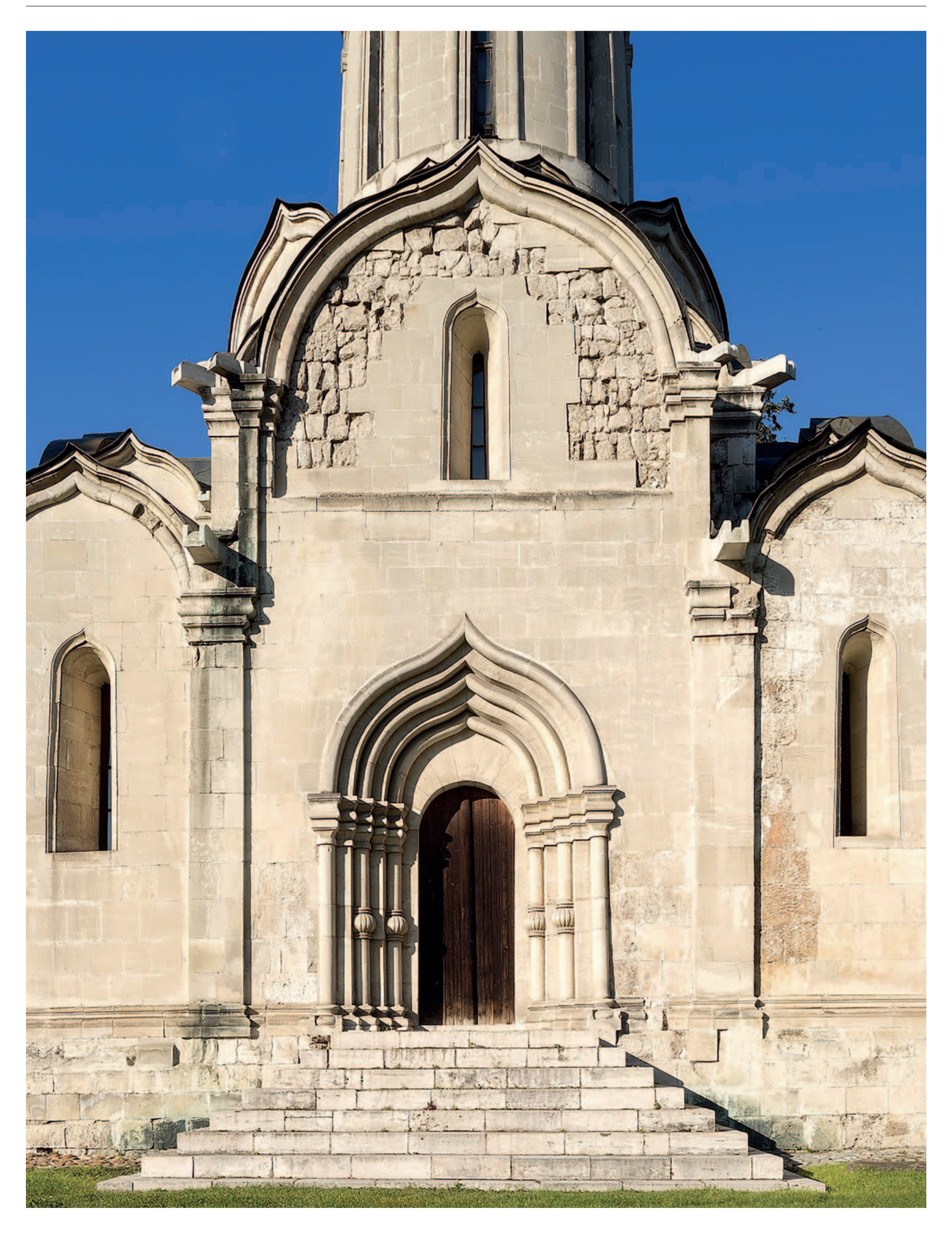
«Ну наконец-то!»

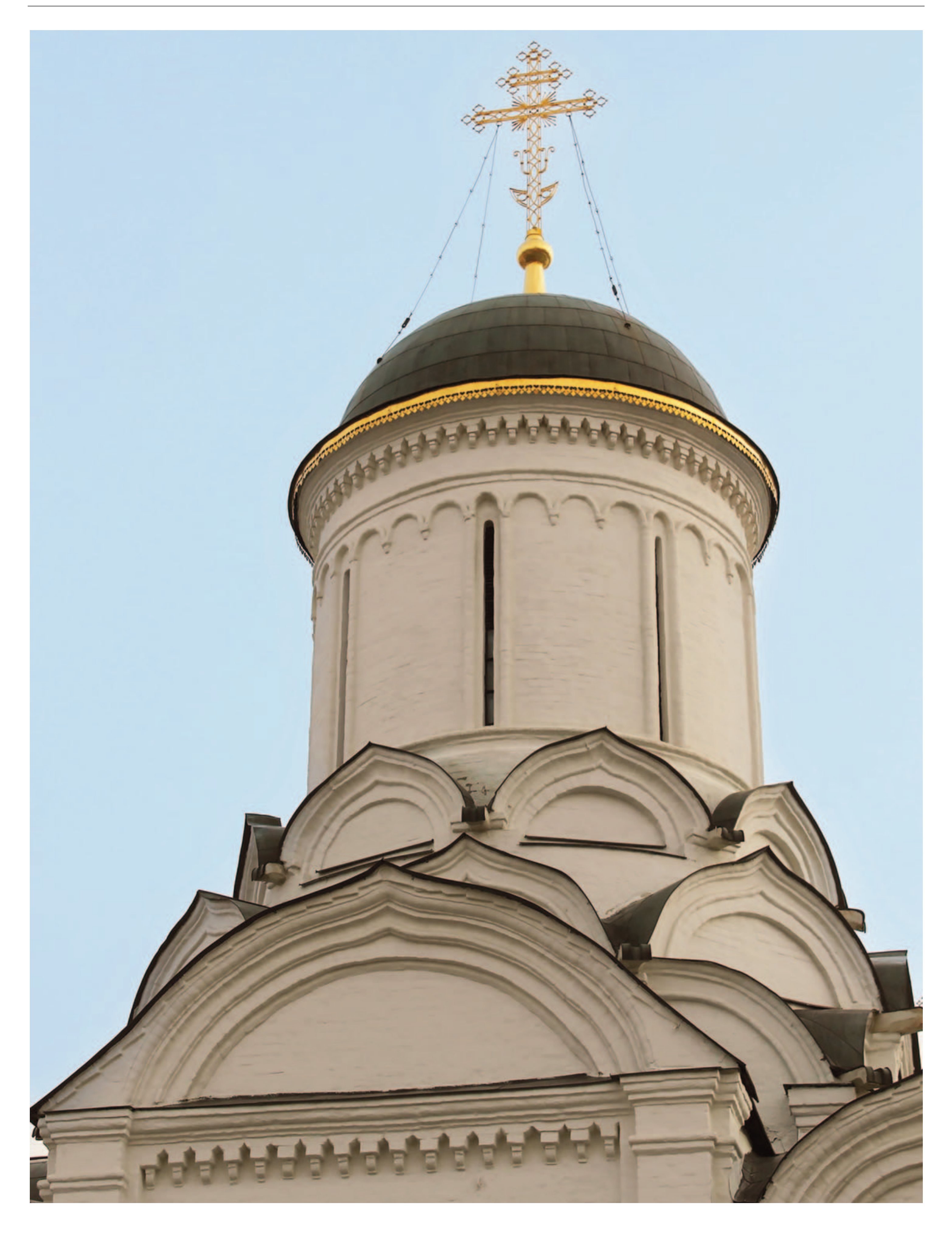
ДВА СОБОРА

Редко доводится видеть более совершенное, безупречное доказательство. Правило внимательного отношения к числу «33» действует. Всё, что после реставрации Рождественского над четвериком – просится быть сосчитанным, причём во втором ряду половинка – это половинка, а не целое. Не всё, что после реставрации Спасского собора находится над четвериком – просится быть сосчитанным. Кое-что в экспериментально-демонстрационных целях можно умственно элиминировать – не для того, чтобы зрительно улучшить образ, как раз наоборот, в результате экспериментов образ становится несравненно хуже, – а для того, чтобы подтвердить, насколько сопоставима бывает гениальность первостроителей и реставраторов половину тысячелетия спустя после возведения собора. Здесь на Спасский собор надеты полупрозрачный барабан и глава Рождественского собора, идеально подходящие по высоте и почти скрывающие верхний ряд из 10 маленьких кокошников.

Надо ли лишний раз указывать на сходство соборов и стоит ли снова и снова подсчитывать число полуовалов закомар, кокошников и глав там и там?







Реставраторы Спасского собора, как и его строители когда-то, имели в руках число «33» и руины, мало помогающие восстановлению формы. Безжалостное время всегда имеет имя и фамилию, бесчисленные имена и фамилии людей, которые с честными и благонамеренными усилиями день за днём вынимали по камушку и по кирпичику смысл из того наследия, которое для создавали именно для них. И вынули.

Соборная церковь Рождественскаго монастыря въ Москвѣ.

Вторая половина 16-го вѣка.

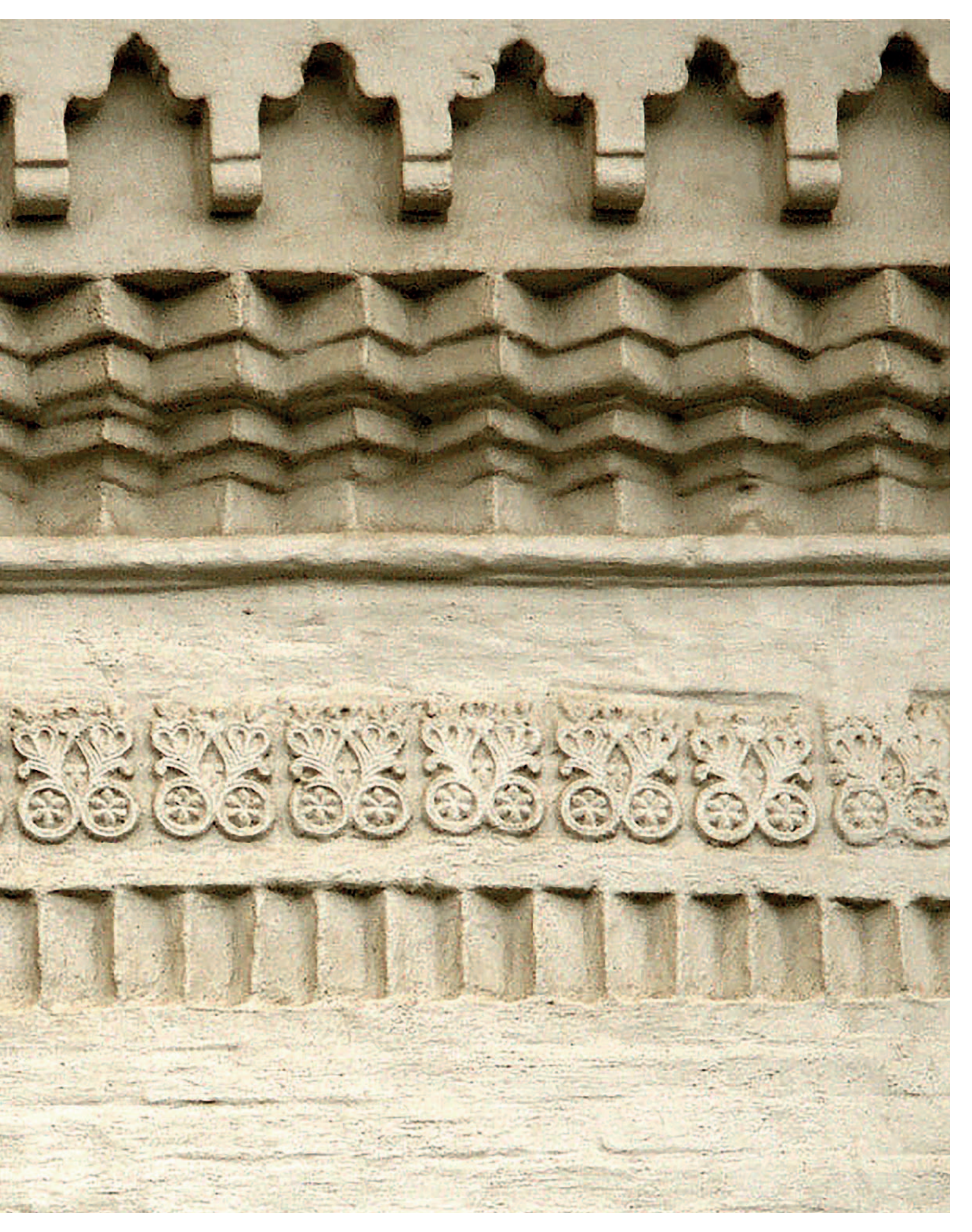
Ровно то же самое было и в Рождественском соборе.

Реставраторы должны были, как паразиты, проникнуть под кожу строителей начала XV века, понять устройство их мозга, почувствовать их вдохновение, вставить себе их глаза, простить безумцев, натворивших таких дел за прошедшие века, и сделать не так же, как те, почти шестьсот лет назад, а лучше, потому что годы-то про-

шли; неужели за столько лет люди ничему не научились, ничего не поняли нового в красоте, на насмотрелись по миру, наконец, не выучились чему-то новому по сравнению с древностью. И ведь сделали. Поймав стрелу, летевшую ввысь с XV века, они продолжили движение, и удлинив барабан, и сделав много окон в нём, и увеличив число кокошников в основании барабана. Посчитать их всё равно

трудно – и никому в голову не приходит заняться подсчётами, все улавливают только высотное направление и всех охватывает недоумение: «Так выходит, что же, это мы теперь – наследники вот этого?»

Иной раз хочется и призадуматься: а точно Рождественский построен чуть не на сто лет позже?



Конечно, соборы Спаса Нерукотворного образа Андроникова монастыря и собор Рождества Богородицы похожи, как разновозрастные братья. Первый (1427 г.) белокаменный с забутовкой, второй (1505 г.) смешанный. Всё их невиданное и неожиданное для непосвящённого очарование – в завершении, в кипящих и булькающих кокошниках, наставленных, кажется, как попало, но тем не менее образующих вполне строгую

и правильную структуру, как пчелиные соты. Отвлекаться, конечно нельзя, но всё же если отвлечься от пропорций, материала, высот, декора, порталов и прочих крупных мелочей, то они становятся уже не братьями, а близнецами, черты которых разнятся только из-за по-разному прожитой жизни. Настоящих отличий всего три.

(1) Горка Рождественского собора более плавная, размеры кокошников близки. Гора Спасского собора изобилует пропастями и обрывами, малые кокошники поместятся в плоскости больших раза три.

(2) Считая снизу, третий ряд кокошников Рождественского собора сдвинут по кругу по отношению к четвёртому (который заметно меньше) на полразмера, поэтому в третьем ряду кокошники то побольше, то поменьше, через одного.

(3) И, наконец, третье отличие: в Рождественском соборе явно присутствует число «33» (12 в нижнем ряду, 8 половинок во втором, два раза по 8 в третьем и четвёртом + глава), а в Спасском оно скрыто – в нём десять «лишних» кокошников под барабаном.

Поскольку Спасский собор, видимо, старше, ему досталось больше от усовершенствователей, новых видетелей красоты и самоотверженных спасателей, награждённых судьбой безрассудной отвагой и бессмысленным упорством: надо всё накрыть попроще и поплоше, лучше скатной крышей, чем гнутой, выемки заложить, выступы сровнять. Результат виден на фотографии 50 годов XX века: «Чур, чур меня, сгинь, пропади, нечистая сила».

Нужен ли пятый ряд кокошников, сказать могут только авторы и равные им реставраторы (Л.А. Давид, Б.Л. Альтшулер, С.С. Подъяпольский, М.Д. Циперович).

Они восстановили по натурным остаткам кокошники (8) на боковых стенках центральных закомар (12). К кокошникам восьмерика (8) надо прибавить восемь половинок (4). Как бы ни хотелось «за уши» притянуть и сюда число «33» – ничего не выходит, их 42. Неслыханное, даже пугающее совершенство проекта конца 20-х годов XV века моментально наводит на мысль об иноземном происхождении строителей и, следовательно, интегрированности домашнего быта русских князей и княгинь в европейскую жизнь задолго до Микельанджело и Леонардо.

Правда, маленькая, полузасохшая мысль ещё шевелится: 10 верхних кокошников – самые тонкие, по 20 сантиметров толщины и не перевязаны кладкой с барабаном, прислонены к уже готовому, как было в Успенском соборе на Городке. В наличии их сомневаться не приходится, реставраторы их не придумали. Но были ли они в первоначальном проекте – никто не ответит. Форма нынешнего барабана (с наклоном стенок кверху), его непривычная, уходящая от равенства длины и ширины, высота (позаимствованная, вероятно, у перестроенной главы Троицкого собора Посада вместе с 10 окнами) прямо-таки заставляют предположить: если убрать вовсе верхний ряд кокошников, а барабан сделать шире, почти до диагональных кокошников, то число «33» таки образуется. Не восстановлен ли Спасский собор на тот период, когда уже начались скорые переделки, ведь реставраторы не раз отмечали, что в забутовке за белым камнем – детали предыдущего сооружения, попавшие туда, может быть, уже через несколько десятков лет, после какого-нибудь пожара и обрушения барабана и сводов? И датированный 1427 годом собор выглядит и восстановлен на начало или середину XVI века?

Это не умаляет подвига реставраторов, но оставляет маленькую площадочку для утешительного восклицания – «А всё-таки! А может быть!». И именно сопоставление с барабаном Рождественской церкви (сбоку – квадрат) позволяет воображению разгуляться – «Ну, не исключено… Так вроде тоже прилично выглядит, глаз не режет, даже наоборот… ‘Вот если губы одного приставить к носу другого – то-то был бы красавец!’».

И тогда «33» опять пригодится!

С барабаном Рождественской церкви костёр Спасского собора горит уже не так высоко, немного потише, в куполе под маковкой уже не видится яростный пылающий лик Иисуса Феофана Грека с посветлевшими от гнева глазами (со Спаса на Ильине), как ни декорируй барабан, экспрессии становится меньше. Если это заметно нам, почему бы то же самое не заметить тем, кто в первый перестраивал или восстанавливал кольцо, барабан и главу, откуда и пошло повышение, 10 окон, 10 лишних кокошников?

Что их глаза были не хуже наших, кажется, сомнению не подлежит, что и доказали лишний раз реставраторы, сравнявшись архитектурным гением и со строителями первого барабана, и со строителями второго, признав спасителей собора (очень приблизительно – начала или середины XVI века, скорее всего) не менее одарёнными, чем те, кто сто– сто пятьдесят лет назад (то есть около 1427 г.) учинили такое чудо.

Полученный результат, поныне стоящий в Андрониковом монастыре, заставляет склонить выю перед архитекторами трёх поколений, (1) начала XV века, (2) приблизительно XVI века, и (3) второй половины XX века, поклониться им всем и в очередной раз бессильно отступить перед незадаваемым вопросом о роли творцов среды в жизни страны. Нет Медичи – нет Флоренции.

На этом фоне вопрос о роли числа "33" в жизни Спасского собора приобретает почти историографический характер: "Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – это науке не известно". Может быть, кто-то его (число) припомнил, может быть, нет, теперь уже неважно, талант одолел и это правило. Если "зодчему мера и глаз укажут" – да хоть сорок один с двумя половинками кокошник.

За вычетом 10 (вероятно) поздних кокошников под барабаном Спасский собор становится не только ровесником, но и «лекальным братом» Троицкого собора в Сергиевом посаде, и это ещё один аргумент в пользу существования более сложного, чем нынешнее, завершения Троицкого собора. Решения очень разные, троицкое попроще, пониже, без «горных ущелий», но кто с уверенностью может сказать, какова была высота собора до перекладки сводов и барабана? Определять эту высоту можно, руководствуясь тремя критериями: остатками кокошников второго ряда Троицко-Покровского собора Александровской слободы, видимостью кокошников второго ряда, как в Успенском соборе Княгинина монастыря, и разрешающей уподобление «невысокостью» Рождественского собора. Не совсем безумным видится такой предположительный порядок: два звенигородских потянули за собой Троицкий, ставший примером для Спасского, ставшего, в свою очередь, примером для Рождественского, утратившего сходство с образцом после его относительно скорой перестройки в XVI веке. Ровно то же относится и к Успенскому на Городке, и к Рождественскому Саввино-Сторожевского монастыря: в первые тридцать лет XV века четыре собора, разделённые расстояниями в несколько десятков вёрст (звенигородские позволительно считать вместе, без удалённости) не могли не учитывать опыт сначала одного, потом сразу двух, потом трёх предыдущих, кроме технологии и близости конструкций, что-то ещё должно было объединять, обеспечивая экстраординарность и модельность, образцовость. Чтобы утверждать или предполагать, что это могло быть число «33», нужны доказательства, которые весят больше, чем слово.

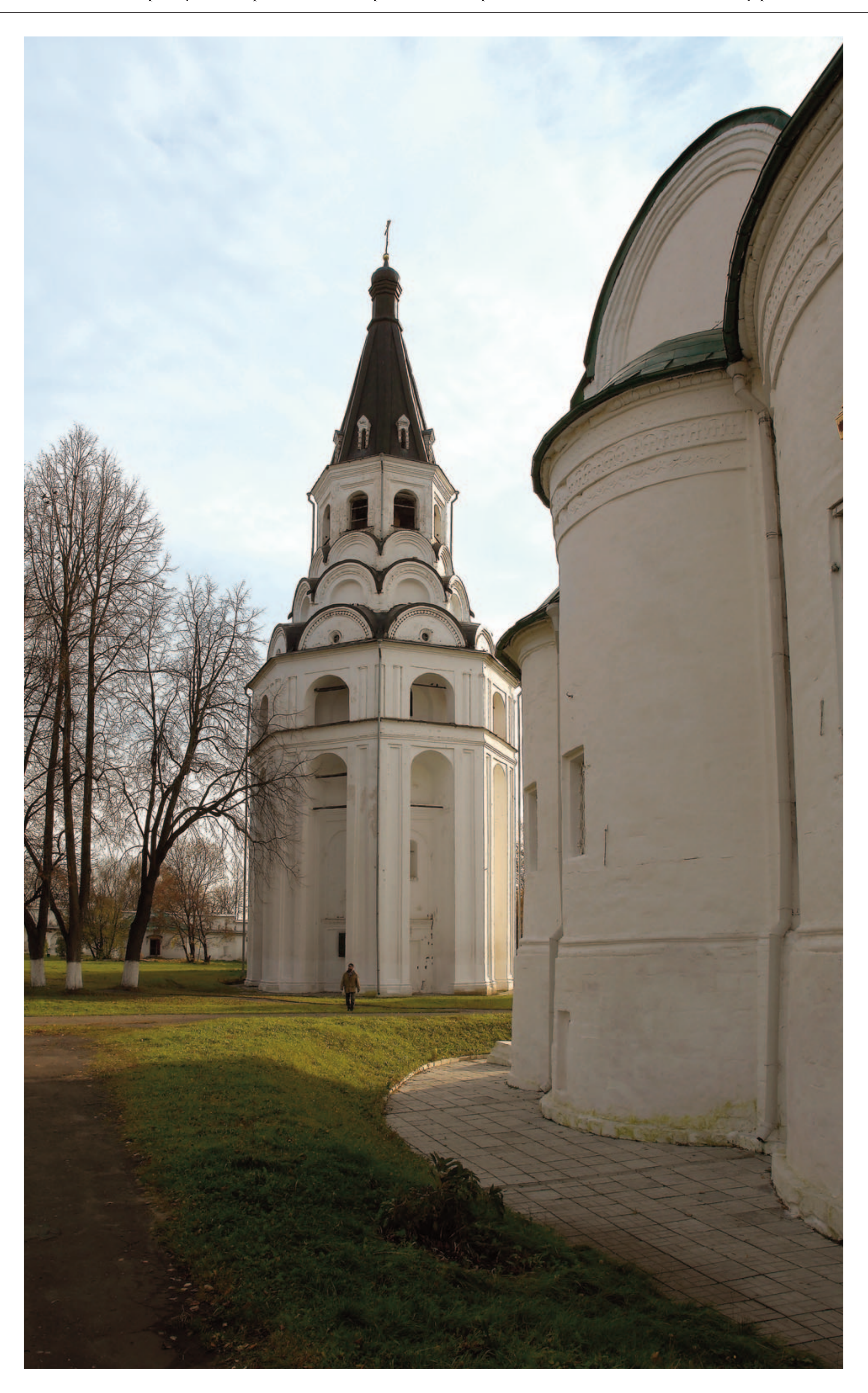
Но их нет.

Но «сначала было слово».

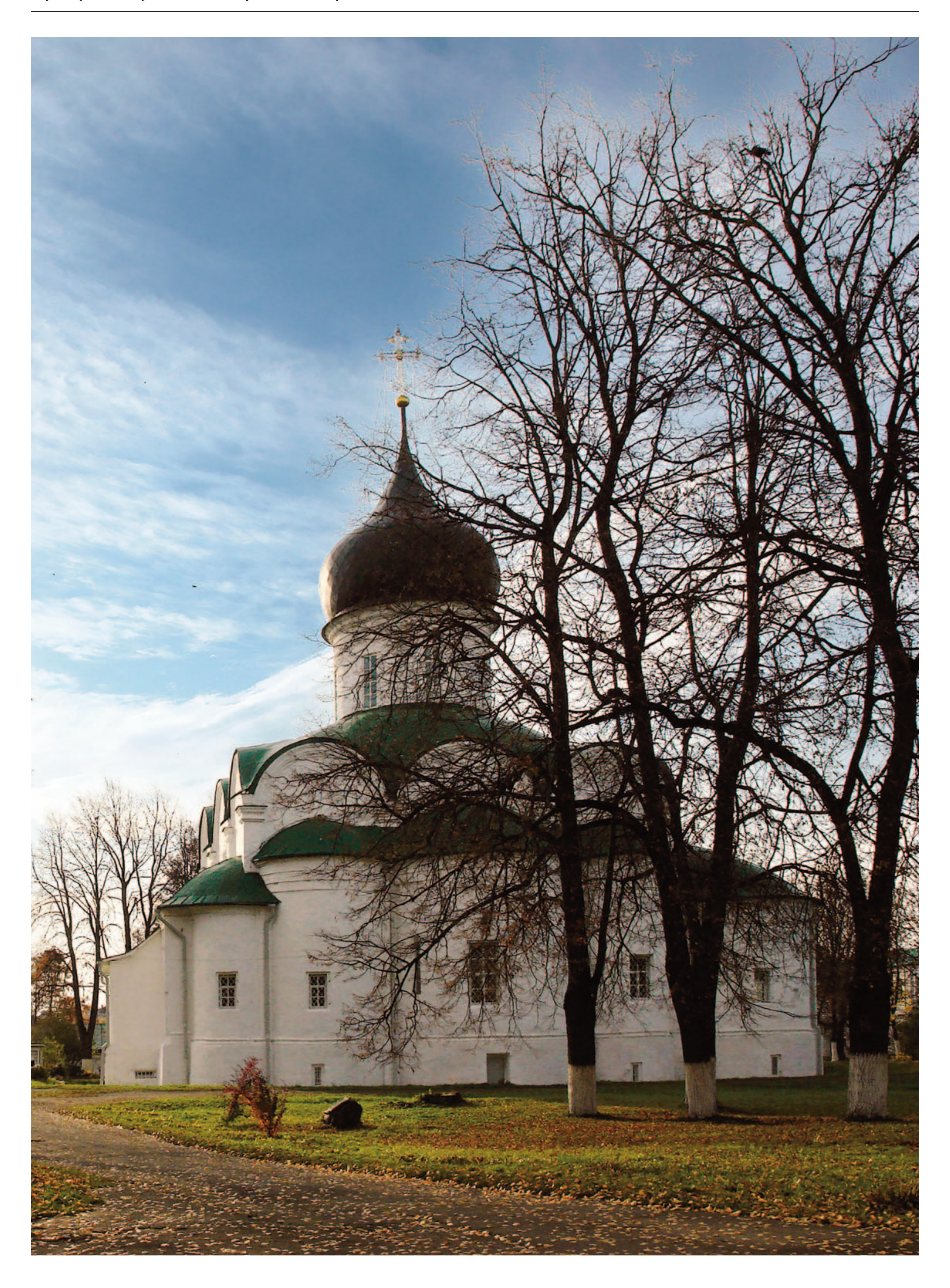
ТРОИЦКО-ПОКРОВСКИЙ СОБОР АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЫ

Построен неизвестно когда. Разброс дат – почти сто лет, от 20-х годов XV века до 1513 года, когда производились какие-то строительные работы. Качество, размеры кирпича при отсутствии клейм, равно как и степень жирности связующего раствора при почти полном отсутствии письменных источников не могут служить достоверным датирующим признаком. М.А. Ильин удревнял собор на век, основываясь на стилистических аргументах. Поскольку других аргументов почти нет (одна запись 1513 г. о строительстве и освящении собора), приходится к стилистическим присматриваться внимательнее, сохраняя готовность в любой момент отказаться от сколь угодно убедительных размышлений, если появится железное (деревянное, письменное и т. д.) доказательство, указывающее на XVI век и отрицающее XV.

Ненавистная многим манера фотографировать церкви сверху (некрылатым сущностям такой взгляд не положен) в случае с Троицко-Покровским собором оказывается полезной хотя бы с одной точки зрения: с земли и даже с соседней Распятской церкви-колокольни (бывшей Алексеевский) не получается так изогнуть взгляд, чтобы увидеть покрытие собора сразу и справа, и слева, с востока и с запада, причём смотреть надо с юга или с севера, то есть сбоку, оттуда, где выходы. Такая возвышенная точка зрения убеждает окончательно и бесповоротно, раз и навсегда: тазики такими не бывают. Перевёрнутый металлический тазик с отверстием для барабана не умеет быть некруглым. Он очень хорошо сформирован, исполнен, растянут, заглажен и покрашен – но это мятый таз, а не архитектура. Изначальное строительское смещение главы к востоку, довольно заметное



и в другом Троицком соборе, в Посаде, заставило неведомых, но довольно-таки давних поновителей Троицкого собора в Слободе изобрести такую «ни мышонка ни лягушку, а неведому зверюшку» – разнокривизненный тазик, ставший им вечной укоризной и повторяемый по сей день всеми реставраторами– это исторически оправдано, и дело с концом. Устроив безобразие, они же не устают потом возмущаться безобразием. Троицкий собор в Слободе – копия, недалеко по времени ушедшая от Троицкого собора в Посаде: фасады так же (и это совсем не новость) поделены на три части в соотношении 2–1–3 (–, —, -, причём третье прясло отмечено самой малой по ширине закомарой); арки, подпирающие нижнее кольцо (или квадрат) центрального барабана, имеют такое повышение от краёв к центру, которое не оставляет иных возможностей избежать уродства при организации наружного украшения этого пространства, кроме кроме двух рядов уменьшающихся к середине здания кокошников, первый из которых обязан быть параллельным закомарам (как бы не замечая восточного сдвига главы), а второй ряд должен быть воротником на шее главы. Оба собора четырёхстолпные, подпереть заранее спланированную тяжесть второго ряда кокошников на сводах арок можно в любом месте, их размер и расположение обеспечат хорошую обзорность, несмотря на небольшой перепад высот от закомар до основания барабана; такой и только такой способ размещения ныне отсутствующих



кокошников второго и третьего ряда в обоих Троицких соборах избавит их от почти двухсотлетней привычки наблюдателей сопровождать комплименты архитектурному совершенству более или менее ядовитыми сожалениями по поводу небезупречного формообразования. Постепенно выясняется, что образ собора формируется всем, важна и высота подклета или фундамента, и вертикальные и горизонтальные ритмы фасадов, и размер и форма главы с высотой и «полнотой» барабана, и завершением, от закомар до барабана, которое внезапно оказывается не одним из трех, четырёх или пяти пунктов, а самым важным в облике, если завершение искажено – ничто не поможет, не спасёт. Неважно, с чем это завершение сравнивать, с главой, лицом, причёской или шапкой, голова без туловища прямо на ногах – тоже безрадостное зрелище, однако же туловище без головы скорее озадачивает и склоняет к литературному творчеству. Оброненное и затоптанное на несколько столетий (просвечивавшее лишь изредка сквозь толстый слой грязи) число «33» – это могучий поверочный инструмент, шаблон, лекало, которое должно лежать на дне готовальни каждого реставратора-проектировщика, под всеми остальными циркулями – оно не всегда пригождается, но крепко держать его в голове оказывается очень полезно. Настолько полезно, что одно это понимание может вернуть истинный первоначальный облик двум Троицким соборам первого ряда – слободскому и посадскому.

Полный свод аргументов в пользу обеих возрастных версий Троицкого в Слободе приведен в статье, скомпонованной сыном В.В. Кавельмахера по его подготовительным материалам (С.В. Заграевский тоже до последних дней сохранял исследовательский интерес к памятникам Слободы). В.В. Кавельмахер (не первый) отмечал двойственность почти более чем векового бытования главного собора Слободы в литературе. Размеры памятника побуждали всех относиться к нему серьёзно, заставляя себя смириться с тем, что он им (всем) не нравится, слишком кубоватый, угловатый, низковатый, окружённый обстроенно-застроенными прилепками к основному телу собора, которые его то ли закрывали от зрителей, то ли прятали – до того он был сам по себе небезупречен, красота его была неубедительна, не бросалась в глаза, не убеждала ещё на подходе, издалека, да и рядом; заметна была только величина, язык не поворачивался сказать ничего доброго ни про «высокий подклет», ни про «могучую главу», ни про «пропорции проёмов». К аргументам В.В. Кавельмахера добавим ещё один, не

новый, но весомый. Распятская церковь, обнимающая Алексеевскую церковь, имеет фундаменты, примерно на метр выше фундаментов Троицкого собора. Культурные слои везде растут по-разному, однако чтобы поднять уровень поверхности на метр, и восьмидесяти лет (время удревнения собора по М.А. Ильину) кажется маловато – жизнь в монастыре может течь бурно, но не суетливо, терять бытовой мусор некогда, мостить тоже не каждый день приходится. Поэтому ты открыто занимаем сторону М.А. Ильина и В.В. Кавельмахера в вопросе о датировке, хотя совершенно не согласны с проектом реставрации последнего.

Даже великий В.В. Кавельмахер в своих проектах реставрации собора позволил себе «выпустить из памяти» дважды упомянутые им кокошники (по идентичности фасадных обводов их можно именовать и закомарами) второго ряда. Между тем выпускать это из памяти непозволительно. Если есть физические остатки – а он их видел своими глазами – то никаким ломом выковыривать их из памяти нельзя, и в проекте реставрации они не могут быть не учтены.

Помня о Троицком соборе в Троице-Сергиевом монастыре, о его неотразимом подобии (с нижней временной стороны, как предшественник) собору в Слободе, отметим их главную роднящую черту. Это неправильное, неродное, ненастоящее завершение. В Троицком соборе Сергиева посада В.И. Балдину удалось в проекте неза-

метно разместить во втором ряду и параллельные закомарам, и фантастические, придуманные в XVI веке диагональные кокошники, не видимые ниоткуда, кроме колокольни, с высоты, хотя бы равной закомарам. Так же, как и в Слободе, всё, решительно всё меняется, если выстроить параллельно закомарам второй ряд кокошников, числом 12, как и положено, по каждой стороне, а оставшиеся 8 поставить в основании барабана, так, чтобы конструктивно необходимое кольцо (в Посаде – вообще квадрат, чудовищно высокий и потому безобразный) было скрыто листьями этой восьмёрки, заходящими своими верхними заострениями между щелевидными нерастёсанными окнами, узость которых помогает поднять эти заострения повыше.

Троицкие соборы в Посаде и Слободе должны помочь друг другу вылечиться сходством недугов – они утратили с годами одно и то же: число «33» в завершении. Неблаголепие Троицкого, с 60-х годов позабывшего о плоской крыше, но не нашедшего достаточно смелого реставратора (В.И. Балдин думал и проектировал лучше, чем получилось в итоге, но и он не решился дойти до числа «33»), вторит лезущей в глаза «недовыделанности» завершения Покровского в Слободе. С.В. Демидов, стоящий на страже Троицы и Донского (не говоря уж про Флорищеву пустынь), не позволит даже мыслью коснуться своего собора, а вот Покровский по историографическому убожеству своему и сиротству такого строгого глаза над собой не имеет. Поэтому нужен архитектор-реставратор (не наоборот, не реставратор-архитектор), который начнёт размышления о проекте с вопроса: куда девать второй ряд кокошников?

Как только ответ на этот вопрос будет найден, место для завершающей восьмёрки под барабаном сыщется само. И вот тогда стилистическое доказательство с полным правом встанет рядом с вещественным, позволит сопоставить два собора, которые, наконец, обретут правильное завершение.

МАЛЫЙ СОБОР ДОНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Малый собор Донской иконы Богоматери, из-за влияния которой на Казы-Гирея монастырь и стал именоваться Донским, автор этих строк мог наблюдать каждый день из окон комнаты на втором этаже напротив, поскольку в ранние школьные годы проживал именно там, не будучи причастен, но находясь в отнятых в 1930 году у монастыря помещениях по распределению властей (дедушка был метростроевцем, а для них сначала в соборе устроили общежитие, потом экспансия продолжилась), – властей, которые именно так и тогда, в эти десятилетия после 1917 года испортили москвичей при помощи квартирного вопроса, довольно эффективно и почти неодолимо по сей день, поскольку даже хитроумные начинания А. Чубайса и прочих так не сделали их собственниками зданий, камней, полов, кирпичей, труб, земли, проводов и лестниц, наделив их только воздухом внутри стен. Впрочем, испорченным я себя не чувствовал, неудобств это никаких не доставляло, наоборот, только радостные впечатления, но обеспечило особое отношение к монастырю: с некоторым основанием его можно (так же, как и Большие Каменщики, первое пристанище) считать родиной в буквальном смысле слова. Связь, не ослабевавшая десятилетиями, неожиданно оказалась причиной особой пристрастности по отношению к Малому собору, особых притязаний на единственно верное понимание его архитектуры, не оправданное ни специальным образованием, ни профессиональным кругозором, только нахальством. В такой «отвязанности» от норм и правил, даже от приличий в среде архитектурно одарённых людей, есть по крайней мере одно преимущество перед умудрёнными: границ воображения нет, потому что нет представления о том, что они (границы) должны быть.

Старая соборная церковь Донской Божией Матери
въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ
(1593 г.)

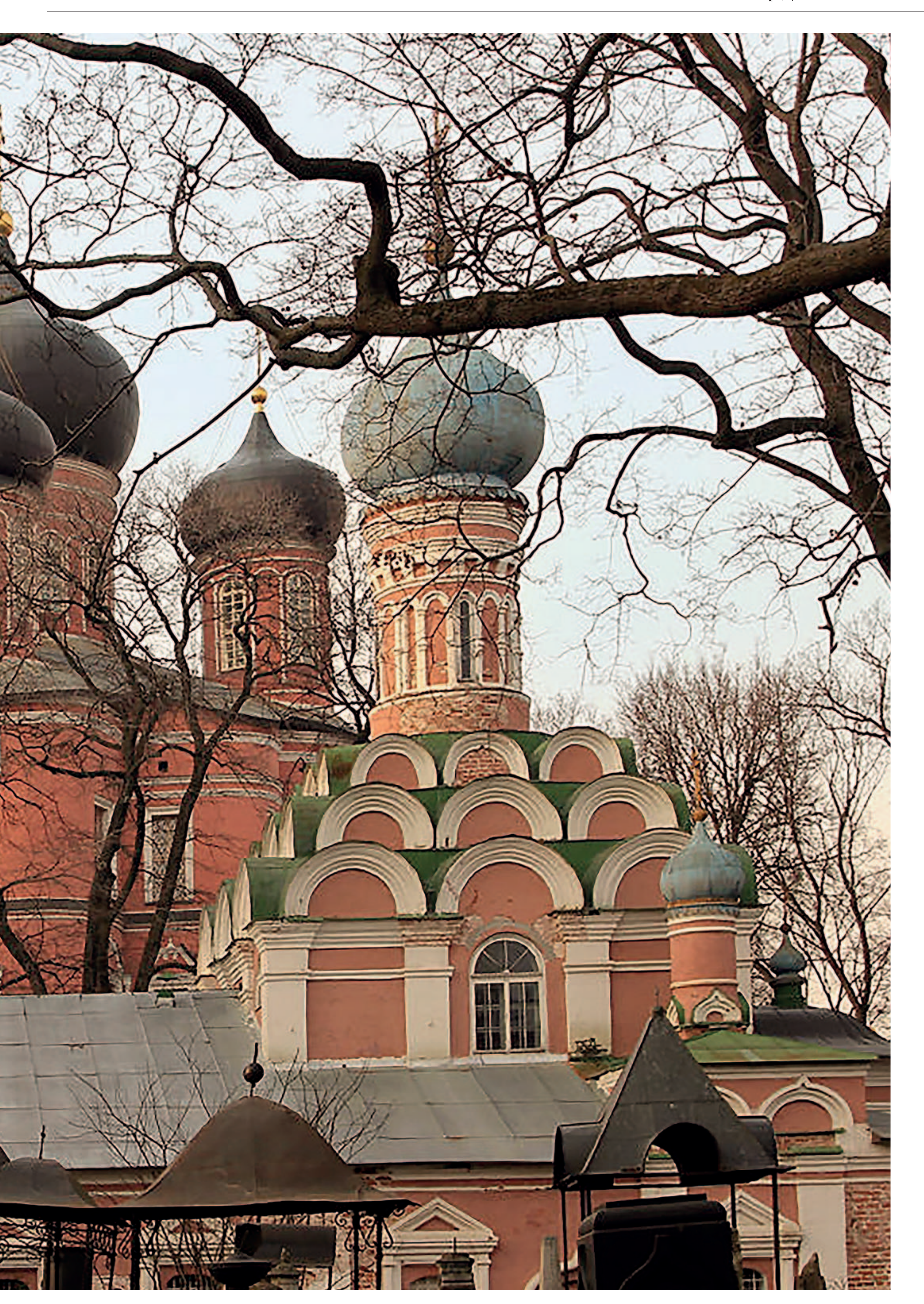
В 1780-е годы про качество архитектуры писали примерно так: столь дивная древняя работа, что без сожаления и сломать нельзя.

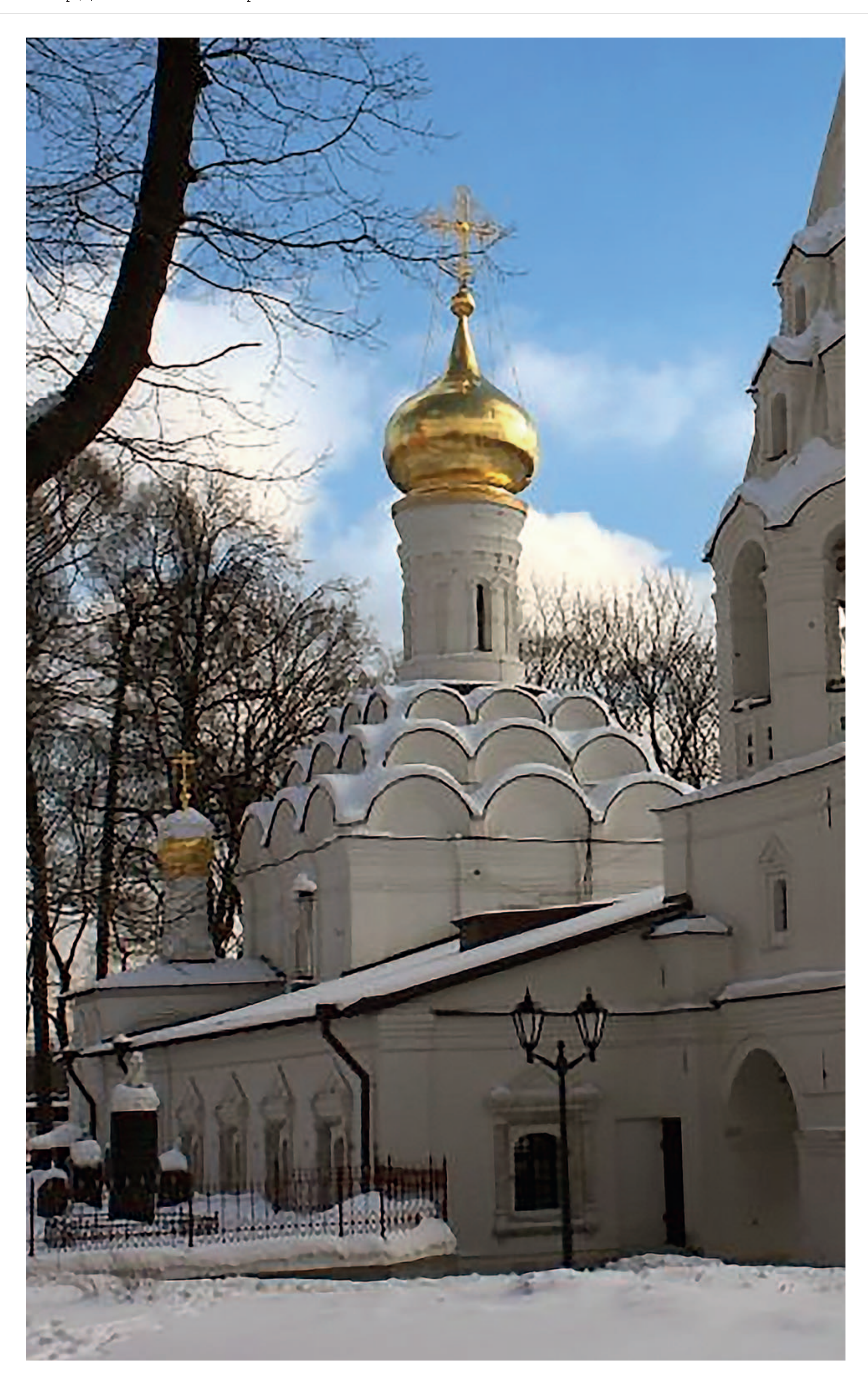
Необходимость именно таких перемен не вызывала сомнений, достаточно просто погоревать сколько-нибудь приличествующее время, и, засучив рукава, можно приступать с кайлом и ломом. Прогресс приобрёл черты беспощадности в первую очередь из-за того, конечно, что сторонники прогресса, как правило, были интеллектуально небезупречны, потому что временами дурно образованны, порой худо воспитаны и эстетически чаще всего ничтожны. Результаты неутешительны, но зато можно просто словами (без розог) многое переменить методом объяснения и убеждения. Хотя, может быть, слово «просто» – лишнее.

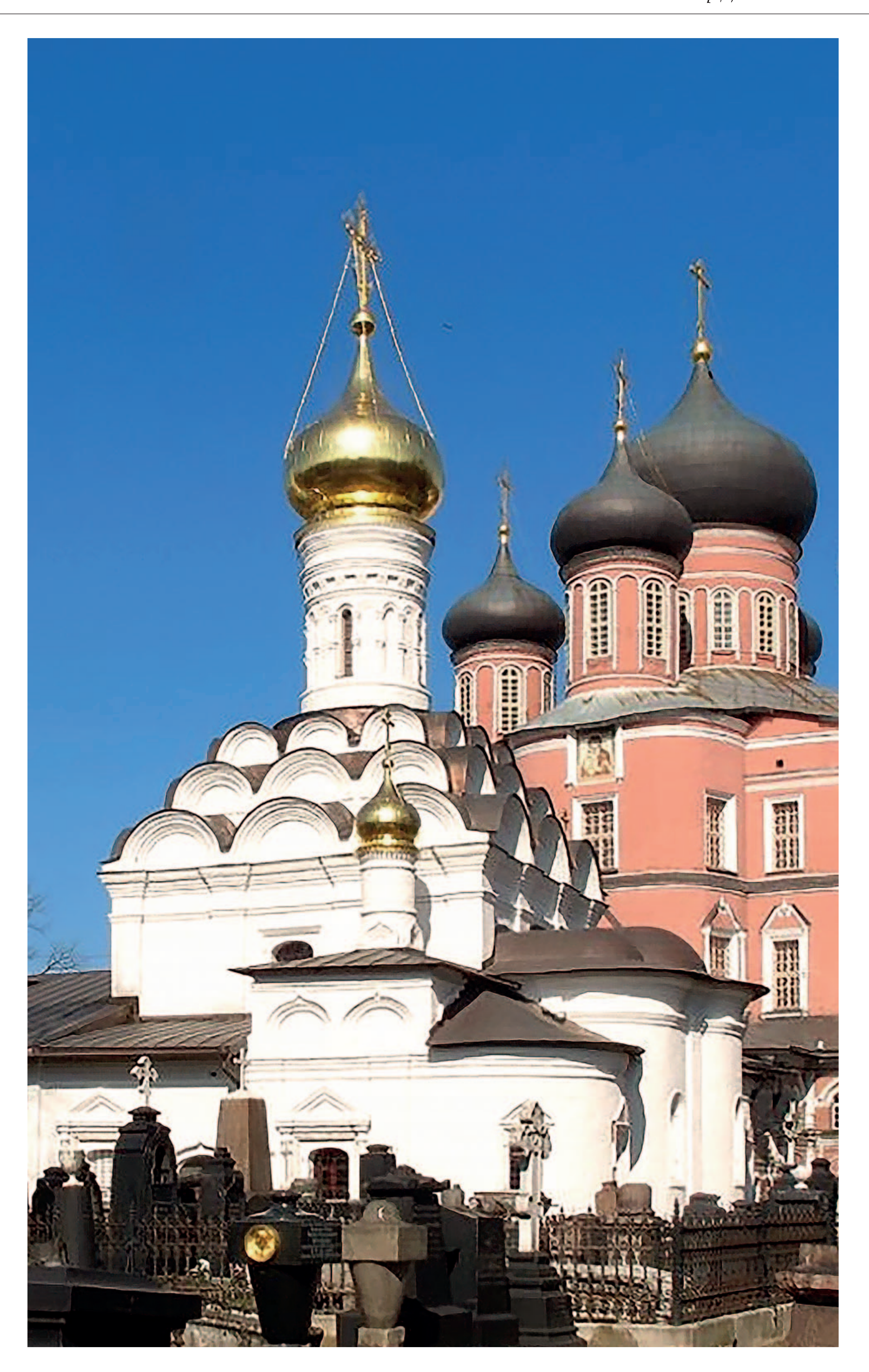
Всего их неизвестное множество, нам попалось несколько десятков явных примеров на фоне убеждения, что ещё столько же незаметны из-за плоских крыш, перестроек и эстетического безрассудства тех, кто присвоил себе звание архитектора безосновательно.

Из того, что первым приходит в голову, потому что лежит на поверхности, не требует ни изысканий, ни проницательности, укажем пальцем на три примера, из которых два – правильные, и один – неправильный.

Неправильный – Малый собор Донской иконы Богоматери Донского монастыря (1593 г.), правильные – надвратная церковь Феодотия Анкирского (1599 г.) Введенского Владычного монастыря и Успенский собор Княгинина монастыря Владимира (конец XV – начало XVI века на месте собора 1201 г.).







Вердикт о правильности и неправильности, разумеется, не переводится на русский язык как «приговор», а является не более чем предложением задуматься, отчего образ, рождённый Павлом Алеппским в середине XVII века (Успенский собор в Коломне ему показался, как и очень многие другие церкви, похожим на шишку или артишок) к Феодотьевской (Богдановской) церкви и Успенскому собору прилепляется, а к Малому собору – никак? Попытка вглядеться, присмотреться и разобраться ни к чему утешительному не приводит, разве что барабан Малого собора можно заставить себя сравнить с рукояткой, приделанной к чему-то массивному внизу, чтобы соответствующим по размеру кулаком было удобно взяться и ухватиться, а потом как-нибудь этой тяжестью оперировать – почву трамбовать, например. Два других примера таких глупых мыслей не будят. Принудительное и продолжительное усилие ума рождает ещё более сомнительное предположение, будто на подобие очень маленькой, но совершенной египетской пирамиды поставили стройную башенку, довольно независимую от самой пирамиды, съёмную, как шоколадная роза на торте, которую может слопать пробегающий сын великана. И в Феодотьевской, и в Успенской церквях барабаны вырастают из листьев кокошников, как зелёная кукуруза высвобождается из-под обнимающих её малосъедобных лохматых перьев. Такое объяснение не то что ненаучно, оно антинаучно – при чём тут перья? Однако же есть верная деталь, которая разом переубедит скептиков, циников и маловеров. Гора чешуек (кокошников, листиков, волн, полукружий, овалов со щипцами), чтобы быть видной, заметной, наблюдаемой гладко, плавно соединяемой со всем, что выше, – всеми плоскостями, образованными полуокружностями, должна быть расположена вертикально, стоя, вершиной кверху, создавая некую тягу ввысь, как растение тянется к солнцу. Из трёх примеров только в одном тяги нет. Это бесстолпный Малый собор. Там прежде щелевидных вертикальных окон, прежде вытянутых аркатурных поясов с бусинами, раньше бегунцов и поребриков с повалами и круглыми карнизами под барабан положили и не спрятали массивный тор. То есть каменный бублик вполне заметной высоты, и расположенный лежа, горизонтально, накрывающий и заканчивающий пирамиду, делающий всё остальное уже ненужным и избыточным, даже лишним – и так хорошо. Если такой барабан поставить прямо на землю – будет тоже хорошо, и пирамида ничего не потеряет, да, пожалуй, и наоборот, много выиграет, станет цельной и полной, как и положено египетской пирамиде, там ведь башен нет. Если барабан будет пониже (не такой высокий, как получился при переделке в 1748 году), если чешуйками прикрыть основание его, спрятав бублик, колотушка-трамбовка пропадёт, а шишка (хотя бы артишок) Павла Алеппского появится вновь, как было в 1593 году, при Фёдоре Иоанновиче.

Во всех трёх церквях к самой массивной округлости (то есть к главе) надо просто прибавить снизу ровно 32 кокошника (даже когда ближние к земле двенадцать являются закомарами), чтобы получилось в итоге число «33». И в верхнем ряду должно быть не 12 кокошников, как в среднем ряду, а всего 8 (12+12+8+1=33). Борис Годунов и его подмастерья каменных дел с этой глазной арифметикой были хорошо знакомы, они не только видели ряд, но и слышали, как он звучит, знали, где надо сыграть полный такт, а где – покороче, оборвав линию не там, где она логически кончается, а там, где получается каденция.

И Малый собор Донского монастыря уже сколько-то сотен лет лет (от одной до трёх) видится неправильно, а на его примере выучены тысячи архитекторов, и сейчас учатся. Это, конечно, совсем не ломает глаз, есть же иные способы формирования верных представлений о формообразовании, но такие простые основания – не менее важны, чем истины Витрувия, Скамоцци или Альберти.

«КОГДА Б ВЫ ЗНАЛИ...»

Причина появления шедевра – скорее ничтожна, чем осязаема и уловима. Что Благовещенская церковь Ферапонтова монастыря не подходит для этого французского слова – не подлежит сомнениям. Разные готические и прочие соборы подходят, а она – нет. Про такие, как она – говорят, что «упала с неба». Высота, инженерность, хитроумность, старательность, трудолюбие, изобретательность и ещё 62 качества пригодятся при создании, к примеру, Реймсского собора. Все они нужны и для создания Благовещенской церкви. Но она создавалась как-то иначе, чем-то неуловимым ещё. Раззнакомьтесь с теми, кто скажет, что знает, как. Тряся и поматывая головой с закрытыми от усталого бессилия глазами, в тысячный раз надо попросить понять: нет, не лучше или хуже, не краше или безобразнее, не высокодуховнее или поганодушевнее, не выше или ниже, больше или меньше – всё не то, не в этом дело. Она – другая. И всё. Только. И тем похожа на все без единого исключения остальные. Это не какой-то особый дух, не принадлежность к группе людей по любому признаку, кроме одного. Одно слово подходит. Не то талантливый гений, не то гениальный талант. Тянитолкай. В превосходных эпитетах нет не только ничего нового, но и никакого проку. Наверняка есть тысяча причин для того, чтобы начать создавать великое (гениальное) произведение в какой-нибудь области, но все они покрыты мраком неизвестности. Можно только осторожно предположить, что одна из причин часто коренится в ничтожности мотивации – просто само то, из-за чего случился первый толчок, шевельнулась первая мутная недомысль, имеет размер и вид семечка одуванчика на парашюте, уже выдуваемого сквозняком вон из комнаты в открытую каким-то вредителем форточку, чтобы пропасть навсегда – и её-то, семечку, и надо всосать изо всех сил обратно, поймать, рассмотреть и удивиться: «Ага, ну да, вот же».

Такой ничтожной семечкой в Ферапонтовом монастыре стала редакторская придирчивость. Первое и простейшее средство и автоматический навык, которому учат редакторов, начинающих работать, – избавьтесь от повторов. От всех, всех частей речи и членов предложения, добавьте глаголов и умеренное количество эпитетов – полдела сделано, автор на полдороге к стилистической безупречности. Главное – повторы. Не надо повторов. А в то же время задача – как раз повторить бессловесное архитектурное сообщение в нескольких метрах от этого сообщения, и снова архитектурными средствами, которые не ах как разнообразны. Просто. То же самое, только не так, а иначе, а как – уж решите самостоятельно. Сходите туда, не знаю куда, принесите то, не знаю, что, «но баркас со дна достань!», и чтобы сообщение было. Неукоснительно.

Может быть, это длилось столько, сколько длится щелчок пальцами. Или триста шестьдесят один день, а главное, ночь, по ночам никто не мешает придумывать. Единственное, что можно сказать совершенно точно – что мы никогда не узнаем ни количества дней или секунд, ни продолжительности творческих мучений, никаких подробностей. Нам в подставленные ладони упал с неба храм, стройный, хорошенький, аккуратный, ничего ниоткуда с боков не выступает (нет апсид), окошек мало, колокола где-то висят, не там, где привычно. Ставь его, куда хочешь – и любуйся со всех сторон (кроме западной, там всё загородил большой каменный дом, стена к стене).

Теперь, по прошествии пяти веков, он стал одной из черепах, на которых стоит слон, на котором стоит земля, на которой стоим мы. Если его не станет – земля упадёт и покатится куда-то.

Это всё вещи, столь же неоспоримые, сколь и привычные, не требующие ни доказательств, ни объяснений, ни сломанных в спорах ни о чём копий. Но есть один важный пустяк, который оставляет простор для догадок, хотя в первые мгновения кажется немного идиотским: какова причина строительства такой, с такими особенностями Благовещенской церкви? Не почему она вообще понадобилась, это-то как раз ясно, потому же, почему и Реймсский собор вдруг начали строить; а вот именно такая, ловколадная, совсем небольшая, специально для складывания в карман и унесения с собой?

Зрение обладает редкой способностью задавливать остальные органы чувств и даже иногда рассудок. Вижу – и не нюхаю, не ощупываю, не слушаю, не пробую на зуб, не соображаю. Орнамент в закомарах (сохранился не везде) сфотографирован уже во второй половине XIX века – редкостно хорош, характерный псковский бегунец, простой, разнообразный, привлекательный для бессмысленного разгляды-

Орнаментъ на церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

вания. И то ли две, то ли четыре сотни лет (может, и больше) наблюдатели руками изо всех сил держат собственную мысль, чтобы она не побежала дальше – а вдруг и вовсе убежит? Колдовской и чарующий орнамент (всё псковичи виноваты!) не позволяет сделать маленький следующий шажок: а зачем же у таких дивных держателей орнамента, у закомар – срублены верхушки? Ясное дело – крыша. А под крышей или вместо крыш – что? Вопрос висит в воздухе уже сотни полторы лет. Реставраторы предлагали ответы, делали проекты, макеты, но всемогущий недосуг издевается над всеми примерно четыреста лет, может, триста. Пусть триста лет, а не больше, скитается по нищим дворам мысль, что нациеобразующая архитектура должна пребывать в цветущем состоянии – просто потому, что она не требует и не просит даже слов для воспитания чувства любви к родине – можно быть малолетним неграмотным безумцем – и любить её просто за всё, в том числе за природу и архитектуру, которые воздействуют на человека независимо от его желания и образования, даже от воспитания.

Но видны всем только кепки крыш, скрывающих красоты прочнее паранджи, кепки, формирующие внутренний мир человека от первого до последнего его дня, приучающие лгать, будто то, что он видит – прекрасно; а его, прекрасного – нет.

Соборъ Рождества Богородицы въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ на Бѣлоозерѣ.—Конецъ 15-го вѣка. Чертежъ реставрацiи К. Романова. (Собственность Императорской Археологической Комиссiи).

Поскольку никто раньше таких идиотских вопросов не задавал, не было и идиотских ответов. А ответ есть. Причём этот ответ раскрывает глаза и вставляет спички между веками, чтобы они подольше не закрылись. Уже сам проект реконструкции С.С. Подъяпольского ошеломляет величием. Такое повторять нельзя. Оно одно.

Рождественский собор построен в 1490 году, через 9 лет появилась La Pietà в Риме, в 1500-м мир увидел Распятие Дионисия, ещё через два – Богородицу со стигматами. Прошло сорок лет, Благовещенскую церковь возвели в 1530 году, до того собор был единственным, вероятнее всего, каменным зданием, царившим над деревянными сооружениями у его подножия, над озерами, над окрестным миром. Он не мог не стать образцом для всей округи радиусом километров четыреста. По площади Благовещенская церковь меньше, она четыре раза поместится на том месте, где стоит Рождественский собор. Мастер, строивший Благовещенскую, был ограничен ресурсами поставленной задачи, зато имел смелость думать всласть. Надо было сделать так же, но не так, малым превзойти большое, но чтобы никто не заметил, сопоставимо, но без подражания, без повторения.

Собор Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре между Бородаевским (Ферапонтовским) и Спасским озерами.
Реконструкция с 12 кокошниками у барабана и малой главой над престолом у дьяконника

И надо признать, удалось. Бог ведает, смог ли кто-нибудь где-нибудь ещё так же схитрить, или этот пример остался единственным, но зато уж остался так остался.

Собор посвящён Рождеству Богородицы, то есть появлению на свет той, которая произведёт на свет Спасителя мира. Церковь посвящена благой вести, сообщённой ей – о том, что произойдёт. И там, и там сюжет развивается вокруг Иисуса. Он присутствует в Рождественском соборе незримо, потому что собор накрыт плоской крышей: никто уже сотни лет не видит и не может сосчитать, что спрятанные кокошники и подобная им силуэтом глава вместе составляют число «33», то есть апокрифический возраст Иисуса на Голгофе. Реставраторы, начиная с К.К. Романова и С.С. Подъяпольского, в основании барабана проектировали опять (как в нижних рядах) 12 кокошников, в то время как их должно было быть 8. С.С. Подъяпольский исправил эту ошибку в проекте Успенской церкви Каменноостровского монастыря, в макете церкви Иоанна Предтечи Кирилло-Белозерского монастыря она ещё присутствовала. Сегодня, после блистательного провала В.И. Балдина с реставрацией

Троицкого собора лавры, окончательно стало ясно, что та горка кокошников, о которой в середине следующего (XVII) века писал Павел Алеппский («шишка или артишок»), была и в Рождественском соборе, когда его расписывала бригада Дионисия (1502 г., через 12 лет после строительства), и в конце 20-х годов XVI века, когда решался вопрос о проектировании Благовещенской церкви.

Увиденная строителями Благовещенской церкви семантика числа «33» в Рождественском соборе (Богородица стала Богородицей, поскольку родила того самого Бога) была неодолимо и даже повелительно соблазнительна для повторения в церкви о Благой вести об этом, о рождении Бога.

Но как повторить, не повторяя? – Тайно. Чтобы повтор был, но не был виден.

Вероятно, за пять веков никто (даже С.С. Подъяпольский, хотя в это поверить трудно) не сосчитал количество кокошников Благовещенской церкви (купно с главой), отделив их от специально устроенных схожих по рисунку полуовалов оконных очелий, заглянув за стену Трапезной, скрывающей весь запад, обрубающей его словно топором, как и на востоке отсутствие апсиды обрубает топором зеркальный фасад, и лишает тем самым возможности откуда-то начать подсчёт, к чему-то привязаться как к первой точке. Но даже если сосчитать, всё равно ничего не получается, этих кокошников 26, а не 24, если мысленно убрать 2 очелья оконных наличников; надо ещё снять последний замок с тайны. У основания барабана не 8 малых кокошников, как делается всегда и везде, а всего 6. Вот тогда в Благовещенской церкви поселяется опять число «33».

Это кажется совершенно труднопостижимым, но спорить невозможно: и там, и там число «33» присутствует, и всё хитроумие строителей Благове-

щенской церкви было применено только для того, чтобы спрятать повтор, важность и нужность повтора не подвергалась тогда сомнению, не оспаривалась и была прямо-таки «вожделенной» ценностью, вещью, без которой нельзя никак обойтись, без неё всё теряет смысл, и начинать не стоит.

Да и, откровенно-то говоря, почему это число не могло получиться или случайно, или по каким-то другим причинам, о которых мы и знать ничего не знаем, и знать не можем; где доказательства, что строители хотели, стремились зашифровать и оставить это число, а оно не «вытанцевалось» самостоятельно в ходе строительства. Кончился ряд кирпичей в стене, и последний оказался тридцать третьим – не по какой-то задумке, а просто потому что стена кончилась, не надо класть тридцать четвёртый – и всё. Эти и такие аргументы скептиков действуют пятьсот лет.

С этим трудно спорить. Конечно, и так бывает. Но песня соловья никогда не станет Всенощной С.В. Рахманинова. Больше того, песня соловья нравится не только будущей матери его птенцов, но всё же Густав Малер не помещается в соловьиной головке, и споры о какой-то ценности числа «33» напоминают попытки научить канарейку маршировать под «Прощание славянки». И соловей, и канарейка знают своё дело хорошо,

и не надо их скромные способности надрывать непосильными задачами, не надо растолковывать налево и направо символическое значение числа «33», не надо менторским тоном с деревянной увесистой линейкой в руках втолковывать то, что отторгает без объяснений порченный за триста или пятьсот лет мозг. Надо оставить его в покое – но с двумя оговорками.

Стоит показать на число «33» в архитектуре и попробовать доказать, что это не пустяк и не случайное стечение обстоятельств и случайностей без всякого значения, а тщательно продуманная хитроумная тайнопись с ясным целеполаганием, аршинными буквами выписанная в небесах, нарочно выставленная напоказ, чтобы нельзя было не заметить, чтобы без назидательности сообщить, не произнеся ни слова, самое сокровенное и главное, сложное и простое, выстраданное и просто подаренное, заранее и до того, как понадобится, будто бы набитые кошельки, разбросанные по всем дорогам на каждом шагу, будто бы стакан воды, поднесённый не раньше и не позже, чем он станет необходим и спасителен, всем и никому, слушающему и закрывшему уши.

Такие доказательства есть неподалёку от Кирилло-Белозерского монастыря, в деревне Ферапонтово, знаменитой художествами, не уступающими лучшим творениям гениев итальянского Возрождения. Кроме Рождественского собора и церкви Мартиниана (тоже давно ждущей «расчехления») в Ферапонтовом монастыре стоит Благовещенская церковь (1531), опять отмеченная никем за почти 500 лет не замеченным шифром; или наоборот, скорее все заметившие его (знатоки-то были не чета нам – от И.Э. Грабаря и П.Д. Барановского до С.С. Подъяпольского и А.И. Комеча) бла-

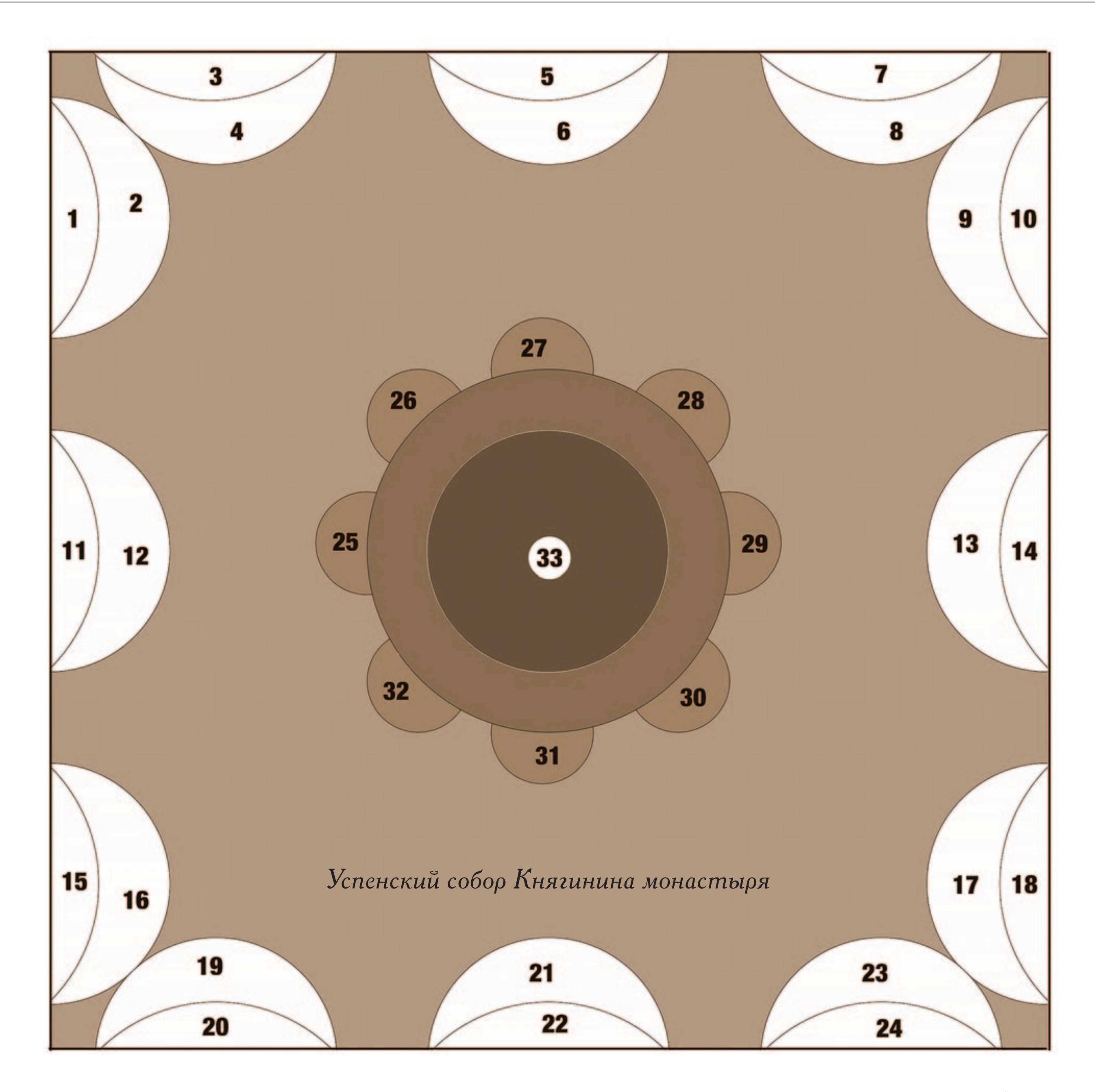
горазумно и промыслительно промолчали, сберегая для будущих прозорливцев великую тайну в неприкосновенности, поскольку распущенные современники ещё недостойны приобщиться к такой несоразмерной их ничтожеству и несовершенству благодати. Только редким безумцам, отвыкшим от вожжей и хомута, не терпится уподобиться кухарке Матрёне из пьесы А.Н. Островского про женитьбу М.Д. Бальзаминова и в попытке усовестить зашедших куда-то не туда, прямо за рекой оказавшихся не где-нибудь, а в самом что ни на есть Китае – ещё раз сказать, всплеснув руками: «Да очувствуйтесь хоть малость», поглядите, что за яблочко лежит на блюдечке с голубой каёмочкой, и никто не сторожит, можно брать и наслаждаться, не боясь, что отнимут и накажут за своеволие – брать чужое без спроса.

Слава Дионисия не то чтобы затмила известность Благовещенской церкви, но немного отвлекла от её необычной, даже экзотической красоты, запорошённой длящимися четыреста лет ремонтами, загороженной более поздними, чем она сама, приспособлениями для удобства и прочих важных нужд. Для осмотра годятся только две стороны, восточная и северная, с запада широкой спиной навалилась огромная трапезная палата, на юге – гульбище, колокольня, переходы, закутки и уголки работают как непроницаемый забор.

Преображенская церковь Кирилло-Белозерского монастыря уже научила, что, посчитав (в поисках числа «33» и здесь) кокошники с одной стороны, нельзя надеяться, будто умножив результат на четыре, стоит ждать верный результат. Первая неожиданность – в основании барабана не восемь кокошников, а шесть, дальше книзу все заковыристые кокошники (или бывшие закомары, в которых размещались колокола) различаются по высоте, тесноте, ширине, наполнению, и, как неуклюжие малыши на прогулке в детсадовской группе, пребывают в постоянном движении, решительно препятствуя подсчётам, осложнённым ещё и тем, что отсутствует такой надёжный ориентир, как апсида на востоке. Крупные капли кокошников «стекают» по углам и стенам, превращая очень высокое трёхъярусное сооружение со следами ободранных пристроек в едва ли не круглую башню, которой только углы мешают стать трубой. Упрямство вознаграждается в конце концов пониманием закономерности: позабыв на время о тех, что на барабане, с востока и запада можно сосчитать по шесть кокошников, а с севера и юга – по семь, причём и там, и там седьмой кокошник в нижнем ряду существенно меньше трёх собратьев, если его ширину разделить на три и прибавить к трём большим, облик не переменится, результат не повлияет на зрительное восприятие, четвёртый эстетически не оправдан, и конструкционно не нужен, и поэтому почти спрятан в малозаметных углах на северо-западе и юго-западе, где обзору мешает трапезная. Он понадобился только для арифметики: 6 барабанных + по 6 на востоке и западе + по 7 на севере и на юге = 6+12+14, то есть к 32 останется прибавить только 33-ю главу – и результат падает в руки, как глоток воды освежает пересохшее горло.

Мало того, что выбранные для двух «лишних» кокошников северный и южный углы почти недоступны для обозрения, так ещё и экстраординарные окна, устроенные на востоке и на юге, расположены на разной высоте, и одно со щипцом, другое – без.

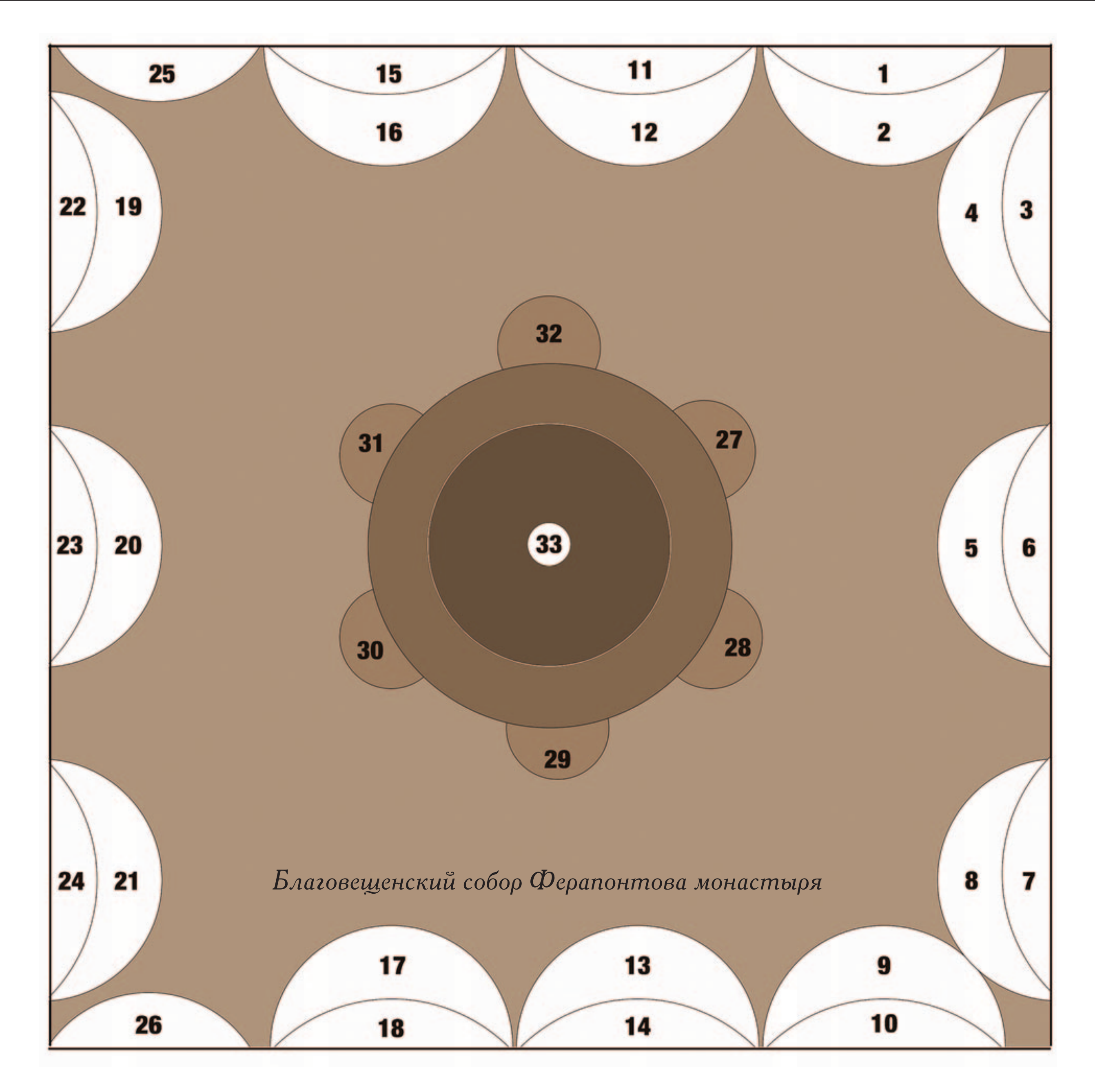
Премудрое хитроумие строителя беспримерно. Ещё на стадии проектирования или рассматривания макета он остался недоволен торжеством послания urbi et orbi над архитектурной логикой, победой, одержанной арифметикой над чувством прекрасного, ибо не хуже нас видел неуместность четвёртого кокошника, его несуразность и нелепость. Из плохого, безнадёжного положения он создал, наоборот, хорошее при помощи кавалерийской атаки, встречного пала, нападения на нападающего, вопреки всему и alltrotzdem. Не нужен четвёртый? Так вот же вам ещё один, пятый с каждой из двух сторон, совсем уж ничтожный, только по форме напоминающий кокошник, без щипца, а на самом деле – очелье наличника над очень небольшими окошками



Успенский собор Княгинина монастыря

на востоке и на юге, к тому же на разной высоте, то разрезая карниз внизу под большим третьим (на востоке), то подпирая маленький четвёртый на юге. Лишние окна, формой очелья похожие на обводы кокошников, искусственной путаницей победили одержавшую было верх арифметику, уравновесив новой асимметрией вынужденный дисбаланс. Выставленные напоказ два лишних окна в неурочных местах спрятали два «лишних» кокошника. Вот уж не диво, что за пять веков мало кто сосчитал, путаник был строитель, можно даже сказать, что гениальный путаник: авторитет самого сооружения, его цельность, законченность запрещают заметить и запрещают задать вопрос, зачем понадобились лишние ухищрения на вполне совершенных, соразмерных, и так законченных фасадах; однако надеялся, что его поймут, иначе зачем такой огород городить. Так что вся путаница – из-за того, что в только что, 40 лет назад построенном Рождественском соборе тоже было «33», понадобился иной, отличный образ, и это нешуточный мотив для изобретательства.

И без всякой путаницы в приделе Василия Блаженного или в надвратной церкви Феодотия Анкирского не так уж легко заметить «33»: издалека что-то в окружении всё время мешает увидеть цельность сооружения, а вблизи – нет нужды задирать голову для подсчётов, не затем ведь пришли в церковь. И надо иметь в голове некоторую склонность к абстракции, чтобы уловить типологическую близость рисунка главы



Благовещенский собор Ферапонтова монастыря

и силуэта кокошника, чтобы сосчитать их в одном ряду. И уж вовсе трудно приступить к подсчётам, когда строитель Благовещенской церкви применил по крайней мере четыре приёма тайнописи: 1) в основании барабана все привыкли видеть 8 кокошников, а тут 6; 2) западные углы, где поместились маленькие кокошники, нельзя увидеть с запада – они надёжно закрыты постройками, прежде всего большой трапезной; 3) восточное маленькое окно спущено на уровень карниза; 4) а южное маленькое окно задрано под кокошник.

Доказательство ли это сознательного стремления строителя закрепить на века послание всем? Разумеется, нет. Никакое это не доказательство.

Так повела рука, так пошло поэтическое видение, подвезли кирпичи именно такого сорта, что из них только маленькие окошки и кокошники и выкладывать – пришлось уж потрафить прорабу, а не то висеть бы ему на дыбе за воровство; наконец, нельзя отрицать, что да, бывает, что порой иногда и случайно получаются, сами собой выкладываются именно тридцать первый и тридцать второй кокошники, ну просто так исторически сложилось и с этим ничего не поделаешь, да, тридцать первый и тридцать второй, в жизни и не такое случается, может быть, это вообще были первый и второй по порядку кокошники, а вовсе не тридцать первый и тридцать второй, это же в корне меняет дело.

Внутреннее сопротивление, нежелание согласиться, победительный скепсис – простительны и понятны. Известь в голове не так легко извести, она крепче извести меж камней, со временем каменеет, размягчается медленно и с трудом. Так и торопиться некуда. Если человеку по силам своей головой создавать вещи, которые полтысячелетия не рассыпаются в прах, значит, он не зря тогда протянул нам руку, он дотянулся, ему пять веков мешали и помогали, но слова его дошли, услышаны. И есть надежда, что будут переданы и дальше.

На гульбище Рождественского собора, в нескольких сантиметрах от пола устроен довольно обычный поясок из изразцов без красок, только с рельефным рисунком. На первый непросвещённый взгляд, ничего нового, лошадки и растительные мотивы. У лошадок, правда, хвост раздваивается, как змеиный язык, но ясно, что это сделано было только для убедительности красоты. К тому, что почти на полу, приглядываться не принято, хозяева могут обидеться – дескать, пыль, что ли, ищете, гости дорогие, или паутину заметили? Однако же нельзя не заметить, что овалы у лошадок разные, то в высоту побольше, то в ширину, бывает, что и наискосок, и телосложение разное – кого лучше кормили, кому сена жалели, словом, разные рисунки. Растительные мотивы тоже по-разному наросли, каждая плитка двойная, с двумя мотивами, и на двух соседних – четыре разных рисунка, хотя и явно парных. Не один слой краски, которую не жалели, не позволяет сформулировать предположение, которое не хочется даже опровергать, до того оно нелепое. Различия объясняются наличием нескольких шаблонов с вырезанным «негативным» рисунком – или оттиск с матрицы нарочно вручную, чуть ли не мокрыми пальцами или палочками делали индивидуальным, слегка отличным от соседнего? Для чего? Для пущего правдоподобия? Хорошо бы проверить, нет ли там следов изначальной раскраски, в расчёте на детское восприятие, очень уж игрушечная лошадка.

Дурные привычки тянут мысль в неизведанные фантазии, не нарочно ли устраивались покрышки над числом «33» по наущению коварных и злобесных недоброжелателей ничего хорошего никому; но укорот этим судорогам и подёргиваниям воображения недолог: чтобы задумать такую каверзу, надо сначала сосчитать, а насчёт их (недоброжелателей) способности к устному счёту есть большие сомнения. Но теперь, когда тайное перестало быть тайным, плоские и фигуристые атмосферные покрышки постепенно должны начать уступать место изначальным формам, жалкое псевдобарокко и колхозный недоампир не может торжествовать над русским Ренессансом XV, XVI и XVII веков. У сторонников разумной реставрации появился аргумент в споре

с плоскокрышистами и тупоконечниками: «А Вы, часом, не из тех, не из ‘злобесных’, которые веками прятали красивую мысль под уродством удобства?»

В 14 километрах стоит город Кириллов, вряд ли строители Благовещенской церкви его специально обходили стороной, чтобы ничего не подглядеть и случайно у себя не использовать. Конечно, были, ходили, смотрели и изучали, это просто было вменено в обязанность. А в тамошнем огромном монастыре через несколько лет после Рождественского (в Ферапонтове) построили Успенский. Неужели отказались от горки кокошников? Пока неизвестно. Но через год после Благовещенской (в Ферапонтове) в Кириллове построили церковь Иоанна Предтечи, ныне заметную одной оранжевой раскраской. В ней какие-то строители дошли до виртуозной лаконичности в тайнописи «33». На юго-восточном углу церкви стоит вторая (малая) глава, к которой примыкают две половинки кокошников, на юге и на востоке второго ряда. Она поставлена именно во втором по высоте ряду, не в первом, что архитектурно было бы сделать легче – внизу стены образуют как раз угол, на который можно опереть массу главы, но тогда она (глава) конкурировала бы с центральной главой. Путаница с главами и половинками опять помешала С.С. Подъяпольскому урезать в основании барабана число верхних кокошников с 12 до 8 – и только потому, что число «33» не рассматривалось хотя бы как поверочный инструмент, если уж плавиковая кислота марксизма так успешно растворила даже душевные побудительные мотивы – вроде того, что люди могут иногда стараться так передать и увековечить своё понимание, своё видение красоты и смыслов, достойных передачи следующим.

Через сорок лет, в 1572 году, в Кириллове поставили надвратную церковь Иоанна Лествичника, с тем же числом в завершении, которое опять веками никому не видно из-за плоской крыши. Жалкие оправдания и мерзкие глубокомысленные сетования про защиту от атмосферных осадков заставляют усомниться в существовании хотя бы технологического прогресса в истории человечества: в XV и XVI веках соорудить защиту от дождя, ветра и снега можно, а в XXI – никак, всё рубля не хватает, то дураки мешают, то дороги.

Ещё через два десятка лет, в 1595 году в Кириллове появилась надвратная Преображенская церковь, в которой тот же С.С. Подъяпольский виртуозно восстановил завершение, вместе с числом «33», заметив его, или не заметив, это уже не очень

важно, наоборот, даже лучше, если не заметил: оно появилось не потому, что он так хотел, а потому что оно было сразу после 1595 года.

Откуда есть пошло это число на Руси – сказать нельзя, из самых ранних – Успенская в Княгинином монастыре Владимира. Но нельзя усомниться в том, что оно есть, и если его не видят – надо продрать глаза и вставить спички между веками, до тех пор, пока не потекут слёзы.

А всего-то – Благовещенскую в Ферапонтове хотели сделать такой же, как Рождественскую, но не совсем такой, сохранив не столько тайну, сколько мысль. А какую мысль?

«Когда б вы знали» про редакторские ухищрения...

Просто чтобы церковь была «точно такой же, только немного другой».

УСПЕНСКИЙ СОБОР КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

В это невозможно поверить, но, кажется, это именно так. То есть трудно придумать другое объяснение, а в это не хочется верить.

Наоборот, хочется не верить, что это действительно объяснение, что мотивация может такой мелкой, отвратительной, примитивной, глупой. Что под крышами попрятали в веках самое главное (завершения церквей), – мы уже привыкли, атмосферные осадки победили человеческий рассудок, от дождя и снега другими способами не спастись, есть только плоская крыша и таз.

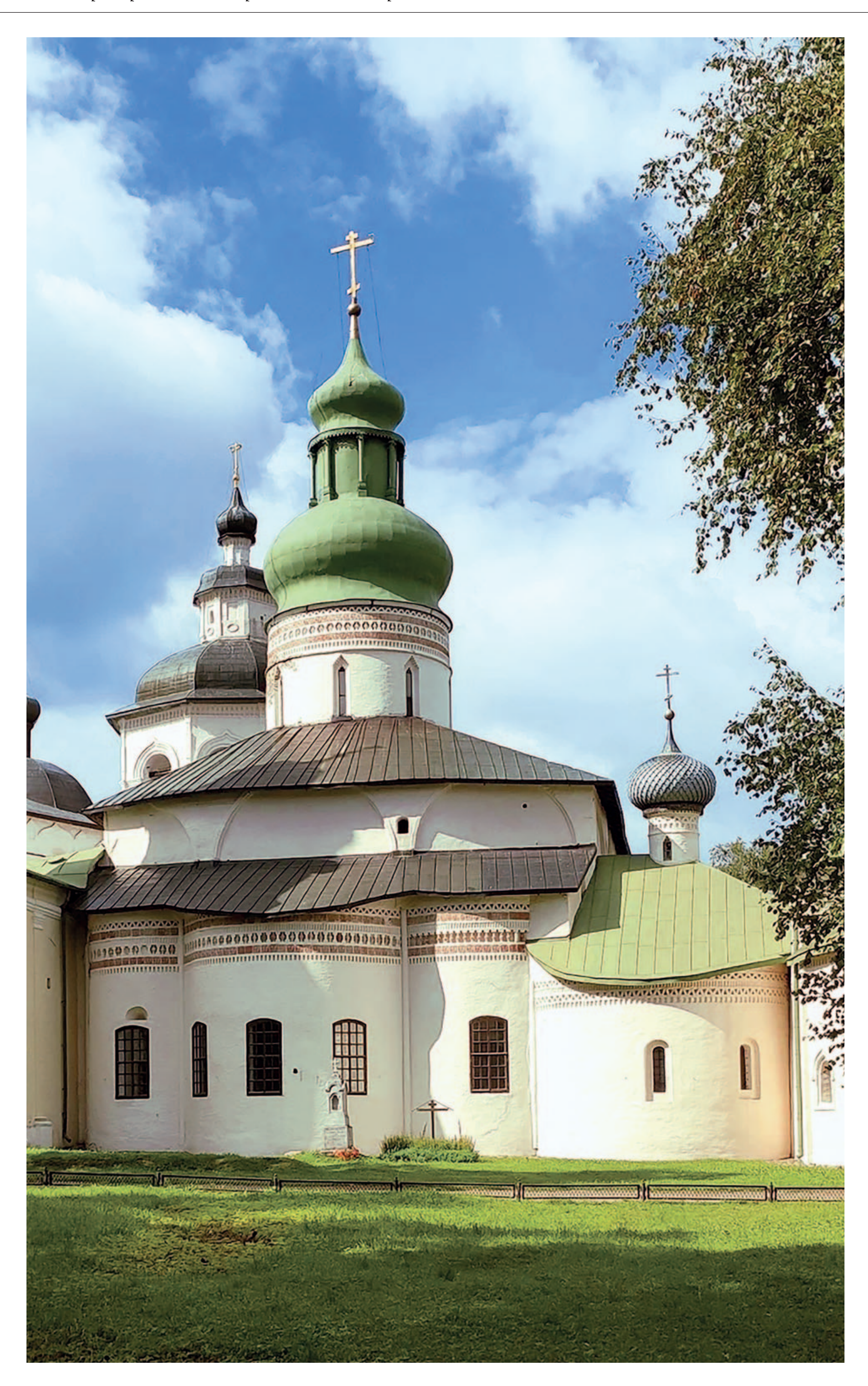
Следующая загадка, выносящая мозг из черепа так же, как англичане расстреливали сипаев – модифицированные главы. Просто поставить на барабан с круглым повалом луковицу, мысленно отрезав у ботанического образца много или мало от донышка – нельзя, ищущий естествоиспытательный ум, получающий удовольствие от упражнения собственных способностей, слова в простоте не скажет. Поверх того, чем он (ум) накрыл для полной спрятанности закомары и кокошники, следует водрузить что-то, всё равно, что именно, грушу, цилиндр, ногу, палку, в общем, что-то неопределённо-продолговатое, – и уже поверху прикрепить самую маленькую из ещё заметных глазу главу. В Кириллове часто получалась такая последовательность под крестом: яблоко, главка, шейная юбка, цилиндр без затей, околоколоколенной формы покрытие, плоское кольцо, таз, далее четверик. Лезущие в глаза визуальные аналогии надо упорно игнорировать, не замечая ни бутылок, ни боксёрских груш, ни гантелей, ни колотушек, ни трамбовок для уплотнения почвы, ни колышимых ветром разноцветных воздушных шариков на тоненьких ниточках, едва улавливающих улетающие резиновые округлости – ничего. И все эти ухищрения – для того только, чтобы в головах наблюдателей создалось впечатление, будто главка вознеслась высоко-высоко, «выше лаврской колокольни, и студова» выглядит маленькой. В этом всё дело: «выглядит маленькой». Чтобы она выглядела маленькой, её сделали маленькой. Важно не быть, важно казаться, производить впечатление даже тогда, когда отпечатывать нечего, одна пустота. Это ли не победа изобретательности над косностью, это ли не выразительность нового архитектурного языка, одержавшего верх над всем, даже и рассудком – потому что сделано едва ли не впервые в истории «по уму, по вчёности, для развязки своего существования, для сведения обхождения», как блистательно формулировали и целеполагание, и мотивацию любой осмысленной деятельности устами С.П. Голохвостова В.М. Иванов (режиссер фильма) и М.П. Старицкий (автор пьесы). Этот эффектный приём оказался заразителен – очень многие церкви в XVIII

и XIX веках подбоченились и задрали головы на тонких шеях, а иногда и прямо на талиях, как раз из-за «вчёности» архитекторов, уловивших, как же всё-таки можно «развязать своё существование» и заодно «свести обхождение».

Следование примерам – вообще распространённая привычка. Если в конце XV века Успенский собор поставили именно в этом месте, то место это следует признать подходящим, далеко от него не удаляться и новые церкви по мере необходимости их появления непременно надо ставить вплотную к собору, стена к стене, подпирая его и набираясь от него силы. Так получился редкостный сгусток церквей в Успенском монастыре (часть Кирилло-Белозерского монастыря, вместе с Ивановским). Даже на уличном плане монастыря только тренированный глаз отыщет единичку, указывающую на Успенский собор, в непосредственной, тактильной близости от которого расположились ещё пять церквей (шестая, Преображенская, тоже «касается», но стоит далеко, на берегу, через настоятельские покои): Епифания, Владимира, Кирилла, архангела Гавриила, Введенская и колокольня.

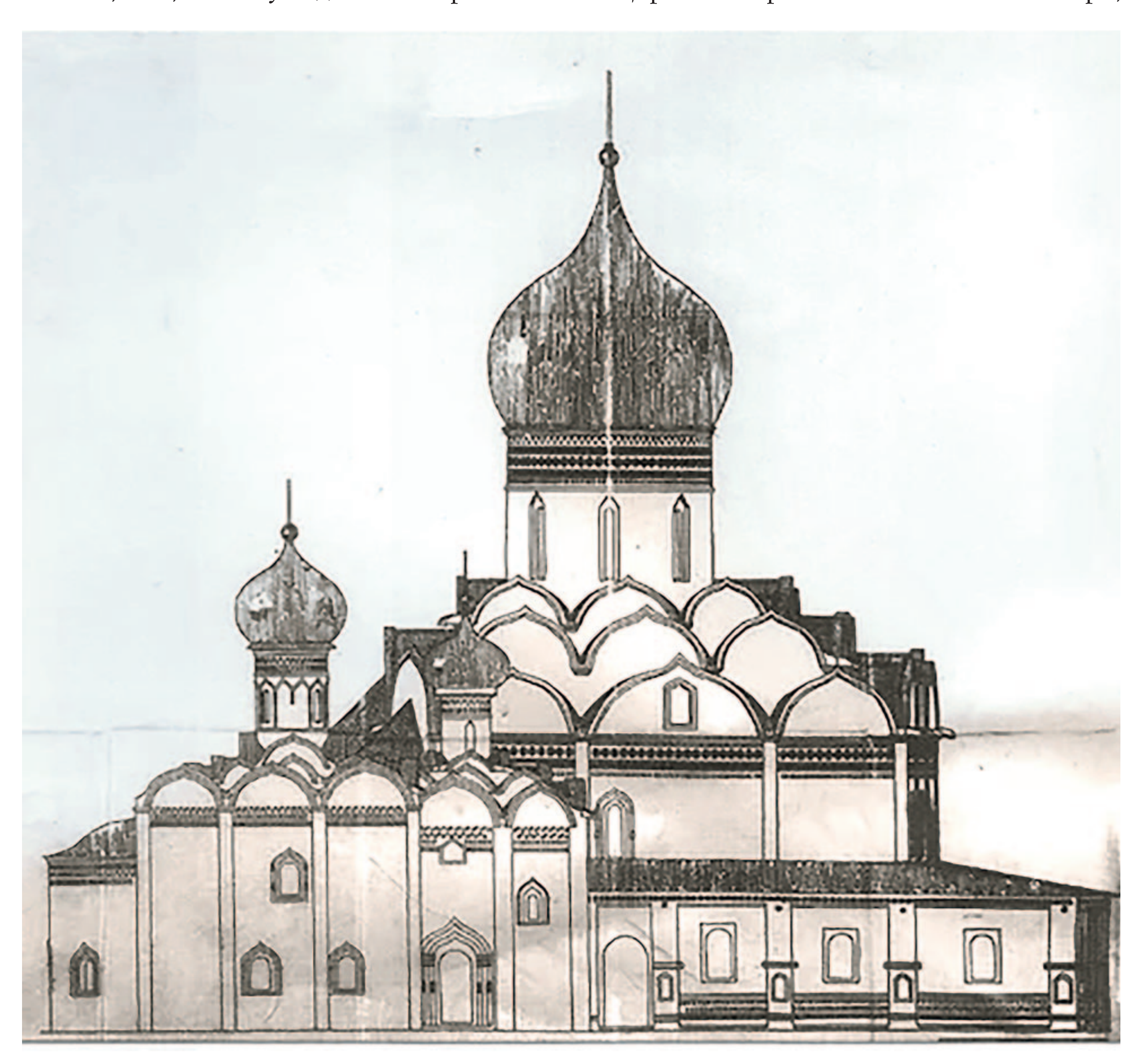
Поначалу вроде бы ничего не предвещало такой концентрации. Через двадцать лет после Успенского собора неподалёку поставили Введенскую церковь с трапезными палатами, о внешнем виде которой теперь можно сказать только одно: большая, высока, чудная. Необычностей, наверное, много, бросаются в глаза две. В закомарах, кажется, и впрямь были окна, до водружения фигурного таза поверх завершения церкви; и полное отсутствие апсидного выступа – или выступом надо признать всю трёхчастную восточную стену, на всю высоту. Сейчас это чрезвычайно убедительный своей массивностью бочонок, прошлое величие которого ничего не выдаёт снаружи.

Ещё через полтора десятка лет, в монастыре построили, как будто одной рукой Гавриилoвскую и Предтеченскую церкви (у обеих плоские апсиды, обе двухпрестольные, две главы). Гаврииловская загадочностью колоколенного верха напоминает Благовещенскую в Ферапонтовом монастыре, но тут уж точно нельзя ни угадать, ни предположить, как разместить и спрятать под главой 32 кокошника, реставрационная мысль пока не пробила себе дорогу к строительному устройству завершения этой церкви. Хорошо уже то, что на южном фасаде вместо окошка возобновили портал, а то вид у здания был совсем «одичалый», безвыходный.



Между ними третий предмет, колокольня, речи лишена, языки оборваны (как они должно быть, звучали в XVII веке над водой Сиверского озера), великая барочная ступенчатость восьмериков взгромоздилась на основание XVII (или XVI) века и подслеповато озирается, пытаясь как-то соответствовать тому по соседству, что утратило облик и являет собой подобие фанерных щитов, прислонённых к руинам, которые уже не восстановить, но совершенно необходимо привести в состояние, не оскорбляющее взор. Неважно, что некрасиво, лишь бы не блистательное ничтожество XVIII и XIX веков, которое всё равно не скрыть – рядом церковь Кирилла (конец XVIII).

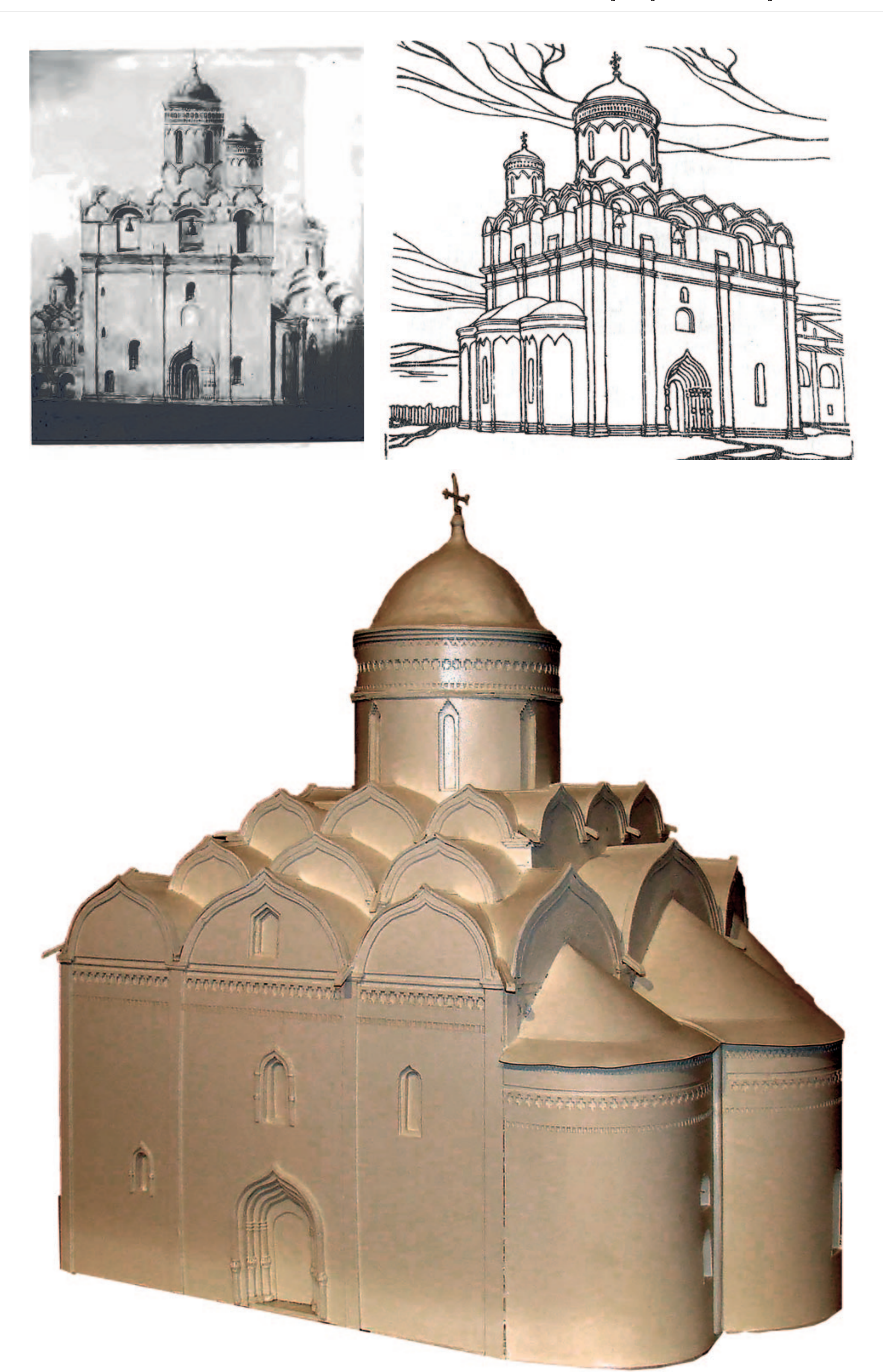
Прошло ещё двадцать лет, вплотную к стене Успенского собора поставили церковь Владимира (1554 год). С восточной стороны она выглядит очень утеснённо, но импозантно. Хочется сказать, что плоская крыша с нарочно плавным, округлым краем, словно крылом накрывает апсиду с привычным орнаментом псковского происхождения. Но ничего не выходит. Это не крыло. Это язык, вывалившийся у безжизненного тела на подбородок, уже не контролируемая живой мышцей гримаса производит отталкивающее впечатление. Конечно, это усыпальница князей, вроде бы Воротынских, но так передавать мемориальный характер редко кто решается, да и вряд ли так сделали нарочно, скорее пытались плавно обозначить переход от собора к церкви Епифания. Но получилось лишнее, совсем ненужное подтверждение довольно плоской мысли – законченное произведение не терпит ни изъятий, ни вставок. Тот, кто ставил Владимирскую церковь, видел, что к чему он добавляет, не известно, как, но он уподобил покрытие своей церкви покрытию Успенского собора,

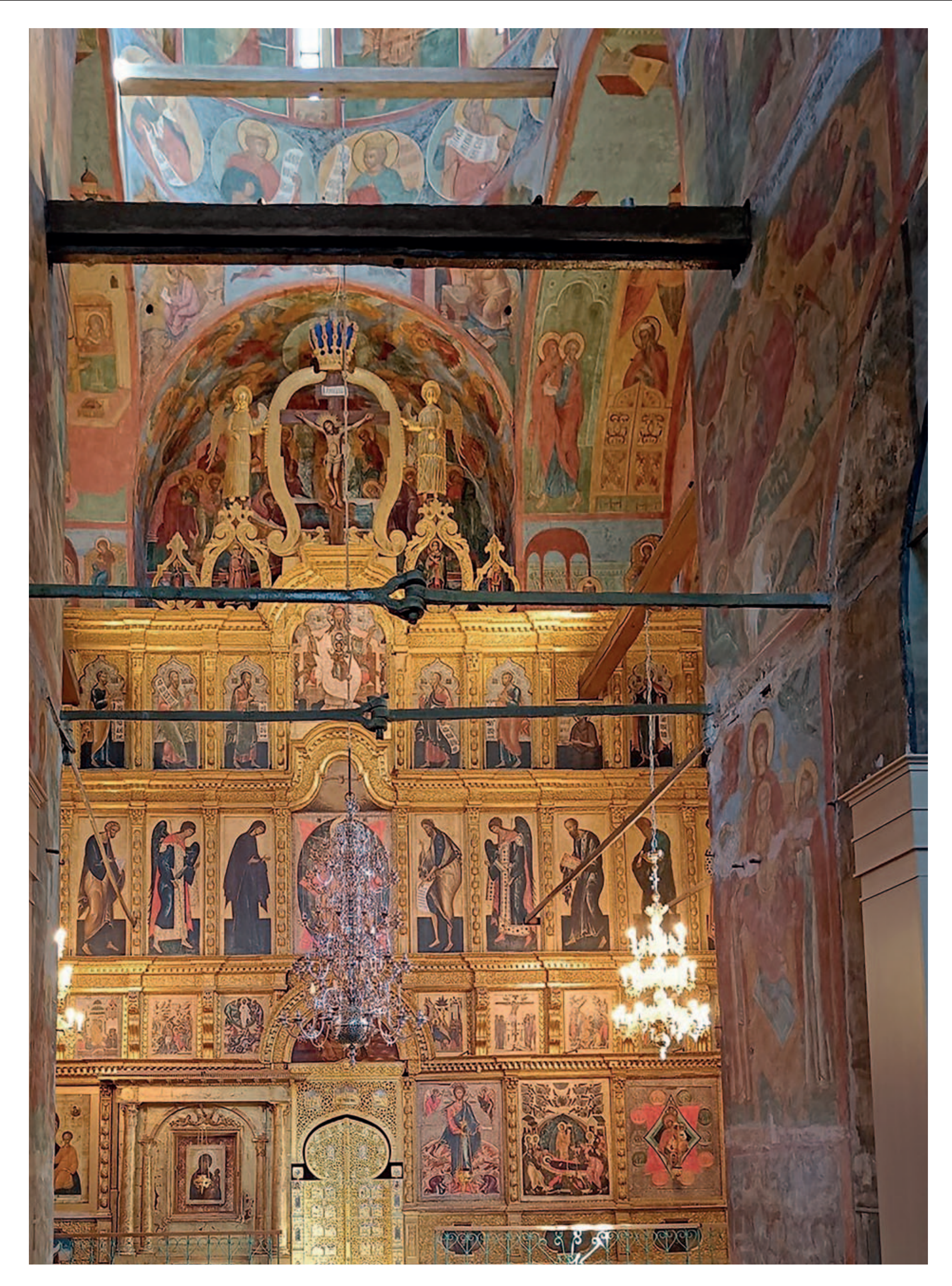


которое, в свою очередь, напоминало о покрытии Рождественского собора в Ферапонтове, и там, и там артишок Павла Алеппского сиял своими гранями по сторонам света (поневоле приходится задуматься, не ходили ли крестные ходы от Рождественского до Успенского – 14 километров всего). Северный фасад Владимирской церкви напоминал (раньше, теперь загорожен церковью Епифания) привычное деление прясел, восточное меньше западного, которое меньше серединного, западное лицо вместило в себя только две закомаринки, но как-то всё-таки подобие кокошникам Успенской церкви было учинено в малом объёме. А по прошествии ещё 90 лет, в 1645 году поставили церковь Епифания, в которой опять воздали должное собору, снова сделав уменьшенную копию покрытия.

Иными словами, нынешнее нагромождение крыш и тазов не просто неправда, а ещё и издевательство над правдой, потому что крыши и тазы не дают увидеть настоящую, в духе билибинских (и более ранних и поздних) картин и иллюстраций красоту «царства славного Салтана». От входа через Казанскую башню, одолев мощёную аллею, пройдя под надвратной церковью Иоанна Лествичника, любой и каждый, посетитель и старожил, знаток и профан, взрослый и малый – должны остолбенеть, не умея пошевелиться, не как соляной столп, при взгляде вспять, а имея прямо перед собой, хоть рукой трогай – сказку, лучше, чем в книжке, лучше, чем даже у А.С. Пушкина, не веря глазам, что такое «есть на свете чудо». Лучше – потому что не надо слова в голове превращать в образы, не нужно воображение, не нужны даже Билибины со своими кистями, они срисовывали отсюда!

И вот это-то и не видимо! Одна у одной, три церкви, трижды по «33», вот где арифметика архитектуры, вот где золотое сечение, 33/99-тых, вместе без одной сотой – совершенство во плоти, на земле. И именно ансамбль, настроенные друг на друга объёмы, перед собором – выступили вперёд два участника, позади – отступил один (Гавриловская, с затейливым ещё покрытием), потом колокольня, потом Введен-





ская, потом трапезные палаты с правильными крышами. Прав был И.А. Бродский – «эстетика – мать этики», прежде чем толковать про заповеди, создай прекрасный мир, не исключено, что и без герменевтики всё станет ясно.

С.С. Подъяпольский, как и многие другие до него и после него, мечтал о восстановлении истинного, изначального облика кирилловских сооружений. Неважно, что у него, как правило, было 36 кокошников, а не 32. Всенощная С.В. Рахманинова у хора Свешникова звучит лучше, чем у других, но главное, что это Всенощная и у тех, и у других, у всех. На то он и Рахманинов.

ТРОИЦКИЙ СОБОР ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

С.С. Подъяпольский мечтал о восстановлении истинного облика и Троицкого собора лавры. Остальные тоже мечтали, и очень, очень многое для этого сделали. Но разница между мечтаниями все-таки была и осталась. Знаток (а Виктор Иванович Балдин, восстановитель Троицкого собора в 60-е годы XX века, был редким знатоком) и исследователь отличаются многими чертами, может быть, одно из главных отличий в том, что выведать у сгинувшей в веках истории то, что было когда-то, может только исследователь – в силах знатока узнать всё, что только можно разузнать, по самым маленьким остаткам и следам. Но выяснить то, от чего не осталось ничего вообще – удел редких исследователей, осмеливающихся задать себе вопрос: «А как было на самом деле». Это немного напоминает математический метод доказательства «от противного», когда исключаются все остальные варианты, но нестрогость такого метода – в коротком словечке «все». Теперь, после доказательства «от противного», надо доказать, что исключены действительно все остальные варианты. Это нелегко сделать в математике, и так же сложно в истории и архитектуре. Что-то можно увидеть по остаткам, что-то – по документам, наконец, несколько шатким и ненадёжным методом принято считать стилистический, хотя правильнее, как нам кажется, его называть логическим. С логическим методом правомочность умозаключений и выводов по-прежнему уступает остаточно-документальным причинам принятия восстановительных решений, но иногда оказывается совсем единственным основанием для них. Из ярких примеров – Троицкий собор.

Нынче никто не знает, как выглядел собор на следующий день после того, как были закончены строительные и отделочные работы – потому что ни остатки, ни документы не являются датирующим признаком. Камень, дерево, металл, раствор с примесями – допускают разброс датировок иногда на тысячи лет, документы много раз уличены в способности и, главное, готовности солгать. Нарисовать собор тогда никто не потрудился. Зачем рисовать, когда он стоит, как живой, вот он, можно рукой потрогать. А вскорости нагрянули эрозии разного происхождения, войны, пожары, и самые страшные разрушители – доброжелатели и поборники прогресса, улучшатели и удешевители, спасители и радетели, герои и проницатели тонких сущностей вещей. За шесть столетий ремонтов и научных восстановлений было десятки – без преувеличений, может быть, двадцать или тридцать. Если двадцать – каждые тридцать лет, если больше – каждые два десятка лет, примерно выходит по одному ремонту на поколение. И точно, доподлинно известно, что были пожары, обрушения перекрытий, и, следовательно, их перекладка с возведением нового барабана, главы,

и покрытий. В.И. Балдин обоснованно гордился тем, что в ходе реставрации ни один камешек не положен в стену с потолка, всё – только по документам и остаткам, по причинам, не допускающим двойного толкования, всё – по науке.

Но на какой период? Когда появилось то, что послужило документальным, доказательным основанием для восстановления именно в таком виде? После войн, пожаров, обрушений?

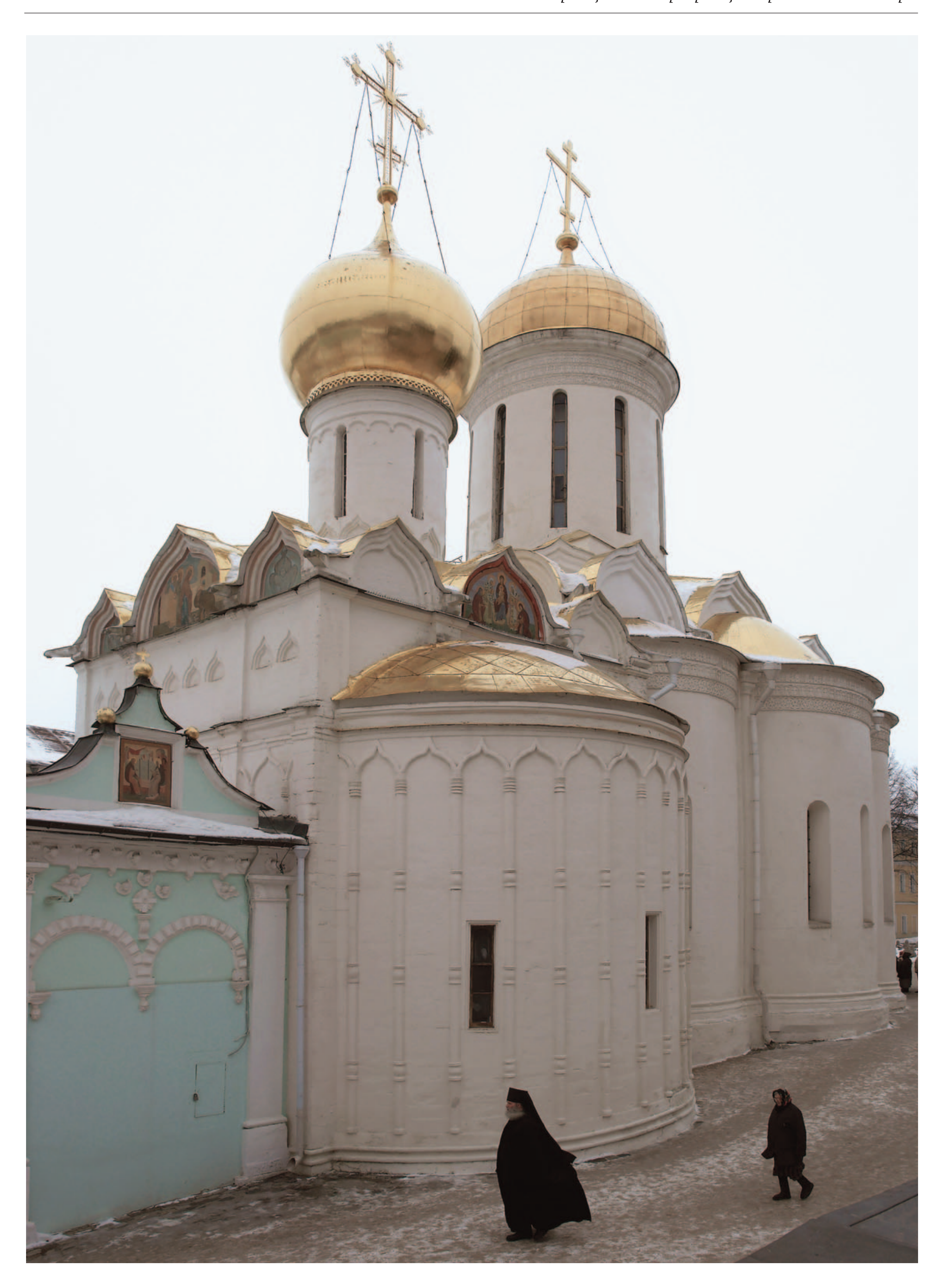
«Вы такие вопросы задаёте, что неудобно отвечать. Даже».

На XV век примеров диагональных кокошников, насколько нам известно, мало. Собор Спасо-Андроникова монастыря устроен как нагромождение горных скал, обрывов и осыпей, его диагонали заметны, потому что высоки. На XVI век – трудно предположить (из-за утрат), скажем осторожно – можно сосчитать на пальцах одного человека. Рождественский в Саввино-Сторожевском, Успенский на Городке, Троицкий в Посаде, Рождественский в Москве – имеют диагональные закомары (они же в данном случае кокошники, поскольку относятся не к конструкционным деталям, а декорационным) и обязаны их появлением реставрационной тщательности и дотошности, что авторы реставрации на месте нашли, то и восстановили, проявляя временами лучшие купеческие качества («а мы продаём – или покупаем?»).

Когда продаём публике – это шестисотлетний собор. Когда покупаем с доказательствами подлинности – сотню-другую лет можно и пропустить между пальцами. Остатки-то же – вот они, есть, диагональные. На них, правда, не написано, что это 1399 год, технология кладки за сто или сто пятьдесят лет изменилась не очень сильно, и эти твердокаменные доказательства могут относиться к XVI или даже XVII веку.

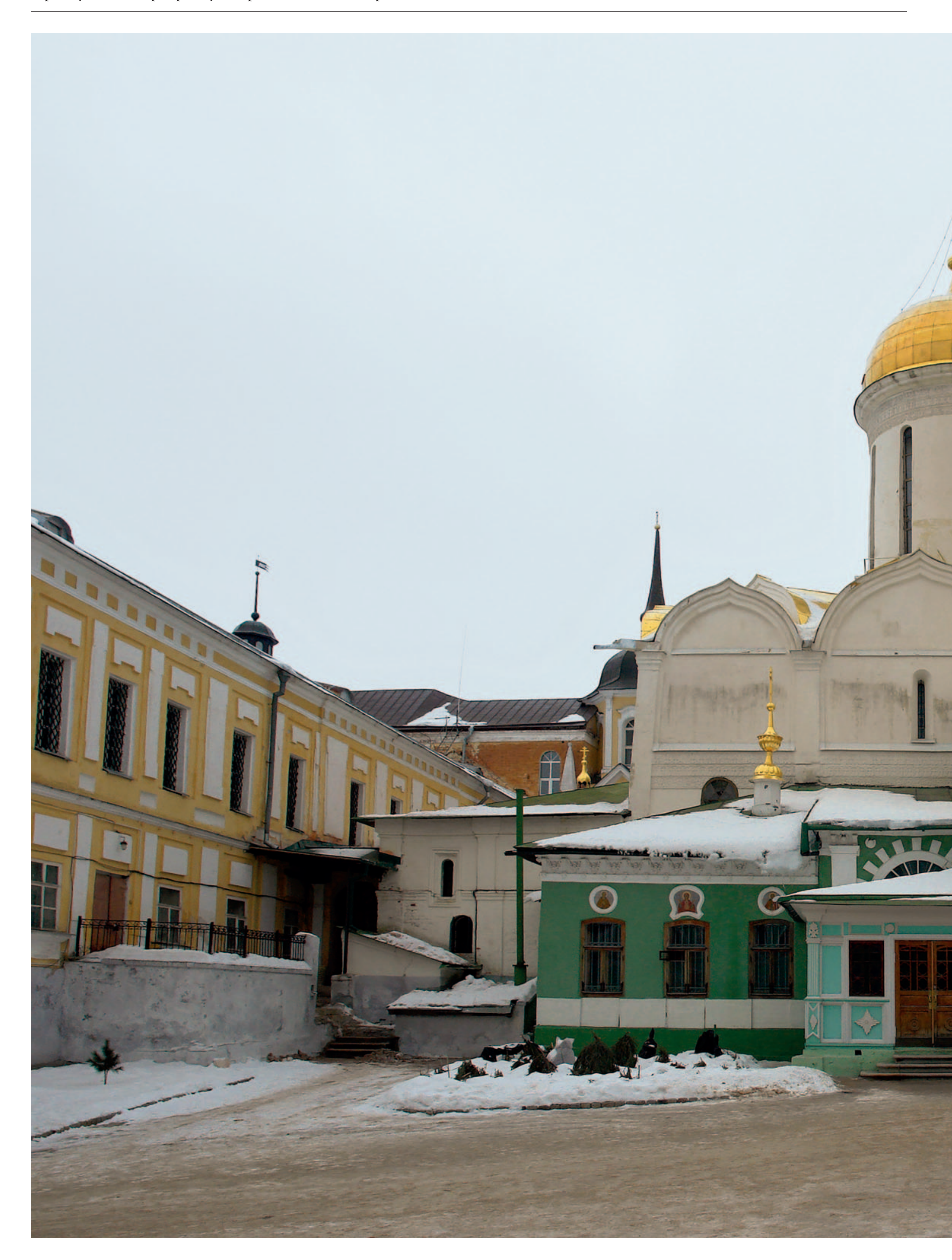
И вот тут приходится припомнить исследовательский (стилистический, логический) метод, более свойственный С.С. Подъяпольскому, чем В.И. Балдину. Первый больше был склонен ему доверять, чем второй, в основном потому что «остаточно-документальный» метод безопаснее: «что вижу, то пою, мелодия уже написана, ноты есть, я отступать не смею». И тот, и другой к моменту (продолжительному, надо сказать, моменту) реставрации Троицкого собора изготовили немало близких к совершенству графических реконструкций и макетов, и опять с одним примечательным отличием. У С.С. Подъяпольского смакетированная и готовая реставрация почти совпадали, а у В.И. Балдина – нет. В.И. Балдин видел на своих рисунках Троицкий собор стройным и высоким, тянущимся закомарами и кокошниками к небу, а вышло ровно наоборот. Высотные характеристики при описании архитектурных достоинств Троицкого собора не применяются, только если про переложенный барабан.

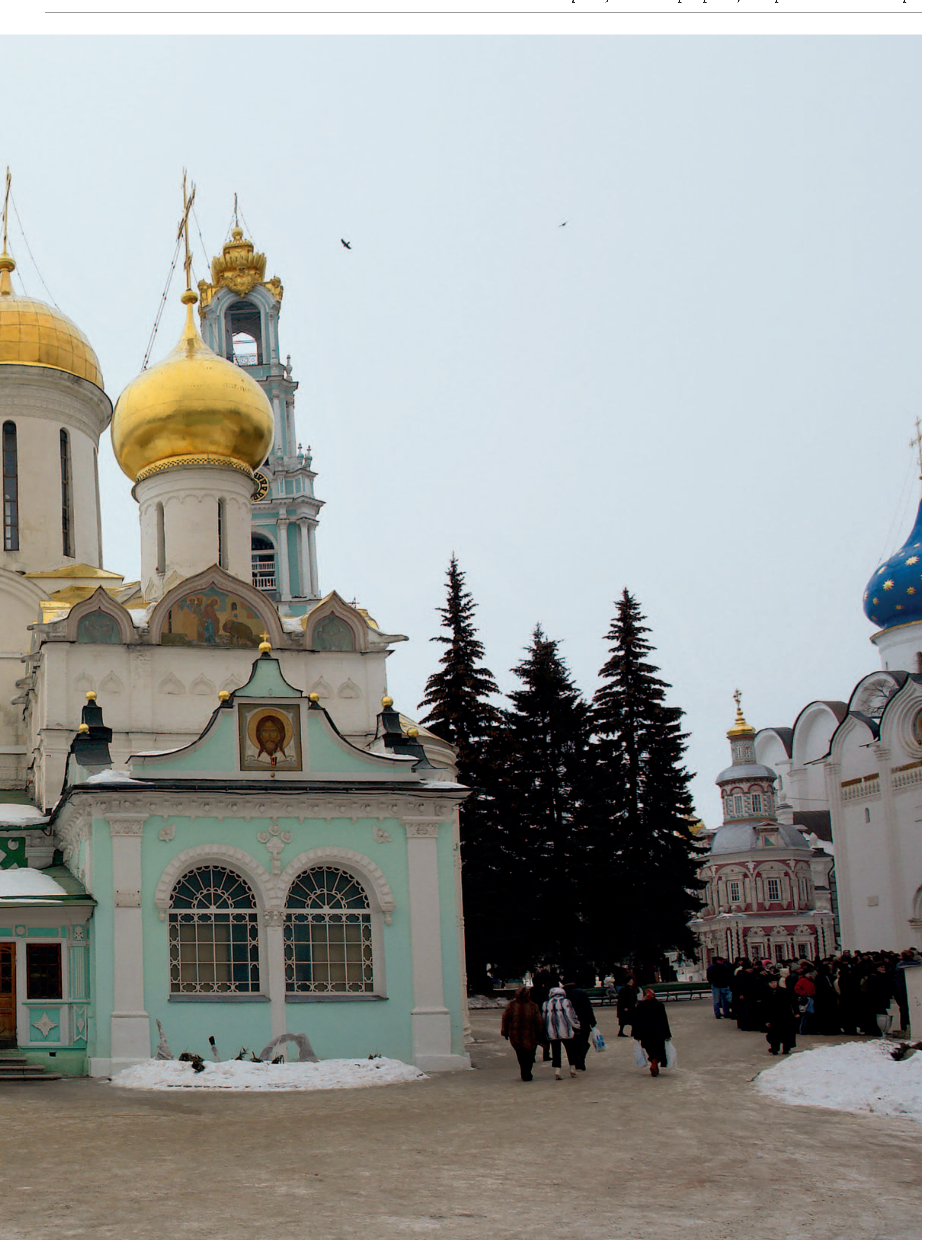
Когда в Троицком соборе появились диагональные закомары, неизвестно. Их ремонтно-восстановительный смысл доказать нельзя, в конце концов, какая разница, как поставить сделанный из кирпича или белого камня полукруг со щипцом или без на крышу – параллельно закомарам, или под углом. Параллельных меньше (не 12, а 8), но это не может быть мотивом, воз кирпича и сколько-то извести, и дело с концом, упрощение финального покрытия (металл, лемех, вряд ли гонт) тоже не очень подходит как причина, словом, зачем – неизвестно. Ставить (ориентиро-

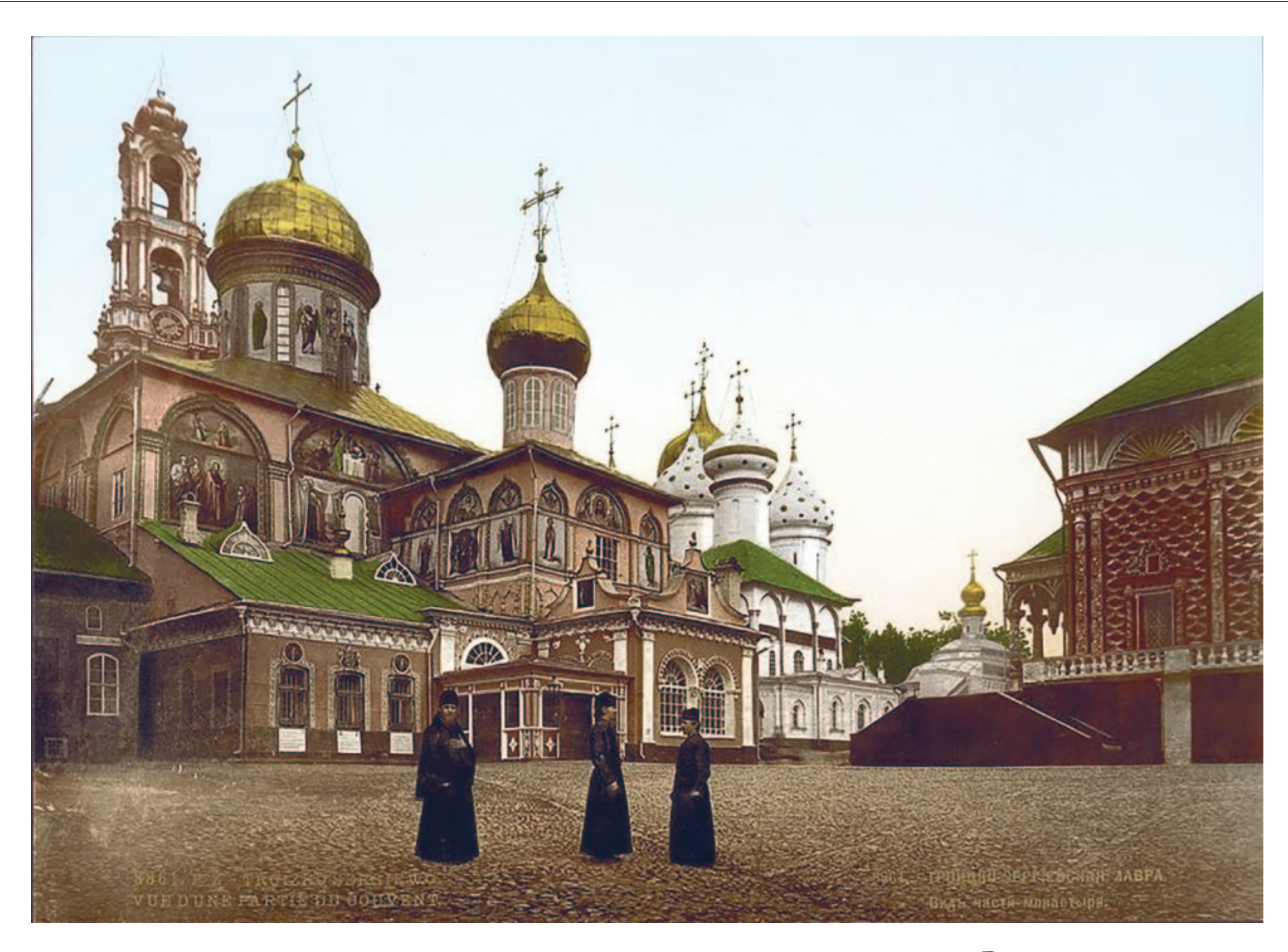


вать) диагональные закомары неизмеримо сложнее, чем параллельные: глава сдвинута к востоку, пространство от барабана до края стены на востоке почти ничтожно, а на западе – огромно; как, под каким углом повернуть все 4 диагонали – задача почти философская, экзистенциальная. Казалось бы, проще некуда – 45°. Но вот незадача – барабан. На востоке выходит тесная толпа кокошников, локтями друг друга

распихивая, а на западе они теряются в просторной степи, равновесие бежит, не прощаясь, запад проседает, как задние ноги у пса, переболевшего чумкой. Наконец, стоит задуматься и над центральными кокошниками второго ряда – а стоит ли их ставить вообще? Их же никто и никогда ниоткуда не увидит (разве что с колокольни), они всегда закрыты: ровный взгляд с четырёх сторон света упирается в серединную







закомару, а взгляду с угла хорошо и надёжно мешает диагональ. Второй ряд в таком исполнении противоречит неписанному правилу: что не полезно, то и некрасиво, и наоборот, что красиво, то и полезно.

Сравнение центрально-диагональных с ныне не существующими, никем не виданными, не имеющими каменных доказательных остатков правильными параллельными двенадцатью кокошниками второго ряда не позволяет здравомыслящему человеку сомневаться: а зачем же делать иначе? Надо только добавить восемь под барабан.

1) Видны все всегда отовсюду.

2) Равновесное построение пространства вокруг барабана с востока и с запада.

3) Силуэт приобретает стройность артишока или вырастающей шишки.

4) Нет необходимости для создания верхнего акцента тратить золото на покрытие всего перекрытия, хотя поэтически оно очень уместно: «Тридцать три богатыря, В чешуе как жар горя...» (33-й – шлем самого дядьки Черномора, потому что «и попарно их выводит»).

Не считая последнего преимущества (добавленного исключительно по соображениям скопидомного характера, так-то можно и потратить), остальные – достаточны для полной и безоговорочной победы позиции, приписываемой нами С.С. Подъяпольскому, и для бесславного поражения решения, принятого когда-то В.И. Балдиным.

Стилистически оно почти безупречно – настолько, что имеет все шансы стать модельным, образцовым для многих более поздних церквей. Первым камнем традиции, начало которой нельзя ни увидеть, ни доказать, вероятно, был всё-таки Успенский собор на Городке (без центрально-диагональных кокошников), блистательно отреставрированный в начале XXI века опять неправильно, в чём нет вины реставраторов, и даже беды реставраторов тоже нет, потому что вариантов огранки алмаза множество, и силой таланта можно сотворить чудо вовсе не в том направлении, которое кому-то показалось субъективно предпочтительным.

«Призрак бродит по Европе. Призрак коммунизма».

Какая гадкая картина: шатающееся по разным странам мутное привидение, проповедующее к тому же странное учение о праве всех на чужое имущество. К нему нельзя было бы относиться серьёзно, если бы оно не трогало имущество. Но то XIX век. В XV, XVI и XVII по Европе тоже шастала разная нечисть, но не лезла особенно в Россию (хотя любопытствовала), хватало своих забот, и, видимо, от неизвестной причины в среде зодчих и подмастерьев каменных дел по недосмотру ев-

ропейских распорядителей в России завелась привычка, нигде более не отмеченная беспримерной живучестью (почти три сотни лет); живучесть явно надо списать на потусторонние силы, и тут не обошлось без призраков, правда, не таких мерзких, как там. Привычка прятать архитектурными средствами простую мысль о том, что, например, празднование успения в Успенском соборе (или благовещения в Благовещенском) может сопровождаться каменным указанием на то, что после 33 апокрифических лет и ещё примерно двадцати происходит воссоединение, а не смерть (или весть о том, что 33 года всё-таки были и есть, вот же они, смотрите вверх), так вот, эта привычка прятать сделала в конце концов в XVIII и XIX веках призрачным само знание об этой тайне. Вместе с пробившей себе дорогу секуляризацией пришла незрячесть: три века никто и не видел, и не писал об этой особенности русской архитектуры ни слова.

Может быть, слово «никто» – неверно, и объясняется только провалами в образовании автора, но до сих пор никто не поправил, не возмутился, не ткнул носом в текст, где об этом тысячу раз уже написано. Пусть будет написано. Тогда остаётся присоединить голос к хору тех, кто об этом уже писал, чтобы ещё раз напомнить: никто раньше и нигде больше не строил таких церквей, с такой тайной, где так коротка дорога от матери эстетики к дочери этике. Тайна сия велика есть. Она наверняка сформулирована в других областях другими словами, но всё-таки архитектура хороша тем, что не требует специального знания, она – как конституция, документ прямого действия, если подзаконные акты ей противоречат – то виноваты подзаконные акты и те, кто ими загораживается от конституции. Чтобы увидеть в здании красоту, его надо понять. Чтобы понять, надо увидеть красоту. Встречное движение может быть обеспечено только (или не только) именно в этой паре: этика и эстетика. Из этой истины вытекает столько всего, что люди уже много тысяч лет об этом ду-

мают, и пока не додумались ни до чего лучшего, чем такая архитектура. Действует на всех, понятна всем, всё, что требуется для постижения истины – прутик и тот, кто изредка погоняет, не кровавя спину погоняемого.

Продолжать содержать эти и такие церкви в тайном состоянии, под уродующими крышами, и при нелепых главах, с антивкусными пристройками – не неряшливость, не недосмотр, не «руки не дошли» (тогда «идите ногами», как положено), это преступление, совершаемое теми, кто мог и должен был бы это исправить, но не делает, не исправляет. Кто это поимённо – понятия не имею. Все = никто.

Звучит очень самонадеянно, но, кажется, что нигде более в целом свете не очень обширное образование не находит в архитектуре ничего похожего – чтобы число «33» так старательно внедрялось в сооружения с так старательно соблюдаемой тайной, чтобы не лезло в глаза, чтобы открывалось только внимательному и въедливому глазу, чтобы игра «в прятки» игралась очень всерьёз, чтобы за много веков, насколько известно, или редко, или вовсе никто и словом не обмолвился о такой «огранке» церквей и соборов. Или носители и хранители тайны берегут её для какого-то употребления в нужный и известный только им момент. А зачем её беречь? Пусть берут все подряд и нарасхват, пусть пробуют подражать, но обязательно с той же хитрецой, чтобы не разболтать секрет дуракам. Хорошо ли это? А чем плохо, если люди чаще станут вспоминать 33 года, сделавшие зарубку в арифметике? Правда, с одним условием – нужен талант. Чтобы сказать, что архитектурная округлость числа «33» – русское изобретение, мало оснований, надо знать сначала обстановку

в православных странах (Сербия, Румыния, Болгария, Грузия, Армения, общины есть и в других местах), затем неплохо бы осмотреться в католических и протестантских странах, заглянуть на Ближний, Средний и Дальний восток, в Абиссинию, иметь представление о Китае и Индии, короче говоря, о всей Земле. Если это не только русское изобретение – и хорошо, меньше оснований для выпучивания «русскости» в ущерб всем остальным «-стям», значит, мы не так уж изобретательны, а такие же, как все, и даже самые значительные достижения не дают права сказать, что русские отличны, потому что лучше других. Наоборот, отличны, значит, такие же, как все.

Ещё об одном надо не забыть сказать. Русское богословие не очень знаменито, да и то, что не так уж на слуху, рассчитано на нечастых любомудров, способных оценить красоту игры ума Томаса Аквината или более поздних знатоков. А вот безмолвное красноречие завершений храмов с использованием числа «33» – рассчитано не на профессоров теологии, а на всех, кто хоть два слова слышал про Христа; красноречивое безмолвие полукружий ничего не доказывает, никого не убеждает, не тратит слов, не врёт и не говорит правду, оно только веками напоминает, как важно знать прошлое и как можно черпать мудрость везде, не защищая дисссертаций, а просто слушая колокола и всматриваясь в себя под присмотром тех, кто точно не желает зла.

Троицкая и Никоновская церкви в Троицко-Сергиевой лавре наверняка вскорости будут освобождены от разноцветных прилепок с южной стороны, то ядовито-салатовых, то желтоватых, иногда вообще зелёных, то с намёком на то, что их авторы когда-то видели голландские города, а то и вовсе без ничего, с никакими намёками на ничто, и неизвестно для чего тут поставленных. Они спрятали южный выход из Никоновской церкви и детскими потугами «нарисовать красиво» скорее смешны, чем отвратительны. Строго говоря, по отношению к Троицкому собору Никоновская церковь тоже является прилепкой, и тоже немного ущемила южный выход из Троицкого собора. Разница только в одном: никому и в голову ни придёт мысль оторвать её от собора, убрать или передвинуть, они срослись, несмотря на разницу в двести лет, а главное – размер таланта тех, кто возводил и собор, и церковь, сопоставим, они слушали один камертон и извлекали из камня одну мелодию, на кусок хлеба добавили второй кусок того же масла. Те, кто принимал решение оставить поздние сарайчики, глумились на памятью авторов этих объёмов, увековечивая презрение к их бездарности, это в сущности мстительная безжалостность. Особенно трогательна, конечно, покраска в жёлтое, здесь сочувственная улыбка переходит в ухмылку. Да, действительно, чтобы построить такие сооружения рядом с шедеврами, надо быть немного пациентом «жёлтого дома», что-то в голове должно сломаться.

После В.В. Кавельмахера трогать словами Никоновскую церковь не стоит, лучше уже не скажешь. Некоторые песни после Марка Бернеса и Анны Герман лучше не петь никому. Не то – Троицкий собор, это святыня такого уровня светимости, что превосходит Покровский собор, что на Рву, но вот о ней говорить обязательно надо, потому что она неправильно отреставрирована.

Ну вот, подобрались к тому, что долго оттягивали. Надобно взойти на гору и посягнуть на авторитеты. Хоть наука и храм, но не кумирня, и статуи не надо низвергать, сечь мечами и жечь огнями, тем более, что высеченное пером не ломается топором, веками стоит неколебимо. В.И. Балдина с пьедесталов сталкивать неприлично. Участник войны, спаситель Лавры, директор МуАра – это лев, которому не страшны укусы шакалов даже после кончины – тлен не портит имя, когда оно честное. Но пока он работал, он оставался человеком, а не героем и львом, и имел поэтому право ошибаться. С середины 60-х годов его тексты, уже утратив авторство (автор не упоминается, «слова стали народными»), переходят из одного описания в другое, исполь-

зуются и в путеводителях, и в монографиях, и в газетах, когда есть повод. Никоновскую церковь с его подачи так и ругают приделом, и дату обозначают как 1548 год. Ошибка в дате возведения – досадна, но она касается только тех, кто ею интересуется, а таких не очень много. Хуже обстоит дело с Троицким собором: его видят все. Эта парочка (Троицкий и Никоновская) ещё не затмили славой все без исключения остальные церкви России только потому, что В.И. Балдин не справился с задачей воссоздать облик Троицкого собора.

После Пятницкой на Подоле, после Никоновской, и особенно после исчерпывающих тему доказательств В.В. Кавельмахера не признать В.И. Балдина способным ошибаться трудно.

Ошибка случилась при восстановлении Троицкого собора после войны. Ныне видимое завершение церкви – неверно. Там должно быть не 16 кокошников, как после 1966 года, а 32, чтобы 33-й счёт пришёлся как раз на главу. Тогда становится понятно, почему Троицкий собор 1423 года стал модельным и самым ранним из похожих церквей, становится понятной его особенная важность в истории, не только из-за древности и иконы Андрея Рублёва, но и из-за красивой архитектурной мысли, не всем внятной и многажды открытой заново впоследствии, то ли самостоятельно, то ли кто-то из помнивших древность нашептал правнукам правнуков то, что им удалось услышать и возвести в камне заново, никому не сказав и спрятав мысль опять надолго, но не навсегда. Несклонность к подсчётам не является недостатком характера, поэтому нельзя никого обвинять в том, что утраченная примерно через сто лет после постройки наглядность (при Василии III собор был перестроен) лишь некоторое время хранилась в памяти тех, кто успел ещё сосчитать, кому успели передать память и кто построил, например, Иоанно-Предтеченский храм (1572) в Кирилло-Белозерском монастыре через сто с лишним лет, может быть, ещё где-то, и тоже подвергся плосконакрытию крышей. Троицкий собор сразу после постройки соответствовал по масштабу гениальности (тут уж самые превосходные эпитеты не только правомерны, но и недостаточны для характеристики размера дарования и его качества) «Троице» Андрея Рублева, которая вскорости там и появилась, начав эпоху русского Возрождения, дотянувшуюся от начала XV века до конца XVII-го, то есть три века отечественной истории с полным правом следует именовать ренессансными и характеризовать как ренессансные, с расцветом в XVI веке, от Иоанна III и Василия III до Бориса Годунова и Фёдора Алексеевича.

В.И. Балдину, естественно, не пришло в голову пересчитывать отсутствующие закомары с кокошниками в Троицком соборе после войны – все, что осталось от спрятанных больше четырёх веков кокошников, было накрыто четырёхскатной крышей; с какой стати тут считать то, чего нет, и следов этого нет. Избавившись мысленно от крыши, В.И. Балдин должен был представить себе завершение собора, имея в багаже недостаточное для правильного решения количество информации. Ясно, что нужны закомары. Оставить их стоячими полукольцами на плоской крыше нельзя из-за дождей и снега, надо было как-то организовать водоотведение на покрытии с уклоном.

Вот эта задача решена плохо, неправильно, не так, как надо. Неполезное – некрасиво. Некрасивое бесполезно. Во всём русском храмо-

строительстве нет примеров ненужного, невынужденного утяжеления основания барабана через размещение у этого основания массивной прямоугольной площадки, бессмысленно нагружающей четыре столпа внизу и архитектурно неоправданной, ни для чего не нужной, пригодной только для одной цели, уже переставшей быть полезной – опереть стропильные ноги бывшей когда-то плоской крыши с обрешёткой на этих ногах. Когда-то, может быть, её и поставили для обеспечения аварийных работ по спасению храма и замене (для этого) сложного позакомарного покрытия, дорогого в обслуживании и недолговечного. Но эта вполне безобразная деталь не имеет права присутствовать на шедевре, её и не было в изначальном проекте самого В.И. Балдина, барабанная башня и у него стоит ещё чистой и стройной, туда прямо просится ещё рядок кокошников, но поменьше, и размером, и числом, не 12, а 8, чтобы уместились, но были заметны не хуже остальных.

Надо признать, В.И. Балдин это понимал ничуть не хуже нас, тому есть документальные свидетельства – один из первоначальных проектов реставрации он рассматривал как основной и заслуживающий упоминания как единственный в монографии о реставрации Троице-Сергиевой лавры. Там 20 кокошников (то есть 12 закомар и 8 кокошников, повторяющих форму закомар) и никакого квадра в основании барабана, просто круглая башня. Когда бы В.И. Балдин имел перед глазами надвратную церковь Феодотия Анкирского в Серпухове, во Введенском Владычном монастыре, он бы обязательно по аналогии добавил ещё 8 кокошников в основание барабана, имея в качестве обоснования не доставшийся от древности кирпичный квадрат, а арифметическую мысль, которая сильнее остатков от деятельности неведомых ремонтёров прошлых веков. Но на XVI или XVII (может быть, и XVIII или XIX) век рука не поднялась, пришлось хитрить, заметая следы.

Дальше без текста не разобраться.

> Стены собора выложены из правильных блоков белого камня; узкие, редко расположенные щелевидные окна подчеркивают толщину и массивность его конструкций. Членения фасадов сохраняют традиционную трёхчастность, но это уже не обычная владимиро-суздальская разбивка поверхности стен лопатками тонкого профиля с полуколонками, переходящими в обрамление закомар. Плоские лопатки Троицкого собора очень массивны и приобретают значение конструктивных пилястр; на их капители опирается арочная кладка килевидных закомар, поле которых отделено от плоскости стен дополнительным уступом (ил. 13). Таким образом, здесь впервые в русской архитектуре появляется оригинальная трактовка классической ордерной системы, получившая затем своеобразное развитие в сооружениях последующего столетия.
>
> Единственным украшением фасадов собора служит широкий пояс из трех лент искусно высеченного «плетеного» орнамента; он как бы стягивает тело храма, разделяя его на две неравные по высоте части, а также огибает верх алтарных апсид и высокого барабана главы.
>
> Особым своеобразием отличалось первоначальное завершение памятника. Массивный башнеобразный барабан с десятью огромными окнами и главой установлен на высоком прямоугольном постаменте. В его основании с четырех сторон выступали объемы ступенчатых арок, оформленные в виде кокошников; по углам четверика церкви, как бы замыкая перспективу при взгляде снизу, располагались так называемые диагональные закомары. Есть основания полагать, что первоначально собор был покрыт «свинчатыми досками», уложенными непосредственно на своды по слою бересты. (В настоящее время завершение Троицкого собора несколько отличается от первоначального: при реставрации 1966 г. была восстановлена та система покрытия, которую собор получил в 1510 г., когда была устроена новая же-

лезная кровля («побили железом верх»), разобраны кокошники у постамента барабана и сделан другой, более высокий купол.

(*Балдин В.И.* Троице-Сергиев монастырь. История и формирование архитектурного ансамбля // Балдин В.И., Манушина Т.Н. Троице-Сергиева Лавра. Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв. М., 1996).

Весь первый абзац полон загадок. Хоть лопатки (плоские, массивные), хоть пилястры – всегда подпирают опирающиеся на них закомары, иначе просто не бывает, закомары потому и закомары, что почти или совсем не отделены от прясла, никакой новой типологии нет, да и «оригинальная трактовка классической ордерной системы», как и сама ордерная система – не обнаруживаются, развивать в следующем столетии пока нечего. Поле закомар на самом деле не «отделено от плоскости стен дополнительным уступом»: последний, нижний валик полуовала закомар (прямоугольного сечения) ровно и без уступов соединяется с пряслом стены, только само донышко закомары утоплено для более убедительной игры светотени внутри самой закомары, а уступа между пряслами и закомарами как не было, так и нет, карниз не образовался, он разорван нижними валиками, антаблемент не просматривается даже в замысле. Далее – «высокий прямоугольный постамент». С ним происходит что-то неудобовыговариваемое: оформившись в виде кокошников, с четырёх сторон в его основании выступают объёмы ступенчатых арок. Изменена только временная форма глагола, но кто куда «выступал», всё ещё неясно; а если смотреть снизу, «перспективу замыкают... диагональные закомары». Такие закомары хорошо сработали в Старице, в Успенском соборе, но здесь их появление – произвол. При взгляде снизу они не замыкают перспективу (если даже позволить себе такое мыслепреступление), а просто не видны. К диагональным закомарам для доказательства их существования В.И. Балдин дал сноску, опровергающую их существование, из описания путешествия Павла Алеппского со своим батюшкой: « Крыша как этой церкви, так и всех вышеупомянутых церк-

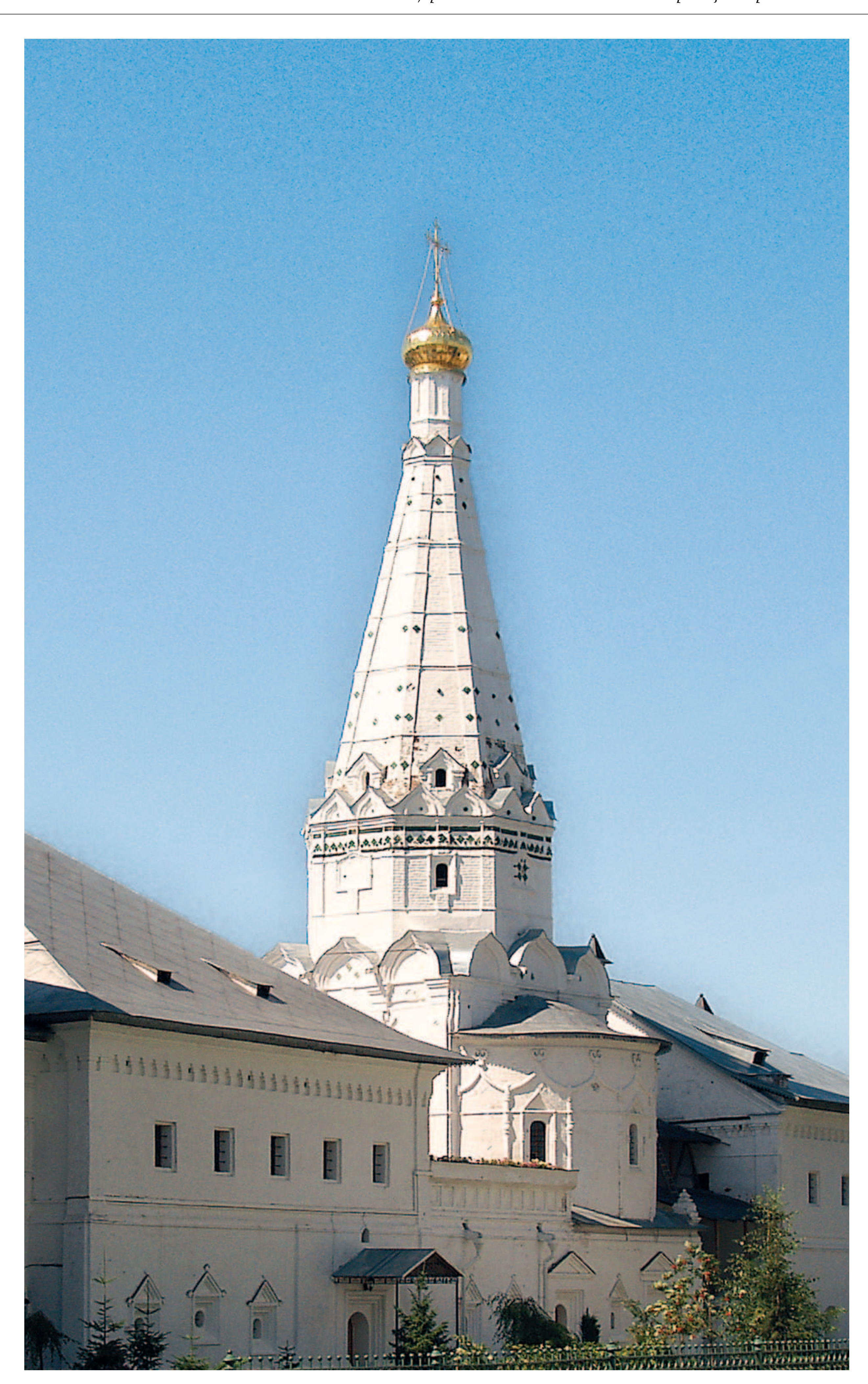
вей, походит на кедровую шишку или на артишок; она не плоская, не горбообразная, но с каждой из четырех стен церкви есть нечто вроде трех арок, над которыми другие, поменьше, потом еще меньше кругом купола — очень красивое устройство. Все покрыто досками для защиты свода от дождя и снега, дабы он не портился. Под этою церковью много склепов и подвалов». «Три арки» у Павла Алеппского – это три кокошника с каждой стороны света, над которыми «другие, поменьше». Далее – суть: «потом ещё меньше кругом купола».

К 12 «аркам» Павла Алеппского надо прибавить ещё 12 «других, поменьше», потом 8 «ещё меньше кругом купола» – получаем в коломенской церкви в середине XVII века те же «33», что раньше и позже в других местах.

В.И. Балдин в проекте нарисовал 20 кокошников, про те, что «потом ещё меньше кругом купола» – не обмолвился. Вероятно, речь должна идти не о нерешительности, а просто об отсутствии каких бы то ни было оснований, и в голову не пришло, – а Павел Алеппский не натолкнул на мысль только потому, что В.И. Балдин не обязан знать про существование тайны числа «33». Без прибавления 33-го элемента (главы), на основании только общего силуэта – число «32» ничем не лучше и не хуже числа «20», с двадцатью кокошниками (из них 12 – закомары) и так получилось в проекте очень неплохо. А когда открылся квадратный постамент, не исключено, что и с остатками диагональных кокошников, продукта из следующего столетия – пришлось следовать «существующей архитектурной форме», не выдумывая ничего нового, из головы. Вот это-то и оказалось худо. Андрей Рублёв два раза на свет не рождается. Все остальные, пишущие иконы, до него только дотягиваются. И если бы его «Троицу» в XVIII, к примеру, веке записали масляными красками, то бережное отношение к этим краскам в XXI веке было бы преступно и свидетельствовало бы о несколько болезненном состоянии умов, трепетно стерегущих выдуманные конструкции, нормы и правила – «природе вопреки, наперекор рассудку».

10 нынешних окон барабана могут быть и результатом переделок за шесть веков – цифра очень непривычная, но не исключено, что так и было изначально, потому что их несоотнесённость с восемью кокошниками вполне могла добавлять выразительности общей конструкции. Установить, были там кокошники, или нет, можно, разобрав две восьмых (или сделав шурфы) когда-то очень давно прибавленного квадратного основания барабана – может быть, там, у стенок барабана, остались следы примыкания кокошников, если даже не было перевязки кирпичей. Если барабан перекладывали (для повышения) полностью, то, конечно, следов нет. Но в головах-то следы должны оставаться, до сего дня. Решать это должна конгрегация специалистов, не исключено, что стоит сделать несколько макетов в разных масштабах.

Последнее по порядку, но не по важности соображение для отмены диагональных кокошников, появившихся в незапамятные времена (XVI век?) на месте вторых 12, вероятно, для упрощение покрытия и его обслуживания (то есть для уменьшения числа кривых сочленений, головной боли любых кровельщиков). Смещение барабана и главы к востоку входило в проект, и на этой же стадии надо было, следовательно, решить нетривиальную задачу: прямоугольный в плане четверик со сдвинутой к востоку главой уснастить после закомар, стоящих по периметру, не оскорбляющим взор украшением «на пути» к барабану, – и повторить это на востоке и на западе. Даже не очень ловкому в геометрии человеку ясно, что на этапе проектирования диагональные кокошники появиться не могут: их придётся ставить на чертеже под разными углами, причём на западе дважды теряется логика примыкания диагональных кокошников к угловым закомарам: 45° – единственное сколько-нибудь приемлемое решение трудно даже на бумаге соединить с барабаном. Ещё недостроенный, стоящий без завершения четверик с уже возведёнными внутри столпами прямо запрещает, не позволяет даже подумать



о каких-то диагональных кокошниках, они непозволительны: если от восточных закомар до барабана, положим, два метра, а от западных закомар до барабана – пять, то сделать разницу не бросающейся в глаза, спрятать её, «скрасть» можно только установкой параллельных закомарам конструкций, мешающих оценке этих расстояний. Пока нет верха, диагональное не идёт в голову, а вот когда он через сто, допустим, лет обветшал, уменьшение числа загогулин на уже существующей крыше с 24 до 16 – существенная помощь в уходе за покрытием. Оба западных промежуточных кокошника после перестройки смотрят куда угодно, только не туда, куда надо – 45°, они просятся стать параллельными трём западным закомарам, во всяком случае поверхностный взгляд прихожанина угол вычислять не будет, ему достаточно будет «почти», возмутительно отличное от того, что видно на востоке, и приходится их как-то причудливо переконфигурировать. Северо-восточный диагональный кокошник виден с нынешней колокольни почти фронтально, и если от фронта повернуть на 90°, то северо-западный должен быть совсем не виден, однако западная его половина прекрасно выглядывает из-за угла, и довольно далеко. Симметрия никогда не диктовала архитектору соотношение главных форм, но в данном случае получается форменное «искривление пространства», запад вытянут, восток притуплен, ведь желтого здания ещё нет, вход, как и положено, с запада, с некоторого расстояния, позволяющего видеть эту несуразицу, начиная с трёх непомерной длины горнопроходческих туннелей между закомарами и кокошниками, с одной (западной) стороны, и барабаном – с другой. Этим туннелям нельзя себе представить соответствие изнутри на потолке, для приобретения несущей способности они должны подрасти в высоту, сделав безобразие нескрываемым. Градусно-поворотные несообразности на западе – следствие основного просчёта: относительно небольшое здание, имеющее один барабан и одну главу, пусть даже и смещённые от центра, всё равно остаётся в восприятии центрическим , сдвиг не все и замечают. Закомары, второй ряд кокошников и корона в основании барабана эту основную черту подчёркивают тройной жирной чертой, а отсутствие второго и третьего члена в последовательности уподобляют ныне существующее покрытие бурному морю с относительно высокими волнами, что, конечно, намного лучше скатной крыши, но не очень намного, скорее на немного, да можно сказать, что не особенно-то и лучше, всё равно почти ничего с земли не видно.

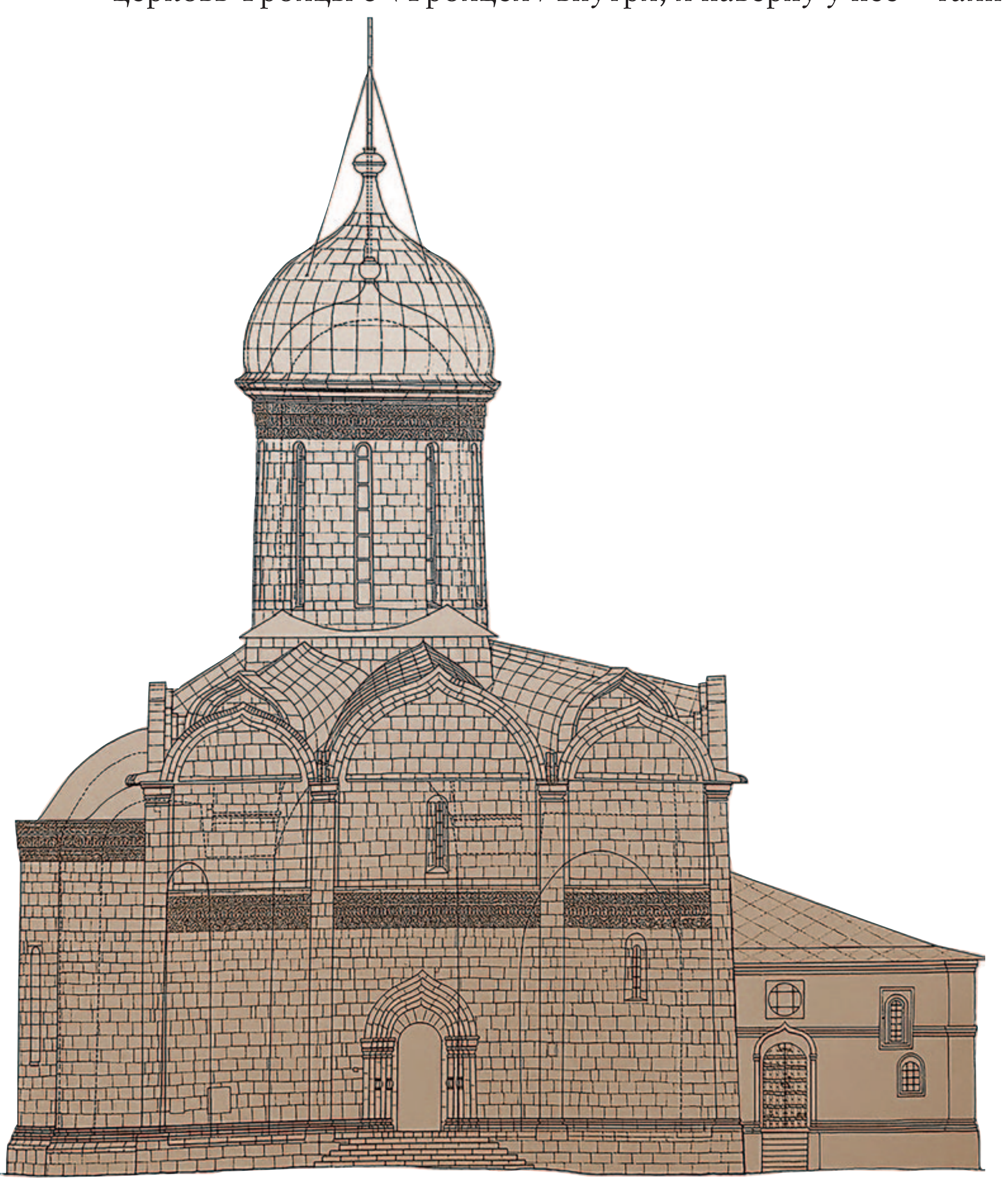
И никаких этих трудностей нет при наличии второго ряда кокошников, которым, как соус к макаронам, необходима корона из 8 кокошников в основании барабана. В.И. Балдин, судя по первоначальному проекту реставрации, это видел не хуже нас, но его подвела научная порядочность: ну как можно ставить второй ряд кокошников, если нет остатков, если прошлые переделки завершения собора были такими добросовестными, что не осталось ни следа от того решения, которое выглядит единственно возможным. Порядочность победила. Смысл и замысел XV века исчезли. Поставить особенно западные диагональные кокошники и в самом деле оказалось непросто, они приобрели чудную вогнутую геометрию, их всё равно почти не видно с земли, ни поблизости, ни издалека, перспектива тут ни при чём. Научное достоинство не пострадало, а вот честь подмастерья каменных дел уязвлена.

Промежуточная станция для памяти по дороге от начала XV века к началу XXI – семнадцатый век, содержащий в Лавре по крайней мере ещё два намёка.

Первый – церковь Зосимы и Савватия, в которой можно видеть или не видеть число «33», но оно там всё-таки есть. Там кокошников больше, чем 33, ровно на лишних 12, которые на четверике; а те, что на шатре – нижний рядок из 8 двойных на каждой грани, потом два раза по 8, и глава. Тому, кто строил Зосимо-Савватиевскую церковь в четвёртом десятилетии XVII века, кто-то рассказал о значении числа «33» в строительстве церквей, случайно цифры так не складываются.

Второй – ризница Лавры, на восточной стене которой С.В. Демидов раскрыл целую вертикальную чешую из кокошников. Даже просто их количество, целая сеть, наброшенная на вертикальную стену здания, напоминает о том, что такая архитектурная

деталь, как кокошник, обладает особой семантикой, какой-то неочевидной важностью, обращающей на себя внимание уже тем, что начинается сеть прямо от земли, снизу, а не сверху здания. Непродолжительное разглядывание делает загадочность сугубой – а зачем в серединке каждого какой-то выкрашенный в тёмное плоский огрызок кирпичной вставки, как остаток чего-то отломанного, словно грабители впопыхах вырезали картины из рам и утащили, оставив пустые держатели ткани. Увеличение продолжительности разглядывания не помогает понять, что это такое. Единственное ни на чём не основанное предположение, легкомысленное и поверхностное – это остатки румпы, то есть керамического выступа на тыльной стороне изразца, который укрепляется раствором в выемке в стене и держится столетиями, если его не выковыривать специально, если не пользоваться ломом или не расстреливать с непонятной, но неприятной ненавистью к тому, что нечто красивое не только существует на свете, но даже висит прямо на стене в пределах видимости и прицельной дальности. Такой накал первобытной естественности был достигнут после 1917 года, когда полагавшие себя просвещёнными предзинджантропы непринуждённо, то есть добровольно играли черепом Ксении Годуновой в футбол для удовлетворения потребности в спортивных утехах. Если предположение хотя бы отчасти справедливо, то стена, состоящая из сверкающих изразцовых чешуек-кокошников, должна была внешним блеском напоминать о сокровищах, спрятанных в ризнице, и о том, что рядом, совсем неподалёку, в нескольких саженях находится драгоценная шкатулка – церковь Троицы с «Троицей» внутри, и наверху у неё – тайна с двумя цифрами «3».

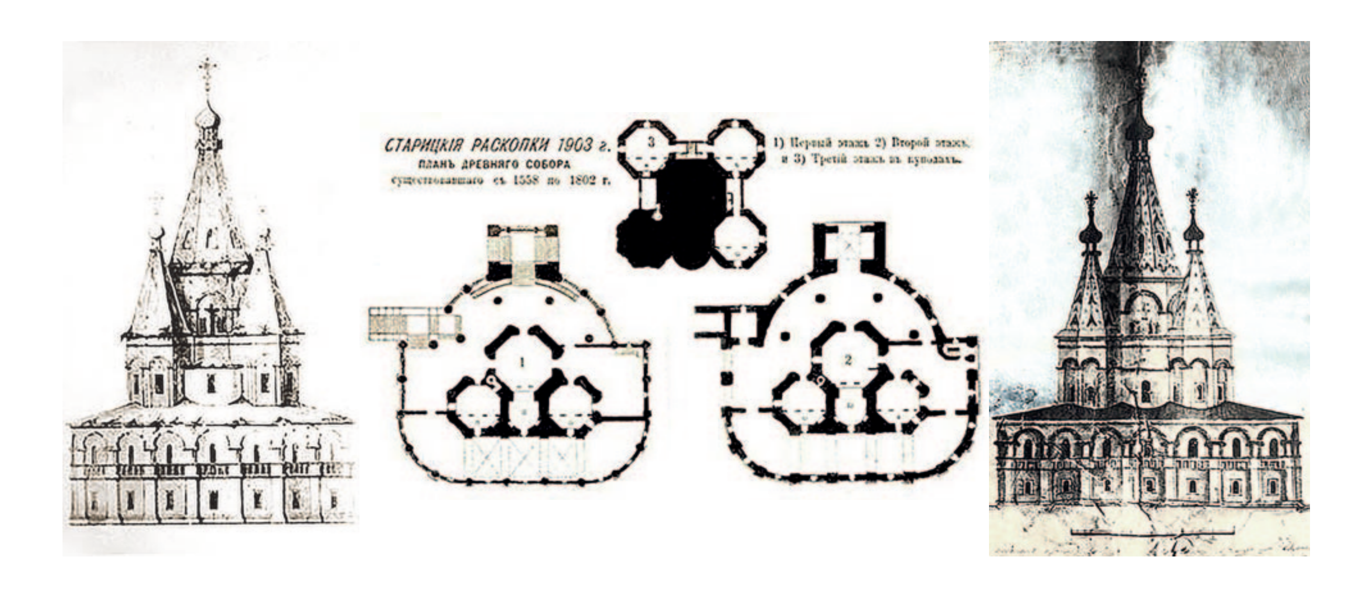


Такое «изразцовое» толкование стены кокошников у ризницы – не более чем предположение, вполне возможно, что автор строил что-то совсем иное, что отсутствует в воображении потомков и требует материальных толчков из прошлого. Начиная с 1510 года (или с более поздних времён) никто полной наружной ценности шкатулки Троицкого собора несколько веков не видел. А должен. Так же, как ту фреску на Фроловской башне кремля, которая сделала её Спасской, – образ, спрятанный после 1917 года под штукатурку и открытый в начале XXI века миру.

УСПЕНСКИЙ СОБОР СТАРИЦЫ

Уже одно только само название города – «Старица» немного притормаживает ход событий: если в прежние времена местность поименовали так, что она уже тогда была древней, то она уж точно являет собой что-то доисторическкое, не совсем из эпохи динозавров, но не исключено, что мамонтов-то повидала. Старицами часто называют бывшее течение реки, отвильнувшей в другую сторону, но тут такие горы на правом берегу, что не очень-то забалуешь. Так что имя не от природных перемен, а от другой речки, от людей, исстари здесь обретавшихся.

Раньше прочих на память приходят князья Андрей Иванович Старицкий и Владимир Андреевич Старицкий (двоюродный брат Иоанна IV) с матерью княгиней Евфросиньей и Борисоглебский собор на правом берегу, от которого остались редкие документы, обломки изразцов и изобразительные материалы. Собор повторил трагические судьбы Старицких в XVI веке – Андрея уморила голодом Елена Глинская, Евфросинью утопили в Шексне по приказу Грозного, отравили и Владимира. Обветшавший собор в XVIII веке начала добивать Екатерина II, закончили уже при внуке. Чудом кое-какие изразцы попали сначала в Дмитров, потом в Исторический музей. Память о соборе теплится больше двухсот лет, может быть, ещё и потому, что личности князей, княгинь, княжичей и княжон вольно и невольно ассоциируются с прекрасным результатом их усилий и стараний будущего первого патриарха Иова, обида за изничтоженный Екатериной II и Александром I храм делает все их судьбы ещё мрачнее, и собор не заслужил погибели, и они пали оттого безвинно, что нет



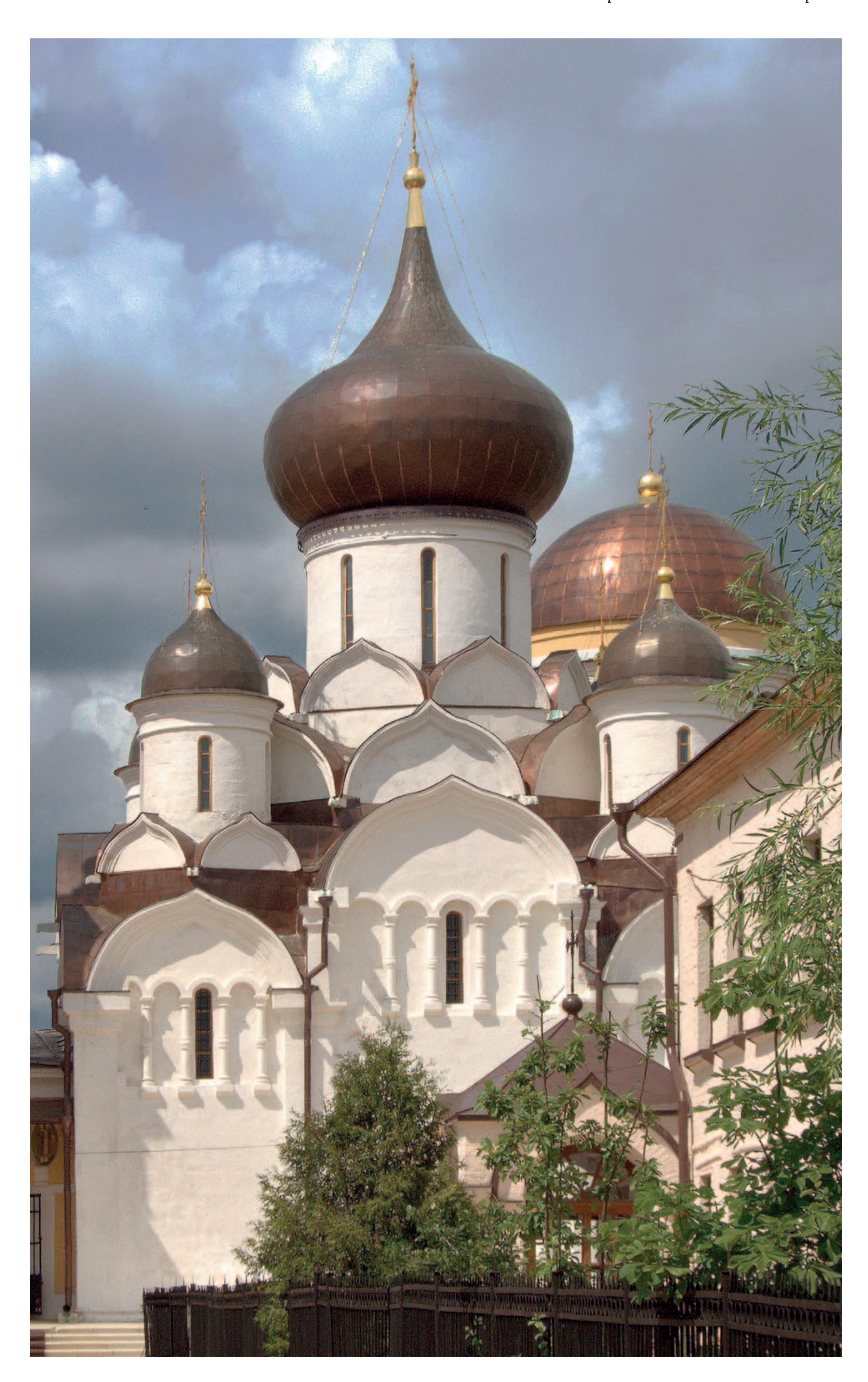
Борисоглебский собор Старицы. Реконструкция В.А. Рябова

такой вины, которая могла бы стать причиной такой кончины.

На левом берегу Успенский монастырь. Вот где радость с печалью спаяны.
Стоящие рядом два изображения одного и того же храма в Старице производят ошеломляющее впечатление – буквально, словно ударили палицей по шлему, надетому на голову, в которой долго ещё гудит. Если время и люди сумели так изуродовать Успенский собор к началу XX века, что его нельзя по фото опознать, то архитектор-реставратор собора если не равен, то уж точно близок первоначальному автору XVI века, он сделал, может быть, и не точно так, как было в тот год, когда родился Иоанн IV Грозный, но точно так, как должно было быть. Стоящие рядом две картинки прочно убеждают: должно быть вот так, как на второй, сегодняшней. Реставратор не «перепридумал» формы храма, он по жалким остаткам, по корням отсутствующих зубов, не удалённых, а отломанных при прежних восстановлениях и поновлениях, проник не просто в логику автора, реставратор силком уподобился автору и стал даже немножко лучше него, как хороший редактор или научный руководитель понимает автора лучше него самого и помогает внятнее выразить авторскую мысль, он (реставратор) сотворил то, до чего ещё не додумалась научная стоматология – из корней вырастил новые родные зубы, чистенькие, ухоженные, защищённые. Время набросит патину, аромат новизны выветрится, а главное спасено, вся ловкость строителя явлена миру опять, любуйтесь, наслаждайтесь, учитесь.

Успенскій соборъ Старицкаго монастыря.—1530 г.
(Фот. Ѳ. Ѳ. Горностаева).

Надо признать, есть чему учиться и чем любоваться. Образование формы, вероятно, всё-таки падает в голову автора с неба, но его роль тоже есть – он услышал. Авторскую запись нот для мелодии можно хоть урывками и кусочками разглядеть. Общее, аккордное впечатление – много, крупно, множественное, толпой, живое, тёплое, почти шевелится, есть движение, прямо-таки ощутимое под рукой, как младенец в утробе на восьмом месяце. Неважно, откуда начинать смотреть – отовсюду. Большие куски



формообразования падают со всех сторон, и не проглатываются, не подавиться бы. Три апсиды, покрыты почти четвертьшарием, то есть отрезана и выброшена сначала нижняя половинка шара, потом от оставшегося отрезана и выброшена задняя половинка полушария, та, что не видна. Покрыто медью, ждём, когда окислится, позеленеет до купороса. Не в меди и не в округлости дело. Над округлостью – короткий лоток свода с накрывающим кокошником, который вплотную примыкает к покрытию апсиды. То есть переход к сложному, как рытый бархат, покрытию четверика устроен с избытком, не жалея, с образованием неочевидного элемента, ненужного ни конструкционно, ни «для красоты» – а получилось и невиданно, и неслыханно, ну ровно платок, надетый на женскую головку, да ещё надо лбом спряталась пышная причёска. Камень вне скульптуры не может быть антропоморфен? Точно не может? А здесь? И дальше выше эти платочки умножились и завертелись в разных поворотах.

Следующее чудо – как повернуть круглое? Чтобы понять, надо не увидеть, а услышать. Круглое – зачем поворачивать, оно же круглое? Но ничто не потревожит ум, если сказать, что барабаны малых (угловых) глав повёрнуты на 45° по отношению к стенам четверика, хотя щели их окон по-прежнему смотрят по сторонам света. Повёрнуты только их основания с тремя кокошниками. Четвёртого нет, потому что некому смотреть от центра. Тут мы подобрались едва ли не к главному. Каждый из многочисленных платочков-кокошников образован более или менее продолговатым лоточком донышком наверх, его маленькая округло-треугольная плоскость отстоит от того, к чему примыкает, она отодвинута или выдвинута к зрителю с небольшим подвышением, чтобы припрятать сам лоток. Тот, кто так делал, знал, чего добивался. Даже дыхание наблюдающего человека немного колышет его голову. Когда человек шевелится, например, во время движения, и смотрит на храм, платочки начинают шевелиться тоже, тени умножают, продолжают это движение, «отстояние» контрастных кокошников делает подвижность постоянной, даже если зритель замрёт – тень движется сама. Так здание начинает шевелиться всегда, то есть жить всегда, гора становится живой, подвижной. Про четвёртый кокошник у малых глав никто и не вспоминает, он не нужен, а следующие два кольца кокошников всё время немного загорожены малыми главами с барабанами, немного «выглядывают» из-за них. Зритель временами не видит часть или части кокошников, но верит, что они там есть: так образуется невидимая, но прочная связь, стягивающая всю верхнюю часть к центру, как пирамиду или шатёр.

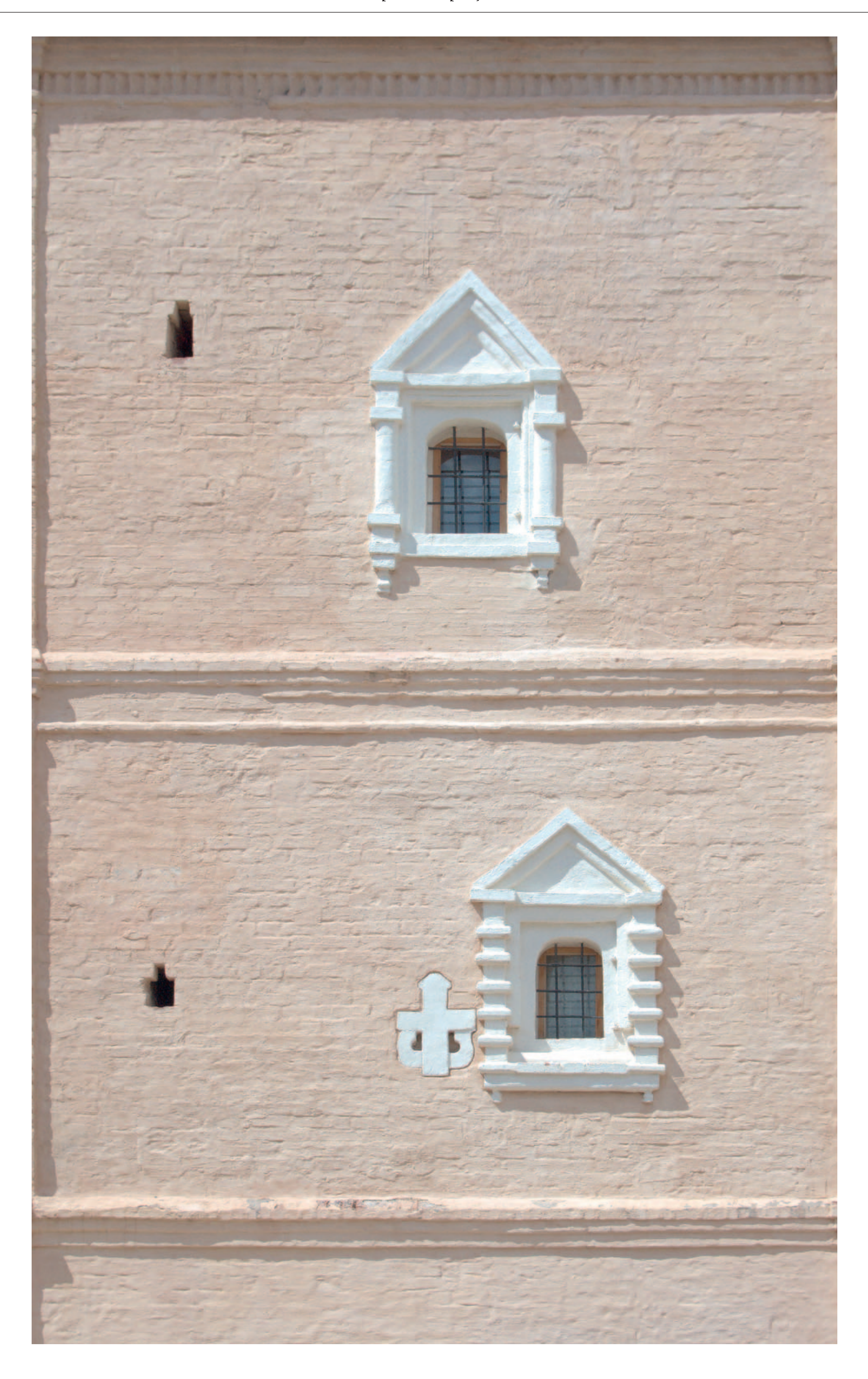
Поворачивая круглое, надо не забывать думать о том, что не должно закружиться. Юго-западная малая глава производит впечатление симметричного ровного бочонка. Вот чего тут нет, так это симметрии. Ни стереоскопическое зрение человека, ни сколь угодно обширная матрица или стекло (плёнка) за линзами объектива не могут увидеть два противоположных окна в барабане, если они расположены по диаметру. А мы видим. Значит, хотя бы одно сдвинуто к зрителю, приближено к нему, и это скорее всего восточное окно: когда утренний свет обогнёт соседний восточный барабан и главу, луч света дольше будет освещать внутреннюю стену барабана, не скрадываясь толщиной кладки. Впрочем, может быть, это просто глупое предположение невежды, и объектив при помощи дифракции или интерференции умеет отражённым светом немножко огибать объект, чтобы разглядеть его со всех сторон, а окна расположены идеально ровно.

Но вот с южным фасадом ошибок нет и быть не может, тут нас ни волны, ни корпускулы не собьют. Расположение деталей доказывает, что никакого равенства в природе нет. Эта истина в XVI веке была известна не хуже, чем в XXI-м. Более того, неравенство полезно. Фасад не был бы таким, каков он есть, если бы восторжествовала симметрия и умение делить отрезки на ровные части. Перспективный портал

сдвинут вправо – ладно, мало ли зачем понадобилось. В каждом из трёх прясел стены – четыре колонки и почти пять арочек. Три центральные арки везде одинаковы, а крайние – все разные. Все четыре колонки все три раза стоят строго не посередине, западное и центральное окна сдвинуты вправо от оси каждой закомары, а на востоке налево; шесть крайних простенков между колонками слева и справа – разной ширины, из-за это и остатки крайних арок имеют разную кривизну. Эта вопиющая асимметрия устроена великим мастером, который понимал, что сбой ритма создаёт больше динамики, чем унылое повторение, фасад, так же, как и завершение здания, оживает, на глазах начинает двигаться, шевелиться, меняться и подрагивать, как шкура лошади, которая стряхивает волной противную муху.

Последнее чудо – как водится, арифметическое. У четырёх малых глав кокошников, как будто, по три, а не по четыре штуки. Для создания правильного впечатления, для торжества умелого обмана применён вовсе неслыханный способ: ладно, четвёртый (который должен был бы быть обращён к барабану, откуда никто никогда смотреть не станет, потому что не залезет на крышу) и строить не стали, но ведь и наличные три сделали чудно. Те, что с северного и южного краёв, повёрнуты друг относительно друга примерно на 160°; а третий кокошник – почти под прямым углом. Эта разница – та самая громадная изюмина, которая навалилась на этот торт последним украшением, потому что добавила колдовства. Теперь почти совсем невозможно сосчитать, сколько же их, кокошников после закомар. Под малыми главами между кокошниками видится то прямой, то тупой угол, кто же знает, есть там ещё кокошник, или нет, тот самый, четвёртый. Лучше спрятать число «33», кажется, невозможно. Надо сначала отделить закомары от подсчёта, потому что это другая красота, относящаяся к четверику, потом понять, что их в нижнем ряду кокошников (под малыми главами) всего 12, а потом, уже под барабаном – два раза по 8. 12+16=28. Да пять глав. И собор – Успенский.

WC



Введенская церковь (1570 год, через сорок лет после 1530, Владимира Андреевича уже нет) не отстаёт от Успенской. Она и позволяет не включать в счёт закомары с арками и колонками: уже тогда строители поняли, в чём секрет, и повторили его во Введенской, где при подсчёте учитываются только те, что на шатре – 24 у подошвы и 8 на вершине.

В самом конце XVII века в надвратной церкви Иоанна Богослова тоже, кажется, ухитрились не отступить от традиции. Совсем не маленькую апсиду вообще поставили на четыре ноги, а восьмерик, как водится, учинили восьмигранным. Только на шести гранях с юга и с севера по два кокошника на каждой, а на двух (с запада и с востока) – по три, на барабане восемь. Итого 26, куда ещё шесть пристроили – ума нельзя приложить. Не под крышей ли, столь замечательно выделанной? Может быть, и нет. Но поинтересоваться надо, хотя бы потому, что строил человек, не лишённый залихватских манер, прогрессивный и нахватавшийся новшеств к концу XVII века. Две крайние восточные ноги под апсидой напоминают не только надвратную Петропавловскую во Флорищевой пустыни, но и Рождественскую в Поярково, где колокольня укреплена на табурете, ножки которого разъезжаются (как у щенка) и уже даже немного сползли с центра основания на край, а свод над проходами сделан с прогибом вниз – так, что видны мышцы кирпича и связей, из последних сил удерживающих верхнюю массу. В Поярково – колокольня, а здесь – апсида, и связи, окончания которых спрятаны внутрь стен (неизвестно, с костылями-затычками или без) отказались справляться с нагрузкой; пришлось срочно ставить подпорку, может быть, при ещё не высохшей кладке. Спасти-то спасли, а вот позор – остался навеки. Хоть фамилия и неизвестна, ясно, за что наказан вечным презрением автор церкви: прежде чем делать людям красиво – выучись азам, ремеслу, не рассчитывай на авось, если что-то плохое может случиться – оно обязательно случится. Случилась стенка в проходе, хорошо, что вдоль, по ходу.

Введенская церковь, не будь напротив, через речку Борисоглебской, могла бы и поспорить строгой красотой со стоящей ровно напротив Успенской. При введении младенца во храм не важно, есть ли там апсида, или нет – он, младенец, всё равно не заметит, а вот внушить почтение и потрясти величием – очень на будущее полезно. Сама церковь Введения находится на втором уровне и освещена очень скупо, окон мало. Неизвестно даже, открыт шатёр внутрь, или нет, то есть подобен ли он тому, что появится в Острове через 30–40 лет, или не очень, или просто одна каменная бутафория. Щелевые окна над верхними кокошниками вроде бы есть, в верхнем барабане четыре штучки проделали. Но «33» на шатре – есть.

АЛЕКСЕЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЫ

Церковь построена примерно в 1513 году. Соломонии Сабуровой около 23 лет, из них восемь она замужем на Василием III, до расставания в 1525 году ещё далеко, Мартин Лютер скоро метнёт чернильницу в нечистого в далёком Виттенберге, имперский барон Сигизмунд Герберштейн впервые приедет в Россию в 1517 году, а в Александровской слободе то ли начинается, то ли продолжается каменное строительство. Возведены Троицкий (Покровский) собор, Успенская церковь, шатровая Покровская (ныне Троицкая) церковь и Алексеевская церковь (ныне Распятская колокольня). В.В. Кавельмахер немного поссорился с А.Л. Баталовым и даже С.С. Подъяпольским, доказывая, что все постройки относятся к одному строительному периоду (они с ним – нет, не ссорились, хотя слова он говорил обидные).

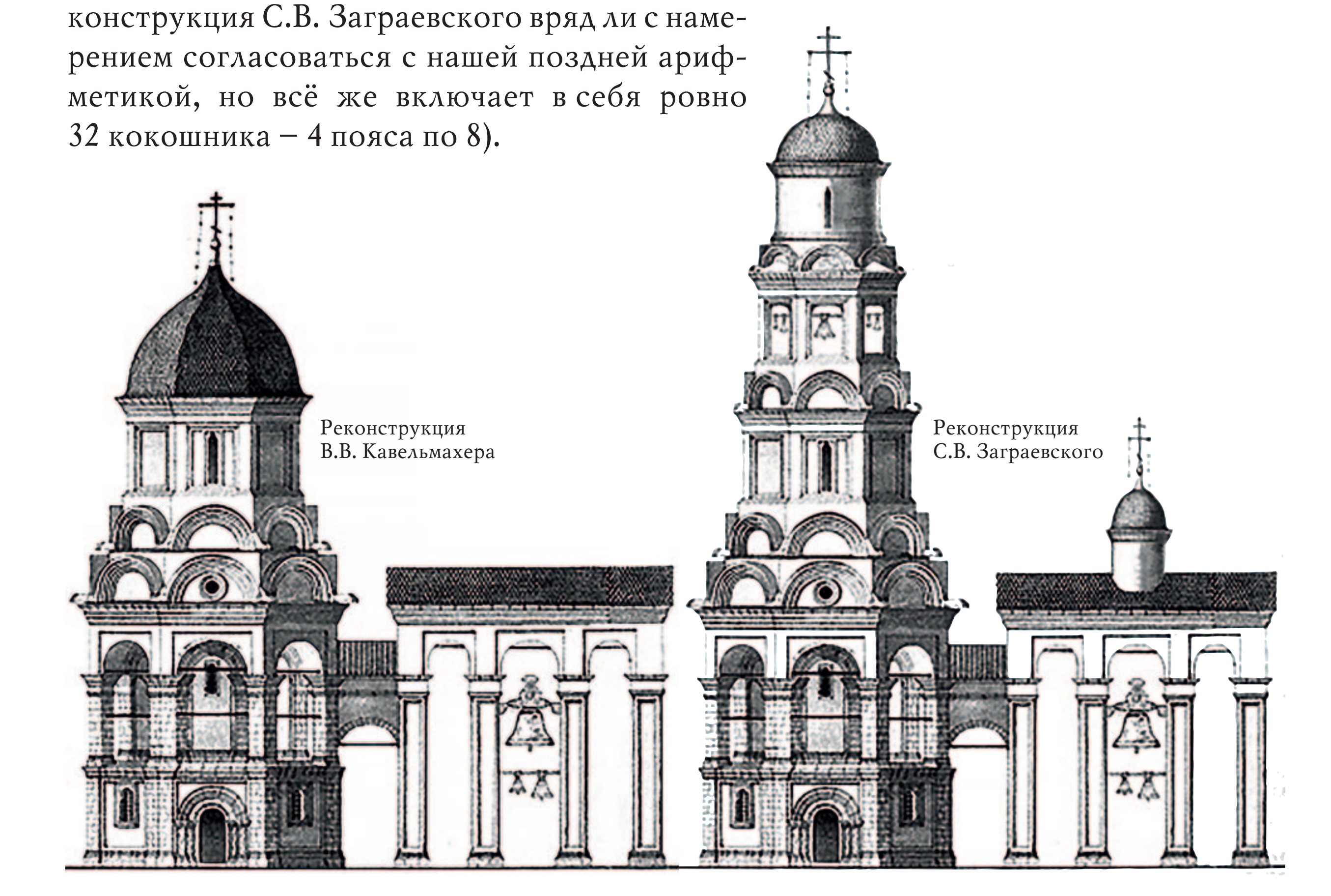
Предположить, что строительные и архитектурные новшества и изобретения могла обойти стороной комплекс, возводимый великим князем, трудно. К 1508 году, когда, вероятно, началось строительство, уже стояли Рождественский собор в Ферапонтове и Успенский собор в Кириллове. Стремясь поставить собор, напоминающий Троицкий в Посаде, ни один мастер не удовлетворится просто копией, даже увеличенной. И кирилловский, и ферапонтовский соборы (1499 и 1490 годы) архитектурно, стилистически, связями со Псковом – позже, чем копийная глыба Троицкого (Покровского собора) в Александрове. Александровский собор – раскормленная копия Троицкого в Троице, их и роднит одно благоприобретённое несовершенство – неудачное покрытие; оно же хронологически приближает Александров к Посаду. Строитель Александровского собора не мог, конечно, поставить перед собой фотографию Успенского или Рождественского, но выпустить из памяти поднятый подклетом наверх более ранний Рождественский невозможно, если видел хоть раз – так велики преимущества высоких крылец у входа и выходов, бурлящей красоты застывших фонтанов кокошников и главы. Нет, строитель Александровского собора их не видел просто потому, что их ещё не было. Выучившись скорописи или рукописной готике – невозможно или очень трудно заставить себя писать уставом или гротеском – непонятно, зачем так мучиться. Словом, нам кажется, что Троицкий (Покровский) собор существенно старше, это середина или даже вторая четверть XV века, ближе к посадскому, и если обоим устроить правильное покрытие («33»), их родство станет кровным. Популярная аргументация в пользу одновременности строительства четырёх сооружений часто сводится к характеру кладки и «мягкого» (жирного) раствора – в отличие от жесткого и тощего. Довод не самый убедительный: если хороший раствор положено делать жирным, зачем делать его тощим, зная, что он хуже – тем более в великокняжеском дворце, где по-

пытку сэкономить могли неправильно понять; технология приготовления правильного раствора могла не меняться веками.

Если из «группы четырёх» исключить собор (как более ранний), и согласиться с тем, что остальные построены одновременно в начале XVI века не без участия иноземцев, то надо принять во внимание и их привычки при составлении композиционного решения. Едва ли не все известные к тому времени русские архитектурные сооружения имеет только одну общую черту – массивность, понятую как надёжность, прочностные требования перекрываются вдвое или втрое, «чтобы с случае чего...». Начавшие строить немного раньше иноземцы уже убедились, что разнообразие случаев, которые обязательно случаются, превосходит любые крепостные запасы: всегда находится причина, которая мешает долговечности. Стоявший Троицкий, построенная Успенская церкви по части массивности превосходят все представления о зрительной надёжности, это кряжистые глыбы, утёсистые холмы, крепкие, как гранит. Первая рука с равнины поднялась в шатровой Покровской (ныне Троицкой) церкви – нужна хоть какая-то вертикальность, какая-то доминанта, возвышающаяся на округой, нечто, останавливающее взгляд издалека. Пара – лучше. Новопостроенная Алексеевская церковь малостью внутренних помещений не оправдывает богослужебного предназначения, даже если это только мартирий. Её истинное предназначение – работать экстерьером, для публики, тянуть к себе, манить, руками притягивать сначала взгляд, потом целый организм, потом, глядишь, и до души дело дойдёт. Графические листы, долетавшие до Москвы, рисовали картины городской застройки с высотными доминантами, которые появлялись не от скученности, а больше от заносчивости характера деньгоподателя, так помогавшего себе смотреть на население сверху вниз, вырабатывая специфи-

ческую посадку головы и конструкцию бороды: озирать владения надо свысока. Василий III построил Алексеевскую церковь и мало сочувствовал намерениям Андрея, младшего брата, обзавестись наследником. Ухитрившийся всё-таки появиться на свет Владимир Андреевич Старицкий 9 октября 1569 года недалеко от Александровской слободы был казнён. Когда в 1569 или 1570 году, до или после казни внука явилась идея «превзойти» деда ещё и высотой этой церкви, – отчего было бы строителям 1569 года, видевшим старую церковь, менять её завершение, если цели не переменились – надо ещё выше. Не исключено, что видимый сегодня шатер Распятской колокольни просто повторяет шатер (а не купол, как в реконструкциях В.В. Кавельмахера и С.В. Заграевского) Алексеевской церкви 1513 года – так-то ещё выше и получается, хотя и без 8 кокошников в основании шатра, но с 8 окнами в нижних кокошниках.

(В скобках заметим, что менее вероятная реконструкция С.В. Заграевского вряд ли с намерением согласоваться с нашей поздней арифметикой, но всё же включает в себя ровно 32 кокошника – 4 пояса по 8).



Реконструкция
В.В. Кавельмахера

Реконструкция
С.В. Заграевского

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ФЛОРИЩЕВОЙ ПУСТЫНИ

(преждебывшая и предбудущая ЕФРЕМОВСКАЯ)

Если есть на что жить и чем прикрыть наготу: попасть сюда непросто, дороги фронтовые, но если уж угораздило – и уезжать не надо. Эдем.

Здесь XVII век настолько могуч, настолько спокоен и самодостаточен, что кажется, будто именно здесь три века движения к Возрождению и закончились. Не потому что движение иссякло, а потому что цель достигнута – человек, побывший в ней, во Флорищевой пустыни, обрёл античную ясность, простоту и силу, если, конечно, заметил, что с ним что-то случилось, что-то произошло не наружнее, а внутреннее. В воде происходит омовение, в соляных пещерах – очищение дыхания, в школах – правильное искривление извилин для увеличения площади коры, а здесь, в пустыни, имя которой происходит от латинского корня «цветок», любой может понять, что, вдыхая аромат цветущего растения, он пропитывается им и становится сам немного цветком. «Человек есть то, что он ест» – нет, он стал тем, что впитывал, всем, что встретилось. Здесь – не роза, не сирень, не ландыш, а цветок вообще, все цветы. Такие, так расположенные по отношению друг ко другу и к округе здания,

под такими углами и отстояниями, так выкрашенные и покрытые – делают цветок адаптивным. Какой нос приставил – такой запах вдохнул. А выдохнул – уже только такой, который не испортит ландшафт, не будет диссонансом. Поедая глазами и усваивая – незаметно меняешь собственную внутреннюю конструкцию, не в утробе, а в голове. Здесь хочется говорить по-французски. Не для того, чтобы вспомнить годы учения, а чтобы соответствовать настоянной гармонии так же, как гармония является едва ли не главным свойством особенно французского языка, как бы кто-нибудь ни любил венгерский или фарси. Вот в этом смысле Возрождение здесь остановилось, достигнув верхней равновесной точки

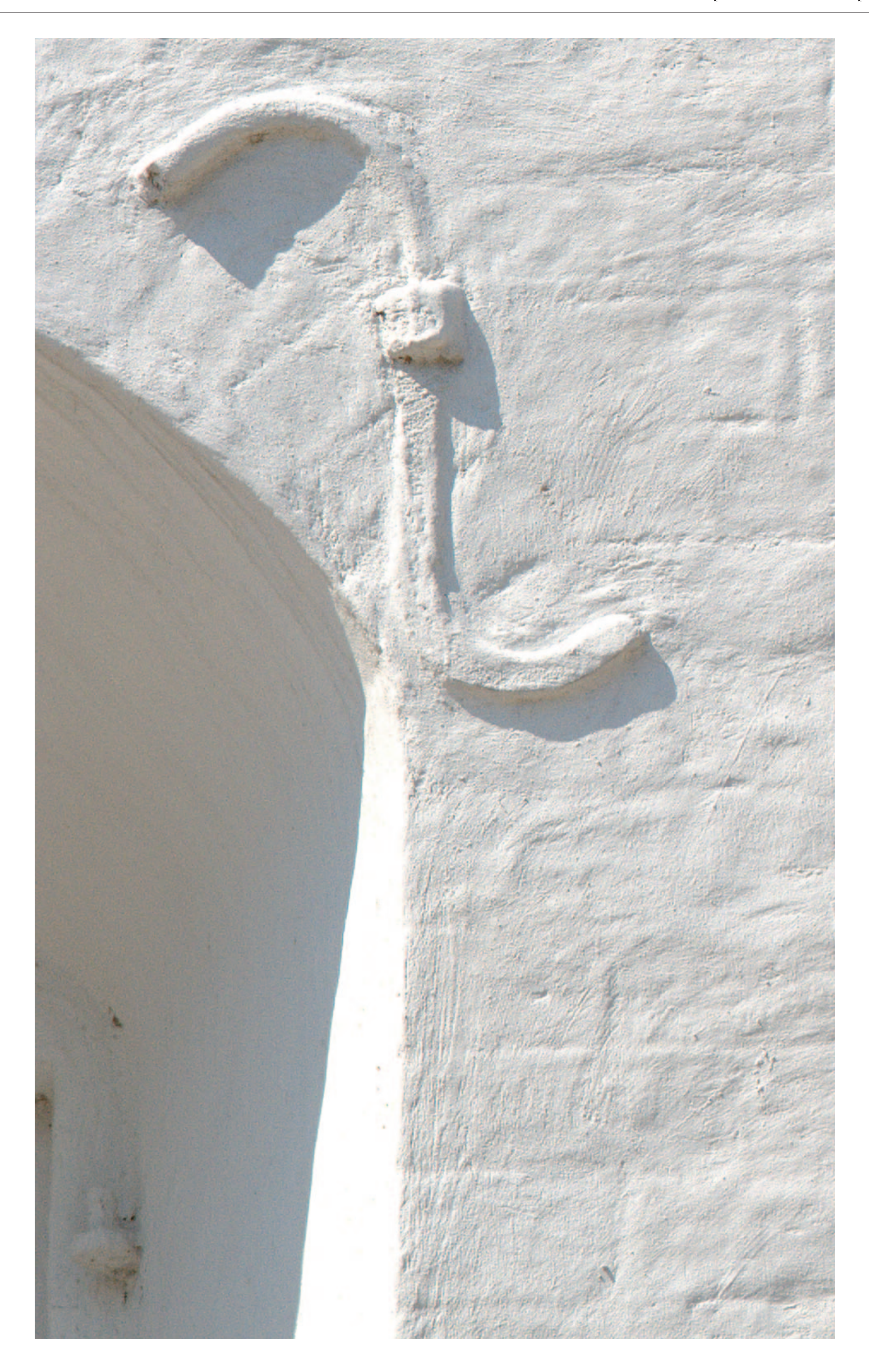
Пустынь – почти полная современница ростовского Архиерейского дома, и построена махом, примерно за сорок лет. И главное отличие – литейная лаконичность, без обзола, мелочей, несоответствий; чужеродностей нет. Даже поздние здания поддались обаятельной мощи первоначальной созданной формы.

С.В. Демидов, руководивший спасением пустыни во второй половине XX века, не добыл достаточного количества денег, чтобы расчистить ещё несколько уголков. Это элегантный таз поверху Троицкой церкви, редкостно удачного здания второй половины XVII века – оно проглотило итальянизмы фасадов и усвоило их так ловко и органично, что никто и не замечает. Наличествующая тюбетейка удобнее всего для ношения на хорошо выбритой голове, но там просится (вместо тюбетейки) что-то более затейливое, хоть корона, на худой конец, или венец.

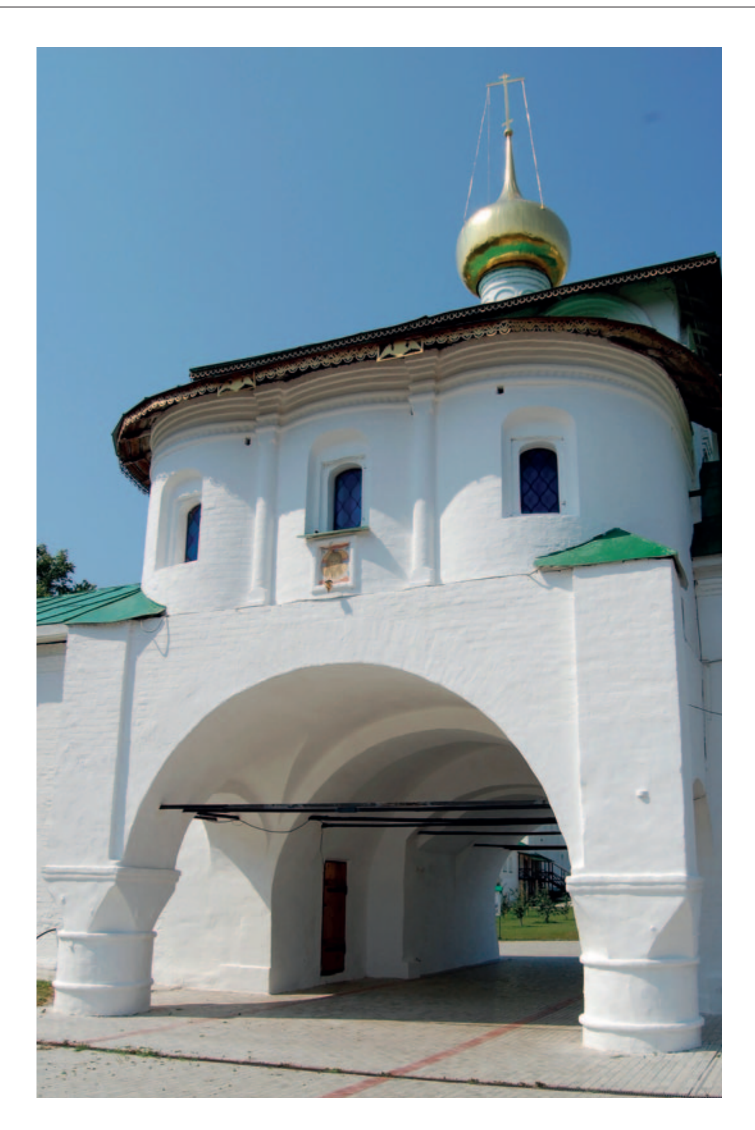
Самый «гадкий утёнок» среди взрослых кораблей пустыни – никак не подрастающая надвратная Петропавловская церковь (до пожара 1770 года Ефремовская, по святому VI века). Выглядит как малорослик не без физических недостатков, которого не пускают даже в монастырь, вот он и приютился где-то на входе, как смог, взгромоздившись на массивные подставки, вобрав голову в плечи, словно оглядываясь – не идут ли взрослые, большие многоругательные и больнощипательные лебеди его прогнать со двора. Выставленные на улицу ноги-столбы напоминают примерно такие же в надвратной Иоанновской церкви Успенского монастыря в Старице, только там уже все четыре подставки припрятаны внутрь монастырских стен, и поддерживают апсиду, подпирающую столь же несовершенную конструкцию под главой. То, что в церкви выше плеч и ниже маковки, важнее для общего облика, чем причёска для записной красавицы – та имеет в запасе ещё никак не меньше сотни ухваток, чем привлечь взор и завлечь того, кто подлежит увлеканию в правильном направлении, а у церкви ресурс скромнее. Крыльцо, гульбище, стать, окно-другое с очельями, дальше помогают только бигуди, начёс, фен, завлекалочки, в крайнем случае фиолетовые чернила. Плоские крыши (скатные и разной степени выпуклости) превращают церкви не в работниц в платках или кепках, как кому повезёт – нет, они под такими крышами сразу становятся стриженными зэчками, злыми и неприятными, отталкивающими взгляд руками, глаз не опознаёт их ни как людей, ни как предметы, эстетически нагруженные, к ним не прилепляется слово «красота» ни на каком языке, сколько бирок ни вешай, как ни всплёскивай руками: «Вот же, надо же, какую же всё же таки красоту ведь же ж сотворили люди».

Трудно сказать, каким ветром его занесло в эти края, но земля полнится слухом, что Флорищева пустынь была любима Фёдором Алексеевичем, потому что соответствовала складу характера – покой, простор, беззвучие без колоколов, думается широко, а когда колокола бьют, то и светло.

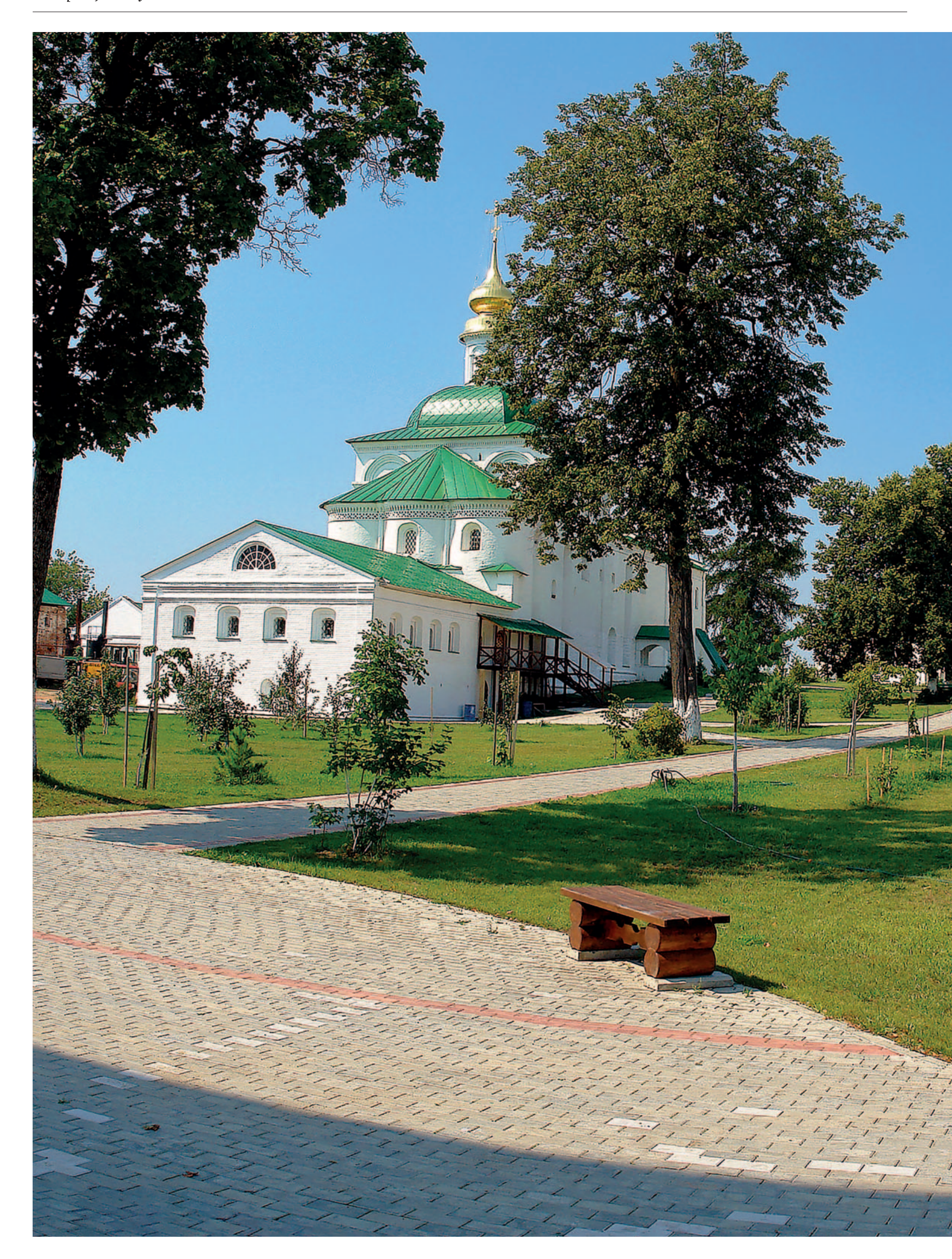
Федор Алексеевич примерился к скипетру и державе в середине своего второго десятка, можно сказать, почти подростком, но недорослем его не назовёшь, в этом возрасте служилых людей мужского пола вызывали на службу в «береговые города», и в войсках они были почти полноценной боевой единицей. За отмеренные

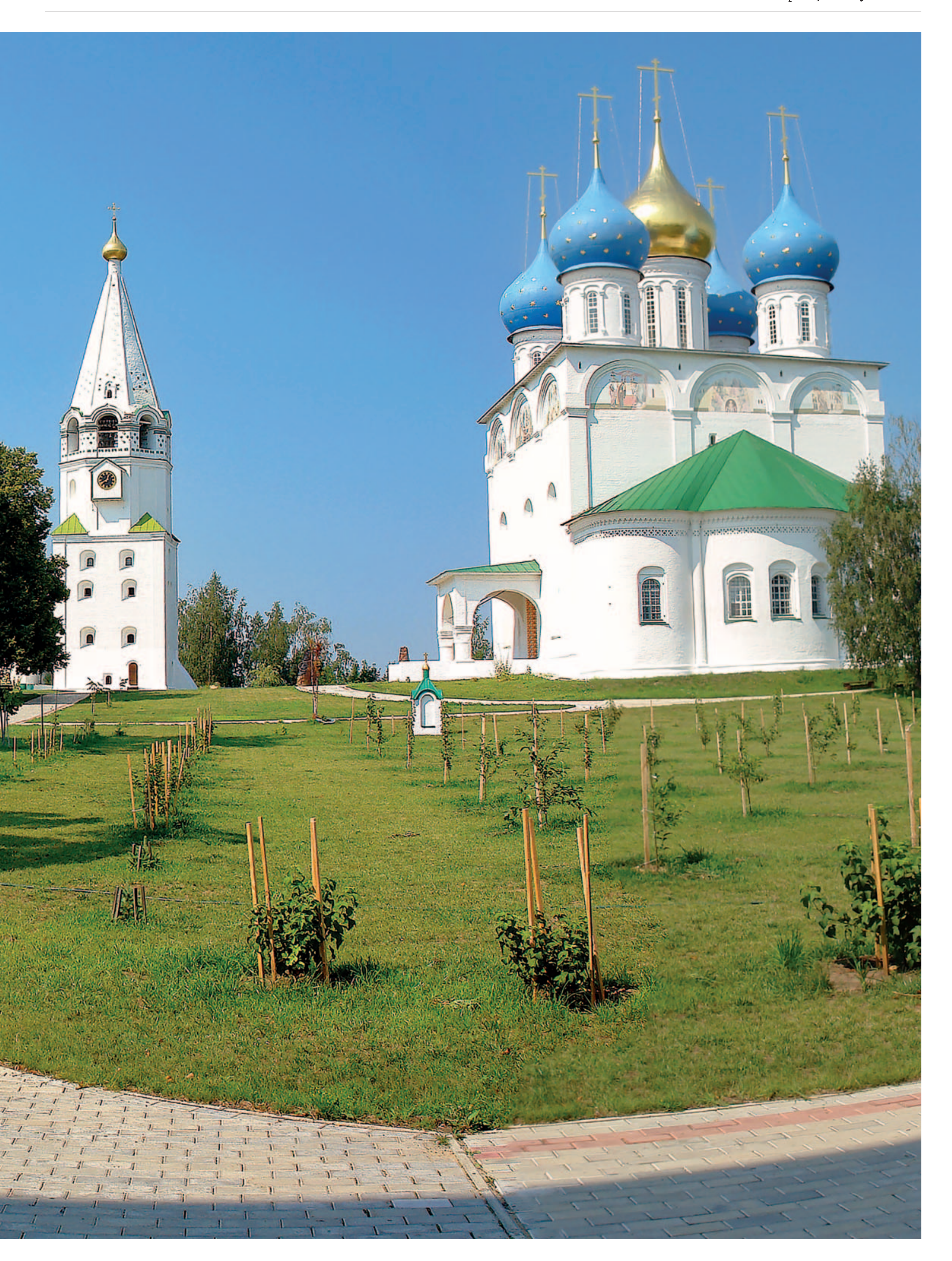


ему и царевне Софье 14 лет (последовательно почти по половине каждому) они в четыре руки натворили так много, что если класть на чаши весов плоды их трудов и содеянное за сорок лет Петром I, последнему для равновесия придётся подкладывать гири. Не потому что император был ленив или мало успел: наполняя свою меру успехами, он ту же меру опустошал провалами, и к 1730 году положительный баланс свёлся к городу, образованию и большой армии. Эти и подобные свершения не идут в сравнение даже с неоконченным проектом Фёдора Алексеевича об учреждении в России 12 наместников и возвращением из ссылки (Ферапонтов и Кириллов монастыри) патриарха Никона.



С Никоном случилось то же, что и с Фёдором Алексеевичем: раскол начался не с Аввакума и прочих, а с Никона, он стал «что-то» или «всё» менять, он – инициатор





и двигатель перемен, а имя пристало к его противникам, он пытался обрядовыми переменами прикрыть главное в устройстве церкви, она должна была через подобные государственным институции и учреждения наконец начать выполнять то, для чего после рождества Христова предназначалась – для защиты сирых, для совета в делах, для того, чтобы посох совести был у каждого. В этом смысле патриарх – самонадеянный мечтатель не хуже Савонаролы, Лютера, большевиков и прочих любителей «начать, в конце концов, историю с чистого листа, построить все замки сызнова, потому что вот теперь-то стало ясно, как же это ухитриться сделать». Он, Никон, – и есть расколоучитель, бунтовщик «похуже Пугачёва», но положение так удобно перевернулось с ног на голову, что так и устоялось, так и сохранилось на столетия. Теперь уже и староверы нетвёрдо знают, а в чём, собственно, отличия, кроме повышенного трудолюбия, двоеперстия и старых книг. Поэтому и сам Никон в Ферапонтове обрядовые разногласия считал пустяковыми, не в них суть дела, а в том, что в очередной раз попытка утопию превратить в реальность, сдвинуться с точки, на которой застряла вековая несправедливость, была уловлена властью, перехвачена и переиначена ею, превращена уже Петром I в свою противоположность в виде правительствующего синода, и о Никоне, самой интересной, по словам В.О. Ключевского личности в истории XVII века, известно только, что он кончил дни на Которосли в Ярославле неподалёку от устья. Про то, что его деятельность – настоящая альтернатива третьесословному, генерально-штатному, будущему парламентско-демократическому пути развития – ни слова нигде. Как ни слова о пути, предложенном Фёдором Алексеевичем. С обрядами договориться труда не составляет, как решим, так и будет, два пальца при осенении крестным знамением отличаются от трёх только если третий отрублен, окреститься можно хоть гирей. Самое трудное – как быть с созданными патриархом Никоном институциями, с архиерейскими домами и созданными при них учреждениями, с их реальной ролью в жизнеустройстве огромных территорий и масс людей, они ведь связывают страну более крепкими связями, чем служебно-владельческие, и эффективность их во всём, что не касается войны, вне конкуренции – они более успешны, чем помещики, вотчинники, бояре и воеводы; Благовещенский монастырь в Нижнем не пищалями крепок в отличие от кремля, и не стенами, а совсем неодолимой силой – верой. И так каждый архиерейский дом, от Ростова начиная, далее везде, не перебарывая светскую власть, а выращивая параллельную.

Алексей Михайлович задачку не решил, не получил прощения от Никона, так в 46 лет и ушёл без благословения, а сын придумал. Идея простая, как в шахматах детский мат. Когда первоиерархов не один, а 12 штук, пусть даже они выберут первого среди равных, всё одно ниже единственного государя, и он владеет всем, среди прочего и ими, высоконаипреосвященнейшими. Такой вариант позволял сохранить созданное Никоном, оставить учреждения и темп перемен, что немаловажно. Мат не случился, потому что доску перевернули, Пётр и вовсе решил отменить все старые учреждения: зачем ездить на телеге, когда есть самобеглая коляска. Коляска оказалсь строптивой, с норовом, не поехала по местным хлябям.

Несмотря на приличные расстояния от Нижнего, Москвы и прочих крупных городов, Флорищева пустынь оказывается очень удобным высоким местом для наблюдения за событиями царствования именно Фёдора Алексеевича. Если место было им любимо, то нельзя исключить, что он здесь бывал не раз; предположим, что хотя бы три выезда сюда на богомолье он совершил за период царствования или раньше, от неполных пятнадцати до чуть меньше двадцати одного, примерно месяцев за 80. Чуть меньше 400 вёрст в один конец – дней 15–20 с обозом, который позволяет не прерывать надзор за хозяйством, то есть управлять страной. На месте пару недель, да надо,

и передохнуть, и поговорить, и за нуждами местными уследить, и обратный путь. Месяца полтора–два на богомолье надо, в Троицу, конечно, побыстрее, путь покороче. Полгода из своих семи Фёдор Алексеевич провёл с мыслями о Флорищевой пустыни. Это уже не так-то и мало, если расчёты верны, но даже если меньше, три–четыре месяца, это не сильно меняет дело, тем более что ошибка равно вероятна в обе стороны, – не полгода, а больше. Что-то оттуда было лучше видно, чем из других мест.

Фёдору Алексеевичу было отпущено немного времени, но и он успел войти в историю искажённым своим образом, как Никон. Ни сторонники Фёдора и сочувственники его несчастной судьбе, ни хулители немощного самодержца не отмечали тот же, что у Никона, шекспировский трагизм. Страсти Хованщины, эпический размах ужасов и последующие вздыбленные полвека украли время спокойно воздать должное намерениям и задумкам, тому, что было начато и не было окончено, но было – и оставило следы беспримерного умственного подвига. Авторство его установить не удастся. Мысли эти хочется вложить в уста и юному царю, и его ближним, прежде всего Ивану Максимовичу Языкову, Алексею Тимофеевичу Лихачёву, Василию Васильевичу Голицыну, или иным ещё, но вернее сказать, что идеи носились в воздухе, и их надо было только собрать, нарастить и вырастить, как кристалл.

Но прежде кристального проекта отметим ещё одну черту биографии, роднящую царя теперь уже с другим, более отстоящим по времени самодержцем – Иваном IV. Обоих судьба одарила любимыми первыми супругами, и не менее обожаемыми первенцами, и, много дав, много и погубила, причём с безжалостностью, превосходящей |по модулю| недавнее счастье. Про царевича Илью ничего не слышно в истории – преставился на второй неделе жизни, а перед ним и Агафья Грушецкая, спасённая для царского брака Иваном Языковым от наветов Милославских. После таких горь как-то не думается ни о каких проектах и преобразованиях, живой остаётся только ярость, если хватает сил. А если не хватает – то хотя бы помолчать в таких местах, как Флорищева пустынь, она неизбыточна ненужными вещами.

Именной проект, или преобразования безымянны – не так уж важно. Сама конструкция отменно хороша. Она продолжает и превосходит, обнимая и включая в себя, труды патриарха Никона, потому что уловлено самое, кажется, важное.

В самом начале 80-х годов XVII века сформулировано предложение поставить над 12 наместничествами (на которые должна быть поделена вся земля) по паре руководителей – наместников и первоиерархов. Названия не очень важны, их не успели придумать. Наместник – старше, чем губернатор или воевода, но существенно младше, чем царь, и полномочия его толком не очерчены, он скорее свадебный генерал, чем главнокомандующий, а вся структура управления остаётся в главных чертах прежней, не считая некоторых преобразования в думе и приказах; словом, наместник должен уподобиться японскому императору, следить за живописью и литературой, не гнушаться высоких искусств, но житейские мелочи администрирования и менеджмента – для тех, кто пониже. Ничего похожего на удельную систему с владетельными князьями нет, но патриарх Иоаким ухватился за такую возможность спорить и не согласился с проектом, что в конце концов погубило идею и патриаршество как должность.

Первоиерарх – тоже неважно, как именуется, папа, патриарх, митрополит, в конце концов, митра не чужда и папе, носит и не стесняется, а корневое родство между патриархом и папой не заметить может только тот, кто не хочет видеть.

Дело не в названиях, а в колдовском балансе цифр 12_♀_12. Как ни мал, сколь ни юн, хоть с какими достоинствами и недостатками, но тот, что в середине, – всё же один, а тех – 24 души. Кто бы ни стоял за спиной Фёдора Алексеевича – ему или им

принадлежит честь примирения Алексея Михайловича и Никона: центральная фигура в такой конструкции приобретает такие размеры на такой высоте, что равночестность и равновеликость светской и духовной власти помещаются уже не на уровне плеч, а где-то внизу, далеко под подошвами, конкуренция и соперничество перемещаются в область договорённостей и торговли, уступок и побед местного значения – при сохранении всей структуры всех властей с разумными прибавлениями или урезаниями для соответствия задачам. И никаких парламентов, демократий, равенства, равноправия, свободы и, спаси, Господи, братства. Какие alle Menschen werden Brüder, было хорошо видно уже через год после составления проекта, 15–18 мая 1782 года. И ведь так дотянули аж до начала XXI века, так как полезность Государственной думы всех созывов чем дальше, тем больше требует снисходительности в оценках, как, впрочем, и многие, если не все парламенты повсюду.

Ближе к невесёлому окончанию царствования (27 апреля 1682 года) новая супруга государя (с 15 февраля) уговорила его вернуть из ссылки (после победы Милославских в схватке за власть после кончины Алексея Михайловича) из города Лух Артамона Сергеевича Матвеева. Вернуться-то он вернулся, но уже 15 мая того же года был убит в Кремле разъярёнными стрельцами, как и Иван Языков. Уцелел Василий Васильевич Голицын, он и продолжил попытки преобразований в правительстве Софьи.

Сказать, что с этого места началось раздвоение «западники–почвенники» – глупо. Можно не трудясь сыскать немало примеров, вплоть до Андрея Курбского и Анны, королевы Франции, откуда вести отсчёт, и всё будет неверно. И Милославские со Стрешневыми не почвенники, и Артамон Матвеев с Фёдором Щегловитым не западники. Церковь, построенная А. Матвеевым в Пояркове, вообще содержит древнекитайские мотивы в чертеже окон и в принадлежности к местной почве ни вершка не уступит Лыткарину или Борисоглебску. Водораздел между теми и теми лежит там, где чудятся простые решения, топор как развязыватель узлов, скачки через пропасти как способ ходьбы и всматривание в бездны перспектив вместо разглядывания тропы под ногами. Растрёпанные и растерзанные противниками и временем реформы Фёдора Алексеевича и Софьи напоминают сегодня о себе и ростовским архиерейским домом, воплотившим идеи Никона на практике, и Новодевичьим монастырём со Смоленским собором и Софьиной башней, в стену которой до начала XXI века вставляли просительные записочки, как в стену Храма, и Саввин Сторожевский монастырь с её церковью, и Флорищева пустынь, не имеющая примеров по чистоте и лаконичности линий, убивающая навсегда характеристку стиля архитектуры XVII века как «узорочья». Троицкая церковь, построенная, правда, уже после Фёдора Алексеевича, содержит архитектурный приём, которому даже названия не придумано, до того он оригинален, свеж, прост. С южной стороны счёт высоким вертикальным нишам с окнами под крышей и почти у земли – семь штук, с переходом через четверик аж на алтарь. Они так глобальны, так велики, так важны для здания, что даже несколько аляповатая нашлёпка тюбетейкой с шишаком надувного шарика наверху не портят облика, образа, вида, так соединяется несоединимое – массивность и стройность. Простой приём. Улавливание, впитывание, поощрение свободного таланта так и видится в пустыни. И эффект достигается колдовской: преображение мягко распрямляет человека, возвращает к простым мыслям, но действует как диод: познание не умножает скорбь, а знакомит с ней. Как не скорбеть о надвратной церкви, которая своей кургузостью умоляет о применении числа «33»: «Ну добавьте к 12 закомарам ещё 12 кокошников и восьмёрочку к барабану». То-то она «взыграет», преобразится и приосанится, нежданно-негадано станет приветливой.

БОГОЯВЛЕНСКАЯ В КРАСНОМ НА ВОЛГЕ

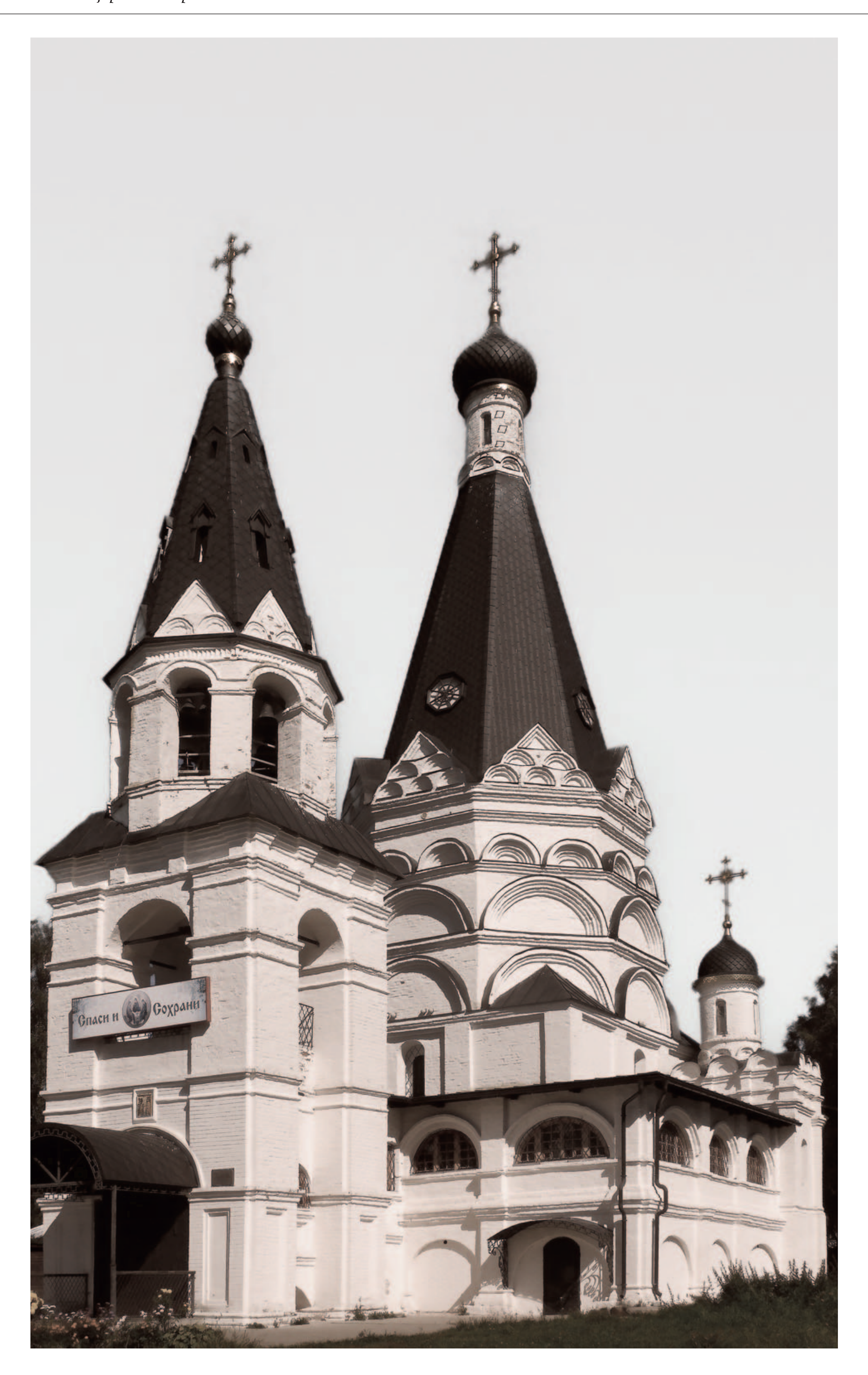
Эта Богоявленская церковь 1595 года обычно используется для относительной датировки Преображенской церкви в Острове, потому что в ней совсем нет того, что есть в Острове. Преображенская не может быть старше Богоявленской, достаточно поставить их на пригорке рядом, Преображенская не лучше, не моложе, не краше, не сложнее – она совершеннее. Без доказательств, зрением профана, не отличая тимпана от тюльпана – любой скажет, что она законченнее, правильнее, логичнее, чем Богоявленская. Увидев мельком и издалека островскую церковь, уже нельзя построить в Красном на Волге такую церковь, которая там стоит, только не зная ещё о существовании Преображенской, можно браться за проект Богоявленской. Церкви в Коломенском и Дьяково (тридцатых и шестидесятых годов XVI века) ближе и понятнее в сравнении с Богоявленской, а не с Преображенской. Везде присутствие иноземных мастеров несомненно, и независимо от происхождения и опыта мастер бывает отличен от другого размером дарования, но дело не в этом, не в талантливости, а в чём-то трудноуловимом и ещё труднее определимом, индивидуальность автора находится в колышащемся равновесии с веянием и духом времени, талант и время как-то вместе, но по-разному отпечатываются в созданном произведении архитектуры. Церковь Положения Риз и Пояса Богородицы в московском кремле не может быть создана ни в XII, ни в XVI веке, и не из-за перемен в технологии и строительных манерах (точнее, не только из-за них), хотя крестово-купольную конструкцию и сомкнутый свод разделяют много лет. Эпоха больше маркирует церковь, чем церковь определяет эпоху. Бидонвиль как архитектурное явление появился не потому что доросли строительные технологии или изобретательность архитекторов и инженеров-строителей – в нём появилась нужда. Так же появилась нужда в возрожденческих архитектурных сооружениях в России – и они свалились с неба, неважно, от иноземных или местных мастеров, итальянец и немец ничем хуже удмурта или уйгура. Один из пиков ренессансной архитектуры в России – сооружения конца XVI – начала XVII века

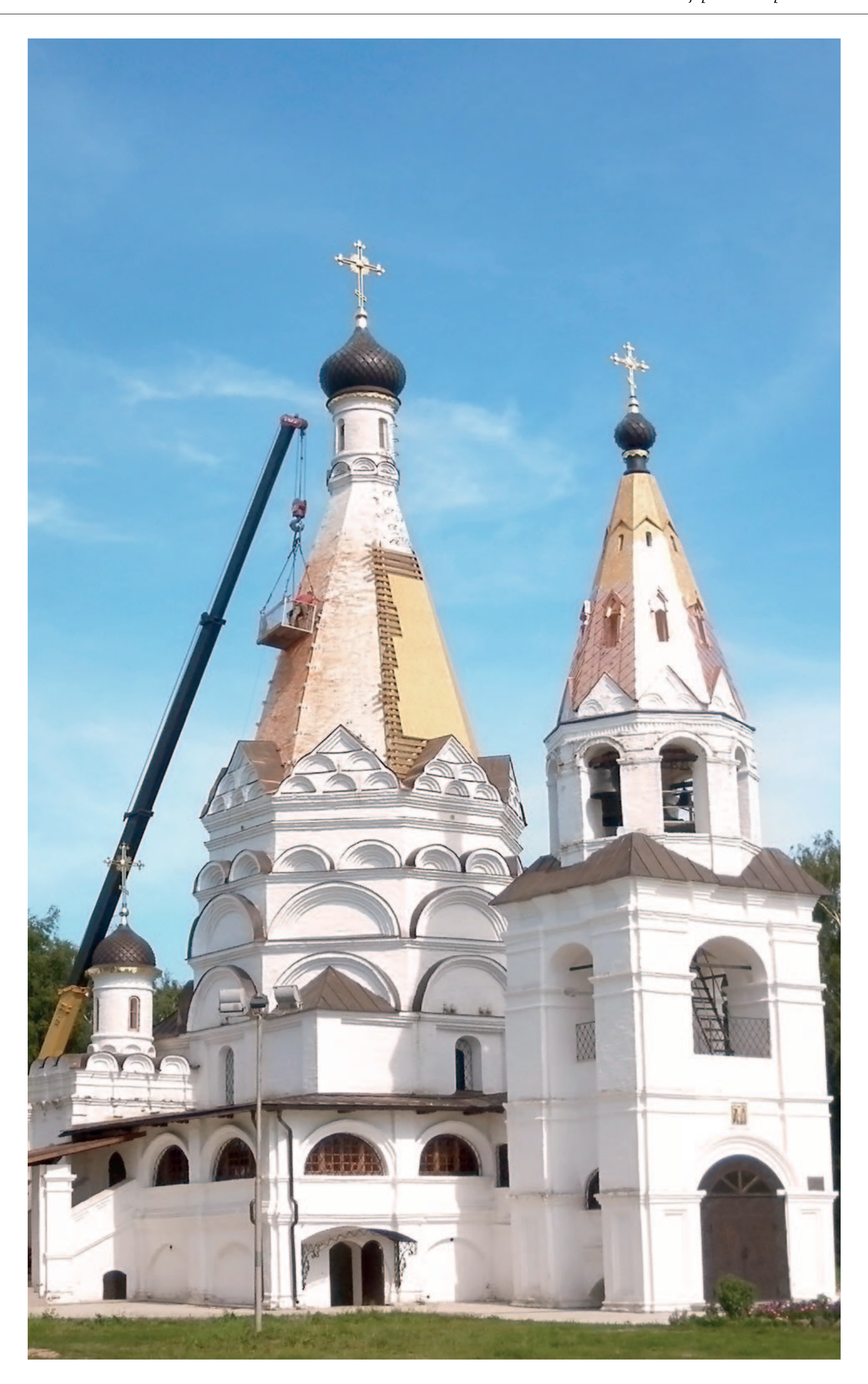
Самый конец XVI века. Борис Годунов на взлёте, катастрофа не просматривается, всё ещё получается, свежеиспечённый (всего 10 лет назад) патриарх Иов – союзник и сподвижник; Годунов – третий царь, Иов – первый патриарх, оба недавно «интронизировались», оба продолжают начатое Макарием и Филиппом, то, что потом будет сохранено и умножено Никоном и Фёдором (вместе с В.В. Голицыным) – и вовсе не в канонической области, а в совершенно политической, государствоустроительной.

Отчётливее всего эти политические начинания проявились в проекте реформ начала 80-х годов XVII века – устройство «обратной связи» с управляемыми без устройства парламентско-представительной болтовни и трёхсотлетнего наваждения россказней про демократию, равенство и братство, наоборот – с балансом территориального и отраслевого способов организации власти (Дума, приказы, воеводы, земские и губные избы, земские соборы как постоянно действующая стотридцатилетняя Конституанта, от Стоглава до Фёдора). За 130 лет не нашлось времени ни на обустройство такой реформы, ни даже на её мысленное описание, изобретение шло мучительно, без теоретизирования от концепции к практике, не потому что так кому-то показалось «надо» или «хорошо», а потому что иначе никак не выходило, и в голову не приходило, что такие вещи можно «изобретать», «проектировать». Установить связи между политическими веяниями (даже не событиями) и архитектурными предметами можно только одним способом: заявить, что было так и никак иначе; аксиома не требует доказательств, её надо принять или отвергнуть. Так вот: связь между мыслями Макария, Иоанна IV, Бориса Годунова, Иова, Гермогена, Никона и Фёдора была, есть и остаётся. Любимое соображение политических неудачников – «народишко попался дрянной», была бы публика поприличнее – можно было бы и горы своротить, и полное справедливое общество учинить. И так уже пару-тройку тысяч лет, а то и все четыре, далеко за Египет не заглядывая. На исправление народных нравов неплохо действует архитектура, а не увещевания: видно всем и нравится или не нравится всем, какое-то отношение всегда есть, даже к бидонвилям. От Иоанна III до Фёдора росло это ренессансное ощущение, и отражалось в зодчестве. Применительно к эпохе Бориса Годунова вряд ли кто-то возьмётся сформулировать, были ли вообще, и если были, то какие именно остались следы нарастания и гуманизма, и возрожденческого отношения к человеку. Но если множество (следов) не определено и неопределённо, то в него вполне могут входить и такие: 1) если не все, то очень многие годуновские (его времени) церкви особенно стараются выразить и донести идею возвышения, вознесения, преображения, высоты и всяческого приподнимания, вытягивания, даже чтобы просто войти, надо одолеть большую лестницу, не только отделяющую от земного, но и физически поднимающую; после «приподнятости всего стиля» – 2) более частое и упорное, чем на двести лет раньше и сто лет позже, употребление числа «33» как инструмента для донесения главной мысли: Бог – рядом, взгляни, вот он, прямо тут, «посреди нас», вспомни о нём, вот он в Успенской церкви превращает горестную кончину в праздник воссоединения матери и сына, вот он в Преображенской, в Рождественской, в Богоявленской, вот – все его апокрифические 33 года земной жизни. Почему апокриф – а потому что никто не знает, с какого возраста отсчитывать святость, с семи лет, или с семи дней. Что худого в том, что бессловесное напоминание не назидает, а только напоминает – вот, рядом, веди себя, пожалуйста, прилично. Инструмент «33»-х отдыхал, кажется, лишь у Ф.С. Коня, когда он в Смоленске возводил великую стену.

В 1595 году только память об Иоанне IV, в 54 года освободившем престол для Фёдора Иоанновича при регентстве Бориса Годунова, омрачала чуть было не, почти, едва-едва не начавшиеся годы спокойного и уверенного подъёма, гнев тирана при патриархе чуть менее страшен, кажется, и сам царь не злобен характером. Построенное им никто даже не пытался подсчитать, задача непосильная, и как считать смоленскую стену, если только в неё могло уйти столько же кирпича, сколько потребно для полусотни церквей и сотни хором. Иногда, как в Красном, в Богоявленской церкви, высокоустремлённый талант зодчего обеспечивал такой результат, что колдовской, сказочный эффект, создаваемый просто обликом церкви, нельзя объяснить, нельзя сказать, что именно так хорошо, что застревает в памяти, что формирует про-

283. С.Б. Красное. Памятникъ Александру II.


Спаси и Сохрани



странство вокруг церкви на километры, сколько хватает взгляда. Одна только деталь подтверждает это победительное сказочное воздействие: фотография, попавшая в Историю русского искусства И.Э. Грабаря, в первом ярусе кокошников содержит вместо кокошников окна с кокетливыми накрашенными бровками, самих кокошников не стало, но это не замечается, общая слаженность, слитность облика и конструкции проглотили эта глупую осветительно-украшательскую вольность, сами исправили её, сделав неразличимой, незаметной, неважной, как хороший автомобиль помогает неопытному водителю, прощая его небольшие промахи, возвращая к движению в полосе или заглядывая за угол. Большие глупости непростительны. Казарму трапезной лучше было не строить вовсе, или отнести метров на сто в сторону; гульбище – лёгкие церкви, она ими дышит, насышаясь воздухом, прежде чем взлететь, а в казарме, как и положено – задыхается. Секрет не раскрыт, но один камешек на подступах к штурму этой вершины можно положить: ни один из элементов облика, ни конструкционный, ни из разряда украшений, не хорош и не плох сам по себе, в одиночку, без окружения и общего замысла, которому служит. Шатер – остроугольные треугольники, кокошники – половинки круга, столбы, карнизы, арки, капители – все хороши и даже заметны только во взаимодействии, гурьбой. Ни вынуть, ни вставить ничего нельзя, не выставляя себя бессмысленным существом. Если бы такому взаимодействию можно было научить, вставить правила в учебники, – все бы ходили с дипломами архитекторов. Но число «33» работает и здесь.

Несчастливая судьба Бориса Годунова и таланты А.С. Пушкина и М.П. Мусоргского закрыли нам очи на несколько сотен лет, кроме «кровавых мальчиков в глазах», уж и не видится ничто из того, что Борис Годунов всё-таки успел сделать. Разве что вот Ивана Великого в Кремле надстроил. А то, что он рядом с Кремлём, на Красной площади, к Покровскому собору пристроил придел Василия Блаженного, знают только въедливые архитекторы и реставраторы. Но и они не знают (кроме А.Л. Баталова и В.А. Рябова), что в приделе сработало правило 32-х кокошников при одной главе. Так же оно сработало не однажды во Введенском Владычном монастыре Серпухова, в Донском монастыре, да много где ещё.

Такое почти всеобщее неведение заставляет усомниться в себе и наводит на неутешительные подозрения. Не является раскрытие тайны «33»-х преступлением, совершённым по глупости и по заносчивости – вот, дескать, четыре сотни лет никто не видел, а вот тут, и вот тут, да и там, и сям, и вообще, никто не знает, сколько уничтожено за те же четыреста лет, может быть, было в сорок раз больше. Это бы ещё ничего, мало ли хвастунов бродит по земле, но следующей является мысль, что такие всеобъемлющие умы, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, десятка два писателей и философов XIX века, потом В.В. Верещагин, Н.К. Рерих, С.Ф. Ольденбург, П.Д. Ба-

Богоявленская церковь въ селѣ Красномъ
Костромского уѣзда.—1592 г.
(Фот. Императорской Археологической Комиссіи).

рановский, И.Э. Грабарь, С.С Подъяпольский, В.В. Кавельмахер и ещё сотни не названных, но заслуживающих упоминания, не могли не видеть, наверняка видели, и молча оставили мир, потому что так же твёрдо знали, что то, что они оставили для собственных, своими головами сделанных открытий будущего, настолько важнее политических хитросплетений, борений и сражений, что силы, рождающиеся при совершении таких открытий, во сто крат сильнее и важнее, чем эффект от втолковывания в сопротивляющиеся мозги довольно-таки прописных истин, колышащихся в мареве истории независимым от людей киселём, кто-то попробовал, отведал, кого-то обнесли, ну и не страшно. Поражающее в самое сердце открытие надо делать в тишине, самостоятельно, чтобы понимание выросло, как взрыв, и не осело скоро мелкой пылью, а сквозь поры проникло под кожу, как газ нервно-паралитического действия, и произвело эффект не отрицательный, а отворительный, опять и опять превращающий человека в человека. Конечно, и они это понимали, и каждый реставратор работает примерно с такой же мыслью.

Так вот не на эту ли традицию молчания и делания, пока есть силы, покушается автор этих строк?

Да, ровно на эту.

Экспонента, закручивающая бег времени в вертикальную иглу, не позволяет передать ум старших из рук в руки младшим, из клюва в клюв не получается, некогда, да и нижние клювы думают, что они уже давно умнее старших. Как началось это незадолго до Древнего Египта, в додинастический период, так и продолжается. Передать остатки всё время уходящей цивилизации можно только через голову, две или три, напрямую, от отца к сыну – редчайшая удача. Прадеды и пращуры завсегда делали лучше, чем отец с матерью. Разве художник Ю.Л. Купер сравнится с художником Г.Г. Мясоедовым? А Мясоедов с Левицким? А Левицкий с Рафаэлем Санти? А Рафаэль с Андреем Рублёвым? Где-то всё же есть предел. Ниже Джотто редко кто уходит. Примерно оттуда есть пошло всё. Предвозрождение и Возрождение открыло шлюзы. И в России для трансляции через головы трёх–пяти–десяти поколений пригождается изобразительное искусство. Является ли архитектура таковым (изобразительным) искусством? Вероятно, нет, потому что она больше, её роль, влияние и значение прямее, больше и неотвратимее.

Традиция продолжения молчания должна быть остановлена и оставлена в истории. Так было, но так не должно быть теперь – из-за экспоненты. Человек может вырасти и жить без сказки о царе Салтане. Но не должен, потому что какие-то пёрышки в душе не научатся звучать, если она вовремя не услышит «Что ты тих, как день ненастный».

Спрятанные под крышами кокошники – примерно то же самое, что сожжённый в площадных кострах Пушкин, что растащенное бульдозерами кладбище, что стада урфинов-джусов, пасущиеся в супермаркетах, потому что в голове главное – рот.

Надо открывать крыши, восстанавливать правильные кокошники, не уставать рассказывать и показывать то, что было спрятано (без злого умысла, по слабости и по глупости) то двести, то триста лет. Не быть заворожённой Успенской церковью на Ильинской горе в Нижнем может только корова с красивыми глазами. Знать, что в Кирилло-Белозерском монастыре, в Успенском и в Ивановском от людей спрятаны, закрыты крышами, всё равно, что похоронены семь сказок (с Евфимьевской, полуоткрытой – восемь, Преображенская открытая – девятая) – невыносимо. Всего четыре приоткрытые сказки превратили Ростов в средоточие русской архитектуры (приоткрытые – потому что решение В.С. Банигe о повторении пощипцовых покрытий – небесспорно, хотя и было единственно верным с точки зрения реализуемости), а в Кириллове – девять, вдвое больше. Наблюдаю, как слова становятся унылыми,

невыносимо скучными от назидательности. Тут бы ввернуть лёгкую шутку, убить пафос хохотком, но на кладбище ржание не выглядит уместным, как ни тяни себя пальцами за углы рта, чтобы изобразить улыбку. «L'homme qui rit» мил, но страшен. Восторгаться скорченными позами скелетов в захоронениях могут только археологи, а в их среде – желательно, чтобы египтологи, больше четырёх тысяч лет назад, или вообще в каменном веке – там уже невозможно эмоциональное отношение к тому, кто своими живыми мышцами двигал эти кости: ни кости, ни мышцы, ни даже жир, наполнявший голову, не жалко. А эти остовы в КБМЗ – всё ещё жалко, и никакие рассказы, устные и письменные, умные и глупые, талантливые и бездарные, с какими угодно танцами и завываниями в ходе хитроумных камланий не заменят собой правду: в Успенском соборе должно быть 32 кокошника, с ним должна сообразовываться вся ближняя и дальняя архитектура; может быть, где-то и не вытанцовывается 32, а только 24 или 48, – но они всё равно кивком головы указывают на Успенский (Гавриловская, десятая, или преждебывшая кококольня, одиннадцатая).

Богоявленская церковь в Красном на Волге напоминает, что сколько бы километров и тысяч этажей ни имела в себе возведённая с применением всех достижений строительной и архитектурной науки башня (примеры в истории есть, довольно подробно описанные в литературе), ей никогда не превзойти именно высотой Успенскую церковь на Ильинской горе в Нижнем Новгороде.

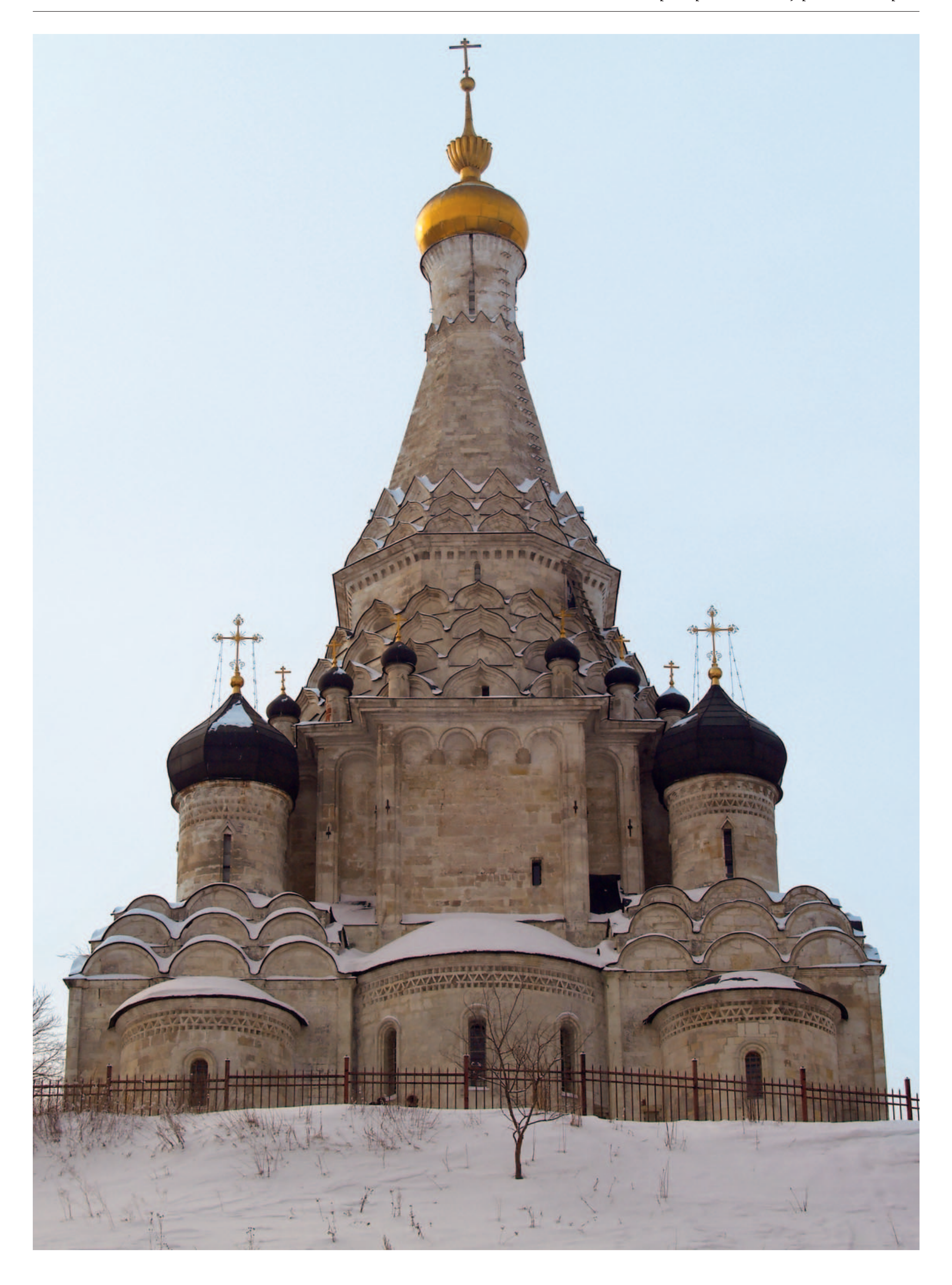
Из этого вытекает один гадкий вывод: чтобы построить башню, надо сначала спрятать церковь. Можно сжечь, расстрелять, взорвать, оставить в запустении, можно и просто накрыть крышей – эффект тот же. Это не La Pietà, закутайте обе фигуры в рубище, поставьте на кладбище – ну что ж, горюет кто-то над покойником, жалко, конечно. Красоты не видно – и мысль пропала. Можно строить башню, готовы и строители, и такие же обитатели башни.

Бывший (до М.Д. Быковского) внешний портал северного придела Преображенской церкви явно и недвусмысленно подмигивает и прямо-таки размахивает головой в приглашающем жесте – это уже не кажется, это настойчиво сделано.

Больше того, весь набор больших кокошников островского шатра не свободен от колебаний вертикали, все, кто налево, кто направо – но это выглядывание одного из-за другого становится заметно, только когда через их оси провести вертикальную линию и проверять себя вновь и вновь, несколько раз – а не чудится, не мерещится ли?

Конечно, любой архитектор улыбнётся и каждый строитель расхохочется: колебания от прямой в пять или даже десять сантиметров – обычнейшее дело на стройке, особенно когда речь идёт о линии длиной в несколько метров. Оно, пожалуй, и верно, когда бы внизу не было порталов, где кривизна нарочита и специально устроена, не оттого, что материал повёл туда, куда всё пришло, а как задумано, так и сделано, чтобы добиться результата. Каков же результат? – Никто не замечает, а портал работает как добродушный и усердный привратник, встречая и провожая каждого вошедшего и снабжая его, хочет тот или нет, приветственной ободряющей улыбкой. В порталах есть и ещё одна черта, которую можно попробовать понять. Порталы эти именуют перспективными и килевидными. Киль перевёрнутый, перспектива имеет метровую в лучшем случае глубину, и ступенек в нём чаще всего не больше пяти, не считая уровня стены. В молитвенно (или умоляюще) сложенных пальцами кверху руках тоже по четыре пальца с каждой стороны образуют подобие треугольника, в той или иной степени остроугольного. Тот, кто строил портал, кто делал проектный чертёж, вряд ли держал в голове образ перевёрнутой лодки или глубокомысленно устремлял мысленный взор в перспективную даль, а вот просительно сложенные руки могли повлиять на образ.

Поскольку строитель не хуже нашего знал, что человеку свойственно ошибаться, он и не стремился к идеальной правильности, больше того, чтобы было по-человечески, надо сделать чуть-чуть неправильно, неровно, несимметрично – чтобы содрать пафос с собора или церкви, сделать его или её не нависающей со всей прямотой и регулярностью, а весёлой, не без баловства, с улыбкой, когда и где можно. Уж если удастся приветливо помахать рукой тем, кто пожелает заметить, – это самое удачное. Не исключено, что и с кокошниками случилось так же. Во-первых, материал действительно ведёт – камень не так-то просто обработать, даже известняк. Во-вторых, когда есть понимание, что важно, а что и не очень – можно увеличить припуски и допуски, и не убиваться над соответствием эталону. И в результате никто теперь не может доанализировать свои собственные ощущения от церкви Преображения до твёрдого понимания, что откуда берётся, из чего проистекает и на что влияет. Скорее – неотменяемая действенность и сила волшебства, колдовства и чародейства на крошечную долю всё-таки объясняются покачиванием кокошников. Неразличимое, по неизвестной причине появившееся, несуществующее движение, пошевеливание, хоть на кажущиеся два сантиметра, хоть на поло-



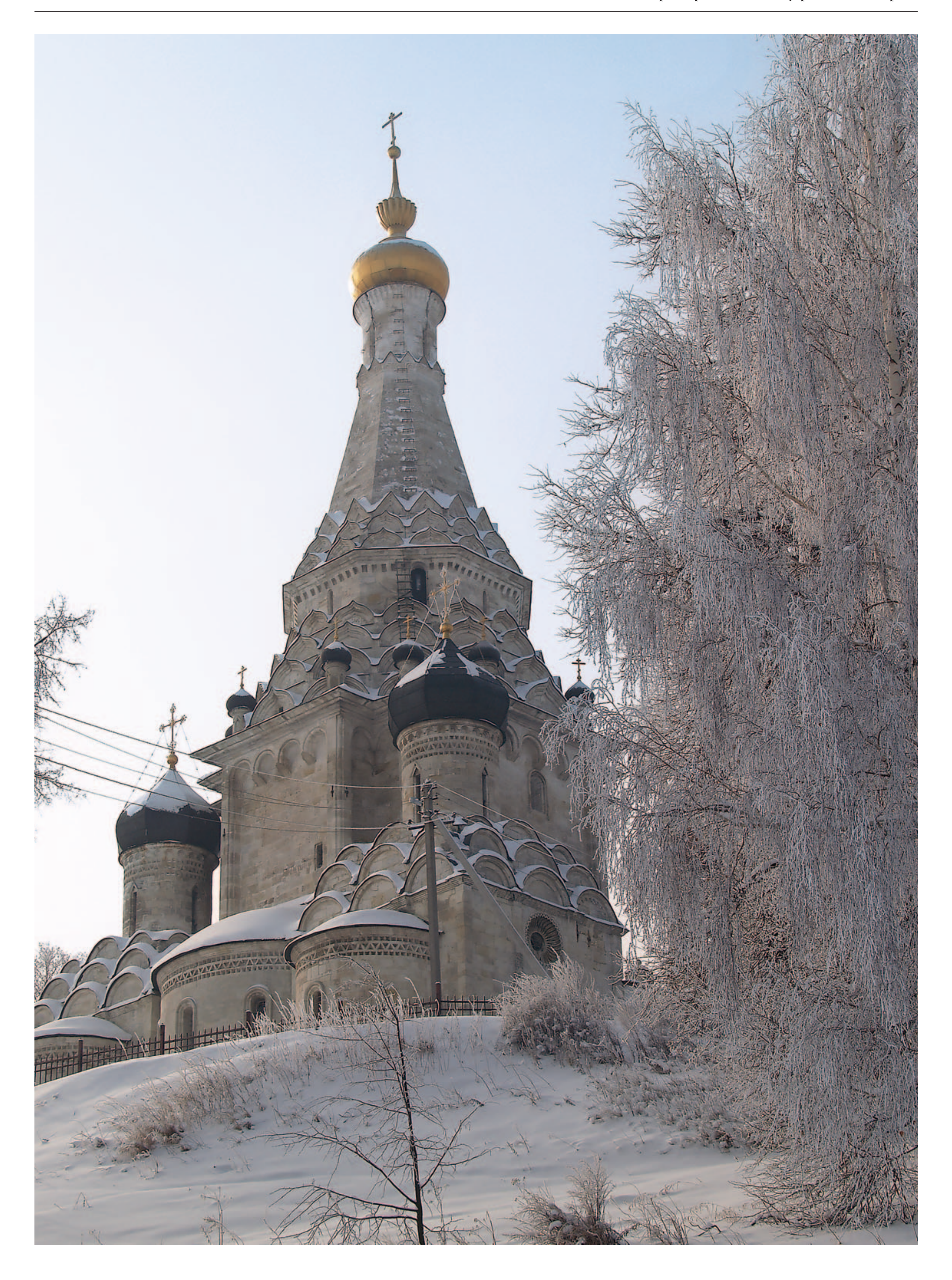
винку – оживляет церковь уже много сотен лет, заставляет это пламя трепетать в снегу и в цвету.

В.В. Кавельмахер не нуждается в подтверждении или усилении его аргументов в пользу окологодуновского времени создания Преображенского храма в Острове – потому что они исчерпывают тему. Но к насыпанному кургану можно принести свою горсть, даже зная, что он не станет выше. На схожесть Преображенской церкви в Острове и Богоявленской в Красном-на-Волге обратили внимание давно, так как она, схожесть, бросается в глаза: шатровый центр и два придела. Не меньше этого ясно, что по совершенству Преображенская стоит много выше Богоявленской, но вот чем определяется высота – не всегда объясняется. Богоявленская церковь датирована неоспоримо: 1592 год, стилистически ничто не противоречит её датировке, пять апсид почти в рост четверика, окна не прорублены в камне топором, а прорезаны ножом, красота рождается не из украшений (декора), а из самой формы, образованной сочетанием рядов кокошников, вырастающих в острие копья-шатра. Главное удивление – почему она не падает, ведь распирающее давление всей массы, стоящей на четверике, огромно, а ни контрфорсов, ни аркбутанов нет и в помине, всё снаружи стройно и лаконично, подпирающая роль приделов на востоке ничем не подкреплена на западе. Хитрость применена почти египетская (пирамида с изломом граней): восьмерик, почти равный по высоте шатру, (опять же почти) не сужается кверху, бочка давит скорее вниз, чем вбок, достаточно хорошо обвязать. Отсюда осталось полшага до приёма, применённого в Острове – там очень большой шатёр, видимый снаружи, изнутри становится ещё выше, потому что начинается ниже (немного похоже на тросы в Останкинской башне). Кто строил Преображенскую церковь – мог использовать опыт Богоявленской. Богоявленские же строители Преображенскую не видели – иначе бы переняли навыки и идеи, их ведь не удержишь ни законами, ни запретами, да и авторское право в XVI веке ещё не поселилось ни в какой голове, потому что они (головы) были другим заняты, более важным: красота не в одежде (декоре), а в том, что под одеждой. Апсиды приделов Преображенской соотносятся с апсидой центральной части, они задают высоту, а в Богоявленской придельные вторят центральной, которая «ведёт за руки» левую и правую, выдвигаясь вперёд, все пять штук – главные в нижней части восточного фасада.

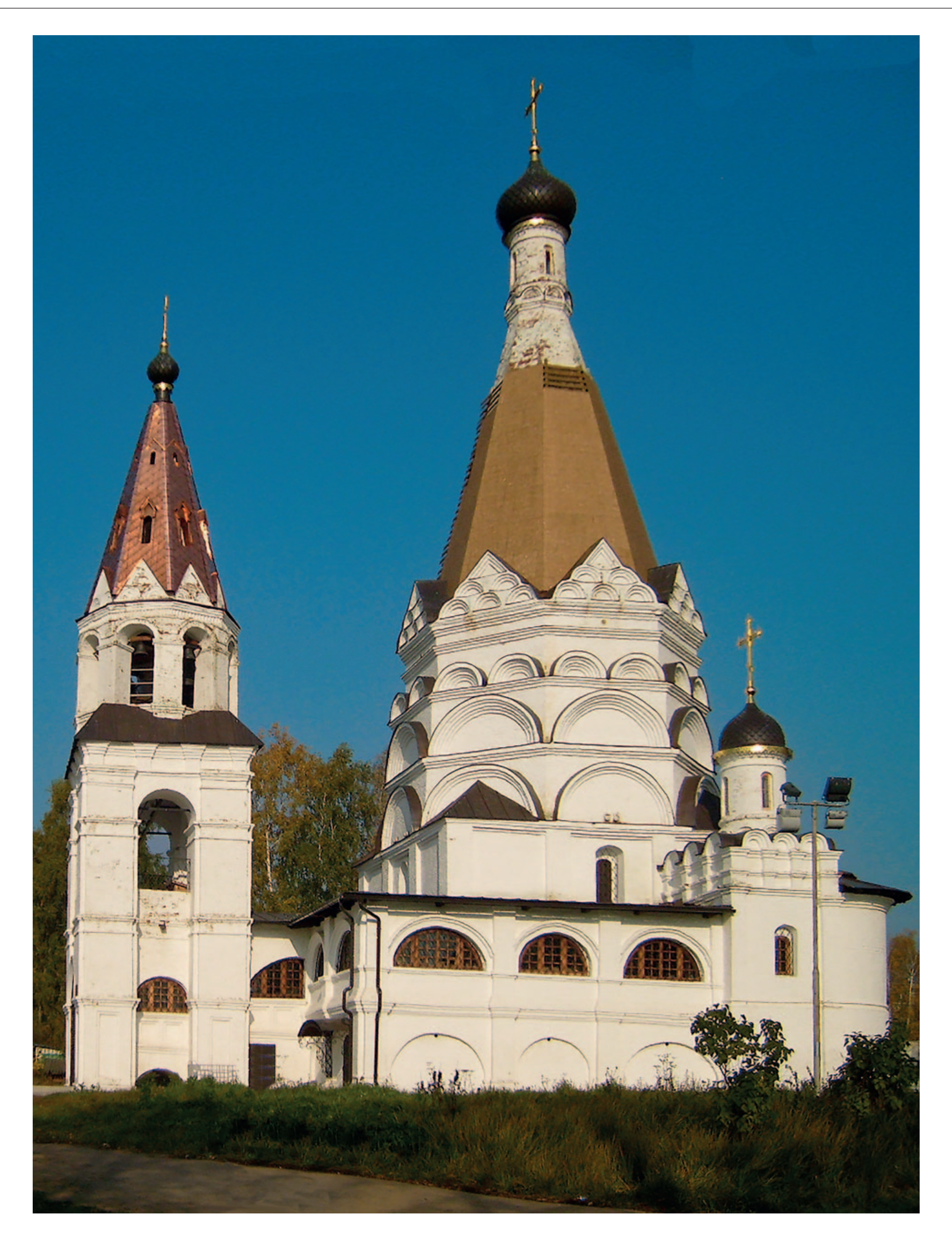
В Преображенской главные – не апсиды, а сами приделы, они подпирают центр могучими плечами. Несмотря на изобилие кокошников (пара сотен, сосчитать точно никто не возьмётся), на очевидные итальянизмы (раковины-окна) и псковизмы (бегунец и перевёрнутые ласточки над окнами), на изощрённую хитрость конструкции и украшения разными способами – всё вместе производит впечатление не более простого, но более цельного силуэта, букет составлен не из попавшихся под руку случайных полевых цветов пуком, а опытным флористом, раздумчиво и не спеша, зная, на какое именно впечатление он рассчитывает и какого добивается, от первого камня до главы (с которой, кстати, пора наконец снять глупую вазочку под крестом, невесть когда туда примостившуюся).

Видели строители творения друг друга до того, как начали строить, или не видели – совсем не важно. Проще предположить, что не видели. Если их (не строителей) взять нежной рукой за маковки, осторожно поднять и поставить ненадолго на один холм рядышком – нет сомнений, какая раньше, какая позже. Датированная бесединская церковь ближе всё же к Богоявленской, чем к Преображенской, хотя и стоит неподалёку.

Уже шла речь о том, что в Преображенской церкви использован не самый обычный способ противодействия разваливающему действию тяжести каменного шатра: видимый с улицы после огромного каменного выноса карниза четверика шатёр внутри



четверика начинается не просто раньше, а на несколько метров раньше, ниже. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на три верхних окна (восточного нет) четверика снаружи и изнутри. Для облегчения сопоставлений в качестве линейки можно использовать человека ростом 190 см. Он бочком, но легко выходит на воздух из северо-восточной двери рядом с прислонённой деревянной лестницей в цилиндрической (не скрытой шатром) части восьмерика, то есть высота двери – около двух метров, может быть, чуть меньше. Высота окна на западе сопоставима с высотой двери, которая близка к размеру видимой части восьмерика, от порога до притолоки; от



низа окна до верха карниза (откуда снаружи начинается шатёр, прикрытый весёлыми кокошниками) метра четыре или пять должно поместиться. Это те самые четыре с лишком метра, которые составляют разницу в началах шатра снаружи и изнутри: внутри ниже, в углах помещения от окна уже пошёл расти шатёр, пока снаружи ещё долго продолжаются ровные вертикальные аркатурные кронштейны и полуколонны (на востоке окошко внизу с северо-восточной стороны). Поэтому проекция силы тяжести, всегда направленной к центру земли, уменьшает распирающее, боковое действие веса камней, больше вниз, меньше вбок. У такого решения образовался побоч-

ный эффект, на который, скорее всего, рассчитывали авторы: силуэт приобрёл талию, бочка Богоявленской стала рюмочкой Преображенской (правда, заметна эта стройность фигуры лучше издалека, через судоходную протоку, от Угреши). Высокие углы четверика между сторонами света (северо-восточный, юго-западный и т. д.), образованные несколькими ломаными под прямым углом плоскостями с лопатками, стали удачными контрфорсами, в дополнение к конструкции и металлическим связям, противостоящими разваливающему воздействию шатра.

Всё-таки прав В.В. Кавельмахер (и неправ его сын, который нашёл совсем неубедительные аргументы против), когда относил Преображенскую к XVII веку – она вся родственница переделок кремля и Покровского собора, Введенского Заегорья в Серпухове и более поздних Зосимо-Савватиевской церкви в Троице и Никоновской церкви там же, и бесконечно далека от Вознесенской церкви в Коломенском.

Понятие «годуновская архитектура» существует, а понимания, что это такое, есть пока не у всех. Два десятилетия у власти, из них почти семь на троне оставили по первому из двух царей династии (второму отпущен был месяц) память скорее добрую, несмотря на невынесенный приговор по делу царевича Димитрия. Двадцать лет – срок немалый, не всем столько достаётся. На память среднеобразованному человеку приходят дело царевича, раздача хлеба и помощь малоимущим во время несчастий начала LXXII века, учреждение патриаршества и архитектурная эпоха, названная по имени государя (то есть по времени), а не по внутренней сути. Говорит ли архитектура что-нибудь о времени, или только от карнизах, тимпанах, конхах, антаблементах, импостах и фустах в сочетании с пилястрами и подпружными арками под парусами без мачт, но с реями? В конце концов почти всё. Остатки городов, притопленных в Крыму, например, – главный, если не единственный источник представлений о жизни и тысячу лет назад, и две. От одной Покровской церкви (на Нерли) до другой Покровской церкви (на Рву) прошло почти четыреста лет. Если бы какой-

нибудь Симеон посмотрел сначала на одну, потом на другую, он бы уловил не только разницу, но и что-то общее. Вот это общее сохранилось и через 50 лет после взятия Казани, как-то проявилось в годуновской архитектуре, и ещё на сто лет хватило, потом на два века оно нырнуло и вдруг опять выпрыгнуло у Павлинова, Султанова, Щусева и Дужкина (не только). Термин «ликование» хорош и подходит, но ему нет пределов, нет о-пределения, так как ровно так же безудержно умеют радоваться во всех сторонах света.

ИКОНОЛИТ ВВЕДЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В СЕРПУХОВЕ

Попробуем приоткрыть только одну из страниц этой толстой книги. Ирод был Иван Грозный, или Соломон, ещё много будет споров, но в памяти он остался как государь редкой породы. И хоть поминать он велел о всего пяти тысячах – это были только те пять тысяч, про которых он помнил что-то достойное поминания; верхняя граница числа колеблется в зависимости от настроений исследователей и знаний о народонаселении страны в XVI веке при начале и «при концу». 1530–1584 – опять 54, причём бедствия начались после юности, раньше были беды. Глядя на бедствия, часть которых приходила из-за действий государя, царский шурин, а потом (после 1598 года) и царь не мог не думать об исправлении череды несчастий, о более цветущем состоянии государства, и удумал, вместе, вероятно, с митрополитом, учредить патриаршество. Но это дальнобойное орудие, а воробьёв надо уговаривать сегодня, и не пальбой, а увещеванием, так, чтобы доходило без литературы, интернета и телевидения. Ни глашатай, ни плеть не подходят, убедительности не хватает, и доходчивости, в этой области с архитектурными символами и доминантами ничто соревноваться не может. Эта нехитрая мысль стала посещать головы правителей давно, начиная с фараонов и тревожащих небо башен в Вавилоне, и почти сразу изощрённость стала побеждать размерность: «Крупно не хитро, хитро затейливо», габариты важны только для заметности, а разглядывать, заметив, лучше что-то приятное глазу. То, как именно глазу делают приятно, и составляет суть формообразования, здесь поселяется новизна и здесь нельзя промахнуться, уж если масло, то топлёное или оливковое, если мастер, то лучший, если материал, то отборный, причём повторять нельзя, только неслыханное и невиденное, среди прочего и по мысли, по замыслу.

Тут и начинается самое важное и самое трудное. У Василия родился Иван – поставили новый Никитский собор вплотную к маленькому старому, но деликатно, у Ивана родился Фёдор – поставили Фёдоровский собор, тоже немаленький. По сравнению с Покровским на Рву на них тоже ушло много кирпича, но форма отлична как небо и земля. То есть Иван (скорее всего с Макарием) сначала придумали что-то немыслимое, а уж потом велели, как в сказке, сотворить то, что им привиделось: «Пойди туда – не знаю куда, сделай то, не знаю что», не говоря уж про «как». И теперь уже вдруг не скажешь, что знаменитее – София в Царьграде, она же в Киеве и Новгороде, или Покровский на Васильевском спуске ко Рву. Мы все эти образы видим так же, как видел их царь Борис (кроме Царьграда), и ему надо было придумывать что-то свежее, что могло превзойти даже образ Иерусалима на Красной площади. Через полвека патриарх Никон додумается погрузить образы святых мест на верблюдов, и караваном пе-

реправить их на Истру, и Воскресенский собор, и подземную церковь, и горы, и реки. Мысль просто ни с чем несравнимая, до сей поры.

Где-то между ними, между двумя Иерусалимами (на Красной площади и в Истре), надо искать родник, утолявший жажду Бориса Фёдоровича. И он придумал.

Поскольку на том, что он придумал, не висит табличка с надписью крупными буквами, что это и как называется, придётся не показывать пальцем, а убеждать.

Во-первых, конечно, это должна быть церковная архитектура, как ни огромна смоленская стена Фёдора Коня, всю её видно только с неба, а требуется что-то охватываемое взглядом; во-вторых, по универсальности, общедоступности, всеохватности и «поражающему» глаз эффекту этому архитектурному предмету не должно быть равных. И в-третьих, символ не должен «бить наповал», перо – не кувалда, павлин не корова, человек должен понять, что что-то произошло, но что именно – не ухватишь, не выразишь словом, не почувствуешь весом в руке, кровь капает, но не из-под ножа.

Введенский Владычный монастырь в Серпухове собрал в себе сразу четыре постройки времени Бориса Годунова – три церкви и звонницу. Каждая постройка заслуживает внимательного рассмотрения. Взгляд всегда должен быть пристальным, но здесь – особенно, потому что четыре предмета создавались все со смыслом и были настроены друг на друга, не как случайно попадавшие с неба, а как один инструмент, от «ми» до «ми» на шести струнах.

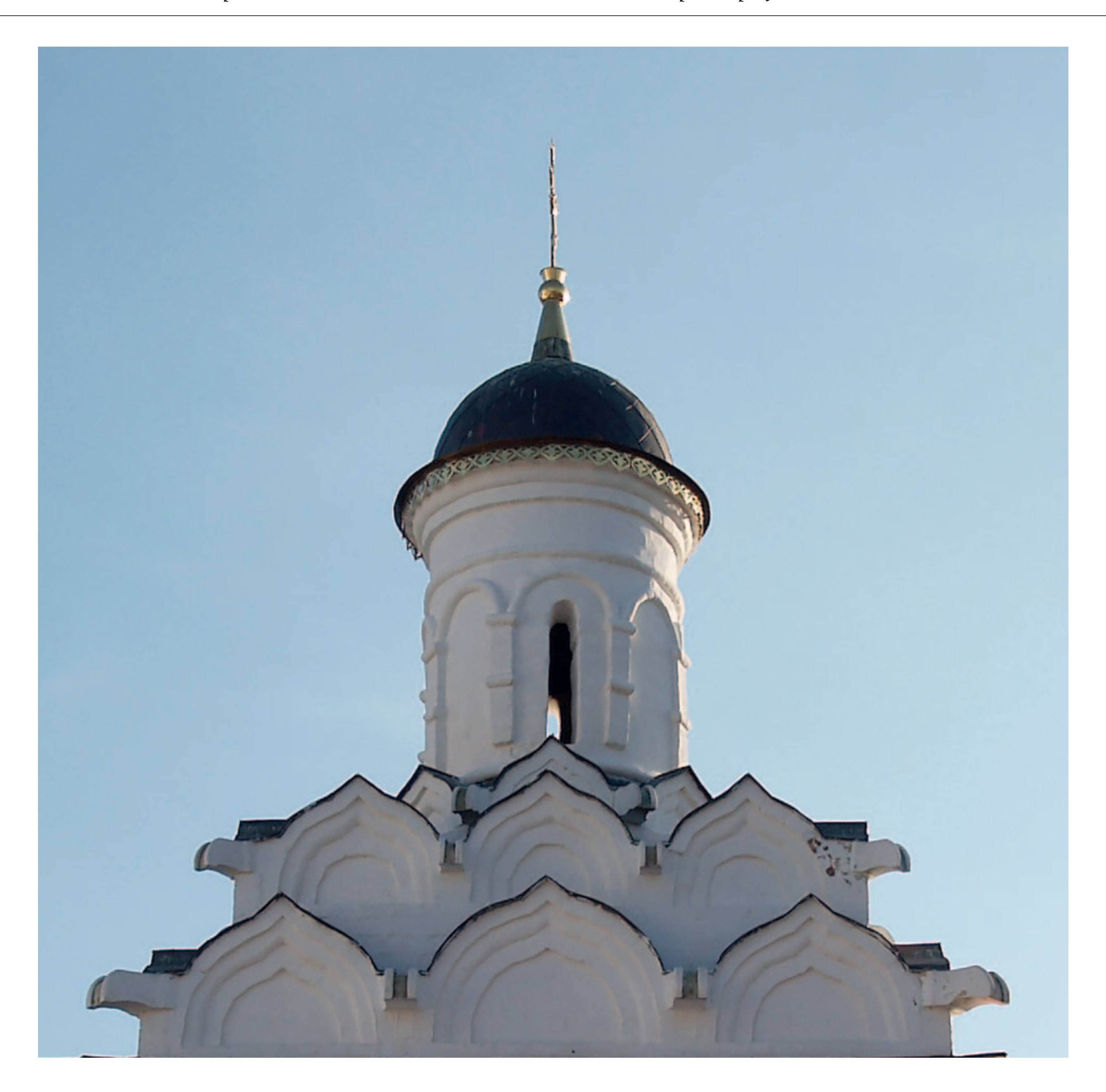
Строитель Георгиевской церкви был внимателен именно к облику, к тому, что видно наблюдателю, а на то, что заведомо скрыто от глаз – и кирпич тратить не стоит. На западе четверика из положенных трёх выполнен только один кокошник, на остальные взгляд всё равно никогда не упадёт, огромный притвор загораживает место, где могли бы быть ещё два кокошника, звонница отвлекает внимание, шатёр утягивает за собой ввысь. Автор был настолько уверен в себе, в том, что он лепит образ, в котором надо нарочно и специально показывать самое главное, а чем-то приходится и пренебречь, что на востоке решил не выводить апсиду (или апсиды), а сразу сосредоточился на лестницах, крыльцах, подъёмах. Решение не уникальное, но нечастое. Случалось, что один из входов делали на востоке (Благовещенский собор в московском кремле), но место престола чаще всё-таки выделялось архитектурными средствами, здесь же от входа в монастырь с запада сразу восточный фасад не виден, он за углом, а потом уже вниманием вошедшего завладевает Введенский собор, портал, лопатки, два ряда параллельных кокошников над пряслами стены. Ради чего отказались от апсиды? Ради помещения, производящего впечатление полуподвального и скорее служебного, и лестницы в ущелье двух поднимающихся стенок, ведущей в крыльцо, ведущее в крыльцо, ведущее в крыльцо, ведущее в звонницу. Единственное, что здесь можно делать – подниматься, лучше не спеша. И смотреть издалека или вблизи, не без труда припоминая, что, кажется, где-то и когда-то что-то похожее вроде бы уже видел, во всяком случае, ничто глаз не режет, всё как-то смутно знакомо, но при этом и ново, потому что ничего такого раньше не было. Глядя с востока на шатёр, задрав глаза, чувствуешь себя где-то в глубине тесного старого города, почти слыша его шум и запахи, он сразу делается знакомым, даже родным, своим, с детства исхоженным.

Звонница наверху расположилась на высоте, где уже недалеко до граней шатра, оттуда, из продуваемого ветрами павильона, кажется, рукой можно дотянуться до скоб на западной грани, вмурованных для тех смельчаков, которым приходится время от времени забираться под самый купол сквозь узенькие окна, чтобы поправить какую-то неисправность.

Всё это «палатное строение» не содержит никаких палат. Можно было бы попробовать примерить к нему назначение гульбища, но всякое гульбище должно вести

ко входу в притвор или трапезную, а тут входить некуда, кроме звонницы, куда доступ не всем и не всегда.

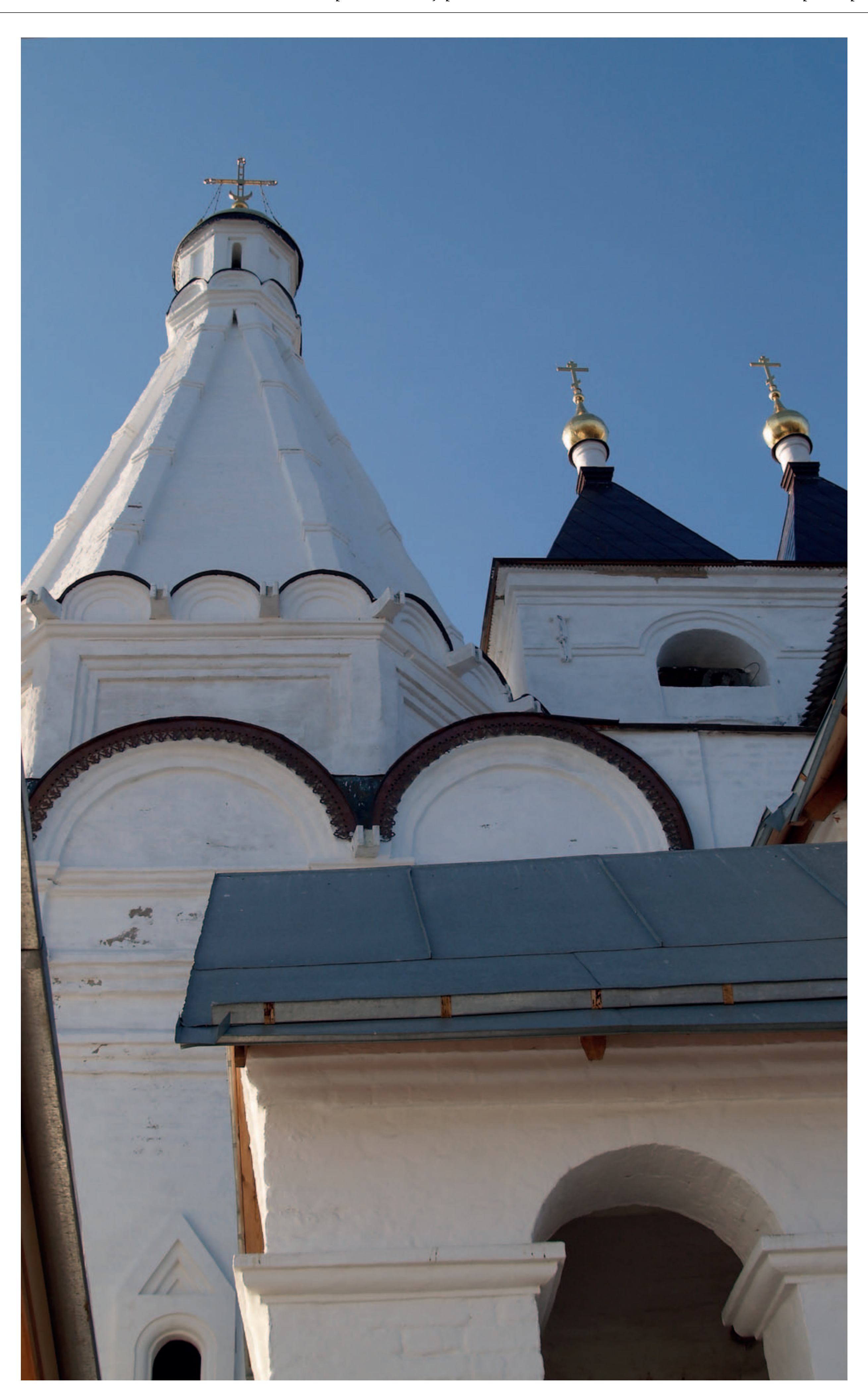
Хочешь – не хочешь, а приходится признать, что вся эта уйма кирпича, связей, извести и стараний пошла на изготовление картины. Причём картины настолько замысловатой, что поначалу её трудно различить, распознать как изображение – нет ни холста, ни досок, ни красок, ни штукатурки, наконец. И нет рамы, нет границ картины, она не останавливается там, где кончилась доска, ткань или сырая штукатурка

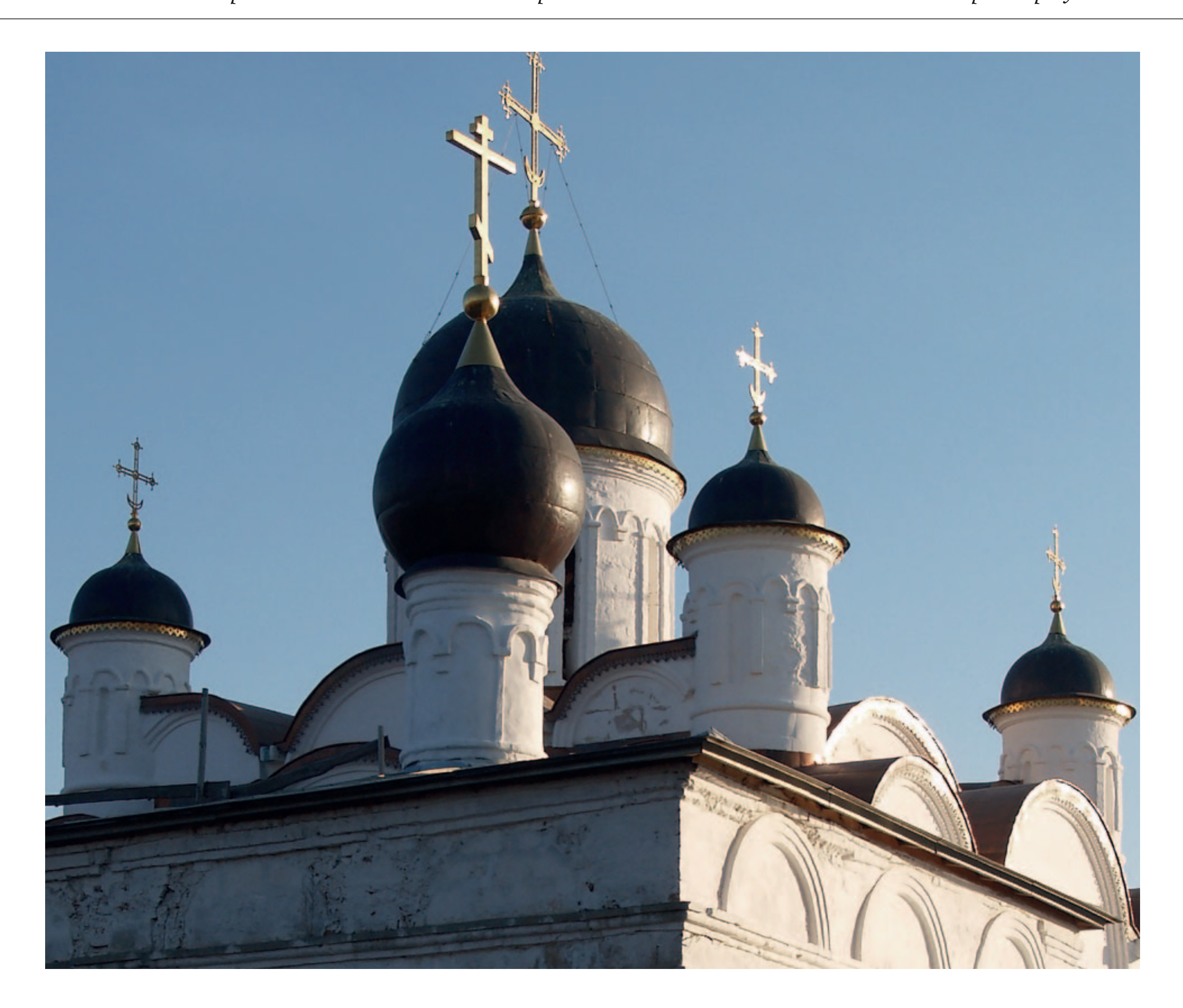


на стене или на потолке, а продолжается по всем координатным осям, налево и направо, вверх и вниз, подальше и поближе.

В клеймах икон, внутри самого изображения, на фресках не просто часто, а почти всегда встречаются архитектурные мотивы, окна, лестницы, крыльца, столбы, портики, порталы и фронтоны, иногда деталями, иногда перспективами, целыми городами и улицами, с предместьями и горными местностями, с хибарами в пустынях, населённых людьми и животными. Иногда сюжет отвлекает, и кажется, что архитектуры как-то маловато, но стоит чуть перевести взгляд, и вот уже царь Соломон не просто царь, а выглядывает их окошка справа, а слева царь Давид наяривает на гуслях что-то настолько благозвучное, что почти благоуханное. Священная топография всегда условна, поскольку не портретирует местность, а моделирует её, никогда не виденную, разве что в книгах, похожих на издания Пискатора. В этих моделях часто присутствует ракурс, снизу вверх, кроме, пожалуй, Вавилонской башни, которую разрушить можно лишь сверху. Здания, города, крепости и отапливаемые (с печными трубами) поблизости от Иерусалима дома по большей части ждут, когда к ним поднимутся, то ли на гору, то ли по лестнице, хоть по облаку.

То же и в кирпичной звоннице. Вместо апсиды у Георгиевской церкви появилась не одна архитектура, но и география святых мест, ощутимая, трогаемая руками





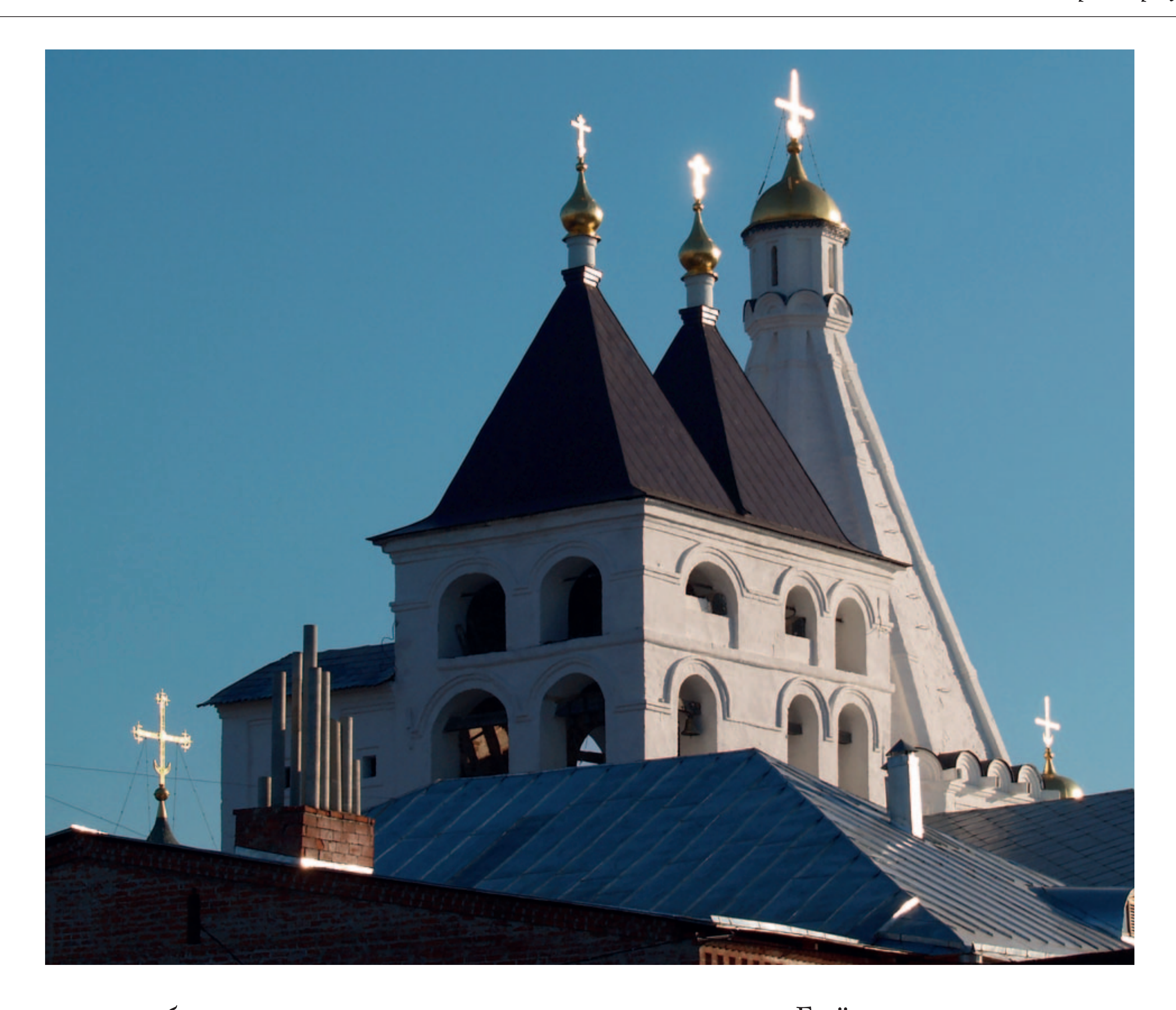
и глазами. Это и икона, сделанная камнем, то есть архитектурный мотив не нарисован, а вышел из рисунка, стал «во плоти», в кирпиче, и самый Иерусалим, Иерихон, Назарет, даже и Вавилон и горы, на которые надо подняться, чтобы получить Завет.

Не хочется придумывать новые слова, но вещь настолько огромная, что её требуется назвать для понимания. Это «иконолит», или что-то с корнем «-петр-», «штайнбильднис», «петрология», «горнемыслие». Нет, всё одинаково плохо.

Кто придумал, вряд ли станет известно, Филипп, Иов, Годунов, неведомый строитель монастыря. Но именно этот Заегорий (он «за церковью Георгия, почти на задворках») своей сверхсимволичностью может претендовать на выражение неуловимой сути «годуновской архитектуры» и даже всего его премудрого почти двадцатилетнего правления. Если семантика в архитектуре есть, если она уловима вообще, если она может быть постигнута из неархитектурных понятий, то более внятной фразы и представить себе нельзя. Бесконечное восхождение доступно всем, оно благотворно и разлито повсюду, открыто и нетаинственно, оно привлекательно и маняще, потому что в нём есть простота и красота, над которой много трудились, думали и стремились быть понятными. Приложима ли эта фраза к другим зданиям годуновских лет и отличает ли она годуновские стили от прочих? Пожалуй, нет, ни то, ни другое, и не прикладывается, и не отличает. Как можно назвать музыку? Она больше любого названия и определения.

Это вывернутая наизнанку окаменевшая икона, её смысл, молча выкрикнутый, рассказанный немым и услышанный глухим.

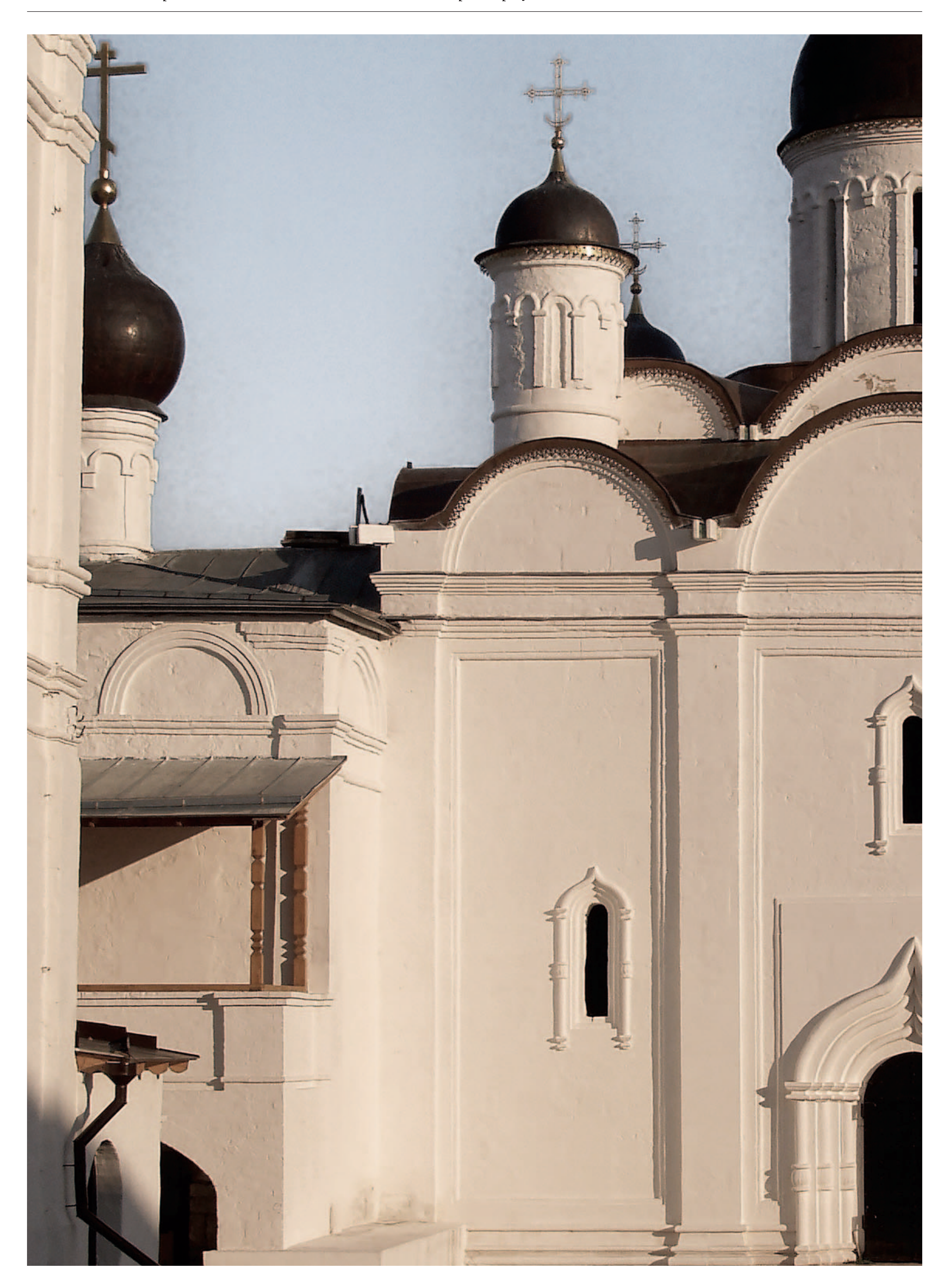
Надвратная церковь Феодотия Анкирского останавливает, даже когда ворота настежь. Ѳеодотъ (Богдан) – крестильное имя Бориса Годунова. Много ли народу вспо-

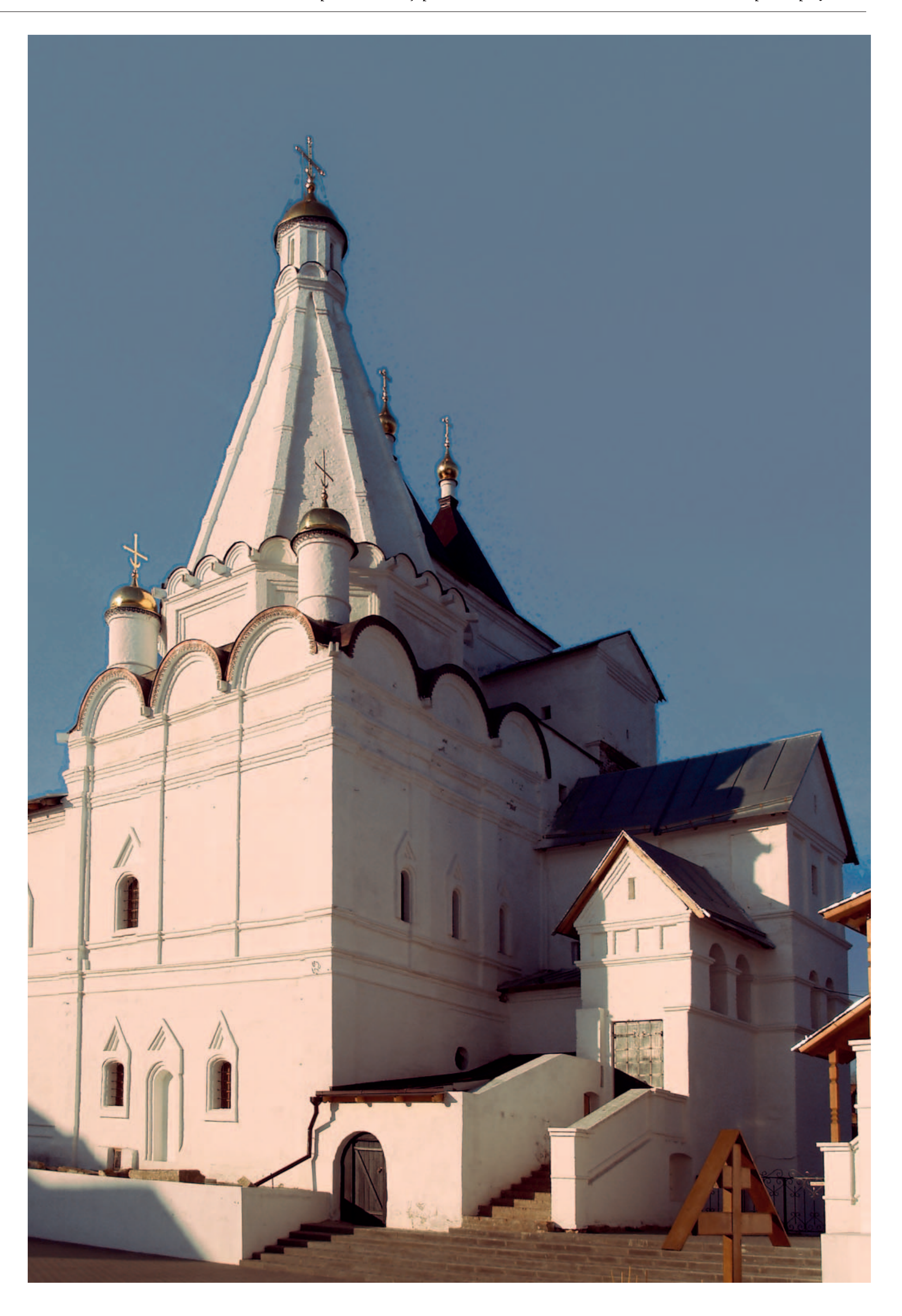


минает об этом, проходя под церковью, сказать трудно. Ещё меньшему числу приходит в голову, что горка кокошников, прикрывающая сомкнутый свод церкви снаружи, как-то может быть связана с куполом наверху барабана, самая простая связь – и то, и другое суть половинки. Полукруг и полушар (чуть больше, или чуть меньше), геометрия по крайней мере родственная, если полукруг раскрутить, как волчок, получится полушар (пока не остановится и не упадёт). Совсем уж редким выдумщикам приходит на ум мысль сосчитать все закругления. Четыре стороны по шесть да восемь сверху и глава. 33. Совпадает с числом земных лет Христа. Нарочно ли? Кто же знает! Но даже если не нарочно, совпадение становится ещё более многозначительным: значит, так... «исторически сложилось». С таким посвящением (Ѳеодотъ) у церкви появляется ещё одно назначение, она начинает работать вывеской, монастырь к имени получает прозвище: «Годуновский», собственный, только очень мелкими буквами, не все могут прочесть, не все могут и сосчитать, не всем явлено число «33». Но это ни на что не влияет, всё настоящее, без обмана. Число потом появляется и ещё раз, на шатре: у каждой из восьми граней по три кокошника внизу и по одному вверху; и опять прибавим купол. Конечно, ничего не значит, конечно, случайно. Оттого, что слово никто не слышит, оно не пропадает. И то слово, которое сказано Заегорьем, тоже плохо слышно, но уже потому, что слишком громкое, для него надо ухо отрастить побольше, или отойти подальше, лет на четыреста.

Введенский собор такой простой, что казался бы бедноватым, если бы не размер. Стройный куб с шириной больше высоты. Украшений и декораций так мало, что непонятно, откуда берётся изящество. Толстяк не должен быть грациозным. Секрет знает только автор, а глаз усматривает лишь торжество цифры «три». Три прясла,

треугольное завершение портала, три окна, два раза по три кокошника, видны только три барабана и главы, везде есть вершина треугольника, второй ряд кокошников поставлен теснее, чтобы подтвердить сужение силуэта кверху. Но главное – скупость эмоций. Архитектурные слова падают редко, тяжело, зато нет ни лишнего, ни суеты. Другой раз такая неразговорчивость будет повторена нескоро, во Флорищевой пустыни, со столь же отчётливой дикцией. У обоих государей скипетр продержался в руках недолго, меньше семи лет, и возраст разный, сравнивать нельзя, и эпохи иные.





Есть, может быть, и не одно, но в числе прочего нечто очень важное, лежащее в основании их архитектурного следа, и что нельзя забыть упомянуть, хотя доказать справедливость суждения трудно, если вообще возможно.

Это достоинство. При малости документальных свидетельств архитектура может быть принята в качестве одного из отражений внутреннего мира, через ряд передаточных звеньев, конечно. И именно достоинство, покой, несуетность объединяет то, что положили в камни Борис Фёдорович и Фёдор Алексеевич. Не то, чтобы грозненские постройки и здания Алексея Михайловича были лишены этой характеристики, нельзя сказать, что Покровский собор на Рву или дворец Марии Ильиничны в Саввином Сторожевском монастыре лишены достоинства. Но именно оно приходит на ум последним, когда видишь церковь Вознесения в Коломенском или церковь в Никитниках или даже Николу Мокрого или Иоанна Златоуста в Ярославле. А к Большим Вязёмам подходит, и к другим памятникам годуновского круга. Повадка, поворот головы, стать, неспешность и раздумчивость – и при этом полное отсутствие величавости, хотя величия сколько угодно, хоть отбавляй.

Да. Вот почему-то – достоинство. Это вообще два периода, когда достоинство становилось государствообразующим понятием и работало не хуже, чем язык или территория.

Церковь Вознесения в Коломенском, Петра Митрополита в Переславле и Елоховская – безапсидные, так что редкостью это быть не может, но есть недопонимания, продиктованные не только пробелами в образовании: насколько известно, даже А.С. Щенков не взялся объяснить, а почему апсида не понадобилась при строительстве.

А.Л. Баталову принадлежит много открытий и интерпретаций годуновской архитектуры, начиная прямо с перевода посвящения надвратной церкви Феодотия Анкирского: крестильное имя Бориса Годунова, сокрытое от праздной публики, чтобы избежать колдовских неприятностей от недругов, – Богдан, по-гречески Ѳеодотъ, позже часто сокращали до Федота, легче выговаривать.

Церковь Феодотия Анкирского ещё долго будет щедра на приоткрытия её больших и маленьких секретов; она какая-то хитро-невзрачная. Если верно, что между тридцатью двумя кокошниками и главой (куполом) существует семантическая связь (то есть только через численное совпадение с апокрифическими годами жизни Христа), то предположительно есть и некоторая связь между формами кокошников и купола. Нет резона ввязываться в дискуссии о форме (шлем или луковица), но при следующей реставрации церкви (вероятно, нескорой) хорошо было бы попробовать примерить форму главы, начатую карнизным расширением барабана, более близкую к шару без донышка, многажды нарисованную чуть пониже, в кокошниках.

Форменная неожиданность церкви снаружи монастыря – почти полное отсутствие четверика. Завершение церкви не стоит на четверике, оно упало на стену или гульбище. Изнутри монастыря квадратная сторона четверика появляется под кокошниками и главой, но обнаруживается новая неожиданность. Где апсида? На её месте – круглое окно там, где внутри церкви полагалось бы быть Горнему месту напротив алтаря, который надо ещё где-то разместить. Приходит очередь удивиться размерным характеристикам. На востоке чуть правее есть дверной проём. Пусть он будет двухметровый в высоту. Пусть даже трёхметровый. Ширина стены церкви на востоке – около 5–6 метров, таковы же ещё три стены. На алтарь хотя бы два метра надо, иначе не повернуться, не разойтись во время службы, ну полтора. Вычитая некоторую толщину стен, площадь помещения перед иконостасом колеблется вокруг полутора-двух десятков квадратных метров. Пять прихожан – уже толчея.

А что если окно в восточной стене сделано не для того, чтобы смотреть наружу, на трапезные палаты Георгиевской церкви и на Введенский собор, а наоборот, смот-

реть изнутри на того, кто внутри? И если поместиться на Горнем месте в нужный момент, не вечером, а скорее с утра, когда солнце низко на востоке, то при открытых Царских вратах вокруг головы сидящего на троне присутствующие немногие на службе (многие не поместятся) увидят свечение или ореол, который на иконах передаётся нимбом вокруг головы. А если Горнее место немного утоплено в стену или нишу, впечатление застрянет в голове как золотая отливка, тяжёлым слитком. Народ уговаривать – пустая затея, всё равно толку не будет, надо убедить тех, кто водит народ за руку, тех немногих, которые поместятся в церковь Феодотия Анкирского. Служба – 31 мая, солнце при хорошей погоде давно высоко, переваливает даже через громаду Введенского собора. Эта особенность хорошо согласуется с малыми размерами молитвенных помещений всех тех немногих безапсидных церквей, которые удалось повидать, например, Введенской в Старице, Петра Митрополита в Переславле-Залесском (Елоховская, правда, не маленькая).

Отсутствие апсиды, повторенное в Георгиевском храме по соседству, перестаёт быть случайностью и результатом прихотливого вкуса Бориса Годунова, оно должно быть понято как дважды внятно выговоренное архитектурное слово. В Георгиевской церкви есть ещё повтор – круглое окно на востоке (правда, в подклете, и целых три чуть повыше). Это уже не слово, целое предложение. Окна вообще имеют несколько предназначений, из очевидных – сохранение тепла при помощи стекла или иных (полу)прозрачных загородок, освещение внутри и взгляд наружу. Первые два сейчас неинтересны, а вот взгляд из обоих окон падает на Введенский собор (придела, похожего на отдельно стоящий алтарный выступ, до середины XVII века нет), у которого апсиды на месте. Никакие дальнейшие предположения в голову не приходят, точнее, все они немного отдают «народной этимологией», то есть основаны на незнании. Приходится признать, что речи, выговоренные строителями Бориса Годунова, пока остаются услышанными, но непонятыми.

Уличный образ церкви Феодотия Анкирского (верхушка без четверика, закрытого снаружи гульбищем) настолько непривычен, что врезается в память, и, по всей видимости, не только современникам Бориса Годунова: хочется предположить, что отсюда пошло само выражение «горка кокошников» – здесь, кроме «горки», ничего и нет под главой, она, горка, и запоминается, а если по углам уместить четыре малых главы, то готов облик самой что ни на есть обычно-привычной церкви вообще, причём не такой изощрённо-мастеровитой, как Успенские соборы во Владимире и Старице, а рядовой, построенной на средства прихожан, без богатых ктиторов и иноземных специалистов. Иными словами, выходит так, что нарочно или случайно церковь Феодотия Анкирского стала модельной и образцовой из-за малости своей, из-за отрезанной верхушки, врезавшейся в память, из-за того, что никто и не ищет в ней никакую апсиду, её отсутствие не мешает, а окно на востоке (два окна, второе в Георгиевской церкви) переводит взор на восток, на Введенский собор, делая его ещё более заметным, сверхобычным, самым-самым главным. Тем более, если знать, что он находится позади ореола того, кто восседает на Горнем месте.

И последняя мелочь большой важности. Кокошники второго ряда заметно меньше по размеру, чем те, что снизу, в первом ряду, и выведены кирпичом с кривизнами, овалы все гнутые без плавности, как-то всё неаккуратно, если приглядеться. В том-то и дело, что строители точно, наверняка знали, что никто не станет приглядываться, цельный образ прыгает в глаз без подробностей, нечего и трудиться над изгибами обводов.

А вот с арками гульбища применена другая хитрость. Окон в гульбище – шесть, а ширинок под ними – десять. Тут долго думать не надо, веревочкой одинаковые отрезки отмерил, одно под другим – и хорошо, всё ровно. Ничего подобного. Между

окнами пять одинаковых простенков, серединка находится так же легко, как десять делится пополам, стало быть, под центральным простенком должна быть линия, разделяющая пять слева и пять справа ширинок. Оказывается, нет, она заметно левее. Случайно? Ни в коем случае. Ширинки-то ведь легли в стену раньше простенков, их сначала сделали неровными, а потом, может, через месяц, сверху поставили шесть ровных окон. Там ещё не умели делать ровно, а к окнам уже научились? Это вряд ли.

Эта нервная неровная рябь, смещённая влево от вертикальной оси двухчастного входа (две арки, повыше и пониже), лишает равновесия, подвешивает всю конструкцию выверенной стройности горки кокошников, она начинает мелко подрагивать и шевелиться, напрягая все силы, чтобы удержаться от падения, как будто центр тяжести вышел за пределы площади опоры. Нет, не на помойке Борис Годунов нашёл своих строителей, неважно каких, иноземных или здешних, в этом гимнастическом «пистолетике на брусьях» – уйма мастерства, недетское умение.

Сам вход, он же въезд ,сделан очень умудрённо. Высота проезда в центре, в воротах, – почти такая же, как высота входа в стене слева. Человек пройдёт, возок и сани проедут, а вот карета с шатром – маловероятно. Конечно, нельзя исключить, что высокий, вдвое выше проезда проём заложили дальние преемники Годунова, но что-то плохо верится, что им доступна такая простая, короткая, лаконичная мысль: почета тебе, входящему, много, но всё же поклонись прежде, чем войти, склонись перед памятью Феодота, которая начинается сразу там, где кончается высоченная арка, церковь, подразумеваемая там, сразу за гульбищем, приобретает привычные габариты, только если её мысленно начать с этой высоты.

А привычной брани по адресу застеклённых проёмов не будет. Незадолго перед строительством этих ворот один англичанин подметил, что «так сделан мир: живущее умрёт». И у того, что сегодня так крепко защищено от атмосферных осадков и низких температур, были отличные шансы лишний раз подтвердить годность этой гадкой мысли и в Серпухове. Если для спасения криптошедевра понадобилось всего-навсего застеклить гульбище, следует сделать такой способ всеобщим.

На чём основаны предположения – неважно. Важно, правдоподобны они или нет, появляется логика в понимании истории, или нет. (Русский философ Густав Шпет написал в XX веке два тома, названные «История как проблема логики»). Привлекательное, соблазнительное своей логичностью предположение имеет право на существование до тех пор, пока не появится новое, ещё более привлекательное – или (лучше) пока не вывалится в современность бумажный, каменный, костяной, деревянный или тканый (и т. д.) факт, разбивающий хрупкую конструкцию логичного предположения и требующий созидания нового объяснения, обнимающего новые факты. История требует постоянного переписывания. Физикам и геометрам легко – у них всего по два крупных предмета: физика Эйнштейна обнимает физику Ньютона, геометрия Лобачевского включает в себя геометрию Евклида как частный случай; у историков простор для предположений пошире, и факты всё время вываливаются новые и новые, отвлекая от построения понимания, потому что сами по себе бесконечно интересны, увлекательны и ценны, как серебряная копоушка из эпохи Второго, предположим, царства на среднем, допустим, Ниле. Пространство между эрудитским исследованием и сочинением понимания истории – огромно; тежёлый маятник на длинной цепи медленно перемещается между архивным крохоборством (с безупречной правдивостью) и изобретательной фантазией (с недоказуемыми измышлениями) и одно без другого существовать не может. Пожалуй, и хорошо, что фантазёров меньше, чем крохоборов; чем больше человек знает, тем тише его речи и скромнее гипотезы – просто потому, что он не однажды убеждался, что возможно

вообще всё. Вот именно это «вообще всё» и оставляет крохотную лазейку для воображения. Ну если «всё» – стало быть, и это тоже?

Столь долгое расшаркивание понадобилось для того, чтобы сформулировать вообще ни на чём не основанное предположение.

МАЛОЗАМЕТНАЯ И МАЛОПОНЯТНАЯ В РОЖДЕСТВЕНСКОМ СОБОРЕ

Малозаметная – фреска Марии со стигматами, малопонятная – Страшный суд.

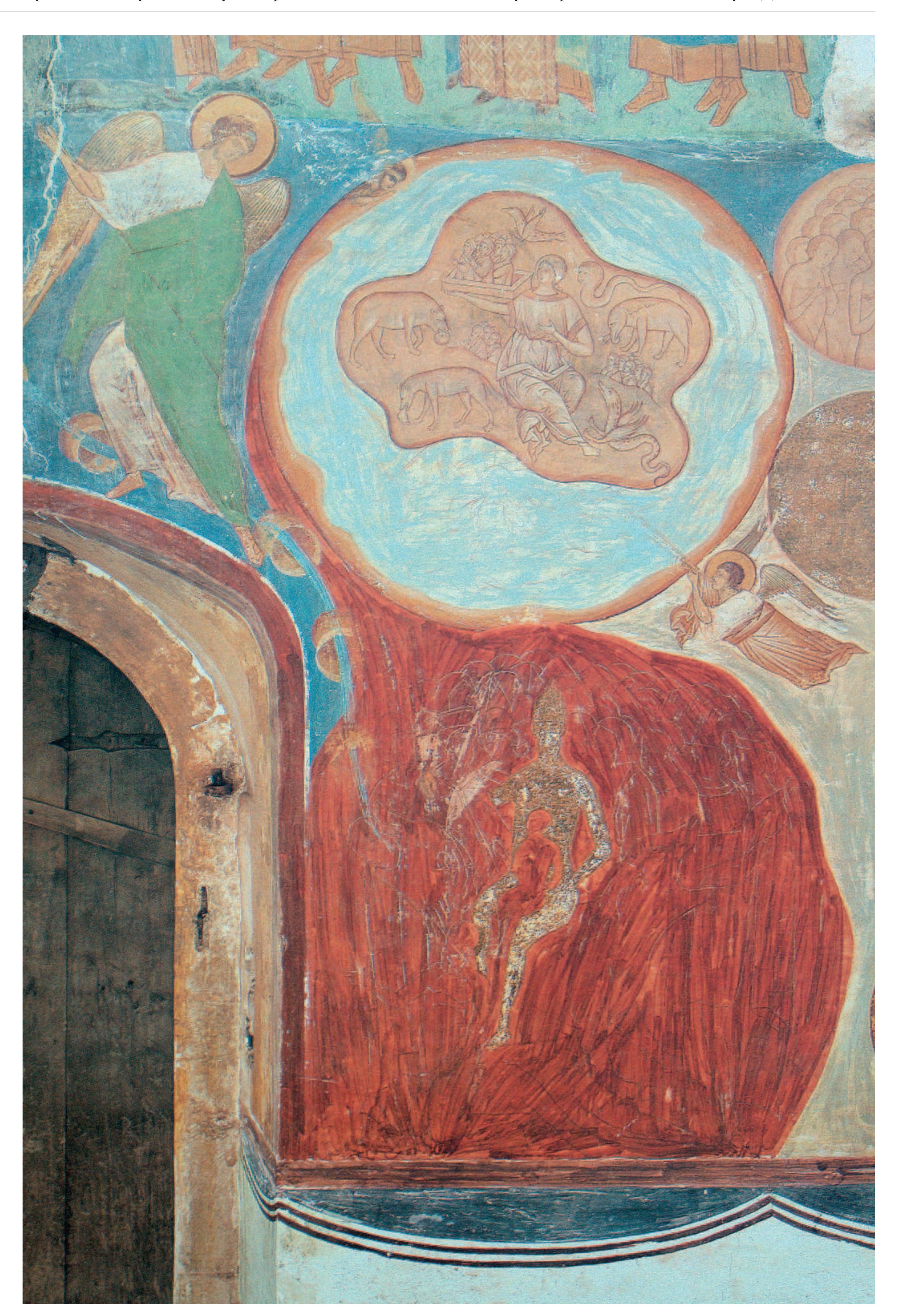
Обе – Дионисия (≈1440–≈1508). Почему мало заметили и мало поняли – трудно сказать.

Начать надо с Павло-Обнорского монастыря, для которого Дионисий написал (среди других) икону «Распятие». Эстетические достоинства описывать нет умений, сейчас важна другая, чуть ли не бытовая, житейская сторона иконного краткого повествования. Маленький миг истории, ухваченный на изображении, чрезвычайно прост, доступен для улавливания кем угодно (по статуса, чину, званию, сословию, возрасту и т. д.): измученный человек умирает, его мама и ещё три женщины рвут себе сердца, видя это, римский сотник, уже уколовший и отошедший в сторону, в недоумении трясёт поднятой правой рукой и аж приседает от натуги, силясь понять: «Ну что же теперь горевать-то, всё, умер, свершилось, расходитесь, хватит уже»; Иоанна Богослова уже ноги не держат, сейчас повалится, а сам распятый, уже не испытывая мук, уже почти не видя мать, – не прикреплён к кресту, а последним усилием распрямил ноги, встал, выпрямился, для того чтобы из бессильной позы с распростёртыми руками этим же, последним движением обнять, заключить в объятия весь мир, всех, чтобы они все стали хоть немного добрее, просто пожалев его. Для этого доски, прибитые к столбу плоской стороной, повернулись и легли параллельно поверхности земли, а на самой верхней дощечке буквы «Царь славы» так и остались вертикальными, несмотря на поворот. Напряжение мига передано так просто,

Распятие. Икона из Павло-Обнорского монастыря. Дионисий.

что само напряжение чувствуется, а какими средствами оно передано – не видно, не осознаётся, чувство от глаза сразу передаётся сердцу, минуя сознание, неизвестно, почему. Все причины знал только сам Дионисий, малую часть можно попробовать понять. На изображении – несколько волновых движений, качаний влево: оба складывающиеся колена Иоанна Богослова повёрнуты налево, все женские фигуры головами и плечами отшатнулись налево, само тело распятого изогнуто влево, потому что нет сил стоять прямо. Вдобавок к этому принудительному, подчёркнутому, явному направлению ветра, толкающему всех налево, большая горизонтальная черная перекладина, почти полностью прописанная (с перерывом только на голову и нимб), не горизонтальна, она правым концом немного опустилась, а сам столб, сама вертикаль, такая простая в изображении (нитку натяни по отвесу, и пиши) тоже заметно изогнута влево: столб изогнулся, не выдержал последнего усилия распятого. И всем четырём волнам налево противостоят четыре летучих ангела под горизонтальной перекладиной, что-то несущих на вытянутых руках, вчетвером, в противоположную сторону, направо. Несут они неосязаемую, невидимую, невесомую славу царя славы. Направо. Славу. Получается православие. А первый в полёте ангел, тот, что справа, ещё и оглядывается, проверяет, все ли поняли, куда лететь, все ли следуют за ним. Всего полвека назад пал Константинополь, когда Дионисию было полтора-два десятка лет, и к концу жизни он счёл за благо написать такой гимн ортодоксии перед росписью Рождественского собора Ферапонтова монастыря. Между своими двадцатью и тридцатью годами он стал настолько мастеровит, что был приглашён для росписи в Пафнутьево-Боровский монастырь, потом в московский Успенский собор, дошла очередь и до Павло-Обнорского и Ферапонтова монастырей. Простота понимания «Распятия» у Дионисия оставляет немного возможностей для другого толкования и наводит на мысль, что легкопостижимость – одна из главных черт его (и сыновей) манеры. Написанное сказано не для того, чтобы скрыть, а чтобы открыть.

В Рождественском соборе Мария в ряду многих сцен акафиста изображена один раз со стигматами. Оценить, насколько это уникально для её иконографии, затруднительно, но дело не в редкости, а опять в простоте и доступности для уразумения, так нужной для ортодоксии. В традиции существует линия «нестареющих» мадонн, едва ли не совершеннейший



образец – La Pietà в Риме, а у Дионисия – усталая пятидесятилетняя женщина с чертами лица, которые могут принадлежать любой пятидесятилетней женщине, уже без шестнадцатилетнего очарования. Она не грустит и не горюет – она убита горем, покатые опущенные плечи, наклон головы, некоторая намечающаяся согбенность поначалу мешают заметить, что на ногах, кажется, нет обуви. Положим, у Рафаэля Мадонна на облаке тоже босоногая, но здесь много красной краски – через кожу проступила кровь в тех местах, где гвозди больно даже для глаза пронзили ноги сына перед тем как их для верности привязали к столбу. Гвозди – не для удержания, а для пытки, символ глумления; а символ – как печать, легко перескакивает с одного на другого. На левой её руке для беглого взгляда крови нет, но если взгляд задержать на бегу, то станет заметна заплатка, кровь там была, но её стёрли, замазали, посчитав, что той, что на ногах, достаточно для понимания, что к чему – откуда-то ведь взялись отчётливые, лезущие в глаза капли крови на позёме; они стекли по подолу платья, оставив изогнутою дорожку на траве. Именно и как раз из левой руки, поднятой к лицу движением, прерванным на полдороге, ещё чуть-чуть, и она прикроет рукой рот, чтобы остановить хоть такой преградой рвущийся наружу стон и вой отчаяния и безысходности. Если не достаточно, то Дионисий заставляет присмотреться и к тому, чего не видно, что невидимо, хотя написано. И это, пожалуй, самый трагический и самый понятный по-человечески жест, пойманный Дионисием, движение руки, заменяющее слова, звучащие несколько простонародно, но зато понятно, «от людей стыдно», то есть не хочется, чтобы посторонние таращились, сочувствовали, спрашивали, что случилось, поджимали губы и покачивали головой, делая вид, что тоже переживают. Мафорий, одной рукой намотанный на кулак и прижатый к ноге, чтобы не расправился сам, – жест даже не женский, не дамский, а бабий, так иногда поступают со вторым фартуком на кухне, когда надо поздороваться мокрой рукой, или что-нибудь горячее недолго поддержать. Этот жест опускает Марию с небес и превращает в соседку через один дом налево по улице, живущую такой же жизнью, как все остальные – вот только горе у неё какое-то неохватываемое умом, кровь сама бежит, без раны, никто ведь не резал, гвоздём не тыкал. Написан скомканный мафорий и неловкое копытце на месте руки, а видно горе и гордость как самоуважение и достоинство. И главное, почему-то видно, что таким жестом можно наградить только любимого человека, того, кто близок, прост и понятен, и Дионисий именно для этого и комкал мафорий, чтобы приблизить Марию к каждому пришедшему, чтобы каждый мог почувствовать прикосновение её теплой спрятанной и высушенной тканью ладони. Той ладони, которую не видно, потому что она главная во всём изображении, она, эта спрятанная ладонь, сказала о Марии больше всего, и о горе, и о характере, и даже о том, какая жизнь дальше у неё, у Марии, будет. Разве можно усомниться в том, что именно у неё все оставшиеся до Успения годы (лет двадцать, вероятно; или больше?) будут просить защиты и помощи, и в том, что она предоставит – и защиту и помощь, тихо, не напоказ, но надёжно.

Дионисиев гимн православию продолжился в Ферапонтове, сохранив простоту понимания. Добавилась требовательность, как у Феофана Грека: простота простотой, а смотреть надо внимательно, чтобы видеть, надо заметить, притормозить и присмотреться, помня горящий глаз.

Страшный суд, как и положено, напоминает о грешниках и чудищах для их поедания. Их не сразу и заметишь, только если долго приглядываться. Центральная фигура – землисто-пепельный несгораемый субъект в пламенеющей островерхой шапке, у которого на коленках примостился кто-то небольшой (мелкая душонка), но и эта мелочь, хоть и прильнула к злу, всё равно горит красным пламенем, как и прочие ожидающие своей участи согрешившие и провинившиеся. Гиены имеют хороший аппетит, лопают грешников почём зря, одного (слева) начали с пяток, из пасти торчит одна голова, на которую

попадает тот поток воды, путь которому своим копьём удерживает в трубах ангел, которому очень нелегко. У него спрятана в одеждах левая рука, приходится управляться одной правой: так ведь жарко же, языки пламени вырываются из-под земли, стерпеть невозможно, как горячо. Вода всё-таки попадает вниз, но вся достаётся не для облегчения страждущим, а чудищу, для обеспечения проглатывания. А с правой стороны такая же зверюга начала с головы поедаемого, из пасти уже одни ноги торчат, и никакая вода не понадобилась. Костёр горит хорошо, как живой, только дров не видно.

Что происходит выше, понять нелегко. Ангел, похожий на тех, что появились в «Распятии» в 1500 году (икона Павло-Обнорского монастыря), то ли трубит, то ли вдувает что-то живительное в округлую ёмкость, более всего напоминающее околоплодный пузырь, а нём, наполненном не то водой, не то паром, или облаком, творится что-то мудрёное. Слева снизу хищник держит что-то в зубах. Центральная фигура удерживает ящик, в котором «все сущие во гробех» обратили взоры к ангелу, занятому отделением огня от воздуха? Чуть повыше другой хищник добыл из земли нечто, здорово смахивающее на голову или череп с глазницами. Лишь устремления одухотворённых существ направлены туда же, куда летит голубь, то есть к ангелу.

Суд становится страшен, стоит только различить гиен в геенне. А вода Дионисию понадобилась для отделения безжизненного от жизнеспособного. И мелкая душонка гримасничает так, что "Крик" Мунка перестаёт пугать прохожих на мосту.

Эта фреска хорошо помогает понять, почему трудно браться за объяснение всей росписи Рождественского собора. Про «что имелось в виду» – и речи нет, уловить бы, что написано. Здесь можно начать с того, что кажется видным и очевидным. Сам «околоплодный пузырь» имеет светлокоричневую неровную окантовку меняющейся ширины, в середине сидит женщина, окружённая малоприятным зверьём. Ангел снизу справа от голубоватого воздуха (?) продолжает наполнять округлость живительной субстанцией. У него есть напарник с противоположной стороны, сверху слева, но от него остались только лицо, рука и крыло, он, видимо, готов помочь, если силы у нижнего иссякнут. Интересно и непонятно всё, но попробуем угадать только часть смысла, которым, вероятно, наделил автор ангела в зелёных одеждах. Его иногда пытаются отрекомендовать Георгием Победоносцем, но это вряд ли. Копьё не нацелено в змея, да и самого змея не наблюдается: то, что нарублено на короткие отрезки – не детали змеиного организма, а фрагменты трубы, служащей для направления в нужное место воды, примерно около пасти левого чудовища. Очень выразительная, напряжённая фигура ангела, едва балансирующего на опасном крутом склоне, так же, как и Мария, утаивает одну руку в одеждах, на сей раз левую. Это понятно: горячо. Но у копья нет острия, никто не поражён, не убит, не распростёрт, побеждённый. Тонкая, по линеечке выписанная линия копья, управляемого одной рукой, пронзив жар огня у колена ангела, хордой проходит через светлокоричневую границу живого, не протыкая то, что соприкасается с воздухом. Так ещё ломом, как рычагом, отваливают камень куда-нибудь подальше, только лом – тоненький, хрупкий, кажется, что вот-вот сломается. Победить бездну огня копьё не может, огонь нельзя побороть укалыванием, но отделить воду от зноя, чтобы он не поглотил всё – вот так, балансируя, пока получается. И всё будущее зависит только от ангела – поскользнётся, или устоит. Так выходящему из собора Дионисий напоминает – не надо ли ангелу помочь своей рукой?

Проще – кажется, некуда, стоит только притормозить и присмотреться.

Ответ известен. Надо невидимое сделать видимым. И чаще напоминать. И не очень важно, кто стоит напротив Марии – Иосиф Обручник или Иоанн Богослов (лицо у него – скорее относительно молодого человека, и силуэт с коленями – Иоанна; так с тех пор и не разогнулся; и ноги в сандалиях сыновья так и не научились пока писать; и пурпур на его одеянии так же ослаблен тоном).

ПРИДЕЛ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

Редкий знаток скажет, отчего Покровский собор, что на рву, именуют чаще собором Василия Блаженного (2 августа 1557). Нет, про то, что при Борисе Годунове сильно переделывали Покровский собор и в 1588 году пристроили придел Василия Блаженного – положим, знают все. А вот почему молва пересилила выданные антиминсы, в которых записаны разрешённые правящим архиереем посвящения (хотя ко Входоиерусалимскому приделу каждый год подвигались Шествия на осляти, да и остальные восемь престолов были не менее славны и уважаемы), остаётся только догадываться.

Лучшие умы, писавшие о приделе, не ставили этот вопрос и потому не отвечали на него.

В архитектурном отношении придел Василия Блаженного можно считать сугубо московским явлением. Он открывает новый этап в развитии бесстолпного храма с крещатым сводом, доминировавшего в московском церковном строительстве, развернувшемся после пожара 1547 г. В 1550–1560-е гг. наиболее распространенным становится вариант крещатого свода с наклонными распалубками. Наклонная шелыга свода распалубки позволяла увеличить стрелу подъема крещатого свода, поднять по отношению к пяте свода световое кольцо барабана, не изменяя при этом высоту стен. Эта задача была полностью реализована в новой конструкции такого свода в приделе Василия Блаженного. Здесь впервые появляются ступенчатые своды, заполняющие крестообразно расположенные распалубки. После придела Василия Блаженного эта уникальная конструкция становится отличительной чертой сооружений, возведенных по заказу царской семьи. Формирование облика придела во многом было определено его строительством у стен собора Покрова на Рву. Архитектура так называемых малых столпов собора, увенчанных горкой кокошников вперебежку, повлияла на отказ строителей собора от наиболее распространенного в XVI в. завершения храма с крещатым сводом в виде трифолия. В какой-то степени и изменения в конструкции свода стали ответом на задачу повторения особенностей архитектуры самого собора. Придел как реликварий почитаемого в Москве блаженного приобрел самостоятельный сакральный авторитет, благодаря чему повлиял на развитие одного из направлений в русском зодчестве конца столетия. Небольшой бесстолпный храм, построенный над гробом св. Василия, стал ключевым памятником архитектуры эпохи Бориса Годунова. Характерные черты его объемного построения и особенности внутреннего пространства (такие, как бесстолпный план с трехчастной апсидой, покрытие многорядными круглыми кокошниками, крещатый свод параболического очертания со ступенчатыми распалубками) были повторены при сооружении таких программных построек 1590-х гг., как собор Донского монастыря, надвратная церковь Происхождения древ Честнаго Креста Господня в Симонове монастыре, церковь Троицы в Вяземах. Придел ввел в московскую архитектуру конца столетия многие элементы архитектуры со-

бора Покрова на Рву, повторенные впервые за прошедшие десятилетия на его фасадах. Благодаря архитектуре придела вновь становится актуальным уникальный мотив так называемых сырных голов, составляющих особенность цоколей собора. Почти через десять лет после строительства придела Василия Блаженного, «сырные головы» были повторены в камне в церкви Троицы в Больших Вяземах.

Значение этих небольших бесстолпных построек в том, что их формы были полностью повторены в первой обетной постройке царя Михаила Феодоровича — в церкви Покрова в Рубцове. Крещатый свод со ступенчатыми сводиками распалубок в сочетании с геометрически правильными рядами кокошников, мотив «сырных голов» стали после Смуты архитектурным символом восстановления преемственности государственной власти вместе с обоснованием родства Романовых с царем Феодором Иоанновичем, последним отпрыском князей варяжских царствующей ветви.

Почитание св. Василия повлияло не только на архитектуру времени Феодора Иоанновича, оно изменило позднее наименование всего обетного храма Ивана Грозного и повлияло на изменение его внутренней структуры. В концу XVI в., около 1589 г., с южной стороны придела Святой Троицы симметрично могиле св. Василия было погребено тело другого московского юродивого — Иоанна Большой Колпак. Спустя почти 100 лет после преставления его мощи принял под свои своды храм Ризоположения (позже посвященный Рождеству Богородицы). Почитание Василия Блаженного и Иоанна Большой Колпак привело уже в XIX в. к созданию нижнего теплого собора Василия Блаженного с приделом Рождества Богородицы, пространственно объединившего его святыни: погребения двух преемственно связанных друг с другом московских юродивых Василия и Иоанна Блаженных. С XVIII в. после упразднения «шествия на осляти» первоначальное место собора в сакральной топографии Москвы стало предаваться забвению. Собор стал восприниматься прежде всего как усыпальница самых почитаемых московских юродивых, что и определило его положение среди московских святынь.

{*Баталов А. Л.* Придел Василия Блаженного собора Покрова на рву и особенности почитания святого в конце XVI века // Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 1 (4). С. 121–132 (Вестник ПСТГУ. Серия V)}.

Во-первых, совершенно верно, что после упразднения патриаршества Петром I некому стало восседать на «осляти», влекомом в поводу государем к Входоиерусалимскому приделу Покровского собора, но не совсем ясно, как это обстоятельство повлияло на забвение места собора в сакральной топографии: собор-то никуда не делся, его трудно игнорировать по целому ряду причин, описывать которые неуместно. Во-вторых, почти через двести лет появился тёплый нижний собор Василия Блаженного, рассчитанный на круглогодичную паству, поэтому прихожане за зиму и в ненастье привыкали к имени Василий. Но почему оно вытеснило из сознания ещё 10 посвящений (через год после придела Василия появился придел Иоанна Большой колпак)? Печное тепло не могло так сильно повлиять на память поколений – Успенский собор неподалёку, как и церковь Положения Риз и Пояса Богородицы, прочие кремлёвские храмы во множестве оставались холодными, но не забывались, не выпадали из сакральной топографии.

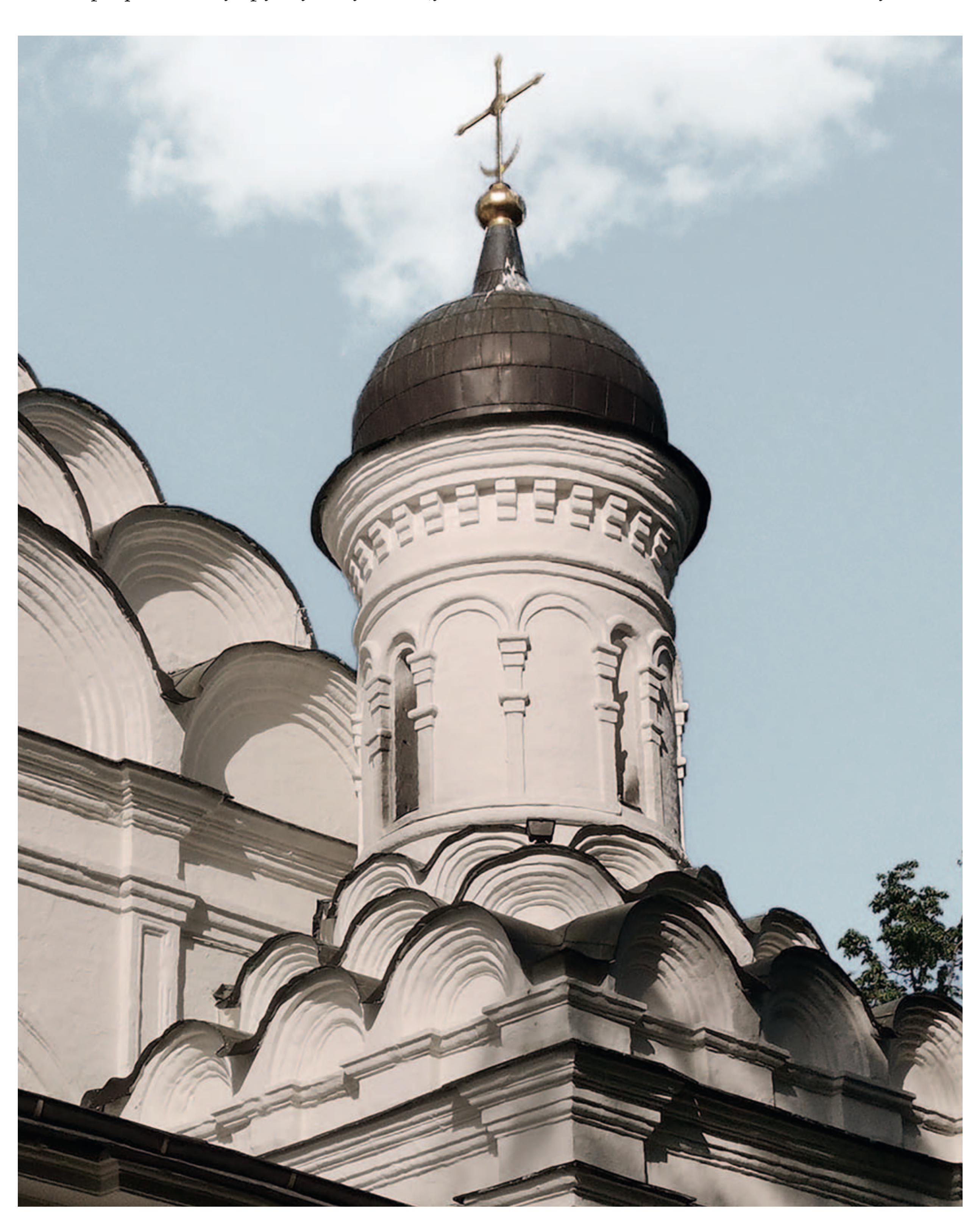
Какая-то ещё должна была быть причина (кроме упомянутых А.Л. Баталовым), чтобы выставить придел Василия Блаженного вперёд, сделать заметнее, понятнее, ближе прихожанам, чем буйство и многоцветье Покровского собора. Конечно, за эти истекшие двести лет придел накрылся скатной крышей, стал не так бросок.

Тут самое время задать вопрос: а чем он был бросок? Что ещё сделало его «ключевым памятником» архитектуры эпохи Бориса Годунова, кроме таких несомненных признаков, всем заметных и понятных элементов, как «бесстолпный план с трехчастной апсидой, покрытие многорядными круглыми кокошниками, крещатый свод параболического очертания со ступенчатыми распалубками»?

Здесь мы безрассудно вступаем на зыбкую почву предположений, не предполагающих доказательств и даже не нуждающихся в них, поскольку это догадки, похо-

жие на кирпич с неба, а не теоремы. Упомянутые «многорядные круглые кокошники» – и есть причина, перетянувшая чашу весов от многих престолов к одному. Кокошников много и на Покровском соборе, они повсюду, только закоренелый дотошный упрямец возьмётся их все подсчитать, – непонятно, зачем, что это даст, к какому выводу подвинет. А вот подсчёт «многорядных круглых кокошников» на приделе Василия Блаженного – подвинет.

Придел очень небольшой, охватываемый одним взглядом ещё на подходе с самой «подветренной» стороны (откуда больше всего тянется народу), с Китай-города, легко можно поймать и своим умом дойти до числа «33»: в двух нижних рядах по двенадцать кокошников да восемь у основания барабана, остаётся прибавить такую же в профиль полукруглую луковицу главы – и есть понимание, «идём не куда-ни-

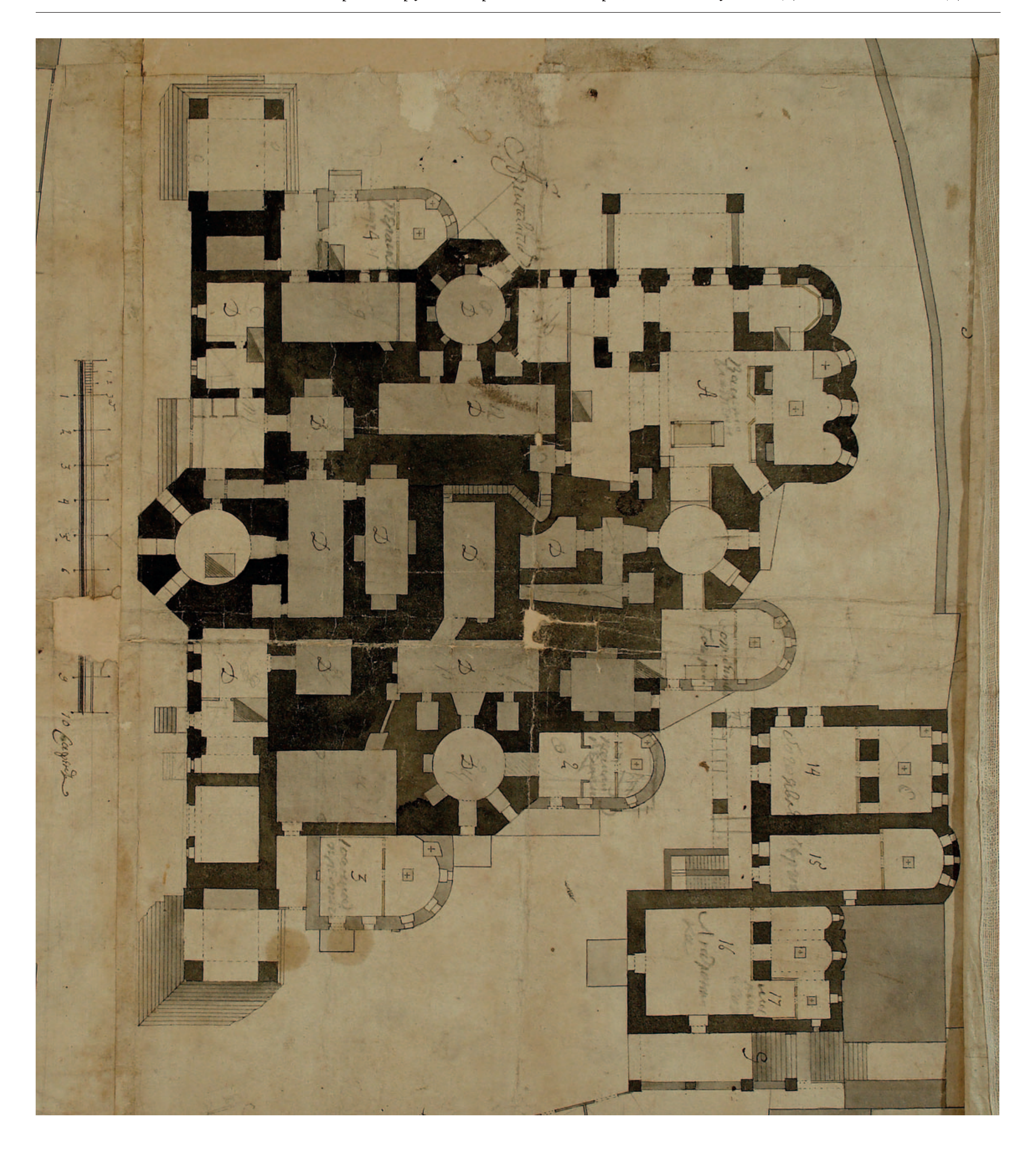


будь, а туда, где есть молчаливое указание на все 33 года земной жизни», можно подивиться собственной прозорливости и поделиться с соседом или с детьми, и от осознания своей догадливости ускорить шаг, поскольку сил-то прибавляется, когда что-то хорошее само по себе происходит, вроде бы и без участия того, кто оказался таким великоразумным, что догадался. В большом соборе разбираться – всё равно что считать цветы в поле, а в маленьком приделе мысль короче и доходчивее.

Сказать, что из-за этого позабылся собор Покрова – не то, что трудно, просто нельзя: неизвестно, когда началось вытеснение, в какое время – задолго до появления тёплого нижнего собора, или уже после печей. Да и в этом ли дело, когда собор сам собой переименовался.

Важно то, что эта арифметика вновь стала при Борисе Годунове повторяться, а толчком действительно послужил придел Василия Блаженного, сколь бы мал он ни был. Тиражирование такого удачного решения задачи «наглядной агитации» хорошо сочеталось с живучей идеей митрополита Макария об устройстве на Красной площади или в Кремле, или совместно и где-то ещё нового воплощения небесного града Иерусалима, смысл существования которого, в соответствии с Новым заветом, только в том и состоял, что он дал место подвигу того, которого распяли. «Иисус посреди нас», надо его только увидеть, можно в приделе Василия Блаженного, можно во Введенском монастыре в Серпухове, можно в Донском, в Красном на Волге, в Хорошёве и очень много где ещё.

Митрополит и будущий патриарх сорокасемилетний Никон в 1652 году перенёс мощи митрополита Филиппа из Соловков в Москву, а вскорости (1656) задумался о строительстве Нового Иерусалима на Истре. Как, какими качествами мог крестьянский сын (Никита Минин села Вельдеманово Закудемского стана в нескольких десятках вёрст от Желтоводского Макарьева монастыря на Волге под Нижним Новгородом) заслужить право стать Великим государем – то есть почти наравне с царём хотя бы в титуле? Предположим, что его мотивация соответствовала должности. То есть книжная справа, кратное расширение Патриаршей области, основания монастырей, заботы о благочестии и так далее – имели причиной не стяжательство и утоление честолюбивых амбиций, а пресловутые «благие намерения», попечение о пастве, размышления об устройстве общества для блага населения и тому подобное; этим и оказались созвучны



начинаниям нуждавшегося в руководстве молодого царя (второго в новой династии). Доказать или опровергнуть это предположение нельзя.

Никон не делал вид, что думает о пастве, а думал о ней, о её благе. Не противореча Священному писанию, эти размышления должны были основываться на недавнем опыте похожих на него по предназначению людей. Глубина исторической памяти – субстанция трудноуловимая. С одной стороны, разрушение торговых мест в храме Иисусом больше полутора тысяч лет назад мало чем отличалось от наведения по-

рядка в торговых местах на наплавном мосту под московским кремлём в середине XVII века, когда пыль от размахивания и сотрясения мягкой рухляди (мехов) скандально мешала расторговаться продавцу моркови. И то, и другое было одинаково понятно всем, в памяти лежало в одном ящичке. С другой стороны, сто с небольшим лет записаны в самом названии человека – на одно лицо выдаётся примерно сто годов. К началу XXI века, например, ментальная мумификация В.И. Ульянова ещё не состоялась, посягательства на память его соратников лично затрагивают действующую память многих и многих людей, настолько, что они не дают его похоронить. Не исключено, что и для патриарха Никона всё, что происходило в течение ста лет до его дней, было близко и понятно, потому что узел умственных задач, осознаваемых действующими лицами столетней истории, был примерно один и тот же. Применяя увеличительное стекло, можно твердо заявить, что для Александра Горчакова мучительные переживания Тутмоса II или Хатшепсут были совершенно безразличны. То есть умом реконструировать нравственные и эмоциональные переживания фараонов и жрецов можно, хотя и нелегко, но душевного отклика нет, как правило, никакого.

Для Никона эпохи митрополитов Петра и Алексея были всё-таки дальше, чем времена Макария и Филиппа, переживания и поступки которых были почти злободневны, иначе зачем переносить мощи Филиппа. Причём куда переносить – в кремль, в Успенский собор.

Оттого, что мы не в силах документально подтвердить чьё-то авторство, не меняется факт, что изобретение, открытие, начинание, вообще что-то новое – состоялось. Изобретатель колеса неизвестен, но изобретение явно было, тому доказатель-

ство долго искать не надо. В XV веке царя на Руси не было, а в XVI появился, причём сразу переводным термином не «конунг», а «rex» (ещё у С. Герберштейна, до Иоанна IV, царя с 1547 года). 17-летний юноша был сколь угодно скор умом, но вряд ли сам набрёл на идею стать царём, помогли старшие товарищи. В XV веке и патриарха на Руси не было, а в XVI появился, причём всего через 42 года; Фёдор Иоаннович вряд ли в 1589 году своим умом постиг полезность повышения статуса самоуправления церкви, конгруэнтную повышению статуса великого князя до положения царя и Великого государя. Может быть, и не Борис Годунов в одиночку, а, скорее, целый слой или группа царедворцев и священнослужителей нанесли на грозненскую чашку Петри культуру нового, более, чем античного, достоинства двух (а не трёх) ветвей власти в России, которая взрастила, дала стране и миру таких гигантов, как Иов, Гермоген, Филарет, Никон, Иона и даже Иоаким – при довольно невзрачных Михаиле, Алексее, даже «автодидактичном» Петре.

Во всяком случае, если сравнивать Бориса и Петра с тракторами, то первый предстаёт в образе «Катерпиллера» с ковшом, в котором поместятся полтора десятка петровских колесных кузнечиков, изготовленных в одноимённой Белоруссии.

Столь решительное перемещение двух рычагов относительно двух точек качания можно временно принять на веру просто из любопытства – куда же ещё заведёт эта кривая дорожка. Второй, менее важный рычаг – понижение демиургической афиши Петра Алексеевича до роли заурядного и не очень удачливого реформатора – выглядит как продолжение давно набившего оскомину спора петрофилов и петрофагов, ни один из которых не знаком с подробностями дискуссии остроконечников

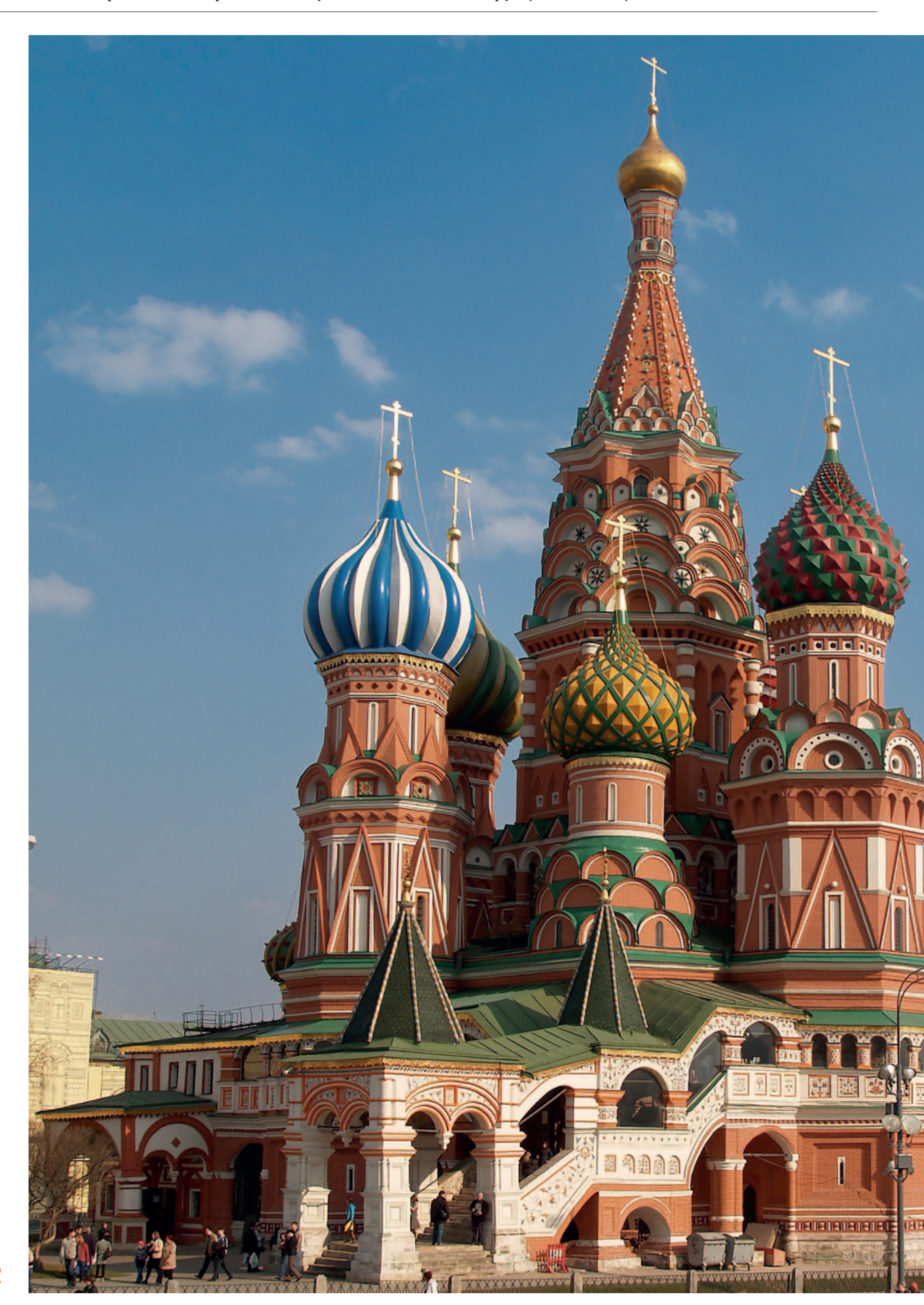
с тупоконечниками. Начинать, конечно же, надо сбоку, – и прямо на сковородку. Всё, что сделал, или не сделал, или не так сделал Пётр Алексеевич – несопоставимо с тем, что начинали делать Макарий, Филипп, Иов (с Борисом Годуновым), Гермоген, Никон. Они – на примере Иоанна Грозного убедившись в недостаточности сил самой сильной и безжалостной власти – медленно и постепенно, на протяжении почти ста лет строили рядом с царской властью вторую, не чтобы ущемить достоинство первой, а чтобы дополнить её авторитетом института в десятки раз более древнего и испытанного. На этих, вторых, качелях – Пётр Алексеевич выглядит зарвавшимся юнцом, ничего слаще морковки не едавшим, соблазнённым мнимыми или настоящими прелестями цивилизации, которая дальше убежала на раньше найденном пути. Попытка догнать предопределяет максимальное достижение бегуна-торопыги – третье место после четвёртого, вторая позиция после третьей, и никогда первая, потому что колея – не своя, а уже проложенная.

Годунов, в отличие от Петра, был способен на постановку крупных задач, вроде патриаршества. И вот тут мы вступаем в область, где есть некоторые редкие доказательства голословных утверждений.

Покровский собор, что на Рву, построен Иоанном IV после взятия Казани. Никакие ухищрения не помогают понять, чем связана военная победа в Казани и церковь на Красной площади, кроме, конечно, предания и военных событий, случившихся в дни

памяти тех или иных святых. Значение церкви и значение победы пребывают в разных, непересекающихся смысловых плоскостях. Без навязчивого исторического комментария взятие Казани семантически никак не просматривается – только потому, что замысел её, церкви, превосходил повод (военная победа) в разы или на порядки, она строилась как огромный символ страны, в котором наглядно виден и размер, и святость, и красота, и величие, и прочие неназванные и непостигаемые достоинства – центр и средоточие обитаемого мира, словом, ещё один Иерусалим, где рождались и рождаются новые смыслы, пока старый Иерусалим поругаем от агарян. Митрополит Макарий застал окончание строительства задуманного им собора. При начале строительства ему было около 73 лет, а Иоанну IV Васильевичу – 25. Возрастная дистанция почти в полвека делает его по меньшей мере соавтором идеи строительства собора.

И самое интересное тут – доказанное в начале XXI века (А.Л. Баталов, В.А. Рябов) авторство несомненно европейских (вероятнее всего, итальянских) архитекторов. Кто мог их пригласить? Откуда узнали об их существовании? Как формулировалось задание, то есть чего именно хотели заказчики и почему именно они хотели то, чего хотели, иными словами, откуда в их головах (и в каких это произошло головах, поимённо) появилась мысль построить очень возрожденческий храм, с развитым, взрослым проектированием на основе принципов, которые хочется назвать «научными», храм, в проекте которого симметрия торжествует над иррегулярностью,



прозрачный, ясный, «звонкий» ренессансный проект, претворение в жизнь которого украсило бы любой город вселенной?

Строительство храма – затея недешёвая и далеко не безответственная. Ошибаться в этом мероприятии опасно для жизни. Чтобы построить ренессансный храм, надо захотеть построить именно ренессансный храм, чертежи и макеты архитекторов должны соответствовать и удовлетворять вкусам и требованиям заказчиков, свобода воли художника всегда бьётся в клетке, обозначенной и установленной ктитором. Заказчик видел храм до его возведения и одобрил проект, иначе дело не сдвинулось бы с места.

Как ни крути, куда ни поворачивай – митрополит Макарий и Иоанн Грозный – люди эпохи Возрождения, и вряд ли они одни. Как поместить опричнину в эпоху Возрождения, или наоборот, эпоху Возрождения в опричнину – ума не приложу. Но на Рву стоит Покровский собор.

Правда, разглядеть возрожденческие черты в Покровском соборе непросто. Конечно, на восприятие собора сильно влияет его многотиражная символичность, он – один из символов страны, поэтому он сначала – русский, а уж потом ренессансный. Эту кажущуюся помеху можно превратить в подмогу. В любом здании нельзя отменить или игнорировать фундаменты и основные объёмы – они и определяют более всего остального стилистическую принадлежность здания (если в нём есть архитектурная, а не только инженерная составляющая). Прозрачная, простая, симметричная ясность конструкции Покровского собора не исчерпывает, но хотя бы начинает список его ренессансных черт, и отменить или не заметить этого нельзя. Тогда, проведя вертикальную черту на листе бумаги, слева пишем возрожденческие черты, справа – символические, то есть русские. Чуточку даже, по правде сказать, страшновато. А вдруг и правда получится? Немного напоминает трёхсотлетней давности просвещенческие попытки вычленить, уловить и ткнуть пальцем в национальные характеры жителей иных стран, как правило, с чувством нарочного или непроизвольного превосходства над иноземцами. Но в данном случае попытка предпринимается изнутри, и просто из любознательности.

Художественный и научный способы познания почти не отличаются, и там, и там – главной пружиной и причиной служит способность к воображению, к фантазии, к измысливанию того, что не бросается в глаза или вообще неразличимо. Может быть, оно и не видно, но вполне могло бы быть, причём особливо ежели чего, то не иначе как так. Поэтому «фотографии» XVI века, сделанные пионером реконструкции, ничуть не меньшим, чем Эжен Виолле-лё-Дюк, – В.А. Рябовым, представляются нам столь же твер-

докаменным и полноправным доказательством, как сам каменный собор, они (реконструкции) опираются на тщательное натурное изучение объекта, соединённое с исследованием архивных свидетельств разного рода.

И это утверждение имеет неожиданное доказательство. На реконструкциях В.А. Рябова присутствует церковь Василия Блаженного (1588 г.). Приблизительное изображение есть в «Книге об избрании на царство Михаила Феодоровича», но подробность – примерно такая же, как на клеймах икон, то есть написано только то, что позволяет идентифицировать объект как церковь. Нынешний её облик не соответствует ничему – это остатки объёмов, подвергнутые ремонту «как получилось». На «фотографиях» В.А. Рябова изображены 24 кокошника по сторонам света (в два яруса), восемь под барабаном, и наконец, 33-я округлость – глава. Изображены так, как должно было бы быть, потому иначе быть не могло. Примерно такая же церковь, с тем же числом «33» (число есть и в Нижнем, и в Ярославле, но иная конструкция), была через несколько лет поставлена над воротами в серпуховском Введенском монастыре. Не исключено, как уже говорилось, что от здешних горок пошло выражение «горка кокошников» – раньше они, как правило, окружали шатёр, теперь подпирают барабан. Для нас важно, что художественно-историческое видение, скреплённое числом «33» в Москве и в Серпухове, полностью узаконило реконструкцию В.А. Рябова. Действительно, иначе быть не могло. Это и помогло маленькому приделу пересилить наименовательную традицию.

Теперь об архивных планах 1780 года.

На первом этаже ничего вообще разобрать и понять невозможно, вероятно, это цокольные продолжения фундаментов, заложенных теми, кто уже знал, что вырастет сверху, сколько это верхнее будет весить, какие тут гидрогеологические условия, нет ли рек и плывунов и куда будет стекать тающий снег в апреле. План второго этажа возвращает самообладание и веру в людей. Вот серединка, вот четыре штуки по углам и ещё четыре между ними, всё ровно расчерчено, и задумано, лестницы ещё, чтобы подняться на высокий второй этаж. Тот, кто придумывал, был голова учёная, так без привычки не выдумаешь, уметь надо так далеко думать. Если долго смотреть на план, можно стать анализатором. Там, где царит правильность и понятность, где восемь предметов окружают один побольше в середине, всё ясно и прозрачно – но отчего это у них у всех одна общая черта, почти у всех по три входовыхода, причём в некоторых стенах на плане нет ни дверей, ни окон. Можно было бы подумать, что это церковь или церкви, но, помилуйте, где же алтарные выступы, где апсиды? Только в центре что-то похожее есть. И третий этаж облегчения не приносит. Ладно, пусть это всё будут церкви, собранные в кучу, входы-выходы есть, а в одной стене нет, потому что там без выступов, но алтарь, Царские врата, иконостас?

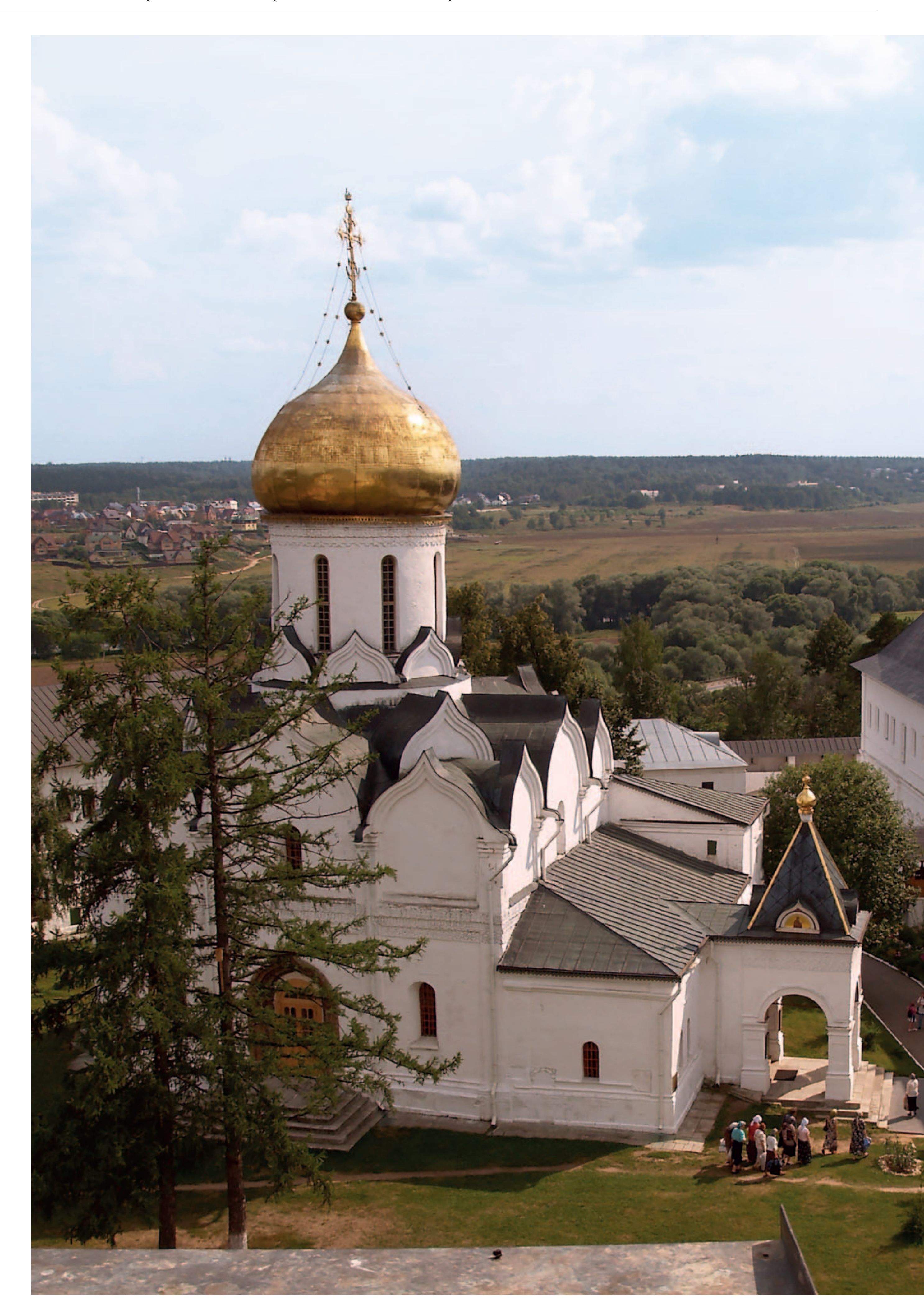
И люди, которые откуда бы то ни было подходят к Покровскому собору, что на Рву, ни сном, ни духом не ведают, куда там смотрят алтари, и есть ли они вообще. Первая и неотменимая мысль при взгляде на собор – пестрота, несчётное число больших и малых разнообразностей, стянутых в одну стройность невидимым кушаком, вместе и порознь утверждающих одно впечатление: собор – праздник, вблизи и издалека, с северо-запада и юго-востока, кто бы и откуда бы ни смотрел, праздник для всех и всегда, куполами и гульбищами, кокошниками и треугольниками, шатрами и башнями, подробностями закоулков и общей махиной, тем, что Ф.М. Достоевский скоро назовёт «всеобщей отзывчивостью». Тадж-Махал и Вестминстер нельзя назвать бесшабашными, а здесь ӯдали – хоть отбавляй, широк русский человек, и обуживать не надо, на всех хватит.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОБОР САВВИНО-СТОРОЖЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

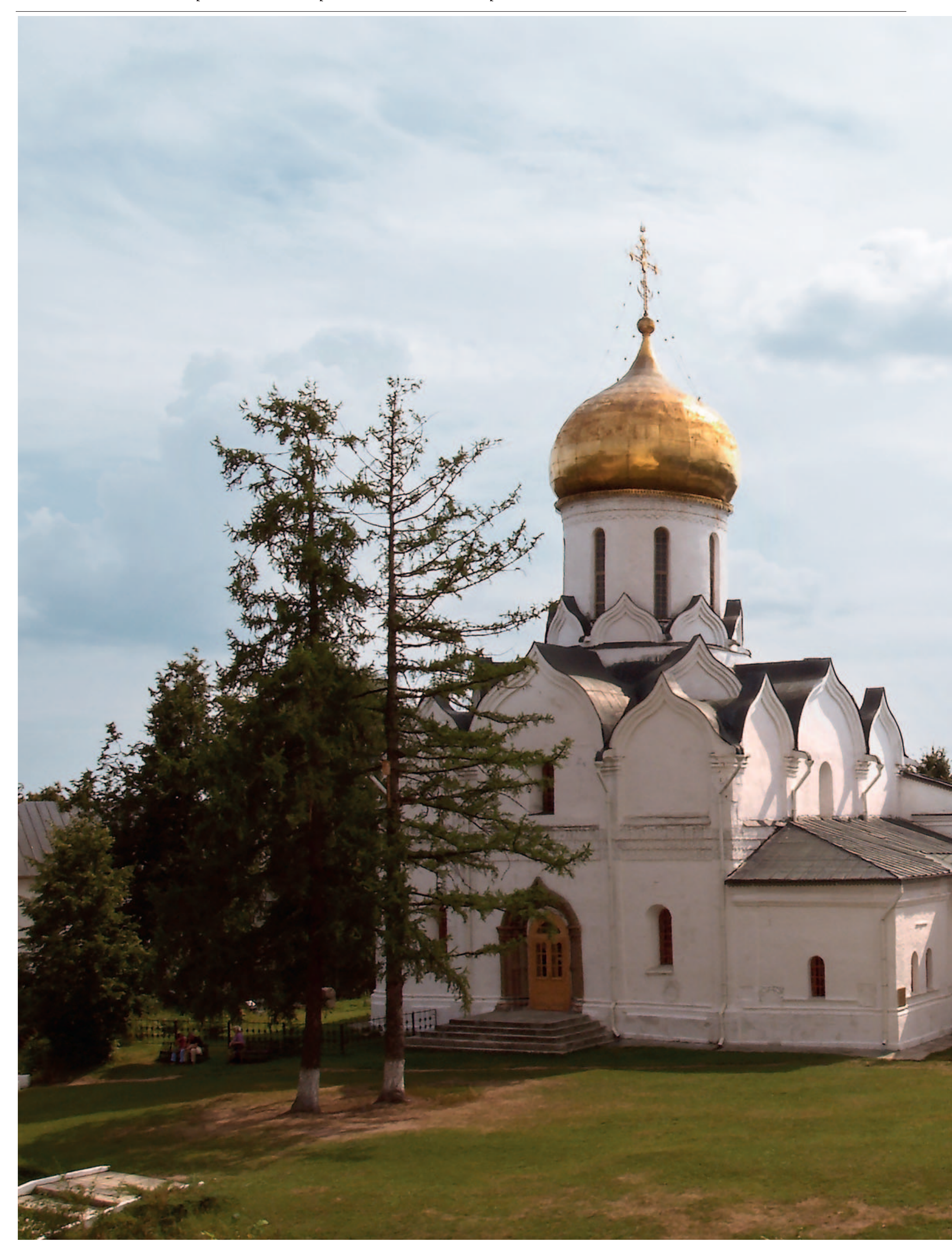
За пятьсот лет Рождественский собор добрался до второй половины XIX в состоянии не руинированном, но плачевном. Сознавая, что плоская крыша – это вовсе не то, на что, судя по подобию рисунка архивольтов порталов и закомар, рассчитывали авторы сооружения в 1407 году, в стремлении к порядку и благолепию его временные хозяева рисунками продлили закомары вниз и тем самым придавили к земле весь собор, подчеркнув его кубическую форму. Нечувствование, невидение и непонимание сооружения его содержателями – едва ли не самая большая опасность для него. Заносчивость новоустроителей собора превосходит только их незрячесть.

В 1407 году кубоватость собора была не менее заметна, чем через сто или шестьсот лет. Справиться с этой особенностью смогли только те, самые старые (не по возрасту, а тогда жившие) строители. Где-то в XVI или XVII веке в качестве компромисса между ещё более поздней плоской крышей и изначальной конструкцией появились диагональные кокошники, повторяющие формы закомар.

Компромиссом диагонали нам кажутся потому, что во всех трёх случаях их применения в начале XV века (Успенский, Рождественский, Троицкий) при последующих реставрациях ни разу удача не сопутствовала спасителям именно этого новшества.



В Рождественском эта эстетическая ущербность конструкции заметна не меньше, чем в других двух, но здесь она (ущербность) особенно наглядна, поскольку «родовые» недостатки диагоналистического решения покрытия улеглись на ладони, дожидаясь, когда же их заметят: золотое покрытие не отвлекает, горка не мешает. Диагональный кокошник, стоящий на углу здания, между изогнутой под 90° шеренгой из шести острых закомар, например, севера и запада, неминуемо приводит на память зубной недостаток, когда из-за недосмотра родителей, вовремя не поставивших брекеты, могучие растущие красавцы вытеснили внутрь, во второй ряд несчастного братика, который теперь ютится, выглядывая изредка из-за их голов, на задворках; он, конечно, вырос, он есть, он даже заметен иногда, но лучше бы его не было, улыбка была бы ровнее. И так со всех четырёх сторон, откуда ни загляни, всё одно и то же безобразие. Второе, не так сильно лезущее в глаза, но достаточно убедительное безобразие – крышеконструкция позади всех закомар, более или менее длинная. Сдвиг барабана на восток сделал их разной длины, но от этого они не утратили сходства со световыми прозрачными лотковыми крышами торговых галерей (знаменитые пассажи конца XIX века), заметными гораздо лучше, чем диагональные кокошники, даже если их покрывать не золотом, не стеклом, а чем-то более неброским и немарким. На какую высоту ни заберись – видны не вторые кокошники, а эти отлично выработанные крыши, для лучшего обозрения даже немного поднимающиеся к барабану (борьба со снегом и водой). В них нет ни конструкционной, ни декорационной нужды, они просто «убивают пространство», как нерадивые ученики «убивают время». Восьмёрка кокошников третьего ряда – увы, тоже не работает на замысел первостроителей (если допустить невозможное – будто кто-то его знает); они не прикрывают собой строительно не-



избежное световое кольцо, своим лежачим расположением убивающее все направления стрелок всех архивольтов, выполняющим ту же задачу, что крышка на бочке, нет, они, наоборот, подчёркивают несрощенность чешуек этой шишки, невырастание одного из предыдущего, третьего из второго, как и второго из первого. Трудно сказать, что сильнее вредит образу храма – диагонали или перевёрнутые лотки. Трудно также избавиться от мысли, что несмотря на наличие диагоналей множественные разнонаправленные лотки превращают покрытие в сильно помятую, с крупными волнами, но всё-таки плоскую скучную крышу, нет баловства, нет игры, нет сказки, нет бегающих световых пятен, а есть замёрзшие красивые гладкие куски тёмного льда.

Более всего саму возможность установки диагональных кокошников губит сдвиг барабана к востоку от центрального положения. Даже будучи подвинутым, барабан как вершина всё равно занимает центральное положение, он всё равно в середине, его сдвигают не только по соображениям оптимизации внутреннего (нижнего) пространства, его смещение подчёркнуто снаружи самыми узкими западными пряслами стен, оно нужно для придания динамики и устремлённости всему облику собора, чтобы он жил и двигался, даже стоя на месте. Симметрию для этого надо убить так, чтобы не пострадало равновесие, чтобы западная часть не повисла бессильным курдюком. Четыре диагональных кокошника уничтожают это равновесие, независимо от присутствия или отсутствия ещё четырёх центральных кокошников (их иногда проектируют): перевёрнутый лотковый свод от центральной западной закомары тяжёлой гирей повисает на западе, на самом видном месте, и силуэт уже не спасти.

Таковы все три собора, Успенский на Городке, Рождественский в Саввино-Сторожевском монастыре и Троицкий в Троице-Сергиевом монастыре. Во времени их отделяют друг от друга несколько лет (1399, 1407, 1423), расстояние в пару сотен вёрст до Троицы можно во внимание не принимать, строители каждого следующего знали о том, что им предшествовало. Все они восстановлены неправильно, потому что во всех применены диагональные кокошники. В двух отсутствует верхняя восьмёрка, в Рождественском она не верна.

А как было бы ловко и просто: вторым и третьим рядом поставить двенадцать и восемь кокошников, нисколько не испытывая никаких затруднений со сдвигом барабана к востоку, сохраняя стрелочность архивольтов, наращивая шишку или артишок (так их позже увидит Павел Алеппский) последовательно кверху, пряча от взглядов световое кольцо и разлохмачивая верхушку куба настолько, что никто не обращает уже внимания на близость высоты и ширины, на грузность силуэта, вообще на всю архитектонику и прочие хитрости, которые тревожат только редких профессионалов; они чаще смотрят на безупречность отглаженной стрелки на брюках, чем на отменную фигуру, осанку и причёску, полагая, что это уже не их забота.

ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА В КИРИЛЛОВЕ

В Кириллове две знаменитые надвратные церкви – Иоанна Лествичника (1572 год, при Иоанне) и Преображенская (1595 год, при Фёдоре и Борисе). Вряд ли случилось случайно, что сначала в какую-то умную голову пришла мысль именно так расположить первую надвратную церковь, с таким посвящением над входом в Успенский монастырь. Она с запада и с востока окружена строениями, образующими постепенно стену, загораживающими для входящего внезапно открывающуюся после прохождения ворот перспективу, останавливающую дыхание: лес куполов, «царство слав-

ного Салтана»; надвратная, ещё перед входом, предупреждает: сразу всё не глотай, подавишься, двигайся мелкими шагами, понемногу, постепенно, лестница высокая, но каждая ступенька посильна, торопиться не надо. Это когда идёшь по земле, от посада. А когда вываливаешься с водного пути на юге, с озера, готовиться некогда, тут Преображение должно наступить сразу, как только прошёл под сводами, не как движение и нарастание, а как событие, озарение, вспышка понимания. С воды – моментом, с земли – понемногу.

Преображенская напоминает корабль-броненосец с тремя трубами не вдоль корпуса, а поперёк, могучий, победительный, неотразимый. Иоанновская – в ряду жилой застройки, со служебными помещениями, тихая, мирная, домашняя, под ровной крышей – даже и скучноватая, примерно такая же, какой была Преображенская до С.С. Подъяпольского – крепкая каменная чудовищных размеров изба, в которой архитектура не только не просматривается, но, в сущности, не очень-то и нужна, ждать от этой невзрачности нечего, стоит себе и стоит. Но что-то всё-таки остановило С.М. Прокудина-Горского в начале XX века, что-то заставило сделать несколько снимков. Уж у него-то глаз верный, бьёт без промаха.

Первое чувство – конечно, оторопь.

Зачем на такой дивный барабан, с таким украшением поверху (не считая тонких горизонтальных разделительных полосок из лежачих кирпичей – семь видов узора) громоздить металлический тюрбан, над ним – ничем не спровоцированный восьмигранник, над ним – маленькую несоразмерную главу – постичь нельзя, ума не хватает. Червяк какой мысли копошился в головах людей, принимавших решение об изготовлении этой гантели? «Чтобы, дескать, мол, как бы, вроде бы, может быть, хоть немного» повыше? – Повыше стало. Похуже тоже. Это не глава, а шутовской поварской колпак из ярмарочных увеселительных заведений для отдыхающего непритязательного и обязательно нетрезвого купечества. Если эта дивная вещица стоит существенно больше ста лет (вероятно, ещё больше) – значит, она всех устраивает? Она, вещица, по сути своей – оскорбительна, и для прихожан, и для духовенства, и для светских властей, и для всех вообще, кто видит это непотребство и ещё не утратил способность находить аналогии из мира живой природы.

В связи с этим самое интересное – установить, не одновременно ли был установлен этот символ с устройством скатной крыши. Тогда уж совсем худо: безмозглость превращается в глумливость. Для крыши надо срубить верхушки закомар со всех сторон, заложить окна барабана (за ненадобностью, чтобы больше за ними не следить) и немножко испортить двадцать кокошников в двух рядах – прямая-то доска куда краше волнистых кокошников. Сколько сил и ресурсов ушло и продолжает уходить на создание и поддержание в порядке вещи, которая является уликой на месте преступления, совершаемого с каждым рассветом вновь и вновь?

Оторопелость переходит в нервное подёргивание, когда на южном фасаде церкви различаешь справа от относительно узкой арки, одной из наличных двух, – свод от третьей, самой узенькой, но по высоте равной первой, самой широкой. Трудно утверждать, что проходов было изначально три – но для чего тогда учинили свод? Окно такого размера проёма – не вписывается в намеченный ряд из двух проездов, и наоборот, если проходов было всё-таки три, всё здание приподнимается на цыпочки, готовое к полёту. Высокий узкий киот для ростовой фигуры своим сужением и заострением кверху толкает церковь в том же направлении, вверх. Удлиняющие фигуру пилястры с филёнками запрещают глазу видеть ширину здания, только его дробную высоту; третий проём помещается под самым узким, восточным пряслом, вместе они заостряют, умельчают восток, в то время как чуть левее мозг уже получил порцию зрительного диссонанса. Под центральным, самым широким пряслом – средний по

Северный фасад
в 1834 году:
двести лет после
Николаевских времён –
без перемен, есть
и тюрбан,
и гантель,
и крыша,
и заложен
третий проход;
портал окна,
надо полагать,
тогда же снаружи
«исправили»

В суемудрии
своём
и ремонтёры,
и авторы
чертежа
не заметили
ни разности
прясел,
ни положения
окон,
ни сдвиг
барабана,
ни общей
неравновесности
конструкции

ширине проход, под средним по ширине западным пряслом – самый просторный проход, это «пустой» противовес восточному заострению, и он почти соответствует восточному сдвигу барабана. Если смотреть с юга, то справа – всё узко, тесно, остро и трудно, а слева – широко, расслабленно и вольготно. Крышепокровных дел мастера очень постаралась и создали замечательную, отменную крышу, но скрыть разный наклон западного и восточного склона крыши нельзя, хотя в ракурсе снимка С.М. Прокудина-Горского это почти незаметно. Даже надев кепку с большим козырьком, чтобы не смотреть на барабан с его украшением, нельзя не видеть, что всё здание выглядит как беспомощный больной, с головы до ног перебинтованный, перекошенный, растянутый, в основе своей, видимо, хороший, но слова молвить не может – рот тоже забинтован, как дышит, как ест, как вообще жив – непонятно.

Два десятка кокошников – и, как в фильме с И. Ильинским про праздник святого Йоргена, церковь моментально исцелится, отбросит костыли и что-нибудь залихватское спляшет, чтобы публику потешить и себя показать.

Но главное сокровище выставлено напоказ уже и в увечном состоянии, и, как и положено в плохих детективах, спрятанное на виду – невозможно найти. Если условно принять южный фасад равным квадрату, без закомар и крыши, то в перекрестьи диагоналей окажется окно несколько непривычной формы. По высоте оно – примерно такое же, как и остальные три вокруг, но немного шире. И дело не в ширине, а в том, что другие окна вообще лишены наличников, в то время как в центральном – проём окружён даже не наличником, а прямо-таки входным перспективным порталом. По высоте – пожалуй, если проём опустить вниз до карниза, невысокий человек протиснется, но ни выйти, ни войти неоткуда и некуда – гульбища нет ни каменного, ни деревянного, и как будто не планировалось, потому что любая прибавка не то что испортит, а изуродует всю зодческую задумку, всю картину, написанную камнем. Нет, это не вход, а окно. Расположено, конечно, низковато, как если бы не для света только, а для того, чтобы выглядывать изнутри и дивиться на белый свет, кто там ещё толкает землю шагами.

Надо вспомнить, что окно находится в геометрическом центре, оно необычно своим порталом и этим привлекает внимание. Дальше – самое удивительное. После того, как внимание привлечено, становится досадно: ну что ж так неловко, схалтурили, надо полагать, строители, вон, левый край нижней полочки как поплыл, прямо рухнул вниз, на вершок или полвершка. А ещё говорят, что строили тогда на века, что известковая кладка в веках каменеет.

Да, досадно-то оно досадно, ничего не скажешь. Только виноваты не старые строители, а глаза неподалёку от мозга смотрящего. Полочка-то пятый век стоит, не шелохнувшись, как сделали, так и стоит.

Она нарочно наклонена, чтобы даже неграмотному дать понять: «Входи постепенно, не торопясь, не впрыгивай, не забегай, не перемахивай – есть же ступени на лестнице, вот каждую и потрогай ногой». Посвящение церкви – Иоанну Лествичнику, постигшему диалектический закон перехода количественных изменений в качественные задолго до Г.В.Ф. Гегеля, и не для тех только, кто осваивает философию, а для всех, пусть и не обученных плетению словес: «Поспешай не торопясь», тогда и успеешь.

Мысль простая и не новая, известная всем сызмальства, но кто ж следует прописным истинам. Только те редкие, которые заметят и поймут это полутысячелетнее дацзыбао на церкви Иоанна Лествичника в Кирилло-Белозерском монастыре и музее-заповеднике.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ В КИРИЛЛОВЕ

Двух одинаковых церквей не бывает, только разве что боковые приделы при высокой серединке, да и те зеркальные. Преображенскую и Иоанна Лествичника объединяет задача – приветствовать на входе, они обе надвратные, и разделяет их два десятка лет. В 1584 году ушёл Иоанн IV, в 1598 Борис сменил Фёдора, при котором поставлена Преображенская. У нас-то точно не хватит сил понять, какие перемены и как отразились во внешнем облике двух надвратных, но, может быть, более проницательные умы раззудят плечо и замахнутся на подступы к решению этой задачи, ориентируясь хоть на картинки для начала. Или два десятка лет – слишком мало для улавливания направления ветра?

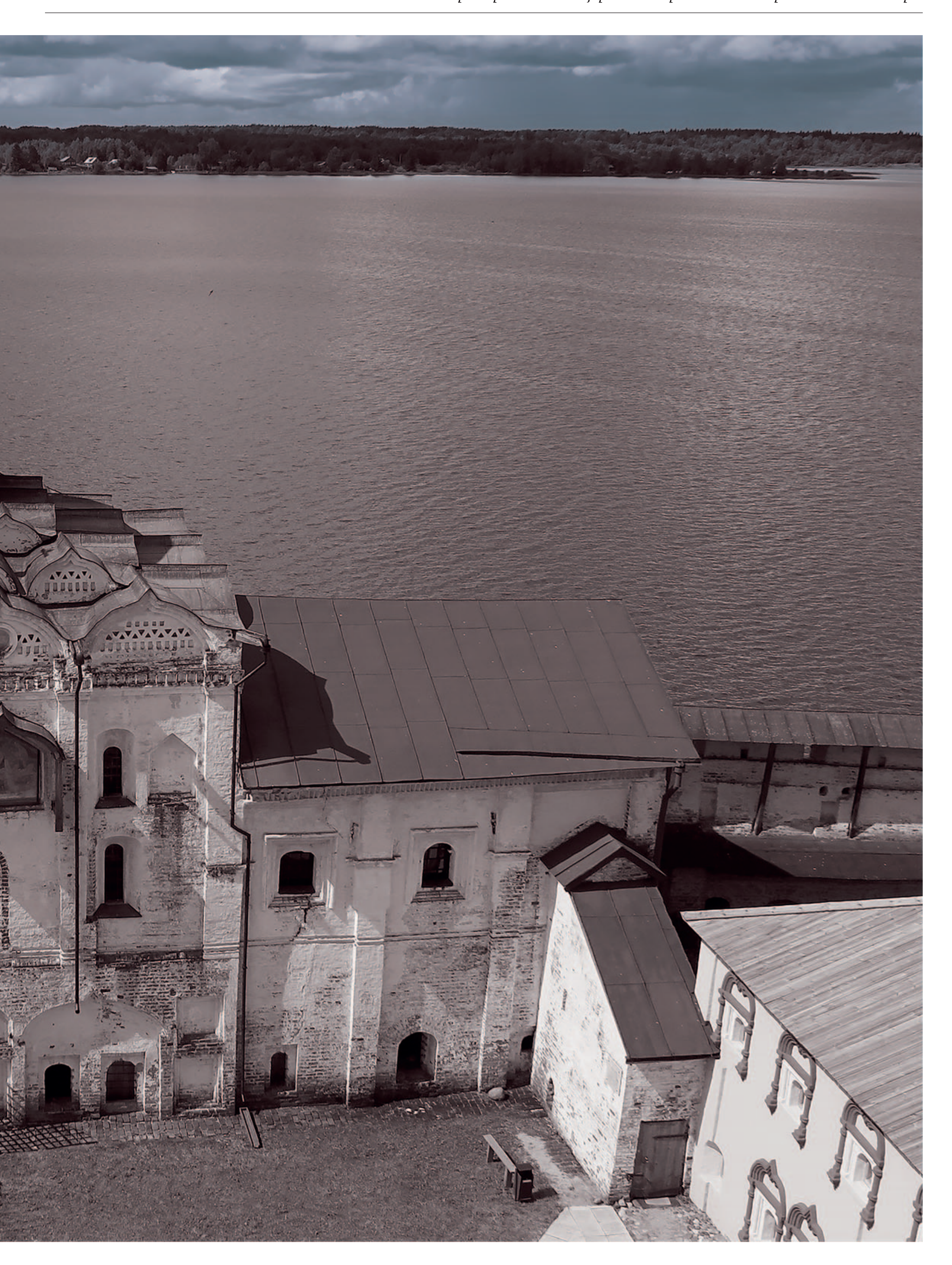
Семантический взрыв годуновской архитектуры необъясним, но непонимание причин не отменяет правильности наблюдения: при нём число «33» стало попадаться чаще. Чтобы это доказать с некоторой уверенностью, уже без колебаний, прибегнем к примеру, совершенно неочевидному, даже поначалу наоборот, очевидно абсурдному.

На крайнем юге, совсем на берегу озера у Кирилло-Белозерского монастыря в XVI веке (или чуть раньше) были устроены Водяные ворота, над которыми в 1595 году при старце Леониде Ширшове построили настолько неожиданную, необычную церковь, что все другие «необычные», даже какие-нибудь сверхзнаменитости, вроде Вознесенской в Коломенском, становятся меньше в размере, цвета немного приглушаются, крики восторга удаляются и в тишине начинают понемногу, как бомбы, взрываться вопросы.

Снаружи, с воды, видна стена и кокошники над стеной, с узором, немного похожим на тот, что украшает в Ферапонтове Рождественский и немного Благовещенский соборы, окна с глубокоспрятанными деревянными переплётами, киот с иконой, укрытый от дождя, на здоровенном здании, построенном в считанных метрах от воды; было два проезда, остался один, за открытыми почти всегда воротами. Вроде церковь как церковь. Но если пройти сквозь стену, глаз начинает копошиться в памяти. Прямоугольные апсиды? Что-то похожее есть в Борисоглебском под Ростовом, в Высоцком в Серпухове гранёные, в Переславле в Троицком тоже гранёные апсиды, кажется, ещё где-то, а где – память молчит. Но высота! Понятно, что нижний уровень из-за проездных ворот приподняли, сколько могли, так, что крыши апсид упёрлись прямо в кокошники, однако же они чаще были горизонтальной архитектурной единицей, скорее приземистой, чем парящей, а тут их словно за уши вытянули на день рожденья, да так и оставили. А нам ними – почти «во фрунт», на одной линии с севера на юг выстроились высокие барабаны и главы, только средняя чуть отсту-

пила назад, и кирпича на неё не пожалели, и орнамент в три яруса нарисовали по-псковски. 3 барабана почти продолжают вертикальную тягу далеко отстоящих апсид. Пророки Моисей и Илия в присутствии трёх учеников разговаривают с Иисусом о предстоящих неизбежных событиях, предвидят их; каменная картина без ликов напоминает икону Преображения с тремя действующими лицами. Хочешь – не хочешь, а память подсказывает, где именно ещё пригодились три стоящих в рядок на горе столба пару тысяч лет назад, а в черепе, кажется, сами кости сопротивляются – да не может быть! Это же предвестники будущей жизни, после Голгофы, после горя, муки на троих, копья, губки с водой. А ничего угрюмого, сумрачного, угрожающего в облике здания нет, нет и мрачности, переживания и свидетельств горя, скорее наоборот, ощущается что-то праздничное, даже весёлое, приподнятое, приветливое. Глаз сам, без участия сознания, отмечает несколько нишек с треугольными скатными верхушками, которые, вероятно, напоминают об окнах, их нет, но могли бы быть, стало бы внутри светлее, ярче, а снаружи и так плоско, но пёстро, ничто за жилу не тянет, не тяготит, не настраивает на страдание и сопереживание, как-то легко глаз прыгает и по стенкам соседних зданий, и сам собой настраивается на умиротворение и наслаждение покоем и равномерностью зрительных впечатлений.

Трудно сказать наверняка, не исключено, что такое восприятие связано с особенностями индивидуальной психики, с бесчувственностью, попросту говоря, ничем, так сказать, не проймёшь, ну чисто «бревно бесчувственное», даже Голгофа его не трогает, толстокожего и твердолицего. Оно, конечно, бывает и так, но и лишнюю вину на себя брать не стоит, по своей голове стучать вредно. Муки-то были две тысячи лет назад, и если мы себя посейчас терзать и поедом есть станем, выйдет, что они прошли зря. Надо не в самоедов играть, а помнить и вести себя прилично.



Для того, чтобы помнить лучше и глубже, слов мало, увещевания сроду не помогали. Строители Леонида Ширшова в регентство и царствование Бориса Годунова запрятали в архитектуру Преображенского собора всю историю Иисуса Христа, кто насколько её знает и помнит, от библеиста и знатока всего на свете до неграмотного хлебопашца, самое общее, самое простое и впечатляющее: был, помогал, учил, облегчал, воскрешал, принял муки и 33 лет от роду навсегда остался помогать. Короче всего напомнить – именно числом «33». И оно-таки зашифровано в Преображенской церкви.

Плоский, одной линией на песке или на бумаге рисунок храмовой главы нельзя отличить от рисунка кокошника, они не похожи, а тождественны и вполне годятся для суммирования в одном ряду.

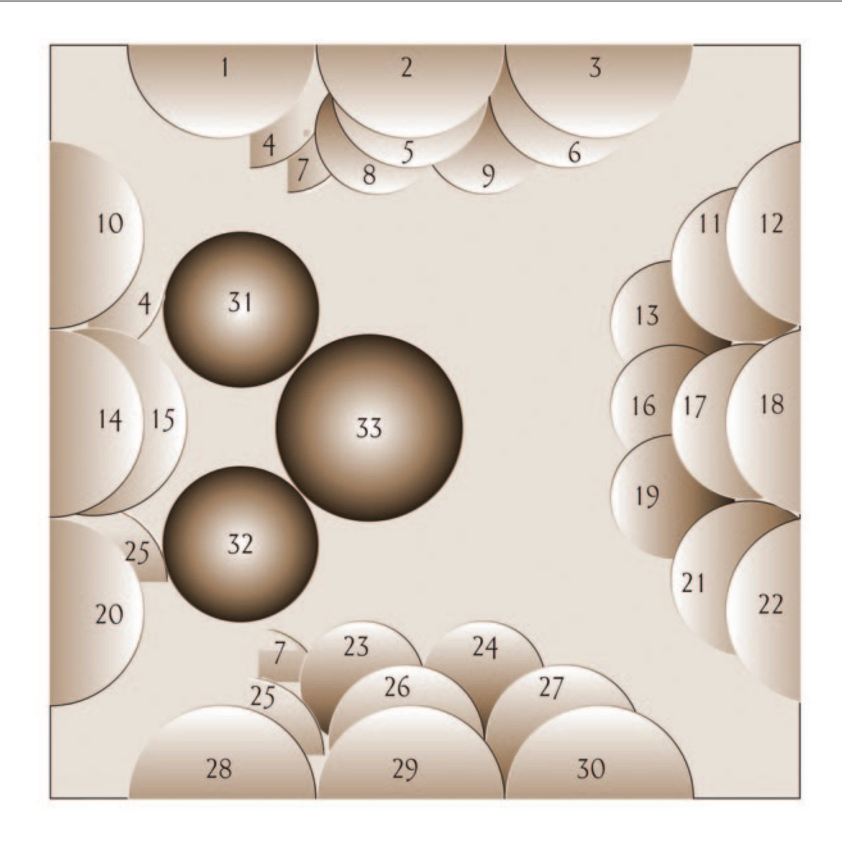
Одна беда: минутный взгляд на Преображенскую церковь позволяет сосчитать кокошники на одной стороне света (на западе, например, 9) и умножить на соответствующее число сторон (обычно четыре). Три ряда по три штуки четыре раза, итого 36, да плюс ещё три главы, ничего не выходит с нумерологией, никак.

Не тут-то было. На востоке, над апсидами – не три, а два ряда кокошников, третьего ряда всё равно из-за массивных и высоченных апсид никто бы не увидел, их и ставить не стали (гипотетические 36 сразу превратились в 33). Из-за апсид никто и не увидел, что рядов-то – два, а не три. Ещё один кокошник потерялся на двух восточных главах: у каждой в смежниках не по целому кокошнику, а только по половинке. Ещё парочка пропала в третьем ряду: там с севера и с юга не по три, а по два кокошника: с каждой стороны центрального барабана третий кокошник неразличим, потому что его нет, а на востоке-то за вторым рядом уж и вовсе ничего не видно. Осталось к оставшимся 30 наличным кокошникам прибавить на основании общего силуэта три главы, и все тридцать три года погружаются в сознание, у кого уж какое образовалось, кто что успел разузнать и распознать. Очень непростая арифметика, надо не только складывать уметь, но и вычитать. Но и хитрость невелика: как-то же научились из привычного пятиглавия вычитать две главы, чтобы получилось всего три – и ничего, вычли, и даже уловили, для чего, чтобы напомнить о трёх столбах. Много ли народу

увидело число? Наверняка немного. Но какие силы это знание придало тем, кто увидел, как сократилась двухтысячелетняя нить – почти до соседей, родных, знакомых и даже незнакомых на улицах, до признательности неведомым пращурам пятого или восемнадцатого поколения назад за их любовь; это благодарность пращурам, которые авансом любили неведомых потомков на века и тысячелетия вперёд.

С.С. Подъяпольский, реставратор и архитектор, вернувший к жизни Преображенскую церковь (в числе многих других), всё, конечно, видел, всё знал, однако, зная, промолчал. Что видел – сомнений нет. Когда он впервые увидел церковь Преображения, трёх барабанов с главами не было вовсе, стояла посередине шаблонная палатка с одной восьмигранной главой над восьмигранной же распластанной тыквой, для оптимального расположения высокоценных скатных крыш кокошники подрезали, в итоге получилась стандартная клетская церковь, только не из дерева, а из камня. Бранить тех, кто ставил крыши – толку нет, скорее всего, они спасали то, что ещё

можно было спасти, но как можно довести до такого состояния выдающееся произведение архитектуры вселенского уровня, как можно было утратить все чувства, не видеть, не впитывать тяжёлые объёмы, не слышать клавиши лотковых (коробовых?) покрытий за кокошниками, не чуять смыслы, специально для всех потомков сообщённые каменными образами, как можно утратить всю память и поглупеть до тараканьего уровня, чтобы вместо трёх глав поставить одну, да ещё такую, поглупеть не одному, а всем, одним махом, и задолго до всяких большевиков и коммунистов. Была искренне, от души, напрочь утрачена всякая вера, остались одни воспоминания об обрядах, к которым прилагались какие-то (лучше поскромнее) церкви для их исполнения; всеобщее просвещение даже в начальной своей стадии сумело сожрать не только веру и религиозность, но и многими веками взрощенное понимание красивого, связанного крепко-накрепко с церковью. Оно (понимание) оторвалось от церкви – и почти погибло для почти всех, и стало потом из редких живых корней расти заново.



Вот такой корень, довольно безобразный, достался С.С. Подъяпольскому, и он перекинул мост от Леонида Ширшова и его строителей, проникнув в их видение красивого и в их мысли при строительстве. На рисунке на севере и на юге от центральной главы нарисованы половинки двух кокошников в третьем, самом верхнем, ряду. Обе половинки повёрнуты так, словно они из третьего ряда. Вероятно, так позволили сделать сохранившиеся на месте остатки кладки. Но были ли эти остатки, или всё срубили начисто – сказать трудно, барабанов-то под крышами нет. Далее С.С. Подъяпольский должен был руководствоваться логикой при решении вопроса, как повернуть половинки: можно поставить их как продолжение северного и южного третьего ряда из двух кокошников с каждой стороны, отсутствующими полускатами к зрителю (то есть два прямоугольных остатка), а можно и фронтально, как заведомую имитацию (два кокошника могли бы войти, для ещё одного места не хватит) третьего ряда на востоке. В последнем случае обман работает надёжнее: полукруглый сегмент выразительнее прямоугольного. Нарисована и выстроена эта имитация (не важно, по остаткам или по логике) с одним резоном – для арифметики. Нынешнее здание подтверждает, что он всё сосчитал.

Годунов уже у А.С. Пушкина и М.П. Мусоргского – не хитрец, а мудрец. И прямо на глазах становится всё мудрее и мудрее. Святую Святых на Ивановской площади начал строить (что позволило потом Никону делать так же в Новом Иерусалиме), «33» много раз зашифровал в разных местах (хотя это, может быть, и без него), неслыханную стену в Смоленске поставил (ну, конечно, и Фёдор Савельевич Конь постарался), общественное и государственное устройство чуть ли не впервые в Европе приблизилось к разумному, и вот как всегда. Как только ещё раз опять, так всё сызнова играть. Откуда и берётся столько смут на отечество, может быть, это лишь здесь кажется, что нам больше других достаётся, а болото мы всякий раз находим сами, причём вовсе не там, где оно всегда было? Это верно. Чтобы со славой выбраться из болота, надо в него сначала забраться. Здесь всё же чаще действует другое правило: кому много дано, с того много и спросится. Сколько ни считай подарки судьбы, они никогда не уравновесят бедствия, для боли нет единиц измерения. Терпение не заменяет деланья, созидание, даже в унынии и страдании, меряется не слезами, а пòтом. Поэтому Борис Годунов заслуживает благодарной памяти уже за то, что задумал, начал и успел, как говорится, «Бог целует его намерения». Неужели причина трагедий, и его, и семьи – и в самом деле в восьмилетнем мальчишке? И было, и осталось? И второй раз, через триста лет, другой мальчишка месяца не дожил до 14 лет, уж про всю семью и доктора нет сил вспоминать? И только-то?

А что, кто-то и после А.С. Пушкина и М.П. Мусоргского сомневается?

УСПЕНСКИЙ СОБОР В КНЯГИНИНОМ МОНАСТЫРЕ

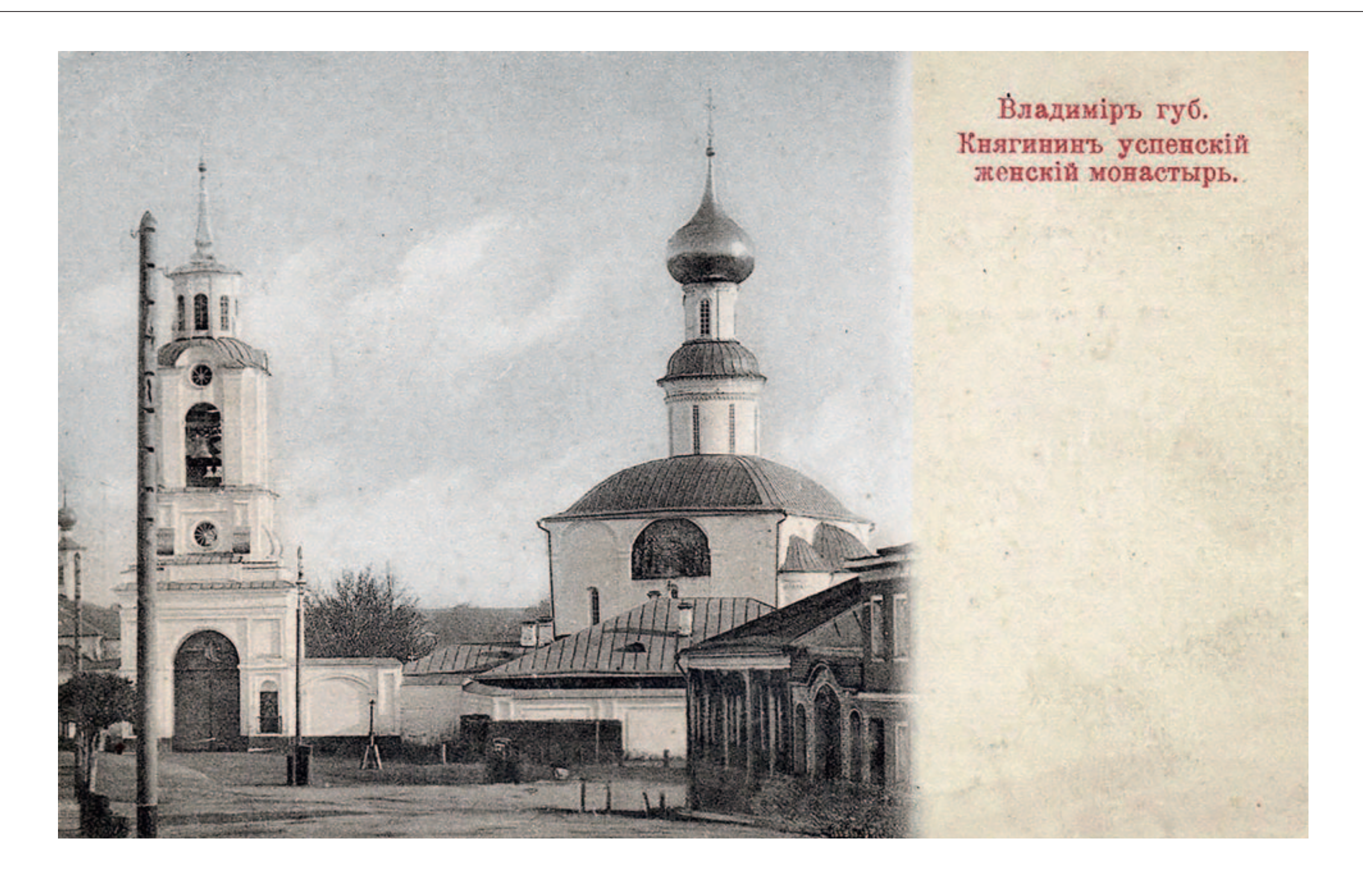
Хочется лишний раз упомянуть, что этот Успенский собор построен в 1202 году и традиция прервалась нашествием варваров с востока не совсем безнадёжно, что через триста лет в начале XVI века не только отыскали в земле остатки старого здания, камни в фундаменте, но и сохранили какое-то представление о его внешних формах, особенно, конечно, о завершении. Но надо хотя бы стараться придерживаться правдоподобия, нет решительно никаких оснований для удревнения традиции «33» до начала XIII века.

Эта обескураживающая новость не так уж ужасна. Начало XVI века – тоже не вчерашний день, всё-таки – не XVIII век, когда перестройщики совсем ополоумели, не XIX, когда все силы уходили на борьбу классицизма с ампиром и наоборот, потом с эклектикой, потом подкрался модерн, не XX век, когда польза с удовольствием топталась на красоте и победила её. Пусть даже это первая половина XVI века: собор не перестаёт быть сверстником или современником Вознесенской церкви в Коломен-

ском и Покровского собора на рву; перестройки XVII века, вероятнее всего, должны были повторять недавно обретённые формы.

Три собора начала XV века (на Городке, в Саввином и в Посаде) очень приземистые, их кокошники – как рябь на воде, чуть дрожит, едва возвышаясь во внутренних рядах, а во Владимире – гора, скала и буря, кокошники не стоят – торчат один над другим, кажется, что они будут заметны из-под стены уже в двадцати шагах, второй ряд нависает над закомарами, третий ряд (восьмёрка) не даёт увидеть световое кольцо, продолжая растительное возвышение к главе.Такая настырность словно нарочно проявлена, для укора тем, кто не показал во всей красе кокошники второго и третьего ряда сотню лет назад.

Предположение так себе, не очень поддающееся доказательствам, но есть более убедительные свидетельство того, что зодчие и живописцы очень интересовались своими предшественниками. Второй, точнее, по времени первый высокий собор с вы-



сокими кокошниками – Рождественский в Ферапонтове с росписью Дионисия. Успенский во Владимире не менее, чем своей внешностью, известен внутренностью: роспись Марка Матвеева при патриархе Иосифе I (1642–1652) – один из последних взмахов кистью наследников Феофана Грека и Андрея Рублёва, после середины века живопись стилистически начинает меняться, чтобы потратить почти столетие на смену образцов поближе к европейским. Пожалуй, столь же монолитной была ещё роспись Троицкого собора в Даниловом монастыре Переславля и Крестовоздвиженского собора в Романове Гурием Никитиным немного позже, после середины века.

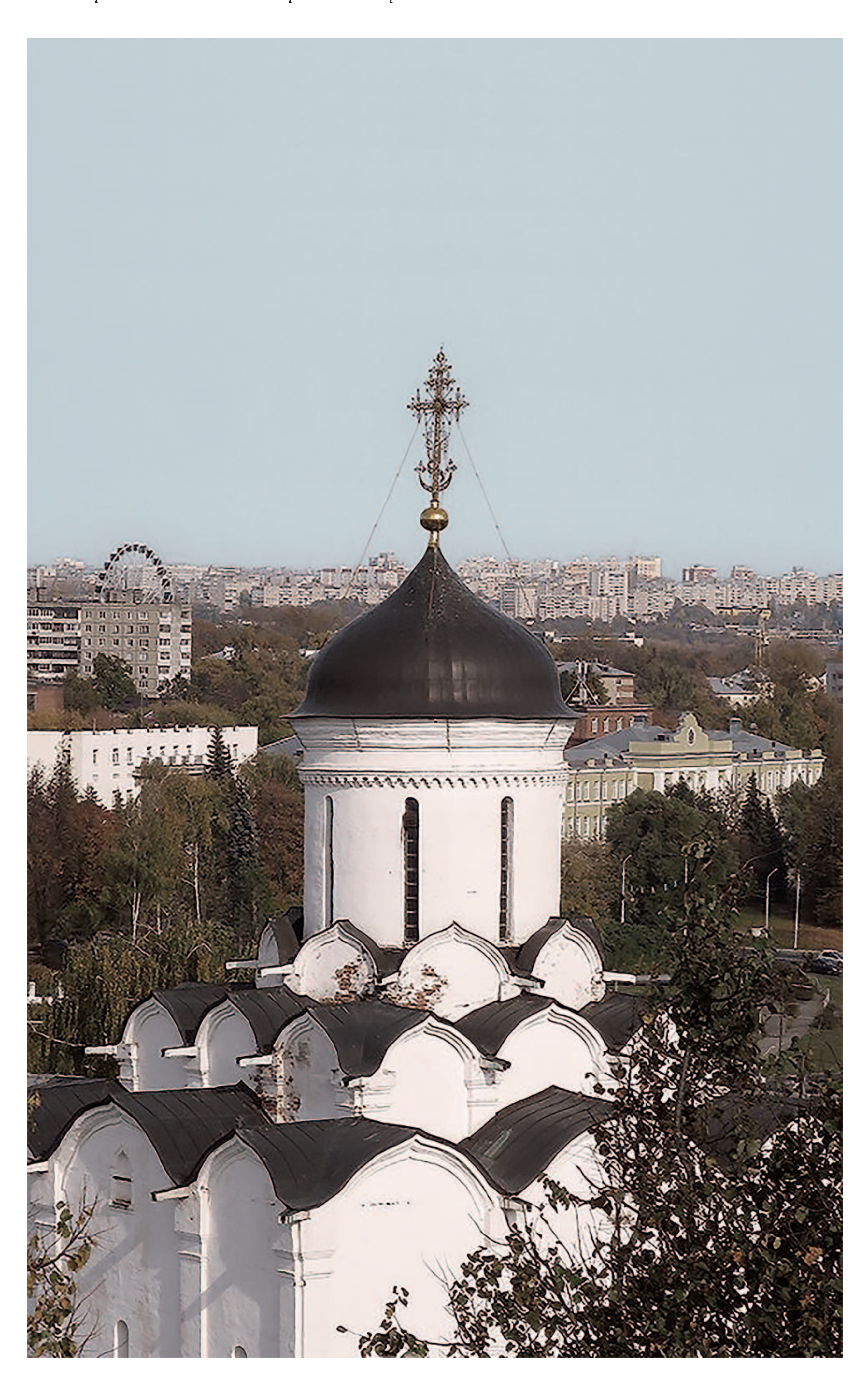
Сцены Страшного суда, написанные Марком Матвеевым, оставляют мало сомнений, что он видел написанное Дионисием в Рождественском соборе. Геенна огненная у него не впускает в себя поток воды, а исторгает огненного змия, сквозь кольца, на которых, вероятно, написаны грехи (разобрать не удалось), но конструкция колец и их «пропускная способность» взяты с севера, ангел у Дионисия оперирует тончайшим прямым, как стрела, копьём повышенной длины, но ему неведомы расстояния, на которых такими же, только подлиннее, копьями ангелы Марка Матвеева низвергают в бездну падших ангелов, укалывая их трезубыми остриями то прямо в рот , то в ухо, то куда придётся, а на самом деле в подмышечную впадину, чтобы побольнее (отчего у падшего даже хвост начал расти), то с намёком на причинное место, что уж совсем никуда не годится, так, что это действо больше похоже на стрельбу лазерной линейкой – до того прямыми получились копья. Правда, также, как и у автора росписи Ильинской церкви на Советской площади Ярославля, у одного из ангелов левая рука неожиданно оказалась правой, но на такие пустяки всё равно никто не обращает внимания. Неподалёку расположились похожие на Дионисиевые серые круги с номенклатурой грехов, а повыше ангелы возвещают при помощи труб, что «Земля отдаёт своих мертвецов», то есть и погребённым, и утопленным, и прочим неживым пора на Страшный суд из тех мест, где они пребывали «во гробех», как и у Дионисия в таком же «живонеживом пузыре». В самом пекле мелкий подручный несгораемой «части той силы, что без числа творит добро, всему желая зла» подтягивает туда, где погорячее, заарканенную парочку, преодолевая их сопротивление

Сюжет Страшного суда не может быть оригинален, тут уж никуда не денешься, но набор изобразительных приёмов вполне мог быть позаимствован у старшего ма-

стера проверенной квалификации. Из этого, конечно, не может следовать, что в начале XVI века, за сто или полтораста лет до росписи, Рождественский собор был взят за образец при возведении новой версии Успенского собора в Княгининым монастыре. Или может?

Смогли же перестроители в екатерининские времена позаимствовать где-то (не в церкви ли Иоанна Лествичника в Кириллове?) идею водрузить на барабан набалдашник в виде рукоятки рычага переключения ручной коробки передач за полтораста лет до его изобретения, конечно, только после того, как ненавистные кокошники были спрятаны под четырёхскатной крышей изумительно элегантной конфигурации, с плавными выпуклостями, ненавязчиво обтягивающими всё то, что было спрятано на два с половиной века под ней. О великой архитектурной ценности этого недюжинного изобретения лучше всего можно судить по тому, что П.Д. Барановский в год смерти В.И. Ленина сумел в условиях возведения фундаментов коммунизма на фоне новой экономической политики ликвидировать этот окаянный отросток, восстановив нормальную главу.

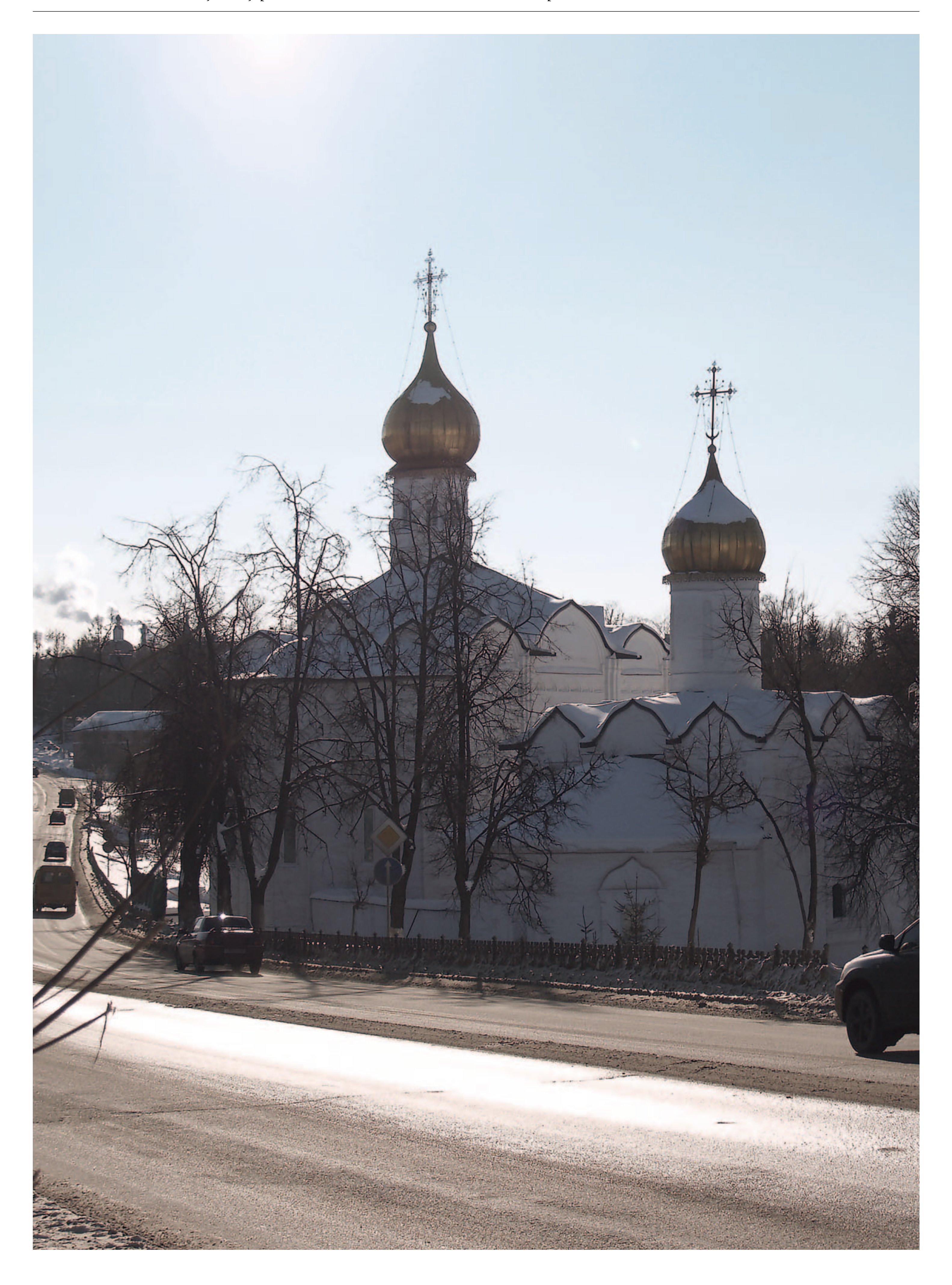
П.Д. Барановский, вероятно, видел и проект Рождественского собора К.К. Романова, и реконструкцию, подготовленную под руководством С.С. Подъяпольского (с. 64–65), кто-нибудь должен был заметить сходство.

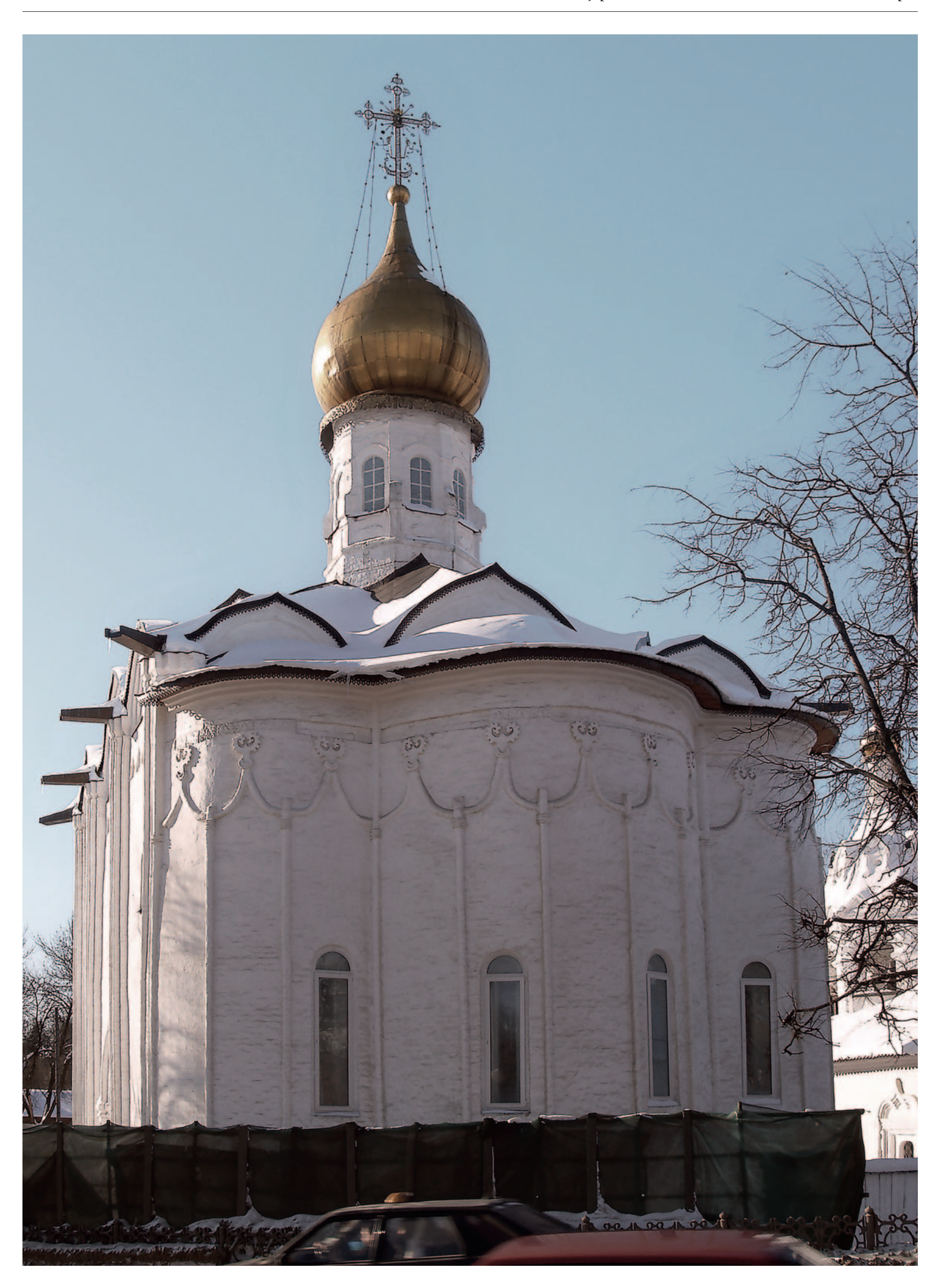


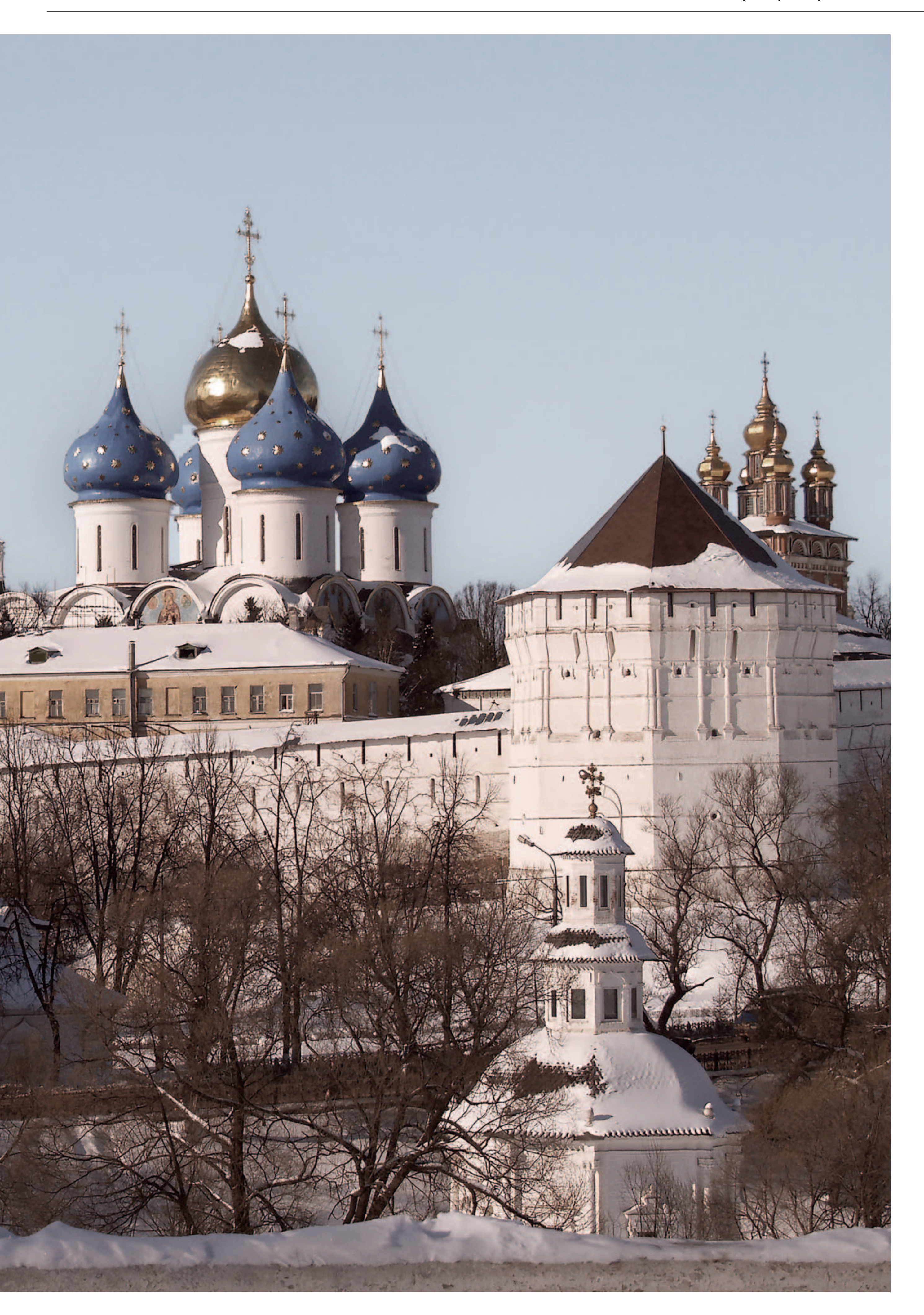
НИКОНОВСКАЯ В ТРОИЦЕ

До Никоновской ещё надо добраться, она в самом низу, после всех, хотя по важности – не из последних. Впрочем, в этом ряду последних не бывает.

Становится понятно, почему В.В. Кавельмахер так ополчился на В.И. Балдина. «Ничего личного, только задело». Виктор Иванович испортил-то – сущий пустяк, въезд и выезд из города. Конечно, посмотреть всё равно есть на что, даже специальную смотровую площадку сделали, чтобы с неё всё смотрели и ахали. Можно и оттуда, да, и ахать не возбраняется. Но как это было перед литвой и поляками в самом конце XVI века, с теми скоростями на копытной тяге? Больше десяти вёрст за час и разгоняться не надо, чтобы успеть увидеть, как из-за пригорка или из-за поворота не торопясь выезжает сначала Подольный монастырь, потом и вся Троица. На автомобиле – отсилы полминуты, смотреть не успеть, да и глядеть-то не на что. Обе церкви на Подоле – блистательный, неотразимый, ярчайший пример реставрационного бессилия диагональной концепции. На той, что побольше – была дорогая медная крыша, похожая на мятое одеяло, под которым целую ночь ворочался и плохо спал больной ребёнок. Остались на одеяле разнонаправленные длинные и короткие складки местности, в которых – ба, знакомые всё лица, четыре штучки, диагональные кокошата, невзрачные, незаметные ни с какой точки обзора, как буруны в огромных волнах бури в бассейне. Как они туда попали, зачем они там понадобились – вопросы малоприличные, их никто и не задаёт. Казалось бы, мало-мальски честный взгляд не может не подсказать ответ – только три ряда кокошников, они сюда ложатся как родные, они меняют образ солидного скучного сундука на картинку приплясывающей избушки, взрослой, но баловной, с искрой. Та церковь, что поменьше, Пятницкая, тоже удивляет: ну кто же тебе, милая, шею-то такую вытянул, так ведь не бывает, голова-то вот-вот упадёт, стоит только ветру посильнее подуть; и как это здесь обошлись без диагональных – просто не понадобились?. 32 кокошника прямо просятся туда запрыгнуть, вот тогда только въезд и выезд из города даже на скорости чеканным пуансоном оставят в глазах отпечаток: не только стена и за стеной, но и на Подоле – праздник, не хуже того, что на Красной площади. Всего-то навсего – завершение, покрытие двух церквей: то ли два мятых одеяла, как рубища, накинутые на два кубика, то ли два взвода послушных двум Черноморам витязей, в чешуе, как жар горя, оказываются «на бреге». И той стражи нет надежней, ни храбрее, ни прилежней. Вот почему горевал В.В. Кавельмахер, вот чего лишил поколения людей В.И. Балдин, не по злой воле, конечно, а пребывая в плену нормативных запретов научной реставрации: нет остатков –







пошёл вон, мракобесным фантазёрам не место в ареопаге, тут, между прочим, взрослые люди сидят, не до сказок. Что важнее – дух закона, или его буква – ещё никто не решил, потому что все в один голос уверяют, что дух, но с ним никто не знаком, он только и делает, что витает в облаках, а буква – вот она, отчеканена металлом в граните бумаги чёрным по вечному, ни коготка, ни птички, все пропали и увязли, толкуем буквы, изобретаем герменевтику, а там, глядишь, и до математической лингвистики недалеко.

Кавказские хребты, седловины и ущелья, устроенные на Введенской церкви, имеют склоны, общим числом, словно в насмешку или издевательски – 32. Их шатёр, конечно, злая шутка судьбы: не получилось по уму, будет вот так. Введенская строилась в 1547 году по образцу Духовской, за стенами, стоящей с XV века, следовательно, первый барабан был очень заметно шире, высотой, близкой к ширине от края до края. В 1622 году, после литвы и поляков, а, главное, из-за хлипкой почвы (много воды) – пришлось заново делать и своды, и барабан, и главу, перекладывать весь верх. Видимый сегодня барабан – не 1547, а 1622 года, не исключено, что и диагонали появились тогда же вместо изначальных 32 кокошников (или, скорее, ещё позже).

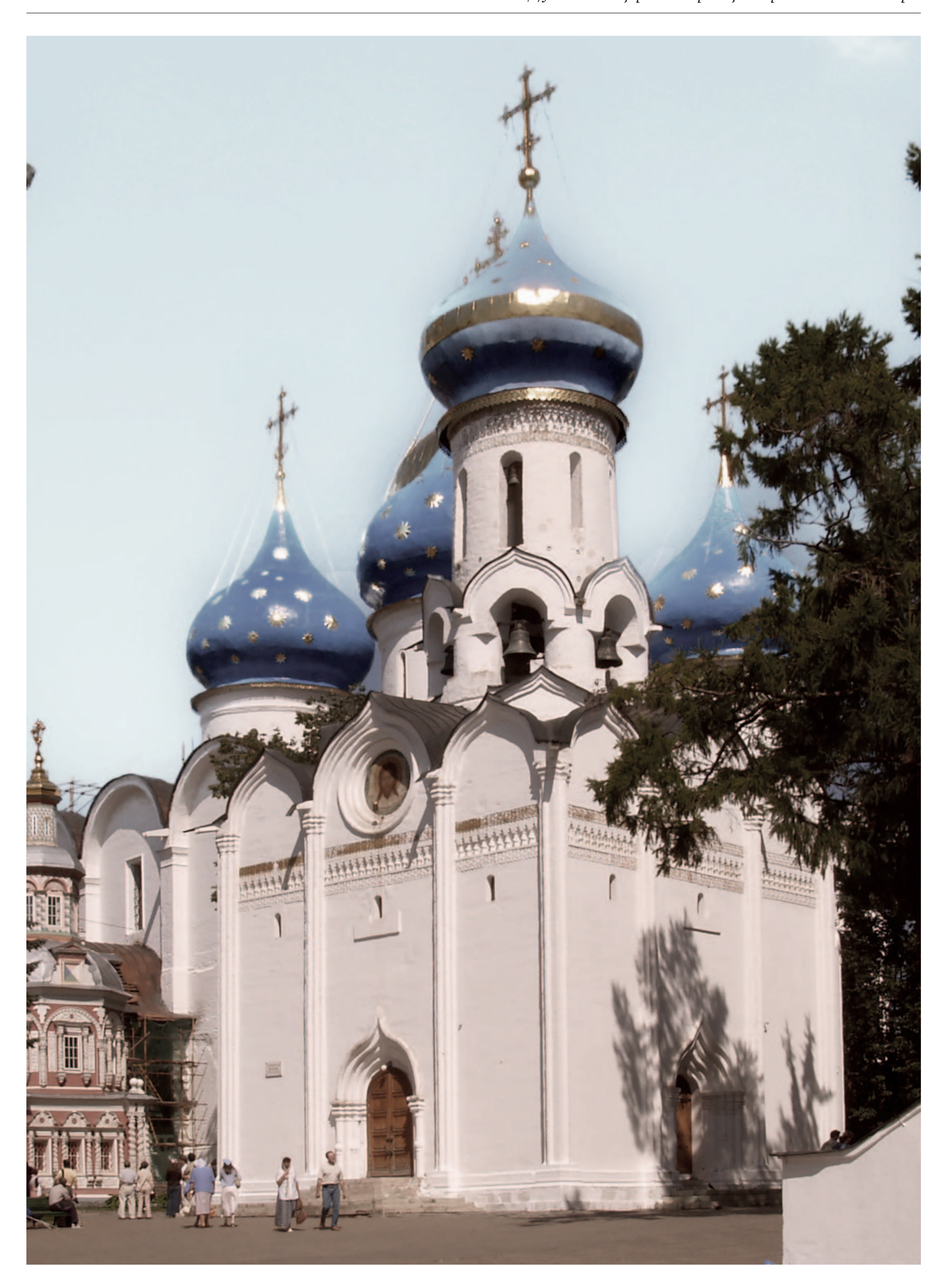
Это ещё не предположение, а нечто смутно забрезжившее, колышащееся марево, которое правда, в свою очередь, рождает своих чудовищ.

Первое – попроще. На новом барабане Введенской церкви между окнами видны консоли-кронштейны-недоконтрфорсы, которые ничего снаружи не поддерживают, вероятно, изнутри используются для удержания подвеса. Точно такие же использованы в барабане Сергиевской церкви (1692 год окончания) за стенами. Она очень хороша как образец праздничной, нарядной безликости, которая форму понимает как аксельбанты и эполеты на ярком мундире, причём для приобретения горделивой осанки достаточно залезть на стул и выпятить живот. Может быть, при 22-летнем Петре ещё сохранялись люди, способные это видеть, тогда единственным средством спасения облика церкви остаётся завершение с применением кокошников, которые должны быть заметны далеко снизу, тут никакие диагонали не помогут, нужны все три ряда. Но нынешнее завершение стен сверху, с нарисованными кирпичом раковинами-закомарами ничего такого не предполагает. Последний, кто описывал собственноручно обследованные чердаки трапезной палаты – В.В. Кавельмахер (нашёл остатки пинаклей).

Второе чудовище пострашнее. Если образцом для Введенской была Духовская (образец и для очень многих других церквей поблизости и в дальних краях), а мы, кажется, вправе осторожно и строго гипотетически, приседая от ужаса и оглядываясь, допустить мысль о существовании во Введенской когда-то, сразу после 1547 года, трёх рядов кокошников, – стоит ли отгораживаться от допущения, что и в Духовской когда-то было больше кокошников, чем сейчас, а нынешние диагонали после закомар – результат перестроек XVII–XIX веков и реставрации (основной объем реставрирован в 1937–1946 годах П.Д. Барановским и И.В. Трофимовым, завершение – в 1960 году В.И. Балдиным и Ю.Н. Герасимовым)?

Если допустить мысль, что модель когда-то выглядела не так, как отреставрирована, то сколько копий, сделанных по этой модели, сразу теряют достоверность?

Бездна, открывающаяся за началом таких предположений, всё же не так черна. Если С.С. Подъяпольский верно сосчитал в Благовещенской (а сомнения в этом не только кощунственны, потому что покушаются на доброе имя, они преступны, потому что... потому что преступны, и всё), то и для Духовской церкви появляются дополнительные резоны включить воображение, выключить слепое почитание авторитетов и прикинуть, а как могла бы она выглядеть, если бы к ней прикладывали уже в 1477 году лекало «33-х»? Духовская церковь над Максимом Греком поважнее



будет, чем мавзолей над Владимиром Ульяновым, если без насилия над правдой обнаружить и в ней «33» – переворот будет посильнее октябрьского.

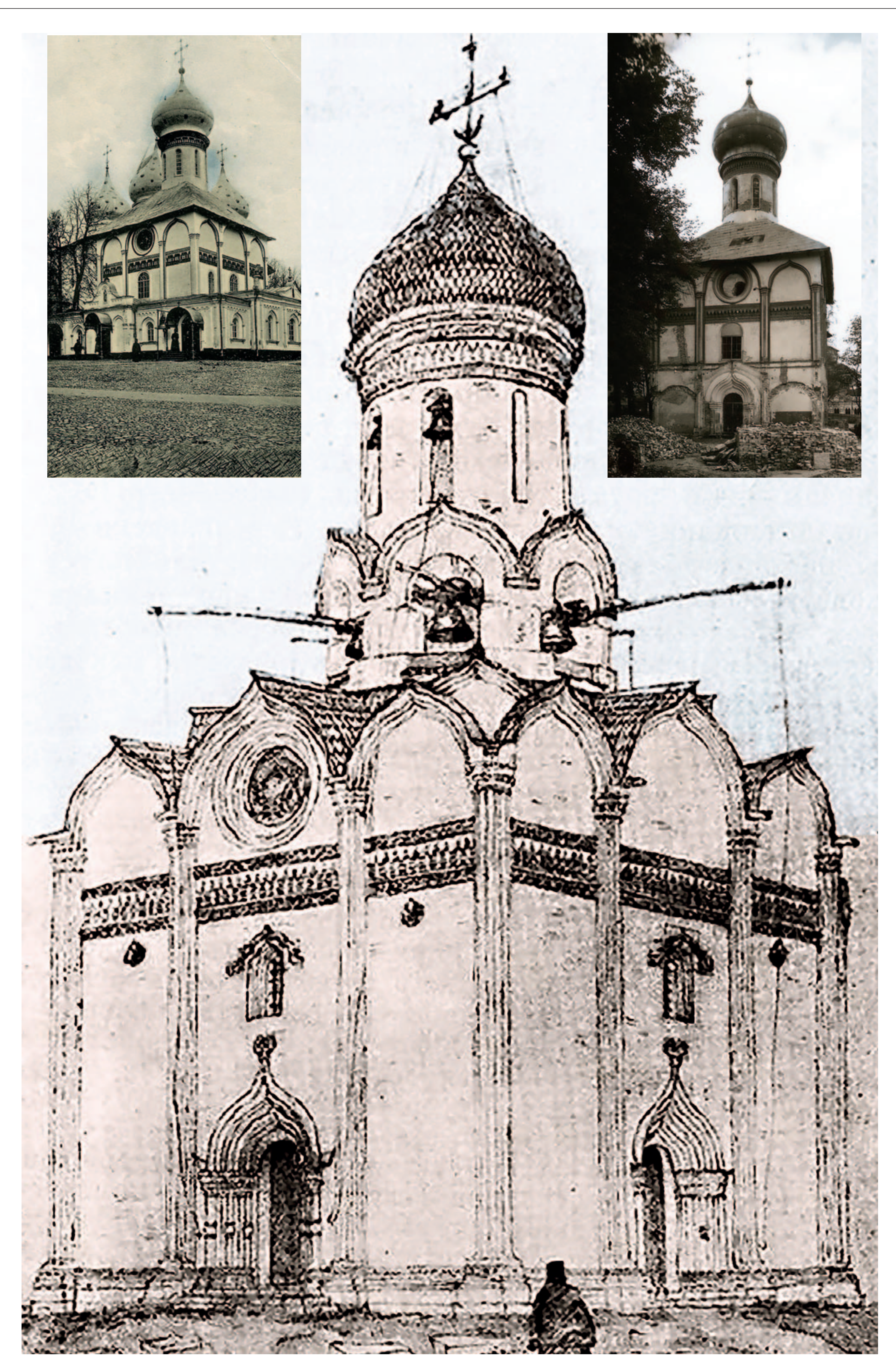
Как только проверенное лекало ложится на ткань – сомнения испаряются, появляется убеждённость: а как можно сделать иначе, и главное, зачем?! Второй ряд из двенадцати кокошников логичнее встаёт на место, чем четыре химерические диагонали, хитро выглядывающие из-за угловых, но совершенно недостаточные для того, чтобы стать заметными, из-за отсутствия второго ряда опять приходится делать необъятные кенотафы за центральными закомарами, пугающие своей тайной – «а что там, внутри этих помещений поместилось, для чего они сработаны так ловко и умело?».

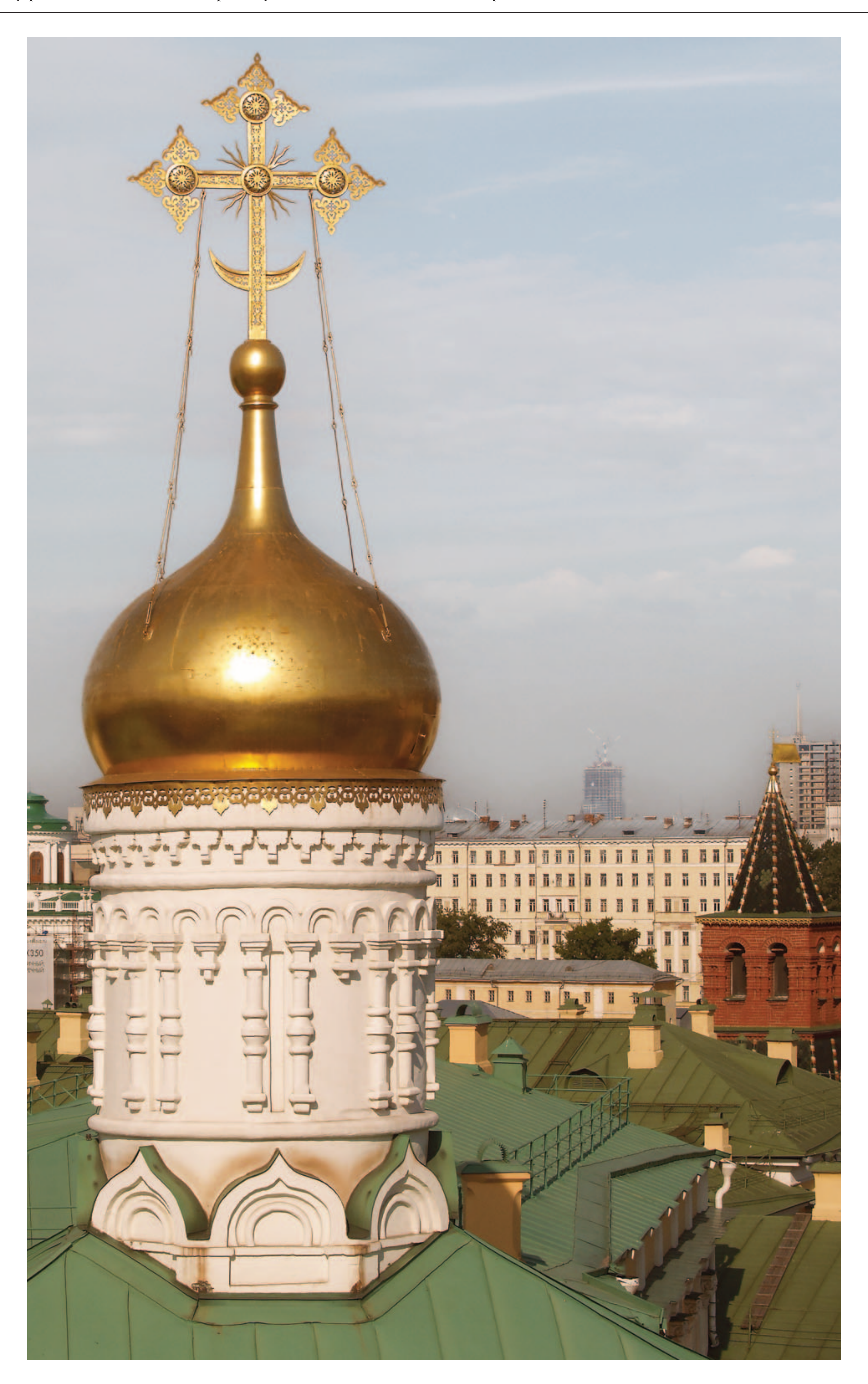
Конечно, из такого заурядного сооружения, в которое его превратили долгие попытки усовершенствовать церковь Сошествия святого духа, выдумать, выфантазировать себе, мысленно увидеть, прозрев сквозь вековые наслоения, новый образ – это уже огромное достижение, сопоставимое с проектированием заново, на пустом месте. Когда твои предшественники – все те, кто составил славу русской науки за последние сто лет, трудно отбросить их опыт и сказать – я буду думать сам, а И.Э. Грабарь, П.Д. Барановский и все остальные мне не указ – не более чем глупое безрассудство, тем более что ничего другого, по сравнению с тем, что они надумали – нет, и примыслить нельзя, нет оснований, толчков и причин. Чем, к примеру нехороша реконструкция Духовской церкви В.В. Кавельмахера, придуманная, правда, скорее для иллюстрации очепного звона (качать колокол, а не язык). Может ли она быть ошибочной? Может. Ошибся же он с очепным звоном, по двум по крайней мере причинам: шестеро звонарей с четырёх сторон света не могут видеть друг друга, и не могут согласовать темп, не говоря уж об амплитуде качаний верёвочных концов рычагов, значительной превышающей у земли и 152-ю, и 183-ю, и 216-ю сажень.

Самая трудная задача в предлагаемом применении лекала «33» к Духовскому завершению – шестёрка в основании барабана. Но как-то с этой задачей справились в Ферапонтове через полвека, в 1531 году. Или пара лишних глав, или пара лишних кокошников, например, на севере и на юге во втором ряду, как в Благовещенской. Не отсюда ли взято решение, если она была примером, всего-то и надо – во втором ряду поставить не по три, а по четыре кокошника с севера и с юга?

И приятие, и неприятие диагоналей в завершениях – одинаково пагубны. Всё зависит от того, кто применяет. Диагональ хороша или плоха не сама по себе, а в зависимости от окружения, что проще и лучше ложится или встаёт за закомары той или иной церкви, обеспечивая обзор, видимость себя. Сектор «между», в щели – всегда невыгодно отличается от ряда «позади».

В логике реставрационных действий, в их последовательности самой сложной задачей на начальном этапе считается выбор момента, на который надо восстанавливать. Век, лучше полвека, ещё лучше четверть,





не говоря уж про десятилетие, тем более год. На выбор влияют много факторов, причём эстетическая составляющая, попросту говоря, красота, сделавшая памятник памятным почти всегда пасуют перед правдивостью и полнотой материальной базы. Хоть, допустим, и плохонько сделали в XVIII веке, зато тогда же хорошо и разрушили – всё, вообще всё предыдущее в этом уровне. Что ж теперь поделаешь, это ведь тоже теперь памятник. В таком глубокомыслии теряется малюсенький пустяк: памятник незрячести, глупости, бесталанности, претенциозной заносчивости остаётся, а памятник гениальной прозорливости покорно складывает крылья. Полёт не оставляет каменных остатков, только в воздухе, и то ненадолго. Даже когда доподлинно известны изначальные формы (то есть когда известность добыта мучениями, под линем добросовестности) – всё равно побеждает тот камешек, который положен в стену позже. Единственное место, где срабатывает пошлая мудрость про то, что в соревновании цивилизаций всегда побеждает та, что примитивнее, – это реставрация. К великому сожалению, Сергиев посад не выбивается из этого гнусного правила. Введенская, Духовская, Троицкая церкви помечены одной ошибкой, сделаны по одному шаблону. И наоборот, даже глухой (без окон) барабан одною ловко присаженной восьмёркой в основании заставляет поинтересоваться – а что ниже, под зелёной крышей с крутыми скатами в церкви Рождества Богородицы на Сенях, очередной раз перестроенной с XIV века при Фёдоре Алексеевиче?

Смешно лишний раз говорить, что в этом нет даже тени вины реставраторов, как раз наоборот, они вынимают из-под гнилых досок бриллианты, каждым своим действием, даже не очень правильным, как иногда выясняется позже. Дело в том, что на «вытаскивание» диамантов требуется, вероятно, не меньше времени, чем на закапывание, потому что в эту сторону идти гораздо труднее, чем «в потоке времени», когда толпа бежала в одном направлении, а одолевать давно пролетевший порыв ветра приходится почти всегда в одиночку. Трудно заставить себя смириться с мыслью, что по прошествии десятилетий или веков на плоды трудов реставраторов будут смотреть также, как нынче оценивается деятельность искренних и добропорядочных подданных империи в XVIII или XIX веках, и, глядя уже оттуда, из XXII или XXV века, при выяснении, «как же оно было на самом деле», для исследователя важны будут не столько вехи на пути, сколько первое, изначальное состояние, когда автор после окончания работ встал в ста метрах от содеянного, подбоченясь, хмыкнул – и сказал себе в бороду: «Ну, так, ничего себе получилось». Промежуточные стадии пропадают легче всего под воздействием новых промежуточных, пожирающих предыдущее без остатков, а изначальное хорошо тем, что обладает цельностью, логикой, постигнув которую, можно уже меньше обращать внимание на подробности пути от первой точки до нынешней и от нынешней до первой. В таком понимании стилистические гири на чашах доказательств оказываются всё тяжелее и тяжелее, порой одолевая археологические. Генрих Шлиман нашёл то, что лежит в ГМИИ им. А.С. Пушкина не потому, что был археологом, как раз ровно наоборот, проклятья ему звучат из их уст по сей день, а потому что поверил красивой легенде, оказавшейся правдой. Поэтому главное – не то, что это легенда или быль, а то, что она красива, эстетика рождает этику, не наоборот. Помирает всё одинаково, и уродливое, и красивое, то сгорит, то утонет, то сгниёт. Но право на память есть всё-таки преимущественно у красивого. Буквально каждый из реставраторов второй половины XIX – XX века свой центнер грязи с бриллиантов снял, приблизив их чистое сияние, чтобы согласиться с этим, достаточно поставить рядом фотографии второй половины XIX века и снимки почти всего XX-го и XXI.

Фетишистская привязанность к остаткам, желательно в камне, тормозит этот и без того небыстрый процесс очищения. Ясно, что это «условие, без которого вообще

нельзя» что бы то ни было начинать. Но научная реставрация без воображения невозможна, так же, как и любая наука без воображения, без поиска того, признаков чего сегодня не видно, и их просто нет, признаков. Парадокс в том, что новое в истории – это как раз новое знание о старом, и новизна его в том, что оно более точное, приближающееся к правде, к тому, «как было на самом деле». Ну да, новое – это старое. Но только точно, как на самом деле, а не так, как осталось по случайным причинам. Введенская церковь приобрела «кавказские холмы» в завершении потому, что П.Д. Барановский раскрыл неизвестно когда появившиеся на Духовской церкви диагонали, а за его плечами тогда – тридцать лет подвига, В.И. Балдин не мог не считаться с его опытом. Какие-то кокошники появились первыми на Троицком соборе, за ними последовали многие реплики, в их числе – на Духовской церкви, с неё брали пример мастера Введенской и Пятницкой, и про Введенскую точно известно, что она вскоре после 1547 года «расползлась» и верхи были переложены в 1622 году, а стабилизировались стены уже в XVIII веке. В какой момент появились диагонали на Духовской церкви – неизвестно, но поскольку они точно лучше, чем скатная крыша, их и восстановили по остаткам. Введенская церковь и Троицкий собор влились в этот хор, руководимый тем же дирижёром. В.И. Балдин уже знал, что совершил ошибку – иначе зачем было бы делать верх собора ослепительным при помощи золота. Оно и ослепило на долгие десятилетия, портя глаза обучающимся архитекторам (шедевр же); нельзя, конечно, сказать, что собор не выполняет свою главную задачу, величия в нём хватает, но до великолепия не дотягивает. Второго ряда нет, а диагонали не видны, световое кольцо превратилось в световой квадрат (остаток от подготовительных работ по устройству стропильных ног для крыши), убивающий насмерть тектонику возвышения и роста.

Надо сказать, выход, найденный В.И. Балдиным, очень помог соседней, стена к стене, Никоновской церкви: она тоже убралась золотом, хотя не имела на это никакого права, будучи сооружением первой четверти XVII века. Недаром пря с В.В. Кавельмахером осталась в популярной литературе надолго, многие и сейчас удревняют её лет на 70 примерно. Причина отвратительно проста: недостающие на соборе кокошники присоединены, украдены, бессовестно похищены с соседней никоновской путём блистающего на солнце и в тени общего покрытия; объединяя покрытия, В.И. Балдин «перетаскивает» славу действительно удачной Никоновской церкви на далёкий от безупречности именно из-за неверного покрытия собор.

Незаслуженное золото Никоновская церковь Елисея Степанова (1623 год) получила вместе с лишними 70-ю годами: только приближая её возраст, хоть немного, к почтенным сединам Троицкого собора, можно объяснить необходимость золочения, совершенно необходимого для такого «похищения славы», вместе они – неодолимая сила, тем более что в XVII веке строителям удалось услышать двухвековой давности мелодию, исполненную в начале XV века, они звучат аккордом, согласованно в буквально смысле слова, одним голосом, пусть и на разных инструментах. Именно этот голос оказался скрыт для слуха В.И. Балдина, в отличие от строителя больничной церкви Зосимы и Савватия в 1637 года.

Стилистически родственные черты есть во множестве и во Введенской (перестроена в 1622 году), и в Никоновской (1623 год), и в Зосимо-Савватиевской (1637 год).

Не так уж важно, можно ли приписывать Елисею Степанову и авторство больничной церкви. На апсидах всех трёх – усилители вертикализма сооружения, дважды это канаты, привязанные к свисающим с крыши дугам, удерживающие от полёта (так ещё привязывают массивные сундуки в поездке, чтобы не свалились с высокой телеги с поклажей), а в Никоновской – целый забор из очень высоких арочек, частокол.

Самая поздняя из трёх – больничная, на первой (Введенской) лекало «33», вероятнее всего, было, но пропало около 1622 года или позже, в Никоновской его и не пытались применять, так как северная стена никак не участвует в формировании образа, а вот в больничной лекало пригодилось,

Сначала обнаружить его не удаётся: после четверика довольно-таки высоко поднимается восьмерик, потом сложный орнаментальный пояс с муравлёными изразцами, они же на гранях и гуртах шатра, и кокошников на переходе от карниза к шатру удаётся сразу обнаружить только парочку на каждой грани, чуть повыше между ними уже какие-то домики с треугольными крышами и с окнами. Но это невольное введение в заблуждение. Большую часть жестяных кровельных работ нельзя заготовками предварить на земле, почти всё надо подгонять и прилаживать по месту, на высоте, где очень нелегко избежать искушения из очень пологой дуги сделать почти прямую – просто для ускорения процесса. В результате та парочка кокошников, которые чуть покрупнее и стоят на карнизе, не прижимаются, не придавливаются к нему жестяным покрытием, сохраняя килевидную видимость; третий кокошник на каждой грани – меньше, он накрывает окно, превращаясь в очелье наличника, и кровельная жесть, имеющая ту же конфигурацию, что и два нижних, оказывается достаточно тяжёлой, чтобы превратиться в маленькую скатную крышу и почти спрятать третий кокошник. Итого: восемь граней по три кокошника внизу, наверху под главой ещё восемь, 32 есть, последний элемент – глава.

В 1646 году в Кирилло-Белозерском монастыре задумались о строительстве больничной церкви. Эта, троицкая, была взята за образец. Если поставить рядом Евфимьевскую и Зосимо-Савватиевскую церкви, родство найти непросто. А кирилловские строители и не пытались сравняться с подмосковным гигантом размахом. Достаточно взять главное и, пожалуй, в этом случае сомнений почти не остаётся – взяли способ организации числа «33». После 1676 года её облюбовал ссыльный патриарх Никон. Посчитал ли он нужным сосчитать 33 кокошника в церкви Преображения, стоящей совсем недалеко над Водяными воротами, не только не известно, но и никогда не станет известно, скорее всего. Вероятно, и Евфимьевская церковь ему приглянулась не арифметическими намёками, а небольшим размером, удалённостью от входа и лаконичной ладностью.

После недавних реставрационных работ церковь ничем не портит сказочное, прямо-таки «берендеевское» впечатление от всего окружения, барочная и ампирная глупость, прилипшая к нескольким зданиям, не в силах одолеть старую закваску, всё по-прежнему ласкает взор. Ленивое металлическое покрытие шатра раньше прятало с глаз долой ещё и 16 (или 24) кокошников в основании восьми граней, но их уже давно открыли и они светлым контрастом вылезают на фоне тёмной покраски чехла из железа. Именно они смягчают переход от (почти буквально) кубического основания к резкому сужению острого шатра, как оторочка воротника из светлого меха. Это один из секретов и причин «стройности» всего сооружения, его «удачности» в пропорциях, его негрузности, словом, «ладность» – самое подходящее слово.

Если убрать чехол из металла, элегантности не станет меньше, эта жестяная затея помогает заметить воротник, но она же и делит здание пополам по горизонтали, на две половины, совсем лишая его единства. А оно необходимо, чтобы заметить, что весь четверик – праздник непослушания, гимн неравенству. Северный фасад – два окна на меньшем по ширине прясле между лопатками, и одно – на большем; закомары к востоку уменьшаются в размерах, все разные. Западный фасад – вместо третьего окна в самом узком прясле входной портал, самая маленькая закомара в центре.

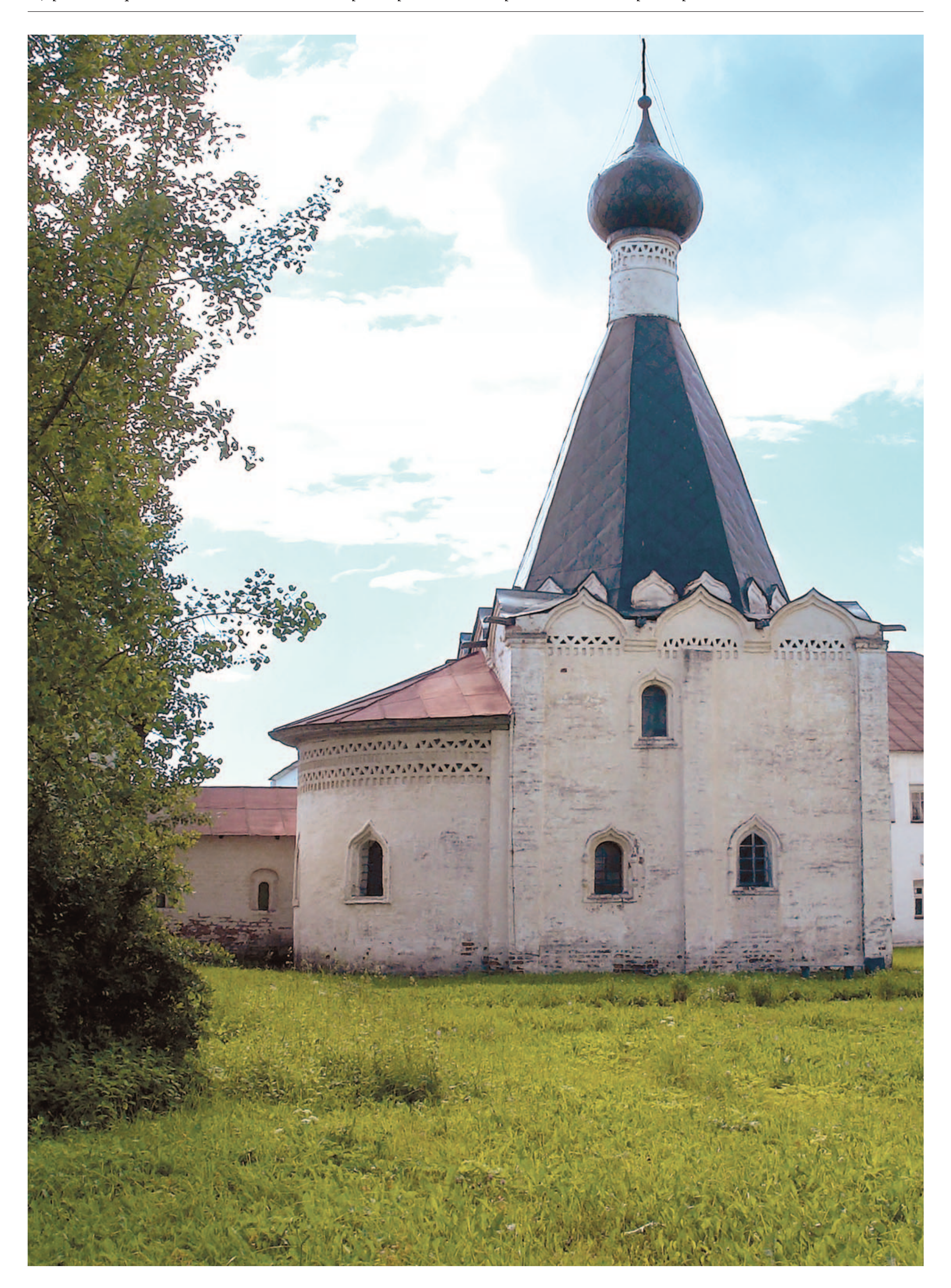
Но главное: все двенадцать закомар по четырём сторонам обведены двойной тонкой кирпичной линией, которая внутри доведена до уровня городков из наклонных

кирпичей на ребро, а снаружи тонкая линия испорчена массивными, толстыми подкладками под деревянные дощатые отливы. То есть сначала линия была доведена так же, как и внутри, до городков, а потом все до единого промежутки между закомарами были снабжены нелепым подвышением, убивающим изящное сочленение полукружий. Особенно тяжелы эти добавки в углах, они напоминают покатые плечи малотренированных усталых мужчин вечером после трудового дня. Когда бы все линии довести опять до лопаток, силуэт распрямится и появится некая осанка, характер, даже несколько приподнятое настроение. И вот тут-то, в таком настроении, самое время сосчитать все наличные кокошники и пожалеть, что 12+16= только 28, а вовсе не 32, четырёх не хватает, а то бы опять появилось число «33» (33-я – глава). Но, если брать пример с Зосимо-Савватиевской, может быть, были, так же расположенные?

Может быть, скопирован был только шатёр, до некоторой степени четверик, пояса украшений уже совсем псковские. Восьмерик между ними и подклет ликвидировали во время копирования напрочь, поэтому счёт надо начинать не с закомар, а с главного в копии, с шатра, на нём и останавливаться. К выявленным в XX веке шестнадцати кокошникам надо два раза прибавить по восемь – внизу и вверху, как в троицкой больничной церкви, где Елисей Степанов или его последователи, наверное, не просто так, не случайно подвели число 32 под главу.

Да, и тогда, несмотря на безосновательность и полную умозрительность предположения, в расчехлённом состоянии шатра, мы, может быть, лучше поймём, отчего последние годы жизни опальный патриарх ходил именно в эту больничную церковь, чем она согревала местных страждущих, и что было украдено уже несколько веков у всех посетителей Кирилло-Белозерского монастыря авторами чехла.

Церковь Евфимия Успенского монастыря Кирилло-Белозерского монастыря Кириллова

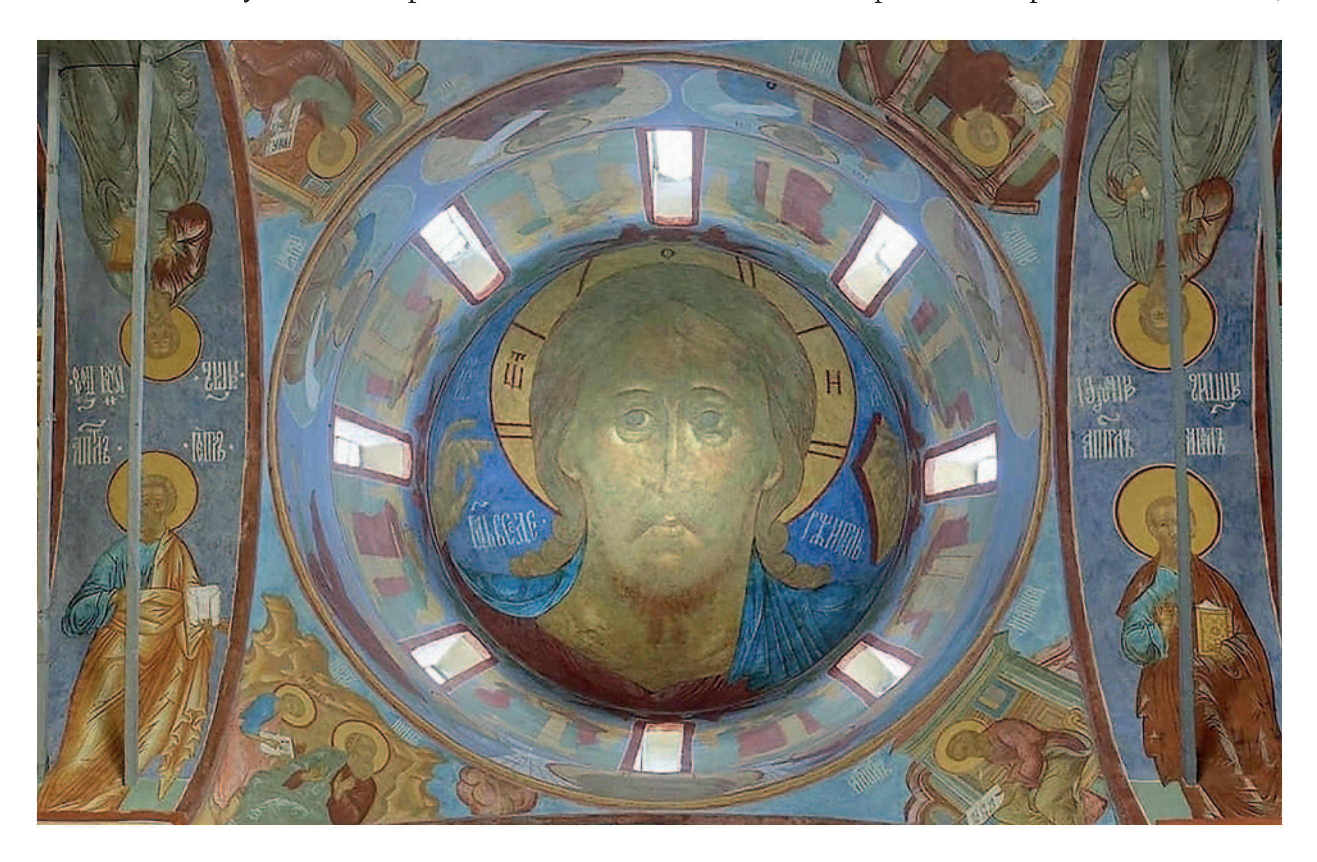


Это немного напоминает предсказания новых, ещё не открытых химических элементов по таблице Дм. Менделеева, кокошников нет, но они должны быть. Настаивать на основательности умозрительности позволяет близкое соседство Преображенской надвратной церкви, где наличие спрятанного числа «33» не приходится оспаривать.

Послереволюционные фотографии церкви Евфимия свидетельствуют о рачительном отношении временных хозяев монастыря к кирпичной кладке как способу сбережения строительного материала. Если попадаются мешающие сохранности основной массы углы и выступы, их следует подровнять, где надо – подрезать и аккуратно накрыть оставшееся. Огрызки кокошников стали просто продолжением стены, лопатки подросли, всякая кокошниковая поросль скрылась под куколем, с глаз долой. Не то что сохранить, а даже заметить в таком рвении маленькие кокошники устроители порядка и благообразия, конечно, не могли. Нельзя предъявить обвинения в небрежении и последующим спасителям церкви – очень уж необычен предмет охраны, просто число «33» как ценность, имеющая характер не мемориальный и не материальный. Да полно-те, и ценность ли это даже в XXI веке, про XVIII, XIX, XX и говорить не стоит, все умственные силы триста лет стачивались о борьбу с «мракобесием», на эти ли пустяки стоило тратить прогрессивное умонастроение и напористость устроителям новых миров – от бенжаминов до владимиров и иосифов. Ведь «апокриф», метрики-то нет.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ В ПОЯРКОВЕ

В 1665 году, когда построили Поярковскую церковь, Никон уже был в опале, кто такой боярин Артамон Матвеев (он и строил), стало уже ясно, воздух опять наполнился ожиданием и предчувствием перемен, потому что память о начинаниях Макария, Филиппа, Иова вместе с Борисом Годуновым после бедствий начала века только укрепилась, неожиданным и нежеланным (потому что не смели надеяться) результатом невзгод стала жажда созидания, строительства во всех смыслах. Не случайно патриарх Иосиф I, совсем не славный в истории, сосредоточив много усилий на только гуманитарной сфере, готовил то, чем впоследствии занимались другие патриархи, и в некотором смысле то, что было у них отнято как сфера (лучше сказать – епархия) интересов Петром I, поправкой книг и росписью Успенского собора Княгинина монастыря. Гурий Никитин, через несколько лет расписавший с артелью Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле, передал переменно-жаждущее настроение в куполе ликом Вседержителя, более всего удивлённого тем, что натворили все те, кто снизу, и из недоумения неминуемо рождается вопрос: «И как же вы все из этого будете выбираться? Силёнок-то хватит?» Артамон Сергеевич Матвеев,



судя по построенной им церкви, нашёл уже в 1665 году неновый ответ «Делай, что должен, а там посмотрим», но старайся изо всех сил, и бери всё отовсюду. На юге в церкви есть запад, на севере – восток, а чтобы увидеть и понять главное – надо пошевеливаться, двигаться, не стоять на месте.

К примеру, в Печерском монастыре Нижнего Новгорода стоят два шатра (есть и третий такой же неподалёку, в кремле), в которых лекало «33» сохранено в непри-

косновенности – шатры считаются без четверика, 24 у основания, 8 наверху, под главой, и всё же что-то начинает пропадать, несоразмерность сдвинулась с места и тронулась в путь – к несуразности или неравновесности. Печерские шатры – ещё только в начале этого пути, а вот оба благовещенских разогнались хорошо, давно оторвались от четверика и апсид. В последних двух число «33» сохранилось дважды (по числу шатров), но сдвоенное применение свидетельствует, что понимание не посе-

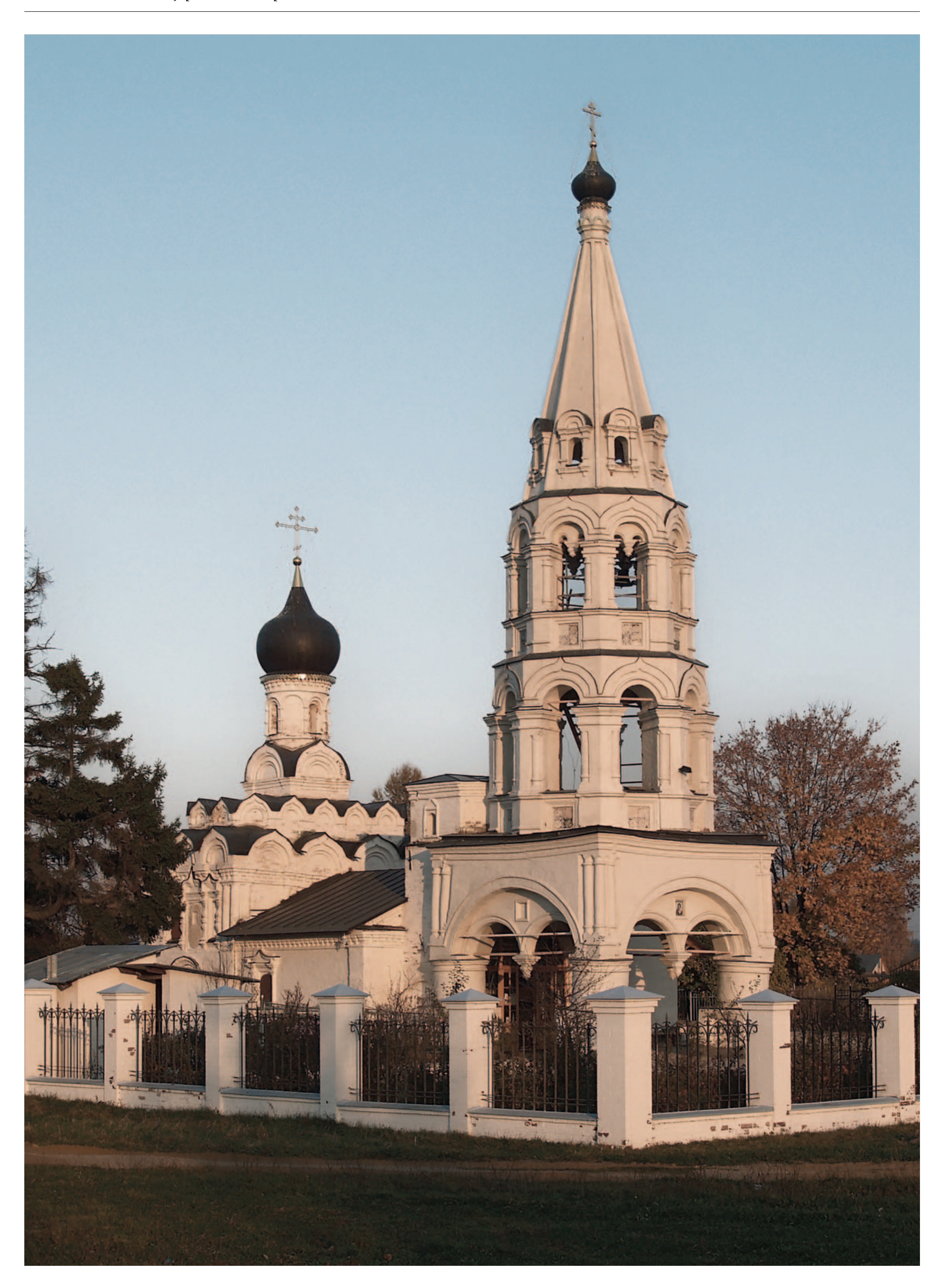
тило головы строителей. Даже если поставить шесть таких шатров на одном четверике – Иисусов не станет больше, он всё равно один, а частое повторение только мельчит фигуру. Как только приходит это понимание, пропадает обида на себя – что-то в облике этой церкви смутно не устраивало, теперь выяснилось, что именно.

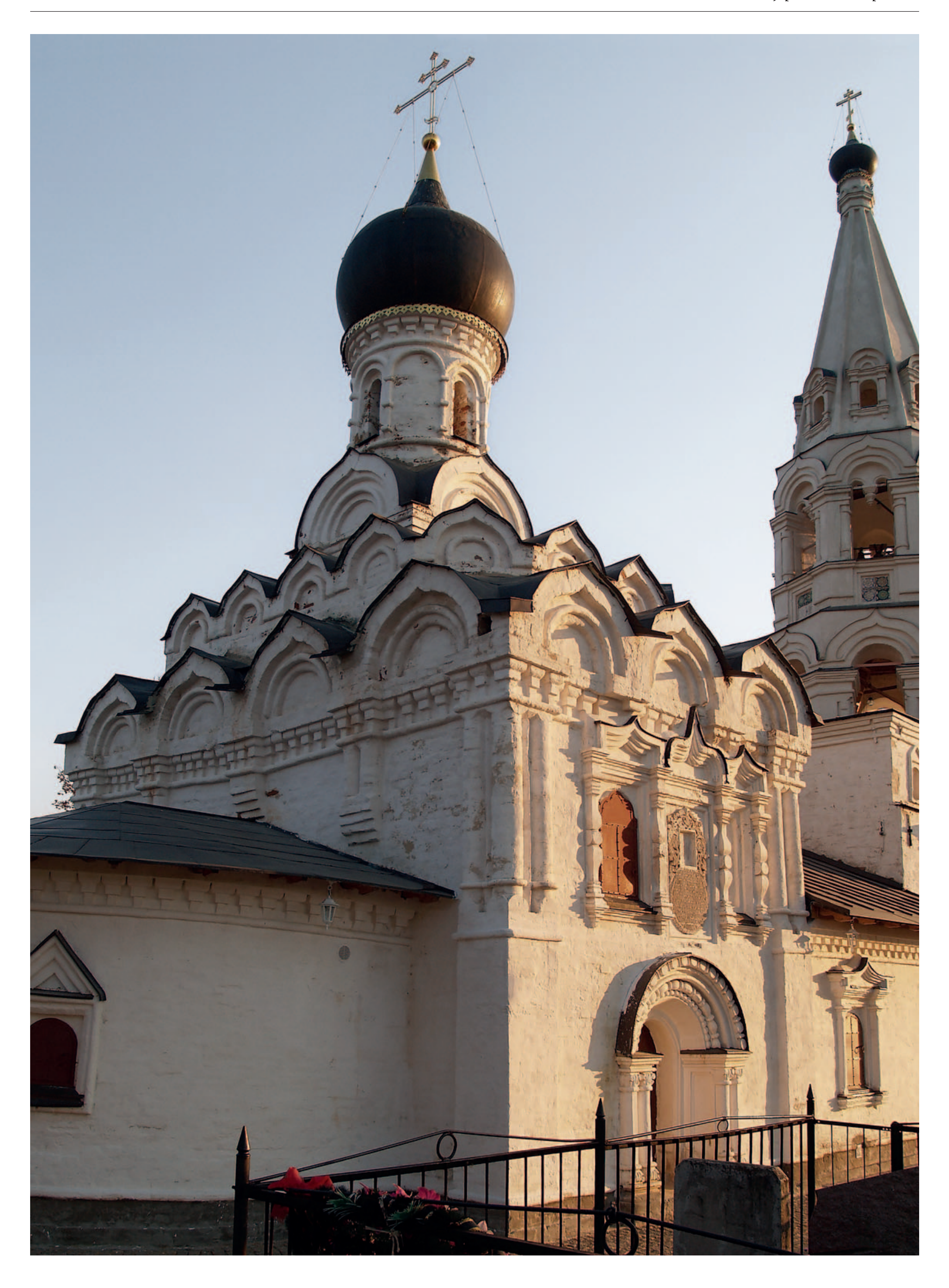
На фоне таких недоумений и непопаданий Рождественская церковь в Пояркове особенно хороша тем, что Давид опять победил Голиафа.

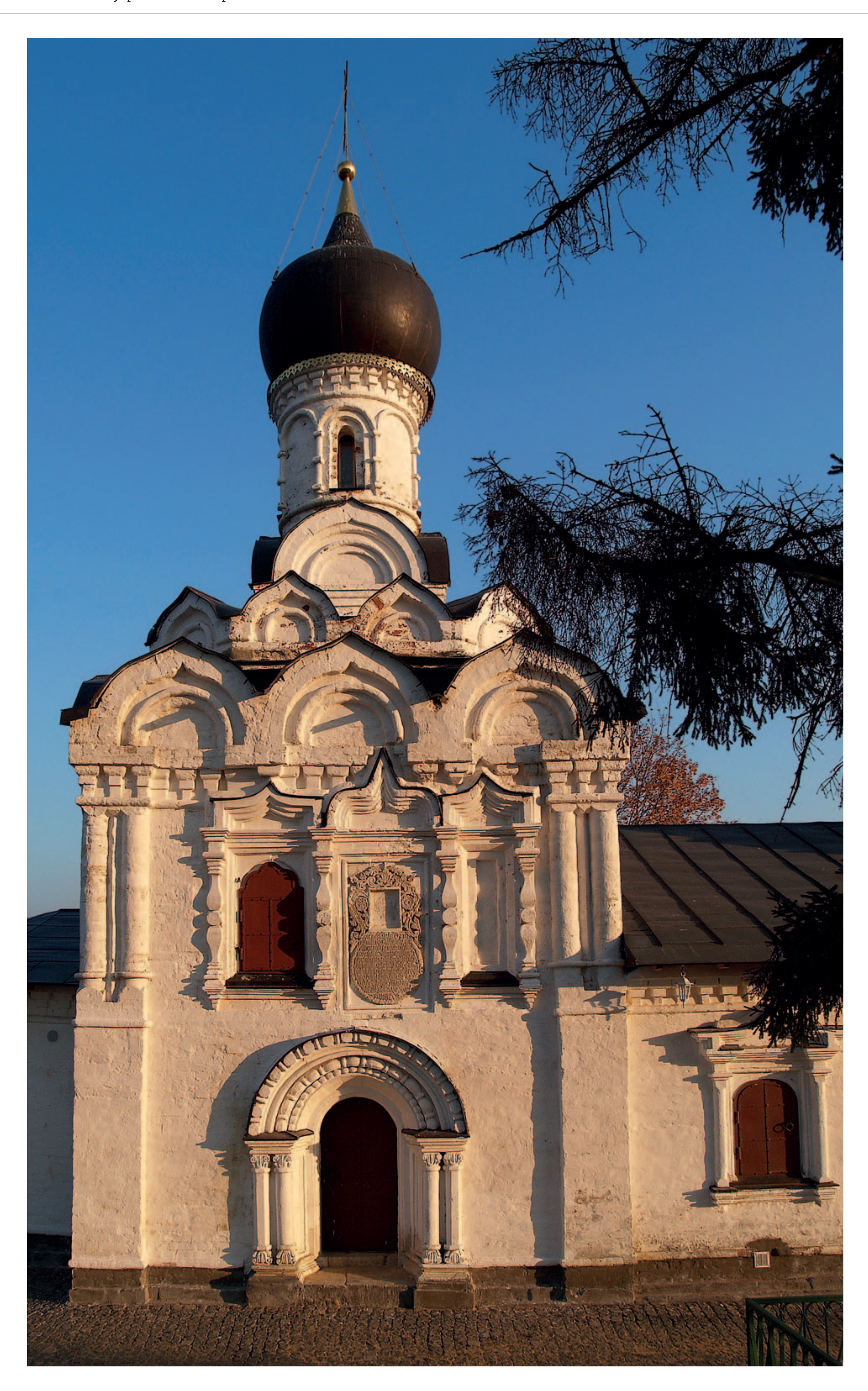
Артамон Матвеев известен в основном своей несчастной судьбой (убит во время стрелецкого бунта вскоре после возвращения из ссылки в Лух неподалёку от Флорищевой пустыни). Вторая причина известности – его редкостное сочетание открытости нараспашку для взаимодействия, для иноземного опыта, который он готов был впитывать быстро и жадно, и твёрдая память о том, что привой хорошо приживается только на здоровом жизнеспособном подвое.

Одно из самых ярких доказательств справедливости этой нехитрой мысли – Богородицерождественская церковь (1665) в Поярково. В ней уже появились грубова-

Alkor
4-13-82-85
Alkor



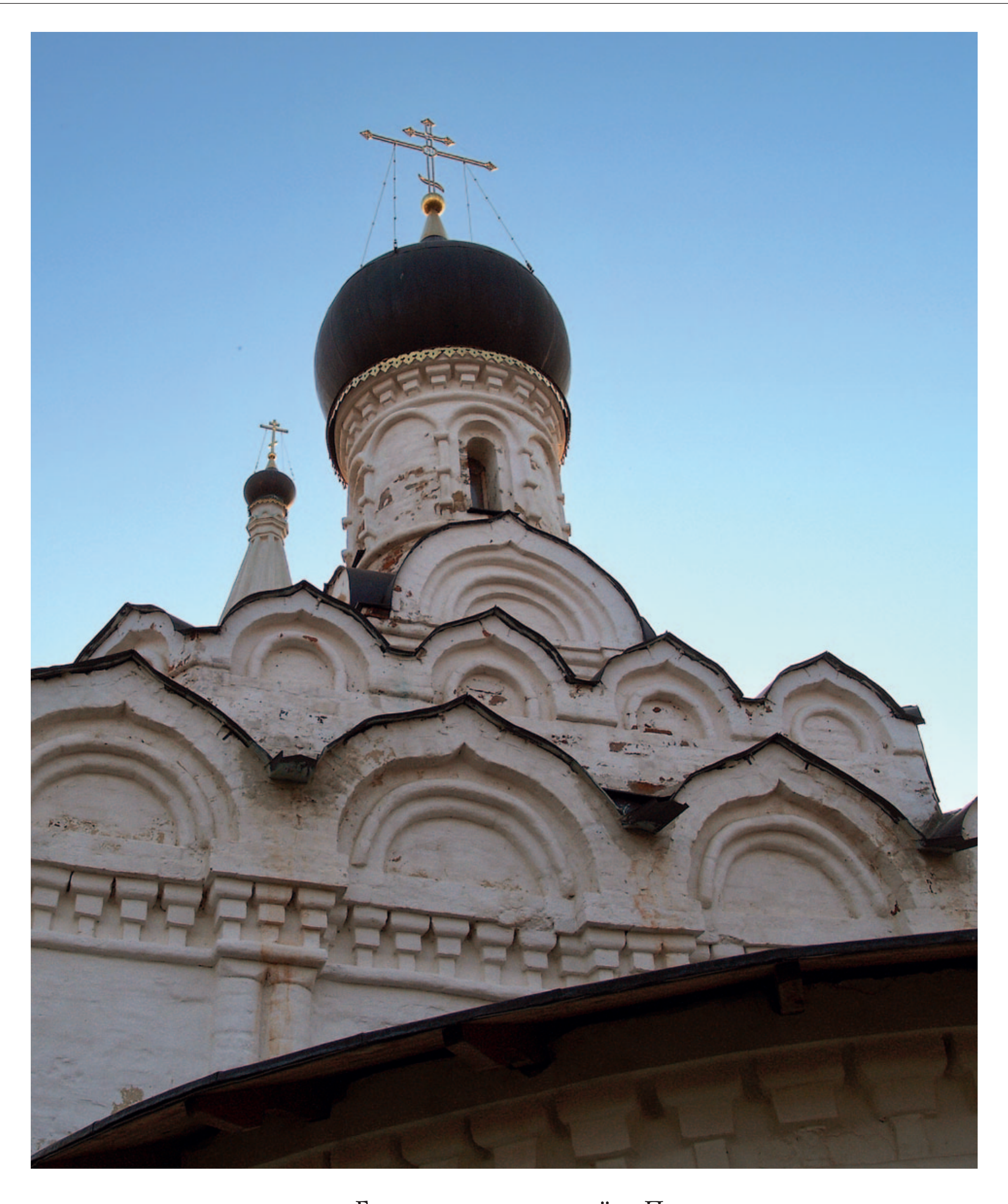




тые барочные ухмылки и ухватки (вертикальнобутылочные ноги наличников имеют прямоугольное бесчеловечное сечение, то есть сверху бутылка, а снизу нога скучно соединены большой пробкой от бочки, положенной набок), но они прилепились и утесняют очень тонкий, срисованный откуда-то книжный растительный мотив над закладной доской с совершенно обычным текстом про государей и сыновей летом 1664/65 года. Однако же того, кто сумеет протиснуться между оградками, не оставляет после парочки обходов вокруг церкви и колокольни ощущение явной недостаточности, недоговорённости, непонятости и оттого неудовлетворённости. Организм чует, а глаз неймёт. Поэтому перечислим то, мимо чего не стоит ходить бегом.

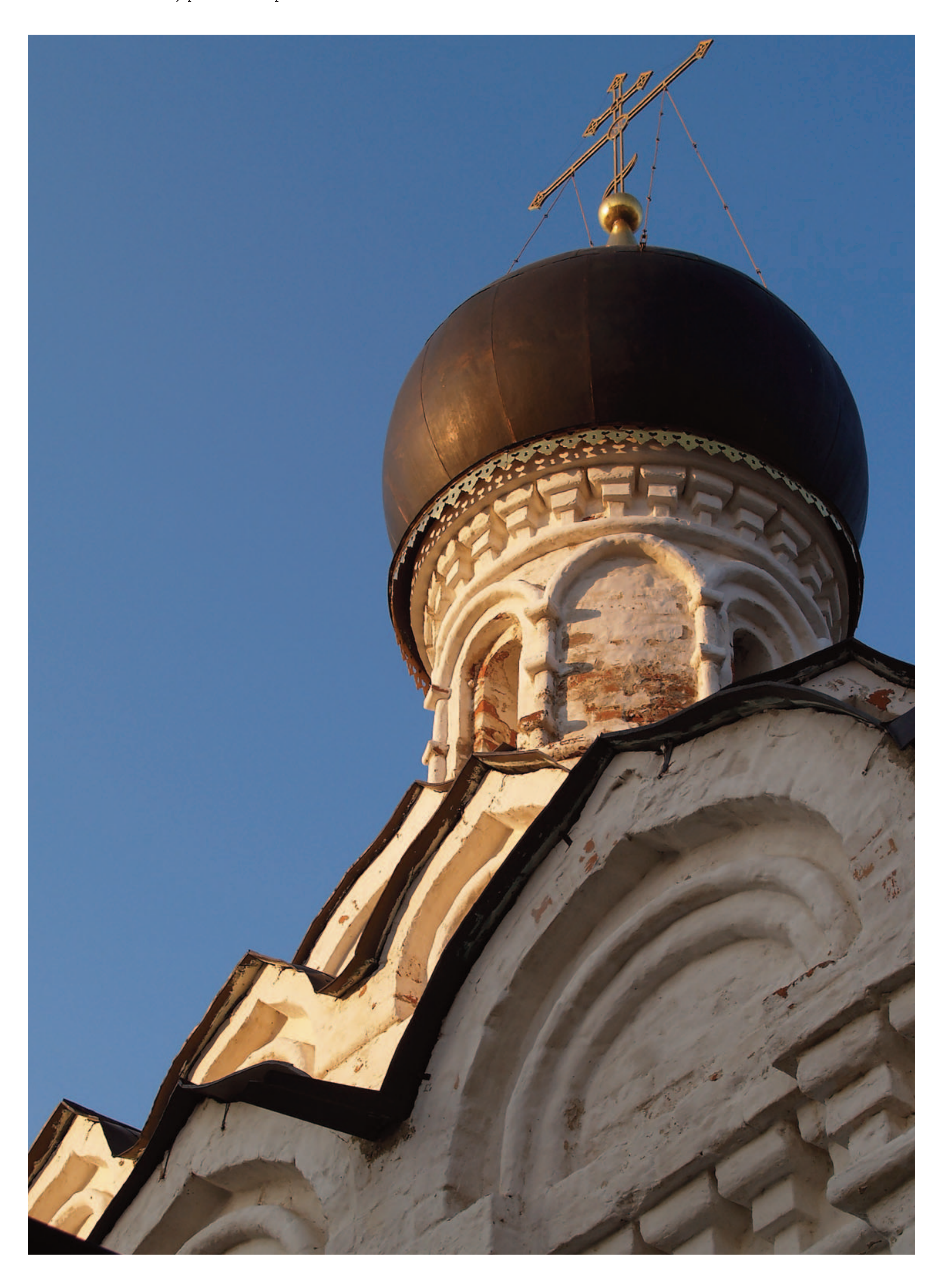
1) Северный и южный выходы – пара противоположных порталов с разными окнами и наличниками.

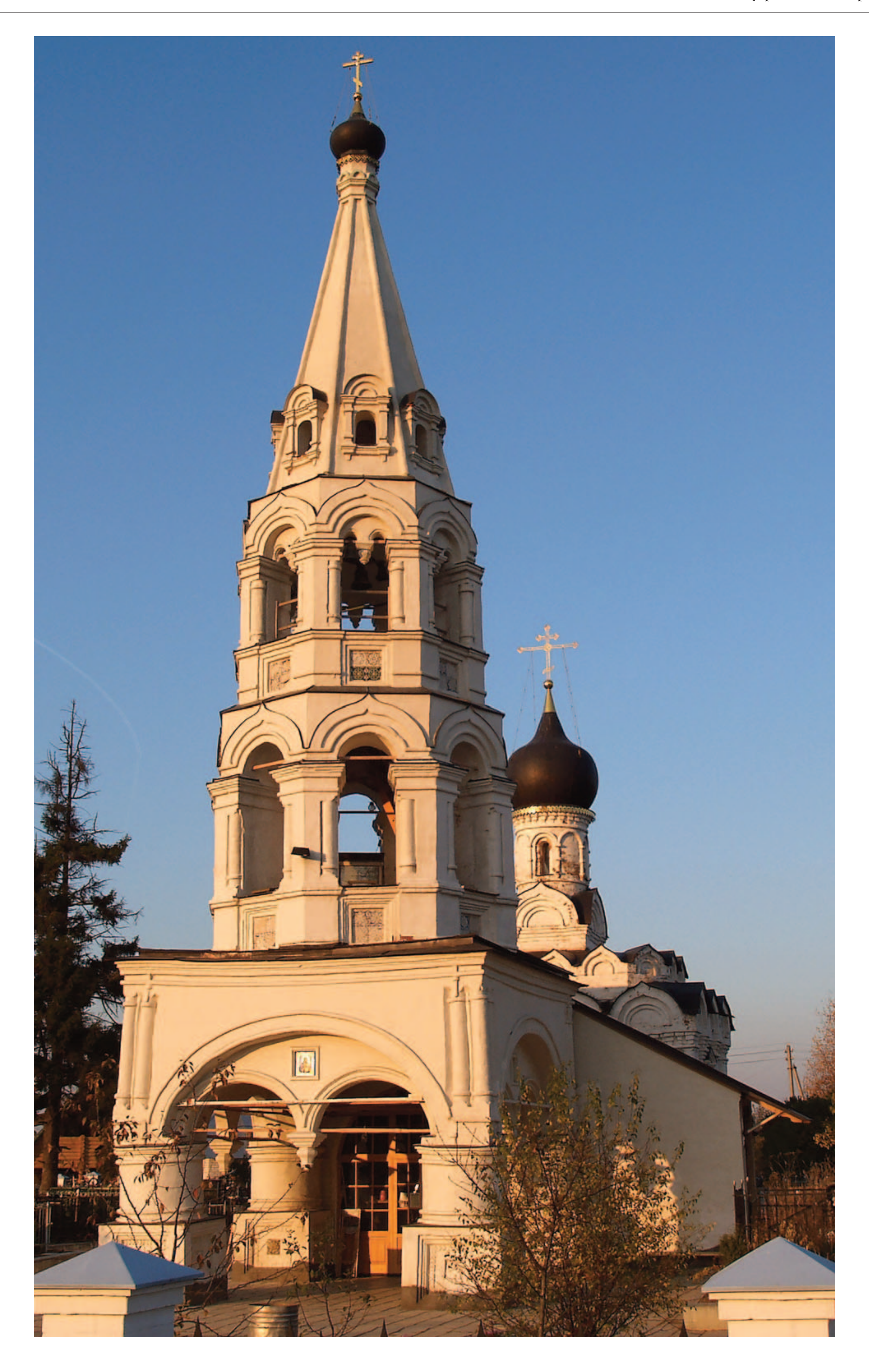
2) Рисунки северного окна притвора и южного окна церкви отстоят друг от друга на несколько тысяч километров – как греческая Италия и древний Китай; южный



портик аккуратно выкопан в Геркулануме и привезёт в Поярково в целости и сохранности, а вот китайское происхождение фронтона крыши сешань 歇山 подтверждают два коротеньких столбика под гнутыми скатами – они стоят не прямо над вертикальными полуколонками, а с отступом наружу, а это может быть намёком на кронштейн доугун.

3) Северный выход – полуциркульное завершение скромного портала подпирает преживописнейшую группу из трёх сложных формирований, сдвинутых к западной оконечности; серединка – храмозданная надпись накрыта карнизом на двух кронштейнах и очельем наличника, проткнувшим и городки под антаблементом, и сам антаблемент (без этого красивого слова, увы, не обойтись: это те линии, что накрывают стену, но ещё не стали покрытием); два разных по ширине окна накрыты гнутыми, как крыша сешань, очельями; всё вместе – вопиющая неровность, словно на полдороге спохватились, достроили, как бог на душу положит, и острие широкого





очелья угодило в сочленение первого и второго слева кокошника, как в нижнюю серединку буквы «м», а сочленение центрального и правого кокошника пришлось «в ямку» между остриями оставшихся двух очелий; такой рисунок фасада напоминает крылатую фразу Ю. Никулина из «Андрея Рублёва» Андрея Тарковского: «Вон какое лицо сморщил»; эта гримаска приветливости придаёт столько живости общему облику, что начинают мерещиться и улыбка на лице, и пряди волос из-под цветастого платка, и озорные глаза, и румянец на щеках.

4) Почти машинально, на всякий случай и между делом отметим число «33», наличествующее на колокольне (четыре восьмёрки и главка), но главное диво её не в этом; колокольня готовится к прыжку, как спортсмен на низком старте: мускулистые ноги в кубических башмаках напряжены и наклонены к центру, они уже работают, держат высокое сильное туловище, а там, где основание кончается, а сама колокольня ещё не началась, глаз отказывается служить – не то чудится, не то мерещится, что серединка ниже краёв; просела, что ли, от старости? Нимало! Металлические связи на месте, трещин нет (не замазаны, а нет), а верхняя линия прогибается, как панцирная сетка кровати под ногами прыгающих на ней детей, даже слышен счастливый хохот и хруст снега под валенками, колокольня почти бежит, движется, шевелится.

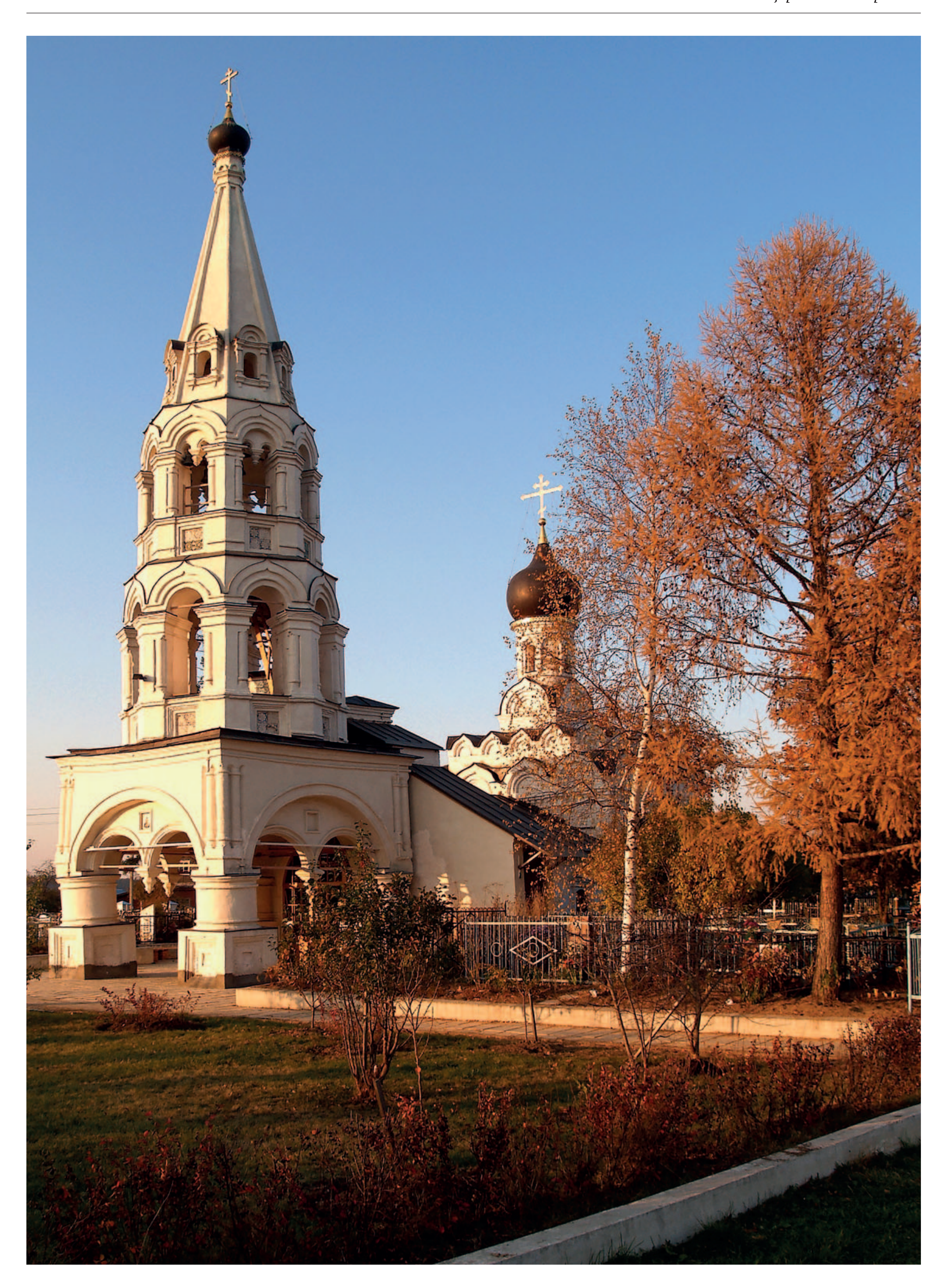
5) Около колокольни глаз с трудом, но притормаживает: что за кирпичный обрубок поставлен на-попа между трапезной-прихожей и колокольней, основание которой зимой и летом играет роль гульбища, где можно перевести дух перед входом в церковь? Не остаток ли это чего-то преждестоявшего, может быть, от бывшей звонницы, лестница которой вполне ещё может послужить и для новой колокольни – ответ знают только архитекторы-реставраторы.

6) Наконец – самое главное, удивительное, восхитительное и вызывающее почтительное уважение и к самому А.С. Матвееву, и к его архитектору; то ли кто-то один, то ли оба для придания живости, энергичности, приподнятости в очень небольшой по размеру церкви использовали мотив, нет, принцип, нет, впечатление, нет, почти физическое ощущение шевеления, подвижности, движения, перемещения, ставшего архитектурным нововведением и почти конструкционным элементом, хотя ни одной детали не добавилось.

Дело в том, что «счетоводная трясовица», заставляющая кстати и некстати молча шевелить губами, пересчитывая про себя кокошники и главы, тут внезапно отпускает страждущего, как рухнувшая за час с 39 до 36° температура тела. Сколько ни бегай вокруг, как ни рисуй на бумажке закорючки, всё одно: глава одна, а кокошников 34, не то 35, хоть разорвись. На втором и третьем часу остатки совести заставляют смириться на сей раз с поражением и признать, что два лишних кокошника никуда не денутся, решение самопоставленной задачи не удаётся подогнать под заранее известный ответ.

И только уже отвернувшись и в последний раз вернувшись на всякий случай, в сущности, чтобы попрощаться, можно поймать головой встречу с пудовой гирей, прилетевшей для вразумления.

А вот таки да. Во втором по высоте ряду кокошников четыре поставлены под углом 45°. К 1664 году приём очень известный. Но соединение с малыми габаритами церкви дало новый эффект: её легко (было легко) обойти со всех сторон. Вблизи и издалека нет точки, позволяющей во втором ряду разглядеть больше четырёх или пяти кокошников по сторонам света, хотя на деле на севере на юге их четыре, на востоке и западе – шесть. Разве что с востока видны все шесть, но оттуда к церкви редко кто подходит. И второе. Поворот предмета на 45° от фронта обзора уменьшает его горизонтальный размер (ширину) вдвое, то есть пополам. Если каждый повёрнутый кокошник признать половинкой (вторая-то половинка никогда не видна), то задача (немного на первый взгляд насильственно, но) решается, кокошников остаётся только 32. Малозаметность дальних от наблюдателя повёрнутых кокошников обеспечена совсем уж мастеровитой хитростью: углы прямоугольника, на котором стоит второй ряд кокошников, срезаны все четыре, заподлицо с внешними обводами самих



угловых кокошников; в нижнем ряду слева и справа от трёх или четырёх кокошников остаются ещё углы, довольно заметные. Глаз, приученный нижним рядом к тому, что у последовательности есть окончание, сам устанавливает его (окончание) и во втором ряду, отказываясь предполагать, что там есть что-то ещё. То есть обман состоялся не случайно, он был устроен, нарочно и умело. С какой стороны ни подойди – два кокошника всё время вычитаются, смежные стороны всегда неполны.

И если – опять-таки если – допустить, что у строителя была цель сделать число «33» осязаемым, но не выставляемым напоказ специально, грубо, криком, то легче этого слабого дуновения намёка не придумать. «Да где? Да что? Да вам вечно всё мерещится, откуда здесь ’33’, ну считайте, чистые ’35’, дайте схему нарисую». Ну и хорошо, ну и «35», вот и славно, а «33» увидит только тот, кто захочет видеть, даже когда зажмурится.

Артамон Матвеев одержал верх во всех предстоящих многовековых спорах про направления и способы движения судеб и народов. Когда за спиной стоит такая (как эта) церковь, опирающаяся на хотя бы десяток истин, работающий человек не заблудится, знаменитое западничество не помешало ему построить церковь, равных которой нет в целом свете. Церковь нельзя сравнивать, не бывает лучше или хуже, но когда красота помогает правильной мысли, последняя становится сильнее.

И не надо пускать эту церковь в списки ЮНЕСКО. Есть она там, или нет – неважно. Важно, что она есть у нас. И важно знать, что она едва не сгинула, как 95% наследия. И хочется задуматься, какого червяка надо поселить в мозг, чтобы довести церковь до состояния начала 60-х годов XX века. Ответ опять лежит кровавым пятном на снегу: вот эта самая ЮНЕСКО. Своим-то умишком мы постичь не горазды, что памятник, а что нет, нужен прямо список, в котором умные дяди и тёти объяснят: ага, памятник – и напишут-то ведь для памяти нам, для помощи, для спасения от местных овцебыков в костюмах, неистребимые подобия которых в неведомых теперь уже веках тоже для спасения накрыли завершение Богородицерождественской церкви в Поярково деревянным пальто четырёхскатного покроя. Тем самым спасители выкололи глаза глазастым, отрубили руки рукастым, затупили острое и размочили твёрдое. Вот до чего важны и глаза, и руки, и острый ум, и твёрдая вера – достаточно скрыть открытый всем смысл Богородицерождественской церкви (неважно, под каким соусом), – и всё, она превратилась в живописную руину, которую надо охранять как памятник неизвестно чему, кто-то должен подсказать, чему именно, в список вставить, что ли, хоть в эту ЮНЕСКУ. А вот этот цветочек – не памятник? А в списке его нет. Само создание и ведение списка – выключает, исключает из него невставленное, а его в тысячи раз больше, чем вставленного. Какой же это памятник, если даже в списке ЮНЕСКИ нет? Как могут сотни или даже тысячи людей, сотрудников одной уважаемой организации, охватить могучими своими умами все разнообразие явлений культуры, хоть новой, хоть старой; и где памятники России, Сербии, Багдада, Афганистана, Сирии, Ливии, где каменные Будды, распылённые талибами, кажется? Никакое колдовское воздействие бессильных списков не помогло. Их (распылителей) теперь будут помнить также, как крокодилов, которым неважно, что пожирать, лишь бы был жирок и живой белок, так и тут – где культура забрезжила, туда-то кованому сапогу и дорога, там-то ему и радость, каблуку наслаждение, мышце отдохновение. Существование ЮНЕСКО – не только следствие государственных ничтожеств в области культурной деятельности, но и теперь уже причина: раз есть всемирный список, с ним должны как-то соотноситься страновые, областные, районные и квартальные, а иногда и усадебные списки. На этой ниве могут кормиться стада мускусно-пиджачных овцебыков, и это единственный смысл их (списков) существования. Они только мешают и отвлекают от главного понимания: все люди, всё население, весь народ, вся страна создавали памятники, им же их и охранять и беречь, а для этого надо обладать ресурсом, прежде всего внутри головы. Купцы, создавшие архитектуру Пскова, Новгорода, Ростова, Углича, Ярославля и Москвы в XVII веке, прежде богатства и прежде выдачи антиминса архиереем должны были собственными мозгами дойти до мысли построить церковь, а не прокатиться в Лондиний или Лютецию, потому что там симпатичные люди и приятное устройство жизни. Трудностей, тягот и неприятностей хватало всегда и везде, отрубленная нога болит так же, как отстреленная или оторванная, но и люди, и устройство, то есть отношения между людьми, купцов (в широком смысле, ближе к всесословным деятелям вообще) устраивали, не возмущали (кроме Андрея Курбского в XVI веке и Алексея Петровича Романова уже в XVII). Всё, что касается бытовой и коммуникационной сторон жизни, в Европе, Турции, Аравии, Персии, Китае и Индии, было если не близким по сути, то сопоставимым количественно и качественно, ватер-клозет ещё не изобретён, колесо пригождается только в повозках и мельницах, языковые были не границы, а мосты, половина английских слов – французские, немецкий Dollmetscher – это русский толмач, бывший тюркский толкователь устных речей, в отличие от Übersetzer'а – переводчика пись-

менных слов. Формулируя более чем приблизительно, можно сказать, что один китаец – это примерно двое французов, до полутора немцев, четверо англичан, пятеро русских, трое с четвертью венгров и семь восьмых калмыка. Существительные в этом предложении можно произвольно перемешивать с числительными, сумма не изменится. Единственнное важное отличие, которое нельзя ни увидеть, ни доказать, а только предположительно почувствовать – если отношения между людьми представить себе в виде палки с двумя петлями на концах, то петля ненависти снизу вверх всегда неравна петле презрения сверху вниз. Оторваться нельзя, петли затянуты на руке. Те, кто называет других смердами, сами-то уверены, что без их пищеварения, помогающего плодородию почвы, Земля перестанет крутиться – это универсальная постоянная величина, не имеющая географической привязки. Меняется только длина палки. В Европе она покороче, в России подлиннее. Чем палка длиннее, тем труднее снизу заметить, что прикручено в другому концу – слиток золота или кусок мусора. Два-три века возрождения в Европе античной простоты много помогли здравомыслию и укорачиванию палки, медленное и постепенное просвещение удерживало дистанцию в рамках приличий, а в России наоборот, пришпоренное просвещение оборвало все петли взаимосвязей и превратило палку в закрывающую поперечную дубину, то есть в шлагбаум (schlagen – не столько ‘закрывать’, сколько ‘бить’). Теперь есть только один центр управляющих разумных усилий; чем больше государства, тем больше порядка, потакание публике – признак слабости государя и путь погибели государства. В общем, «железной метлой» всё гоним, гоним...

То ли к счастью, то ли от.

УСПЕНСКИЙ СОБОР РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Оспаривать датировку А.Г. Мельника (1513 год) нет никаких причин, кроме одной – многие перестройки и реставрации внешне сильно изменили собор, он стал немного напоминать Патриаршие палаты в московском кремле, что, конечно, зрительное заблуждение, вызванное сущими мелочами, рождёнными во время переделок – вроде самых маленьких кокошников по углам, которые более чем рискованно вывешены за пределы опоры. Однако московский Успенский собор (который всего на сорок лет старше) тоже нередко достраивали и доделывали, но дух XV века из него не выветрился, да и рядом с памятниками Александровской слободы тех же лет ростовский собор выглядит несколько моложаво. Но это, в сущности, для нынешней темы не важно.

Важно для неё – крутизна крыши, снесёной ураганом 1953 года. Она была совершенно ровной, без выпуклостей посередине, и, по всей видимости, была устроена на обрешётке по стропилам. Крутизна была переменной из-за большого, на одно прясло стены, сдвига центрального барабана к востоку. Таким образом, самый крутой участок приходился на восточный свес. Насколько можно судить по доураганным фотографиям, для устройства крыши, толщина которой, скорее всего, не могла быть намного меньше 20 см (стропила, обрешётка, изоляция, кровельный материал), закомары нигде не подрезали, или, во всяком случае уменьшение их высоты исчислялось сантиметрами. Верхняя точка отсчёта для кровли – начало оконных проёмов центрального светового барабана. При съёмке любым фотоаппаратом с востока воображаемая линия, соединяющая верхушки любой из закомар и окна центрального барабана, косо срезает почти половину каменной избушки, стоящей за северо-восточной закомарой. Эта воображаемая линия когда-то была стропильной ногой, поддерживавшей крышу и исключающей существование одновременно и крыши, и избушки, если только её не обошли и сохранили для себя.

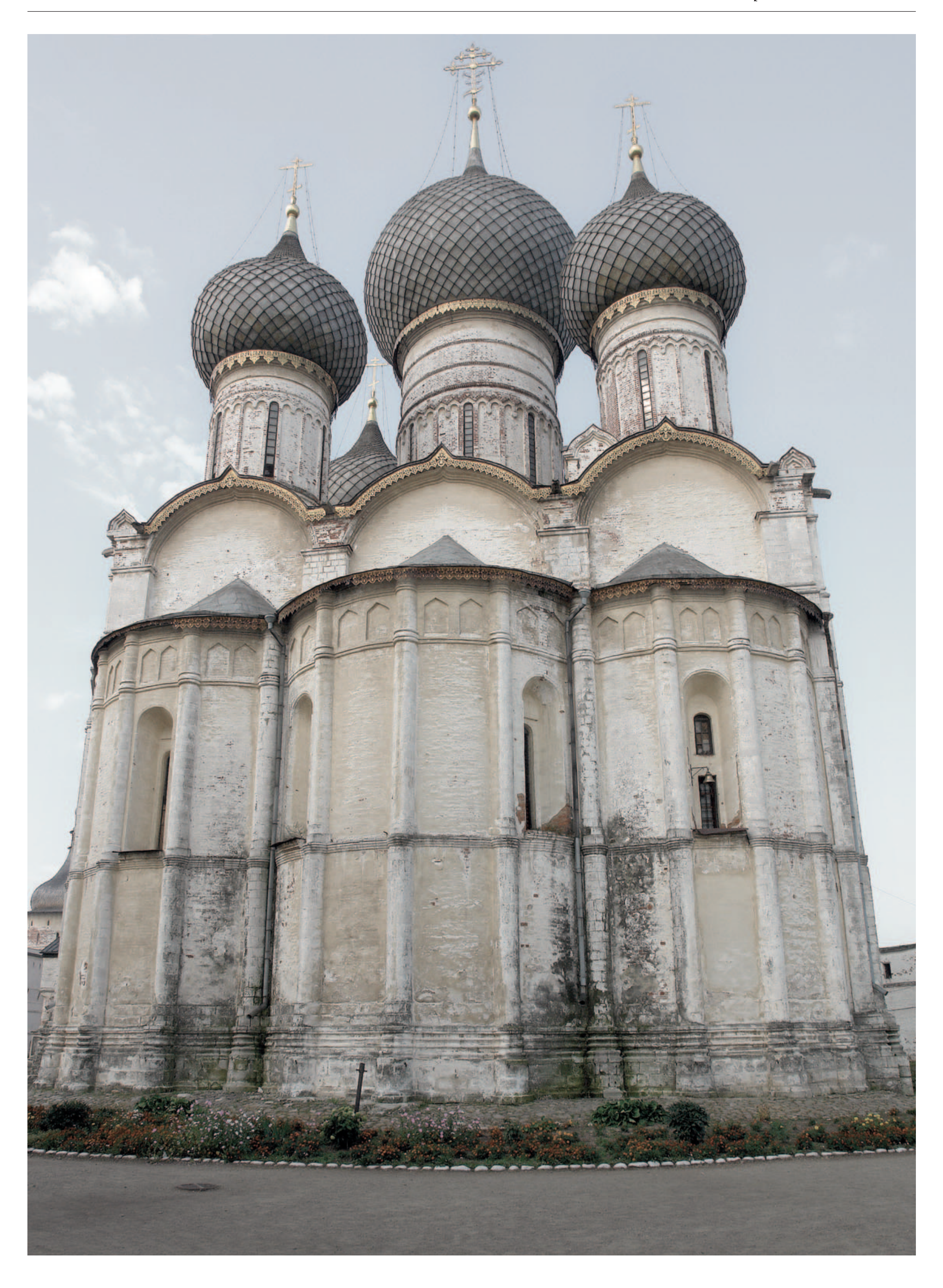
Следовательно, при всех вариантах (и снос, и обход), видимое завершение избушки с несколькими кокошниками – результат восстановительной деятельности (В.С. Баниге) во время послеураганной реставрации.

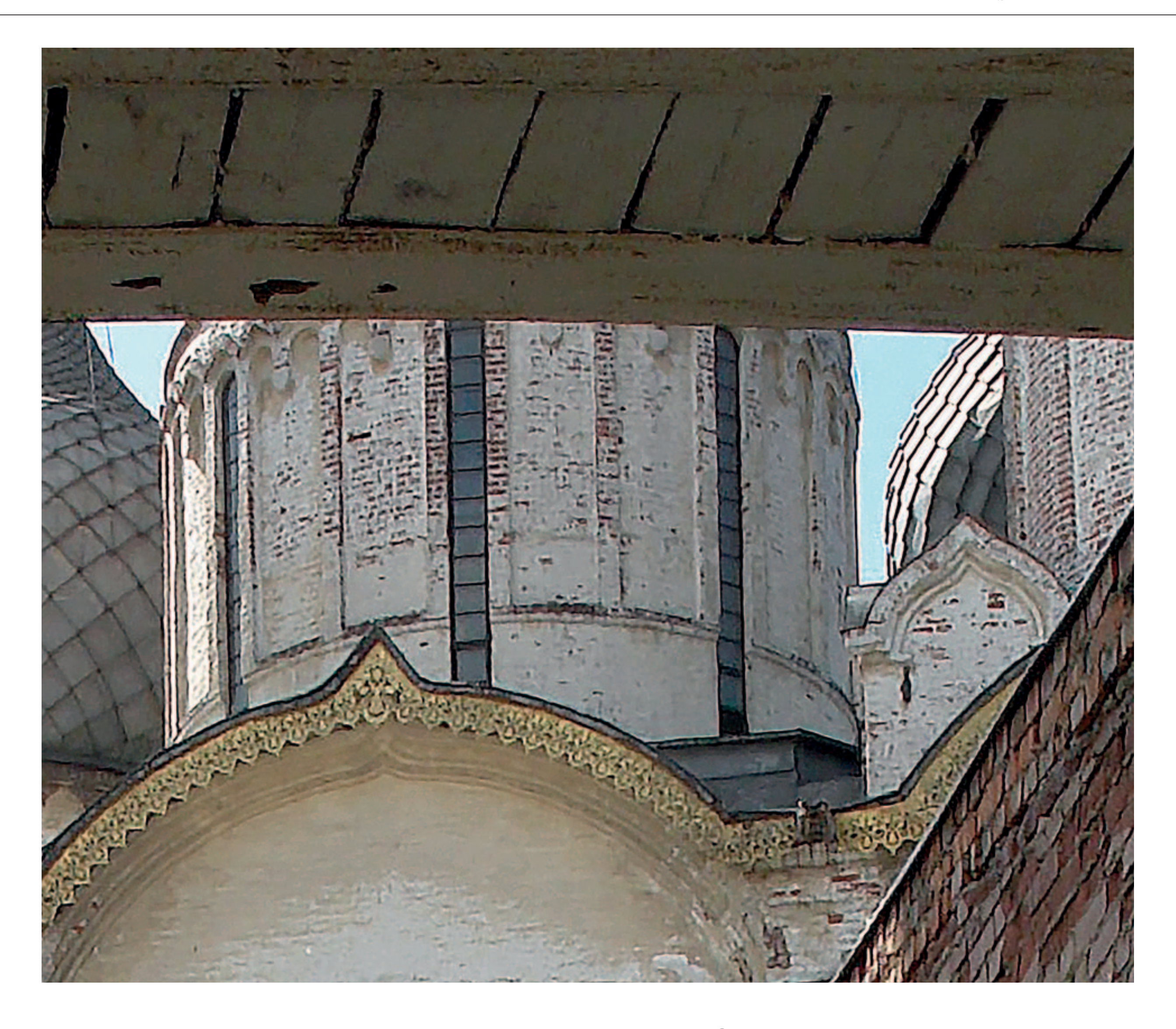
Собственными глазами увидеть можно только три кокошника избушки, восточный и два южных, четвёртый западный достоверно определяется по рисунку кровли «со спины». Заглянуть на север, где мы предполагаем присутствие ещё двух кокошников, не позволяет природная высотобоязнь. Но даже если с ней справиться – результатом будут те формы, которые сохранил или восстановил В.С. Баниге. Если с северной стороны хотя бы рисунком намечены два кокошника, причём шестой

имеет меньше всех места из-за близости малого барабана, то В.С. Баниге следует причислить к тем, кто знал о существовании лекала «33»; если там кокошников (даже рисунка) нет, то чаша весов на одно деление (51 против 49) смещается всё-таки в пользу использования числа «33» в архитектуре Успенского собора ростовского Архиерейского дома, так как существующие и видимые 4 кокошника В.С. Баниге не мог соорудить на основании только размышлений или «для красоты»: до устройства скатной крыши выход на старое покрытие был как-то устроен, и этот выход целиком или в остатках мог и должен был сохраниться с новой крышей, поскольку устройство наружных лесов – дело хлопотное. Если и до В.С. Баниге искомых двух кокошников не было – чаша весов качнётся в обратную сторону, но всё-таки не до нуля, при изначальном устройстве избушки, может быть, планировали все шесть кокошников, но какие-то обстоятельства помешали довести замысел до конца – всё равно с северной стороны увидеть два кокошника или их отсутствие может только тот, кто стоит в метре от них, с земли разобрать ничего нельзя – угол обзора предполагает удаление на сотни саженей. Но когда видны хотя бы три – это в условиях хотя бы двухсотлетней давности (не говоря уж про пятисотлетнюю) полностью равно шести: того, кто смотрит сверху – не обманешь, как-то неудобно даже задумываться об этом.

Мало сомнений в том, что В.С. Баниге, восстанавливавший ростовский Архиерейский дом после урагана, снесшего почти все купола, о числе «33» тоже знал. И он, и, с очень большой вероятностью, многие другие, если и натыкались случайно на это знание, то останавливались в недоумении: «А что же с этим делать?» Его никуда никак не прислонить, не использовать, проку в знании никакого, В.В. Верещагин, И.Э. Грабарь, П.Д. Барановский, Н.К. Рерих, С.С. Подъяпольский, М.А. Ильин, В.В. Кавельмахер, А.И. Комеч и ещё сотни неназванных, до и после названных, то ли знали, то ли не знали, но это неважно, знали или нет, упоминали об этом, или нет. Честь этого открытия принадлежит не тому, кто углядел, а тому, кто придумал – точно уже никто никогда не скажет, кто, где и когда. Глупо звучит утверждение, что тот или иной выдающийся исследователь по крайней мере с уважением относился к христианству как конечной причине появления той культуры, спасти памятники которой он всю жизнь старался. Тут нечего доказывать и нечего опровергать. Но есть одна тонкость. Речь идёт именно об уважении, а не о любви. Их отношение к вере – их личное дело, а вот уважение – то, чего они требовали и добивались от всех. Чтобы изобрести «33», надо быть не Игорем Грабарём, а скорее Варламом Шаламовым, хотя оба они – люди ренессансного размаха и ренессансной гениальности.

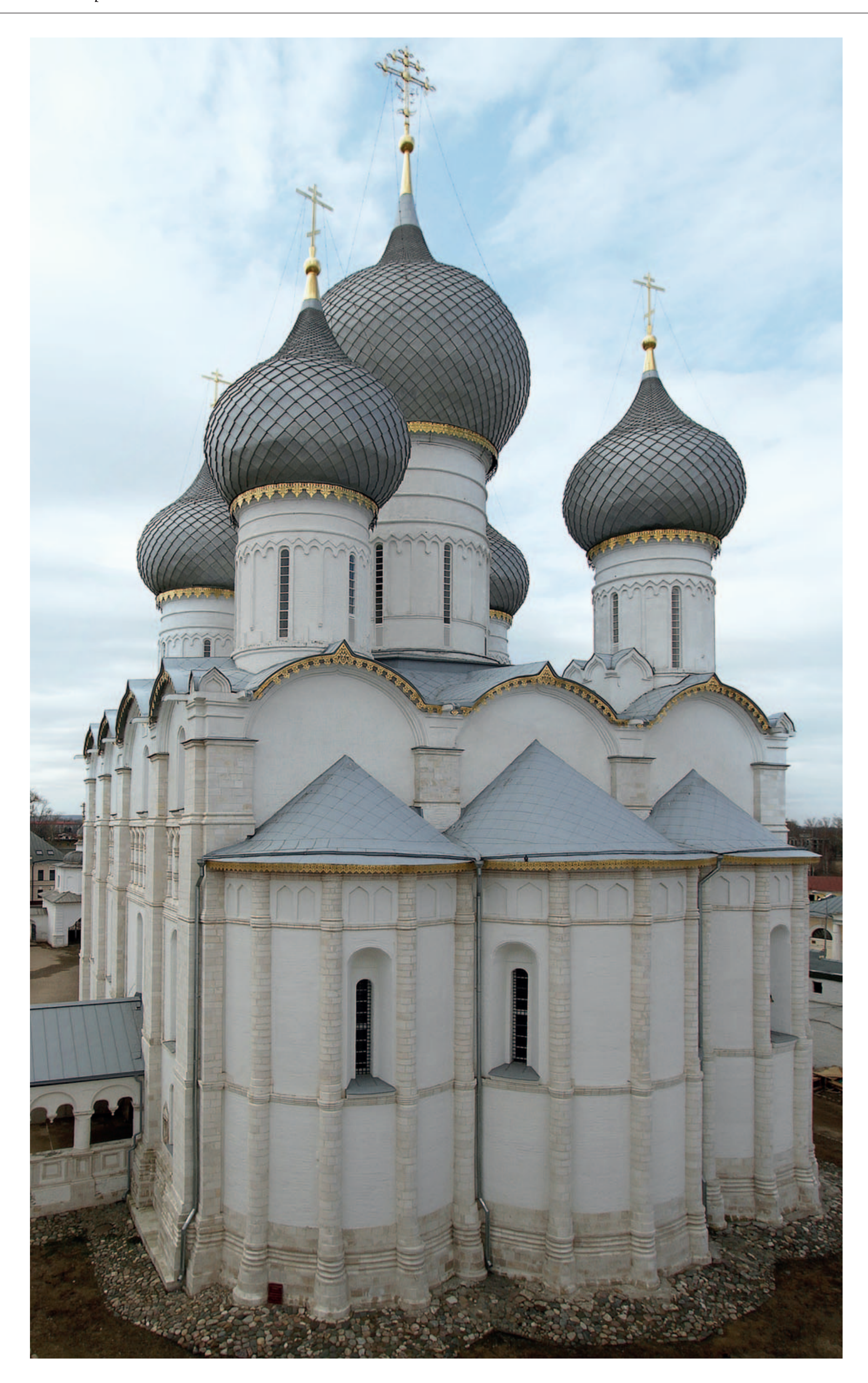
В течение Возрождения и особенно Просвещения сфера гуманитарного знания (и ещё больше – делания) высвобождалась из-под опеки разных вероисповеданий, прежде всего, христианства, ставшего этическим синтезом нескольких тысячелетий умственного развития для определённых земель и языков. Высвобождалась до тех пор, пока не стало ясно, что этика без опоры тонет, не за что хвататься. Так было до середины–конца XVIII века (в некоторых местах попозже), когда удостоверились в том, что без религии нигде не получается обойтись, везде оказывается, что «если Бога нет, то всё дозволено». Двухсотлетние конвульсии вокруг попыток элиминировать религии из общественной жизни ни к чему хорошему не приводят, публика стремительно дичает. Иными словами, система запретов, выработанная разными языками, подтвердила свою неотменимость на мучительном опыте, и заповеди Моисея, и Нагорная проповедь с нами, видимо, навсегда, и напоминать о них можно и нужно бесконечно. Высвобождение из-под спуда, явление на свет во многих церквях числа «33», вероятно, свидетельствует о том, что к системе запретов, ставших основанием культуры две и более тысяч лет назад, пришла пора добавить новые запреты, сведя их в новую, единую (включающую в себя Нагорную проповедь) систему запретов, долженствующую не уронить обновляющееся здание культуры. Другими словами, как ни соблазнительно казалось в прежние времена, отвернуться от религиозного фундамента культуры невозможно, христианство (ислам, буддизм etc), так





же нельзя проигнорировать в культуре, как физика Эйнштейна не может зачеркнуть физику Ньютона, как геометрия Лобачевского опирается на геометрию Евклида. Гуманитарный подвиг Будды, Кун Цю, Христа, Мухаммеда (список не закрыт) повторить нельзя, но надо. Из этой лишённой смысла формулы («нельзя, но надо») вытекает, что надо пытаться и пробовать, не дожидаясь нового мессии. Это удел гуманитарного знания, которому, как во французской академии, надо запретить только одно направление поиска – мессианство, такие проекты не подавать, потому что они не рассматривается, идти только испытанными путями, в пределах признанных гуманитарных научных дисциплин и открывая новые. Рано или поздно новый комплекс запретов сам собой добавится к старому, потому что в каждой дисциплине есть своё число «33», которое надо увидеть, и очевидность, простота увиденного укажет на новое уже потому, что иное невозможно, идти можно только туда.

Обороняя памятники, чаще всего ставят заборы вокруг церквей, синагог, мечетей и дацанов, так и выходит, что «антикизированное» христианство уже не занимается исполнением своих гуманитарных задач, только психолого-педагогических, гуманитарные навыки и умения не устояли под воздействием Возрождения и Просвещения, и их, эти обязанности, теперь исполнять кому-то другому – в той части, которая растёт и ширится, удовлетворяясь только религиозными механизмами регулирования поведения, причём отличие от времён Возрождения и Просвещения состоит в том, что эти пройденные пути уже никого не манят, соблазны и вирусы «построения нового общества» бессильны перед просветительскими антибиотиками, которые, в отличие от пенициллина, не ослабевают, а множатся и совершенствуются разными технологиями, и отвернувшись от проверенной системы запретов, человек звереет моментально, 400–500 лет опыта, вынутые из памяти или не положенные туда, но всё

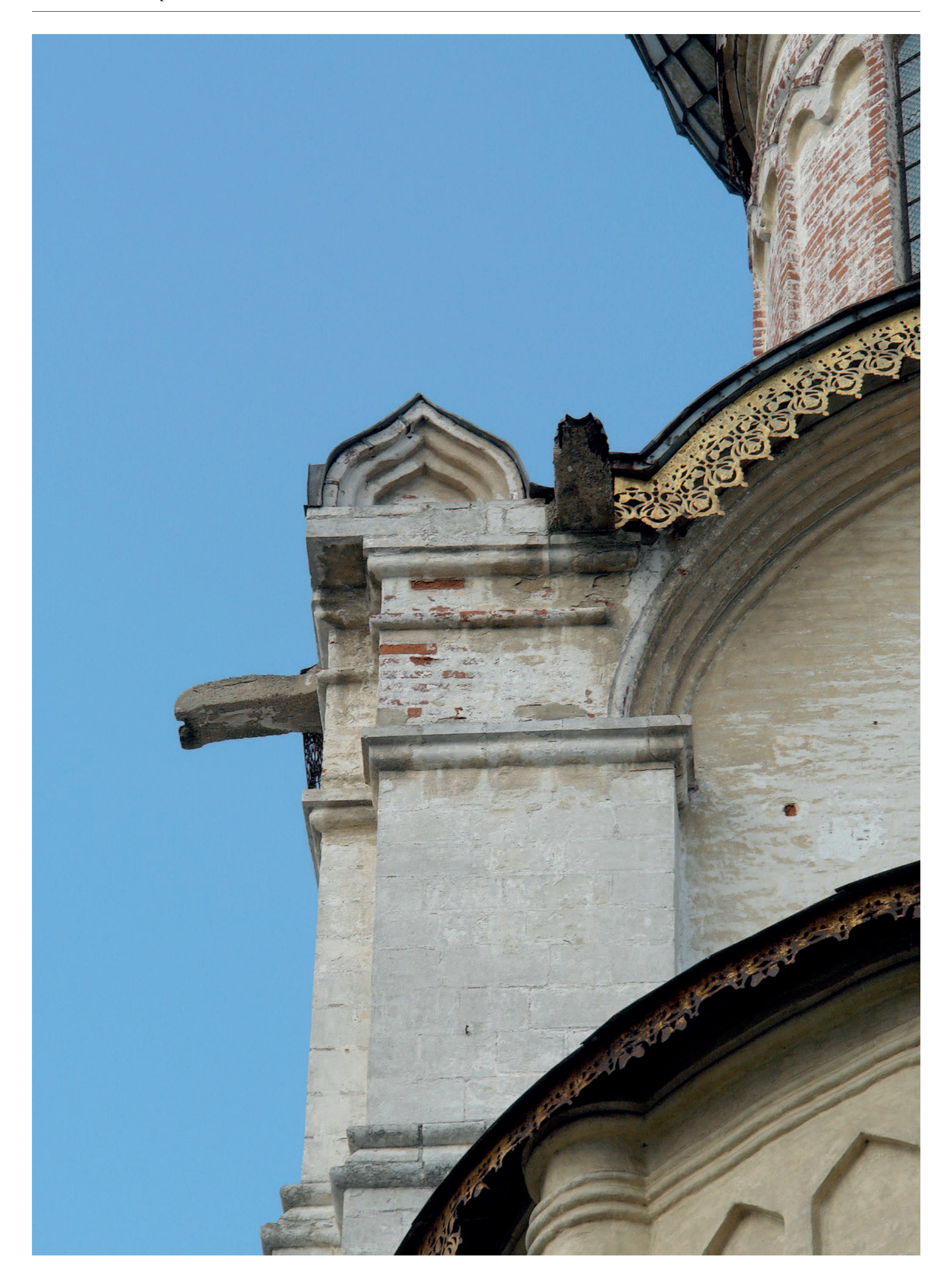


равно витающие в воздухе («Дюрер? – Как же, знаю, что-то про меланхолию, кажется, писал...»), работают как замковый камень, без него, выломанного и вынутого, сразу рушится всё. А гуманитарное знание к поддержанию здания пока не допускают во всём мире – доверия к нему нет, страшно, что не справится. И нет понимания, что попытки облечь христианство или иные исповедания прежними полномочиями обречены на ничтожный итог – нельзя ложкой утишить бушующее море. Самое главное – только гуманитарное знание и деланье создаёт и воспроизводит человека как вид, раньше справлялось христианство и другие конфессии, а теперь уважения к их памятникам оказывается мало для воспроизводства, оно необходимо, но не достаточно, за решение задачи должно взяться гуманитарное знание. Причём браться так, чтобы это была любовь, а не уважение, любовь всё-таки располагается ближе к воспроизведению. И открывать ничего не надо, стоит только распахнуть шлюзы, и согласиться с тем, что человек, выучивший второй (после своего родного) язык, становится вдвое умнее, третий – на треть умнее, и так далее, человек, прошедший логику в курсе философии, легко сложит в уме две трети и три четверти, прочитавший «Хаджи-Мурата» не вытащит на улице кошелек у прохожего, человек, у которого звукосочетание «...доколе, Катилина...» пробуждает в памяти целые миры, который помнит контекст фразы «О, зачем ты снимаешь дощечки...», – такой человек справится и с освоением христианства и памятников христианства лучше, чем тот, для которого Катилина – это что-то вроде названия стирального порошка, «причём отличного, импортного».

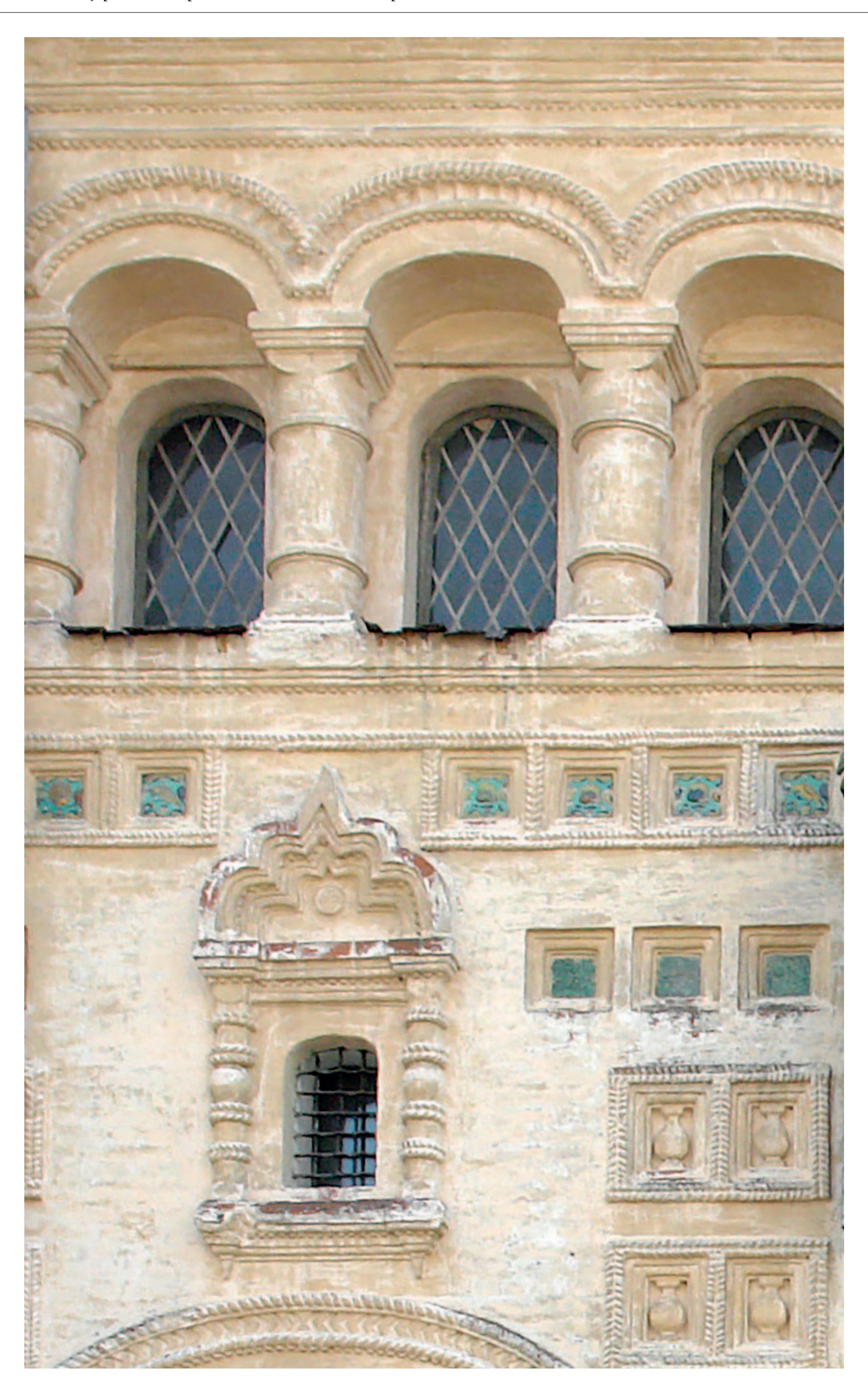
В XIX и в XX веках потребность в гуманитарном знании была не меньше, но меньше было ресурсов (знаний) и религиозная сфера сохраняла больше влияния, нехватка ещё не была вопиющей, хотя Й.Г. Гердер уже заметил, что прогресс человечества состоит в прогрессе гуманности, что бы кто бы под этим ни подразумевал – от человеколюбия до гуманитарного знания как спорта высших достижений. Тогда мир ещё не мог смириться с мыслью, что непроизнесённое имя Христа, явленное в архитектурных формах, в числе «33» – это не только про религию, а уже и про культуру, которая больше, чем даже христианство, ислам, конфуцианство, буддизм и т. д., порознь и вместе взятые, что это надо чаще, больше, лучше, глубже понимать и вспоминать, что это надо осваивать шире и использовать даже как матрицу, прикладывая к собственному телосложению и умосостоянию.

Мало сомнений в том, что количество огненных вспышек числа «33», обнаруживаемых в завершениях церквей и соборов, будет расти, или, говоря словами Павла Алеппского, «шишек или артишоков» станет больше, значит, люди чаще будут вспоминать, что они люди, и в этом вреда никакого нет. Признание близости очерта-

No. 13 РОСТОВЪ-ВЕЛИКІЙ. Соборная площадь



ний глав и кокошников даст новые аргументы реставраторам, выбирающим, какой купол разместить над старыми церквями Рязани, Свияжска и Ростова, но самое главное – гуманитарное знание и деланье должны стать такими же важными, как изготовление машин, пуль и ракет, потому что Троицкий собор в Сергиевом Посаде летит дальше и быстрее, чем все нынешние и будущие снаряды. Силы у Понтия Пилата было – хоть отбавляй. А победил не он. Без пуль – нельзя. А как без человеческого в человеке?



После этой филиппики надо объясниться с Вознесенской церковью и Успенским собором в Ростове. Начать надо всё-таки со Спаса на Сенях. Но мысленно держа перед глазами Вознесенскую. Или наоборот. Нет, всё-таки Спас. Нет, всё-таки В.С. Баниге. Так логичнее.

В 60-е годы XX века ростовский Архиерейский дом был здорово потрёпан ураганом. Восстанавливали Дом под руководством В.С. Баниге, который от материальной нищеты и постыдной для руководства стеснённости в средствах изобрёл гениальный половинчатый метод избавления от плоских крыш, применённый и до него не однажды: он их раздробил и умножил по числу кокошников на каждой стороне, ссылаясь на новгородско-псковский опыт, и получилось изрядно. Правда, наличие полуовала под каждым треугольничком доказывает, что изначальная мысль строителей была именно такой, к которой привыкли и в соседней Москве, и в не менее соседнем Ярославле. Выкладывать из кирпича полуокружность по деревянному кружалу – слишком хлопотное занятие, чтобы тут же по готовности накрыть его двумя ровными скатами. И такой привычный многоугольник крыш Спаса на Сенях, выглядывающий из-за стены при осмотре со стороны воды – тоже изначально был сделан как полное повторение «вознесенского» покрытия на церкви Вознесения. И там, и там нижний почти правильный полукруг разорван посередине верхушки сегмента, чтобы освободить место для движения вверх, к вознесению нового (поменьше) сегмента, что обеспечивает сочленение сложнейших геометрий покрытия со всех четырёх сторон по пути к середине, к барабану. Ныне это сочленение есть только у Вознесенской церкви, в Спасе на Сенях оно упрощено неизвестно когда появившимися треугольниками крыш, ведущих к очень подозрительному по форме барабану, сначала кубиком с 2 окнами, потом бочкой с 6 окнами.

Угловые столбики производят впечатление позже надложенных, вероятно, вместе с кирпичным превращением трифолия (две четвертинки и одна половинка) в простой треугольник. Арифметическая трясовица не отпускает, заставляя на всякий случай сосчитать похожие по форме и назначению детали: четыре угловых столбика держат

8 маленьких кокошников, четыре трифолия образуют 12, и треугольных кокошников на круглой части барабана как будто бы 12, чтобы наконец сама глава стала 33-м элементом. Лучше бы, конечно, барабан сделать пообширнее и целиком круглым, пониже, и в основании 12 круглых кокошников, и угловые столбики сделать вдвое короче, и трифолий открыть, умягчив всю конструкцию и напомнив о вознесенском покрытии и родстве с главой, но эти нематериальные основания для правильного проектирования реставрации были надёжно спрятаны во время очень давних, задолго до В.С. Баниге, перестроек.

Спас на Сенях внутри – очень небольшое, камерное помещение, с огромной высокой солеёй, рассчитанное на негромкое пение для небольшого количества людей. Снаружи он производит из-за собственной высоты и стеснённости соседних построек впечатление огромного собора, доминирующего над всем Архиерейским домом. Угловатая строгость его пропала бы, если убрать острые треугольные крыши и оставить вознесенское покрытие с мягкими полукружиями, с округлыми кокошниками на барабане, позволяющими заметить родство с Успенским собором, стоящим поблизости, но вне Дома. Единый треугольный стиль объединяет все пять церквей Дома (без Успенского и Входоиерусалимской), но добавляет неожиданный и не ожидаемый тут привкус готики, которого не было в самом конце XVII века, после строительства. И без готики в Архиерейском доме хватает достопримечательностей.

Успенский собор тоже отмечен числом «33», и опять это сделано нарочито тайно, скрыто напоказ, потаённо выставлено на всеобщее обозрение, всё видно, но ничего не заметно. Заметить можно, только если неизлечимо страдать арифметической трясовицей, то есть специально, кстати и некстати пытаться найти повсюду «33».

Сначала, поскольку собор построен не без оглядки на Московский Успенский в кремле, бросается в глаза разница сторон: западные и восточные закомары – по три, северные и южные – по четыре. Итого 14. Потом по углам замечаются ещё 8 маленьких кокошников. 22 + 5 куполов = 27. И всё.

Нет, не всё. Есть аппендикс из шести кокошников, не видный с земли ниоткуда, кроме как из прохода к церкви Спаса на Торгу и с колокольни (ну, и с неба).

Вот она «окончательная бумажка, броня» доказательства, что «33» не чудится, не мерещится, не плод нездорового воображения и не результат бредовых фантазий. В этом домике нет окон, но есть двери, необходимые для инженерного обслуживания крыши, но вообще-то его видят одни птицы и звонари. Второй смысл – арифметический. По два кокошника с длинных сторон, по одному с коротких. 27 + 6 = 33.

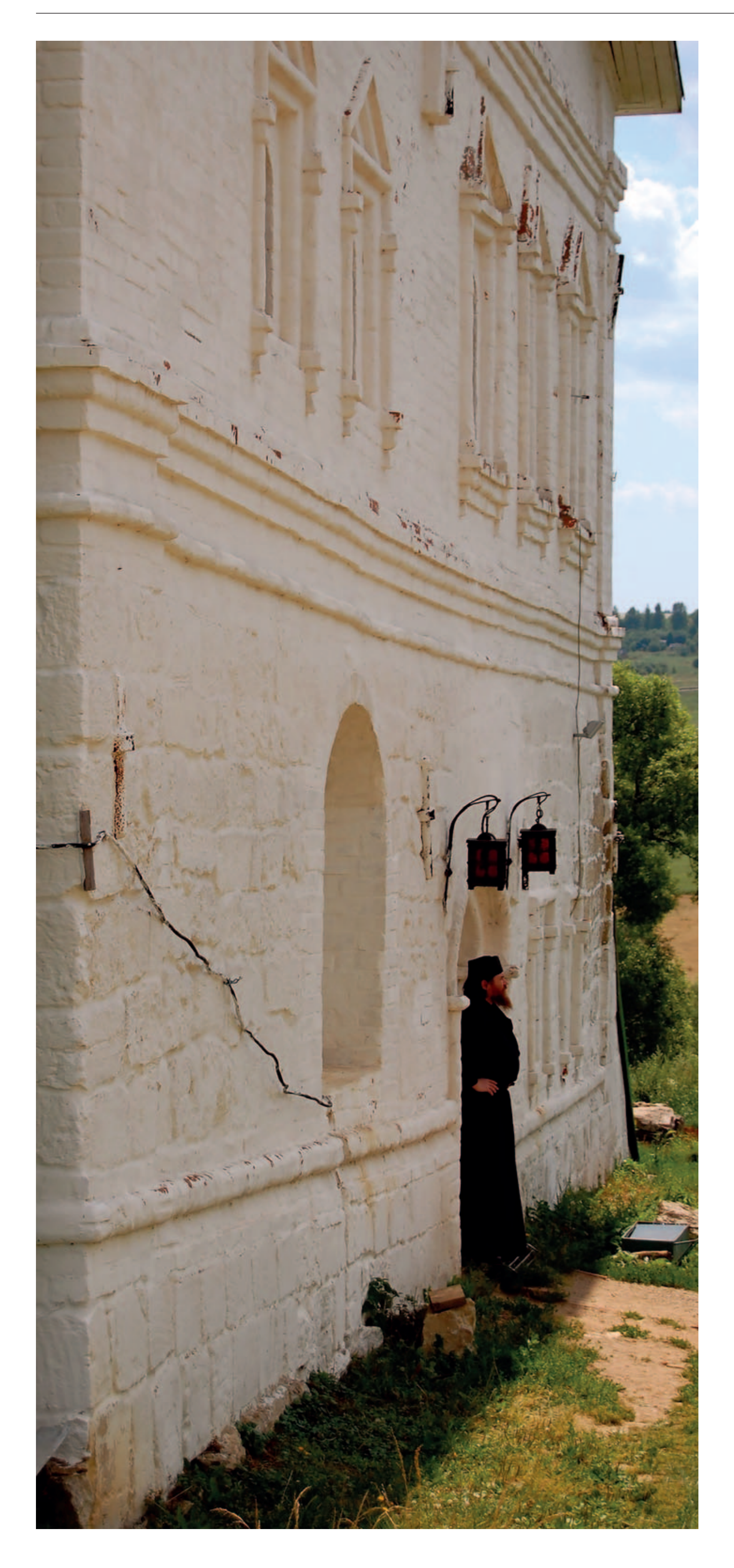
Фрагмент кремлёвских валов Ростова Великого

И ничего похожего в соборе Аристотеля Фиораванти.

Внутри стен Архиерейского дома, точнее, над стенами – надвратные церкви Иоанна Богослова и Воскресенская, вне стен – Церковь Григория Богослова. Их объединяет многое, среди прочего – годуновская тяга ввысь, пятиглавия и угловые на пару-тройку кирпичей башенки, уснащённые маленькими кокошниками. Если их по два на каждую, то это полное повторение тех, что на Успенском соборе. Посмотреть и проверить от центра, от большой главы – нет никакой возможности, даже съёмка с высоты птичьего полёта не заглядывает в эти закоулки. Да и непонятно, стоит ли заглядывать: там столько раз побывали ремонтники и реставраторы, что надеяться на сохранение первоначального вида было бы безрассудством, да и место очень опасное для производства работ – там есть куда лететь, долго испытывая ужас. Утверждать нельзя, но допустить и предположить можно, один и тот же механизм подсчёта. 5 глав, 12 кокошников, 16 маленьких кокошников по углам, итог известен. 8 маленьких кокошников видны даже сегодня, на всех трёх церквях, ясно, что промежутки между кокошниками заложены давно и скорее всего угловые столбики подвышены с разборкой того, что было изначально, для устройства угловых треугольных крыш.

Решение с 16 кокошниками по углам немного похоже на жульничество и мухлёж: если ответ заранее известен, то можно и условия задачи маленько «подчистить», отчего бы и не написать «четыре»

Порталъ церкви Архангела Михаила и церковь Благовѣщенія въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ. 1657—1658 г. (Фот. А. Д. Иванова).



там, где только что было «два». Что есть, то есть. Похоже. Но кто поручится, что их было при строительстве не четыре? Доказать трудно. Но и опровергнуть не легче. Придётся держать в голове, вдруг когда-нибудь пригодится. Пригодилось же «вознесенское» покрытие для лучшего понимания церкви Спаса на Сенях.

«Вознесенское» покрытие церкви Вознесения спокойно сообщает миру, что для вознесения требуется всего-навсего расстаться с комфортом и безопасностью, открыв себя всем ветрам и опасностям. Четырежды повторена одна мысль: лопатки, продолжающие нижние (делящие стену на прясла), надо мысленно наложить одну на другую, а потом ещё дальше, сдвинув левую и правую четвертинку окружности вместе, и получив ровный полукруг, то есть свод, крышу, обеспечивающую безопасность и укрытость от неприятностей погоды; убедившись, что полукруг полноценен, вернём четвертинки на место, теперь легче заметить, что верхний маленький полукруг, стремящийся по сторонам света к полусфере, выпрыгнул, вырвался из разрыва нижней, он высвободился, можно сказать, выпрастался, выпустился из неё и одновременно встал на ноги, в которые превратились те самые лопатки, которые можно двигать налево-направо. Опыт становления так нагляден, что омрачает его лишь кепка на барабане вместо нормаль-

ной, с радиусом, близким к обводам нижних полусфер, главы. Такое завершение церкви отчасти напоминает шарошечное долото, используемое в горном деле для проходческих работ, только ввинчивается оно не в скалистый грунт, а в небо. Тоже нелегко, надо сказать.

Так же нелегко, как устроить при церкви Иоанна Богослова лестницу, которая не требует ремонта 350 лет при заметном ежедневном потоке посетителей, не два десятка человек, много больше, а уж в последние десятилетия и подавно. Во-первых, вода и мороз ничего смогли сделать со стыками соседних кирпичей, а их сотни, нет ни трещин, ни выщербленных дефектов, ни выпавших сорок лет назад кирпичей. Подступёнок (вертикальная низкая стеночка каждой ступени, куда упираются пальцы ног при подъёме) нигде не оторвался от самой ступени, она, состоящая из совсем небольших кусочков, не качается с угрозой потеряться совсем, его не поправляют ежегодно старательные рабочие. При ближайшем рассмотрении она оказывается одним куском с нижней частью, а толщина каждой детали с валиком (выступом) существенно превосходит высоту даже большемерного кирпича, поставленного на ребро. Это свидетельствует не о том, какие строители были добросовестные люди, а о глубине планирования, причём в обе стороны. Они построили так, что через четыре сотни лет построенное стоит, они думали о тех, кто будет после них через четыре сотни лет. И точно так же они думали о тех, кто был перед ними четыре сотни лет назад, они были так же недалеко, вот поэтому ещё вся эпоха может быть охарактеризована как Возрождение, связи крепче и важнее, чем разрыв связей, вся эпоха ощущается как своя, а не промежуточная между прошлой и будущей со скачками от одной к другой; лучше пристраиваться к прошлому, а не строить на его месте лучшее новое. Бога поэтому не становится меньше, человека становится больше. Эта лестница – как римский акведук в Ниме, результат заботы о людях, поэтому она часть русского Ренессанса при Ионе Сысоевиче, который понял затею патриарха Никона, который услышал думы Бориса Годунова, который недалеко ушёл от митрополитов Макария и Филиппа, которые продолжали дела нескольких Василиев, Иванов и Дмитриев.

Ренессансный кирпич стоит пары минут, потраченных на обдумывание строительного казуса. Хочется отколупнуть, унести с собой и любоваться. Но и картинка сойдёт.

Надо бы ещё сказать про Авраамиев монастырь, но про него уже сто лет трубили во все колокола, предшественник-де, Покровского, что на Рву, спасайте, кто может; туда жизнь начинает возвращаться. А вот с Белогостицким хуже. Его позже перестали разрушать. Некоторые металлические связи отрезаны сваркой, кажется, вчера, потому что кому-то понадобился металл (на срезе нет ржавчины), а в недалёкой перспективе и высококачественный кирпич, высыпающийся из стен, лишённых связей, на глазах. А сто лет назад ещё можно было видеть испорченное барочным умонастроением вознесенское покрытие и в Белогостицах. Авраамиев монастырь в большей степени, Белогостицкий в меньшей – предпоследние вздохи погибающего Ренессанса, покорно уступающего дорогу громкопобедному Просвещению, которое постепенно, за два века, против своих же собственных объявленных целей, выучило почти всех тому, что производить впечатление важнее, чем быть.

«Ум у него не для танцевания, а для устройства себя, для развязки своего существования». Правда, высокопрофессиональное производство впечатления лично у С.П. Голохвостова (герой пьесы М.П. Старицкого про зайцев) закончилось неблагополучно.

ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КИРИЛЛОВЕ

Редко можно увидеть что-то из церковных, да и вообще из архитектурных сооружений, изуродованное более основательно, надёжно для сохранения кирпича и почти безнадёжно для сохранения мысли создателей о назначении и красоте зданий, – чем здешние церкви и палаты с плоскими скатными и более вычурными по конструкции хорошо выкрашенными крышами. Кирпич укрыт и увековечен, смысл зданий утрачен так давно и спрятан так далеко, что убедить себя, что он есть или хотя бы был – почти невозможно. Прагматики обязаны извлекать пользу даже из вреда: то, что скрывают крыши, должно быть открыто, тайна расшевеливает и любопытство, и воображение, со зла можно сделать много... другого, в числе другого и добра. Велеречивая многобарочность крыш и глав – особенность почти всех сооружений и Кирилло-Белозерского, и Ферапонтова монастырей, о Горицком вспоминать страшно, там понимаешь сразу, что название происходит не от слова «гора», а от горя. Уныние, так неприятное христианству, там поселилось навеки, глаз отдыхает только на стогополенницах, человеческое и божеское жильё лишь напоминает о том, что, может быть, было триста или четыреста лет назад, но, вряд ли и тогда попавшие сюда могли одолеть отчаяние, охватывающее любого, кто отворачивается от воды и дальних лесов, кто видит только следы обломанных ногтей, бессильно царапавших равнодушную природу, с непреклонным упорством разрушающую плоды даже самых подвижнических усилий тех, кто создавал когда-то смыслы и тем спасал сбившихся в кучу людей. Потерялся смысл – природа победила и взяла себе своё. Горицы – напоминание о том, что человек может не всё.

А Кириллов монастырь – напоминание о том, что человек может испортить всё. Едва ли не все сооружения здесь так хорошо изуродованы за XVIII, XIX и XX века, что преломляющим эту тенденцию в последние десятилетия XX века силам место для подвига остаётся ещё лет на сто, если им дадут (не «они заработают», а именно им дадут) очень много денег в течение очень длительного времени, и не будут бранить за то, что первые результаты появятся через много-много лет. То, что триста лет запаковывали, нельзя распаковать за пару десятков лет. Каждый прибывающий сюда впервые – должен научиться отдавать себе отчёт в том, что то, что он видит – это не чудо, чудо сокрыто от него дуростью нескольких предыдущих столетий, портивших с маниакальным упорством то, что досталось от их предыдущих веков, от XVII, XVI, редко XV и никогда раньше XII (кроме археологии).

Массовое помешательство, длившееся столетиями, многим невнятное и по прошествии этих столетий, причиной имело никем не оспариваемую склонность населения к переимчивости, к лёгкой перенастройке на новый лад, готовность «взять наизготовку» по команде; не пережив и не заметив от необразованности здешнего Воз-

рождения (а возрождать было что – до византийского «своего» надо отсчитать не так уж много назад, Борис да два Ивана через Василия, и вот уже София Палеолог), Пётр большой лопатой стал накидывать на родину Просвещение, а Вольтер не может вырасти там, где не было Дюрера. Возрождение просилось на свет, но Просвещение оказалось проще для уразумения. Дюрер и не вырос, и родина едва не задохнулась от благодеяний лопатой. Страницы учебника истории с ренессансными фигурами Ивана III, Василия, Макария, Ивана IV, Бориса и Никона были выдраны из корешка с мясом, вместо них вложены вырезанные из журналов портреты героев, рисунки красивых учреждений, переводы уставов и прочей вторичной чепухи, а дальше Екатерине оставалось только гордиться покупкой библиотеки Д. Дидро и смириться с невозможностью обновить Соборное уложение полуторавековой давности: написать красиво можно, но оторванный от корней цветок не втыкается в чужую землю, он должен здесь вырасти из своих корней. Орхидеи в архангельском льду не растут, как ни старайся.

Хорошо ли Просвещение как таковое? Так кто же станет спорить, конечно, хорошо, тем более, что оно универсально, всеобще и почти неразличимо от страны к стране. Вот только то и нехорошо, что от страны к стране неразличимо.

66 сонет У. Шекспира в переводе С. Маршака лучше, чем на английском, «Über allen Gipfeln ist Ruh» И.В. фон Гёте в переводе М.Ю. Лермонтова лучше, чем на немецком, но вот с Просвещением так не выходит, переимчивость там не помогает, потому что индивидуальная гениальность не мультиплицируется никак на всё население. Все не могут стать ни Гельвециями, ни Монтескье, не могут и уподобиться или

научиться подражать. Внедрить Просвещение не удаётся даже с осторожностью, даже если тщательно избегать кровопролития, оно только растёт со скоростью оливы или реликтовых хвойников из вполне ничтожного ростка; хуже того, русское Просвещение как эпоха начало приумножаться тогда, когда затихли и иссякли петровские начинания, оставив по себе только алфавит в городе и образовательные учреждения, и то начиная с Ломоносова и Радищева, через Пушкина и Лермонтова, с опозданием именно из-за Петра почти на (пол)века.

Мода на Просвещение без Возрождения (нет, не без, а с преданным, оплёванным, растоптанным и забытым Возрождением) триста лет морочила головы с некрепкими умами, и вряд ли перестала, иначе не появилась бы вредная идея о всеобщем среднем образовании, которая не образовывает людей, но портит образование. Только дурное образование может заставить человека не заметить, что плоский рисунок купола (главы) напоминает плоский рисунок кокошника, что они как-то связаны между собой, что между ними есть единство конструкции и формы. Триста лет не замечали этого те, кто «для красоты» ставил и восстанавливал на массивных основаниях церквей и соборов вытянутые грушеподобные горлобутылочные кегли вместо глав, привязывая к ним маленькие воздушные шарики на верёвочках, долженствующие обозначить собою главку на такой высоте, где размер и форма вообще не имеет значения, там видится только «что-то», что там, под облаками, кажется, есть. Эти же ценители самодельной самоварной красоты, не интересуясь технологическими новшествами, заботливо укрывали церкви и соборы плоскими скатными крышами, выдающиеся умы воспаряли до шляпно-цилидрических и котелковых форм, не презирая и перевёрнутые казаны и иную походную утварь кочевых цивилизаций.

Спасение от действительно крупных бед из-за атмосферных осадков, ветровой эрозии и химической агрессии не может превозмочь длящееся убийство архитектурных сооружений. Николая Мирликийского в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря, написанного в числе других фресок за год и 34 дня в 1504, кажется, году, можно спасти от идиотов с ножами и бутылками с кислотой, от солнечного света, от измороси, от старости, от ещё чего-нибудь, укрыв сначала плёнкой, потом металлом толщиной 5 мм, потом бетонной бронёй, потом суриком в пять слоёв и сосновым горбылём под кирпичной кладкой (как на Фроловской башне после 1917 года). И аккуратно всё заштукатурить. И опять покрасить, но уже воздухопроницаемой резиновой краской.

Такая защита равна похоронам заживо. Какая разница – в броне на время или в земле навсегда. Бактериям чуть больше работы.

В разных местах, разновременные сооружения объединены поразительной особенностью: если с них содрать металлические укрытия, то придётся восстановить первоначальный облик, а значит, и первоначальный смысл создания здания: крыша не только закрывает, но и открывает то, что под ней, она – как ключ, открывалка, волшебная палочка ко всей массе кирпичей и белого камня (или булыжника на северах), сложно организованной и украшенной внизу.

Церковь Иоанна Предтечи построена около 1531–1534 годов (вместе с церковью Архангела Гавриила, что напротив более поздней надвратной Преображенской). Её положено фотографировать вблизи и снизу, так меньше заметно то, что наверху. А наверху – перевёрнутая суповая миска на большую семью, снабжённая архитектурным постаментом под маленьким абсолютно круглым глобусом вместо главы и крестом. Миска высокая и глубокая, в неё можно уместить много того, что не явлено миру уже очень много лет. 12 закомар по сторонам света замечательно скрыты под оштукатуренной кладкой, количество кокошников под миской с дыркой под световой барабан можно только предполагать. Глубина миски допускает существование ещё ряда из 12 кокошников и повыше – короны из 8 кокошников в не видимом пока основании барабана. Под тазиком могут прятаться и какие-то другие изобретения с неведомыми деталями самых непредсказываемых конфигураций. Ивановская церковь тогда превращается из кубической подставки под миску в сказочную деталь билибинских иллюстраций, и тогда уже можно будет её раскрасить в любой цвет, хоть

в оранжевый с чёрными прожилками лопаток, на африканский манер, как, например, в московском кремле в детском дворце, построенном для царевича Алексея.

Тонкие арки, как следы вдавленных в апсиды Ивановской и Гаврииловской церквей карандашей разной толщины, повторены через почти двести лет в подкопаевской Преображенской церкви; в сочетании с большой высотой и необычно малой глубиной апсиды они (арки) скрадывают плоскость её, всё здание получается подчёркнуто кубическим – стоя на возвышенном месте, она получает удлинённый силуэт, ей крайне необходимо дробно-клубящееся завершение для стройности фигуры.

В западном портале Ивановской церкви мерещится обычное для входных порталов правое уклонение верхнего щипца, но его вторая особенность интереснее тем, что она вообще незаметна, хотя обязана бросаться в глаза, потому что речь идёт о деталях размером около пяди. Они расположены на разной высоте, и разница – несколько сантиметров, бусины справа гораздо выше левых, и это совершенно не возмущает взгляд, не будит мысль о том, что кирпичная кладка в веках иногда сползает очень заметно, глаза не ищут объясняющие трещины в стене. Портал – западный, его не минует никто, он попадётся на глаза всем, кто приблизится. Почему строитель проигнорировал угрозу неминуемого, казалось бы, обвинения в косорукости и кривоглазости?

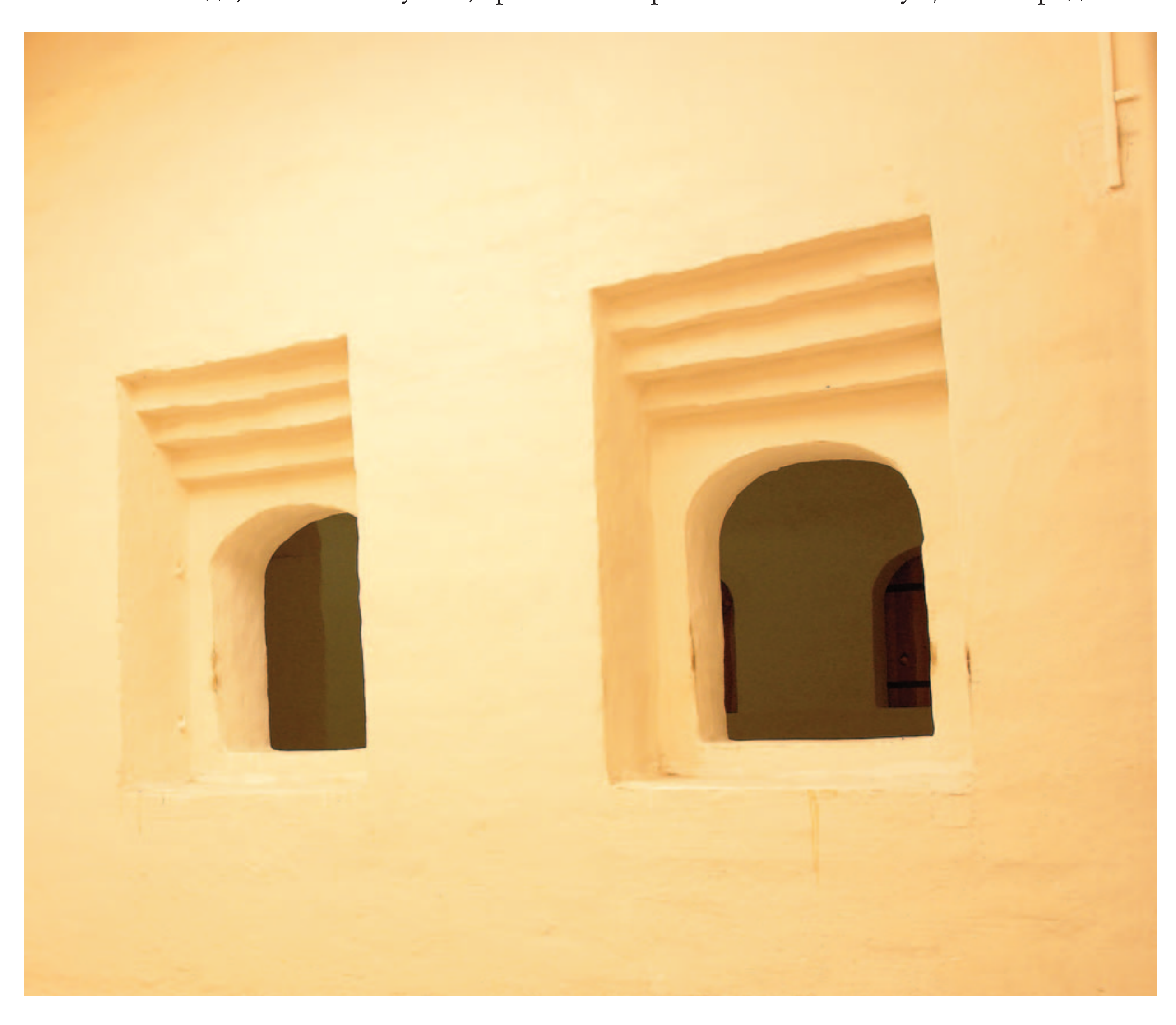
Ответ один – он был уверен, что не заметят. И оказался прав. Но и это не снимает вопроса «А зачем левое опущено, правое поднято?» И тут ответ один: «Правы все правши, пришедшие в православное прибежище. И левши правы тоже, но меньше и ниже». Правое плечо само поднимается, по дороге вспоминая, что стоило бы и перекреститься, лучше, конечно, правой рукой. Одинаково трудно доказать правомерность и неправомерность такого предположения. Но гораздо труднее доказать его левомерность, потому что и правый, и левый глаза видят одно и то же, правые бусины выше, что бы их ни приподнимало в своё время.

Если ненадолго допустить, что предположительное толкование причин геометрического несовершенства западного портала церкви Иоанна Предтечи справедливо (только предположить), – то нельзя отказаться от соблазна подумать чуточку дальше. Звенящий писк на вершине самой научной методики определения действенности рекламы для продвижения продаж – эксплуатация наследия Милтона Эриксона, без пресловутого программирования не обходится никто из рекламных вербовщиков, следы учёта разделения человечества на аудиалов, визуалов и кинестетиков заметны во всём, что пытается воздействовать на поведение потребителя. При всём уважении к выстраданной её автором высочайшей эффективности методики приходится всё же признать, что 500 лет назад было придумано лучше, легче, проще и потому эффективнее. Воздействие тоже происходит незаметно для испытуемого (подходящего к церкви с запада), тоже непонятно, что именно и как воздействует, по каким каналам и какими инструментами, отчего и почему, но в высшей степени косвенное напоминание срабатывает, если в личной истории того, кто входит, уже был опыт исполнения команды «Окстись!», приказа окреститься, поданного изнутри собственной памяти, или услышанного снаружи от священнослужителя. Мягкость и косвенность незаметного, не осознаваемого напоминания лишает возможности сопротивляться поведенческой норме; проложенные чугунные рельсы у двигающегося по ним – из вольнолюбивого духа противоречия будят мысль о возможности и даже необходимости свернуть с них и наконец освободиться, проложить свои, «выбираться своей колеёй», а направление и способ движения, поправленные пёрышком, дуновением солнечного ветра, так, что даже складки одежды не колышатся, пока рука крестящегося не пойдёт вверх, ко лбу, надёжно работают веками, без путевых обходчиков, замены костылей и колёсных пар, а иногда и чугуна. Мягкое опять оказалось крепче твёрдого.

Колдовской портал соседствует снизу с ещё двумя элементами, образующими подобие сужающейся кверху пирамиды, повторенной на севере и на юге, – окно и колесо в центре закомары за карнизом. Устройняющий весь куб острый треугольник

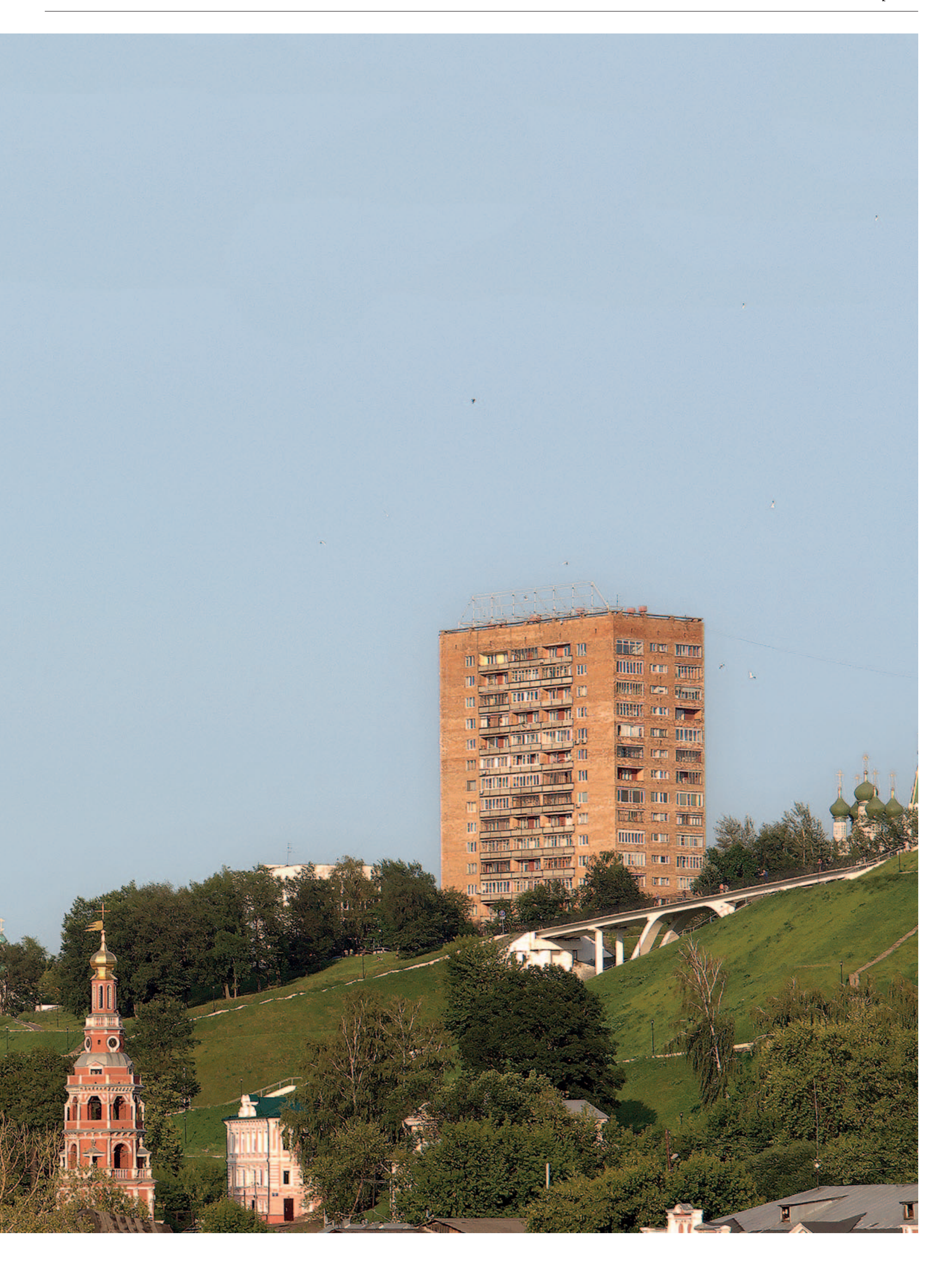
подчёркнут и заострён, даже вытянут ещё больше узкими вертикальными окнами без украшений по бокам. Подчёркивание достигается очень необычным средством выразительности: остроугольный треугольник посередине пересечён другим с тупоугольной вершиной, образованным тремя окнами. Для этого во втором треугольнике пришлось пожертвовать очень сильным украшением, привычным для любого окна – нет наличника, сделанного выступающим лекальным кирпичом, хотя есть наличник, утопленный в стене. В результате на низком наличнике солнечные тени получаются гуще, такой безналичный наличник останавливает взгляд, даже если непонятно, в чём тут дело. Здание, построенное так умело, должно было бы иметь приличное покрытие, а не дырявый тазик, оно бы тогда, как наведённой индуктивностью, накрыло соседнюю церковь Сергия Радонежского, поставленную во второй половине XVII века. Она и так-то непроста для восприятия, необычности в ней много, а вот для разысканий в области эстетики требуется много заведомой любви к архитектуре XVII века даже для того, чтобы сказать себе: «А всё-таки в ней что-то есть». Конечно, есть – прямоугольные апсиды не всякий день попадаются. Но как туда попала глава графином на ножке – очень непонятно; хорошо хоть вместо главы над приделом Дионисия Глушицкого графин не стали ставить. Общая конструкция церкви и трапезной прямо предназначена для долгого хранения тайн, всё неприступно, строго, не привлекает взор, а отталкивает, и по-прежнему неясно: если церковь когда-то была тёплой, как она обогревалась, где печные трубы, дымники, отчего так мало окон и в церкви, и в трапезной? Наконец, как колокольный звон распространялся здесь, звук удобнее так ловить сводами, а не раздавать по округе?

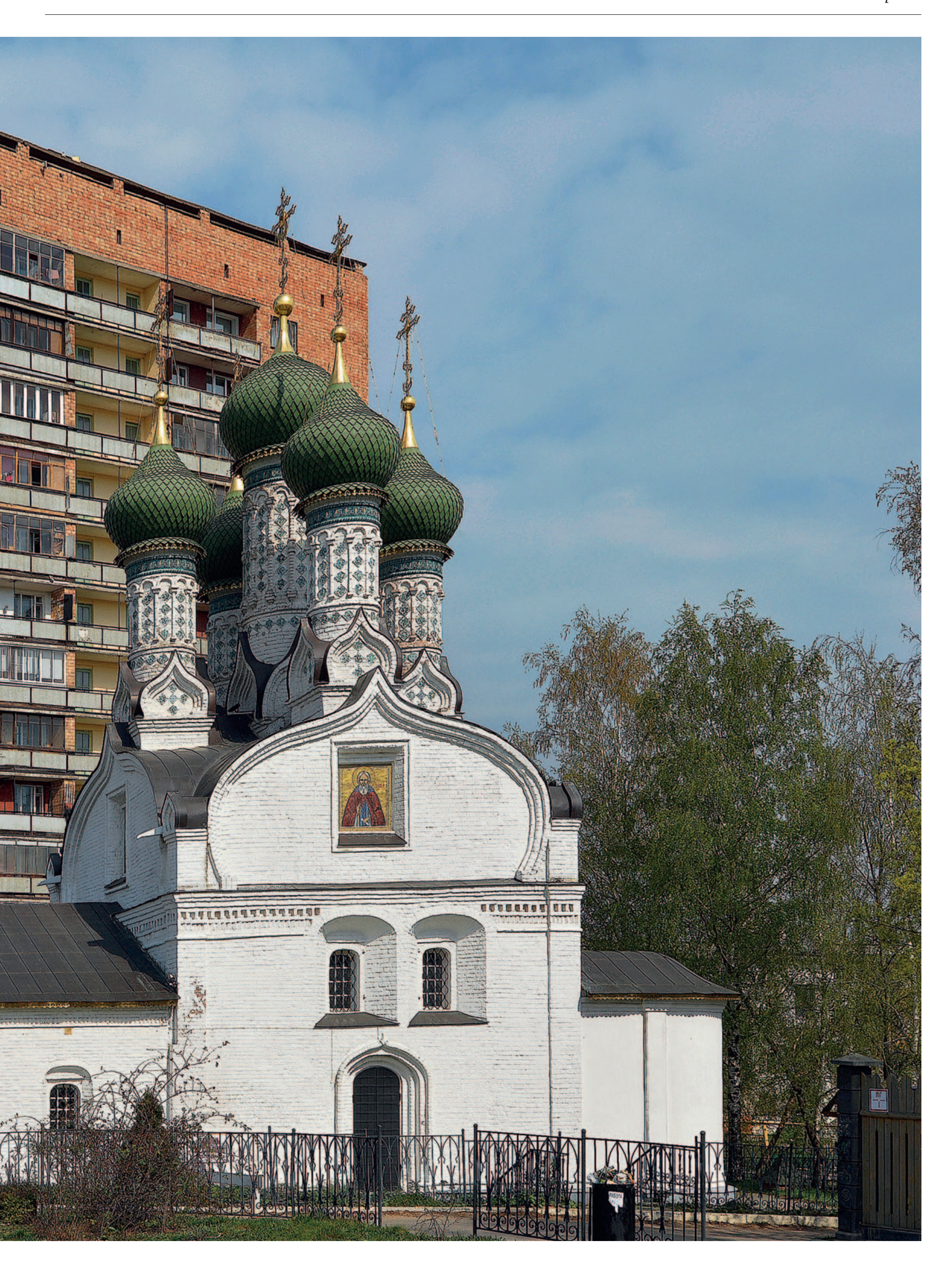
Конечно, нельзя уставать напоминать, что все эти измышления ни на чём не основаны, противоестественны, бездоказательны, построены на песке, а потом написаны вилами на воде, они антинаучны, граничат с мракобесием – и в сущности вредны.

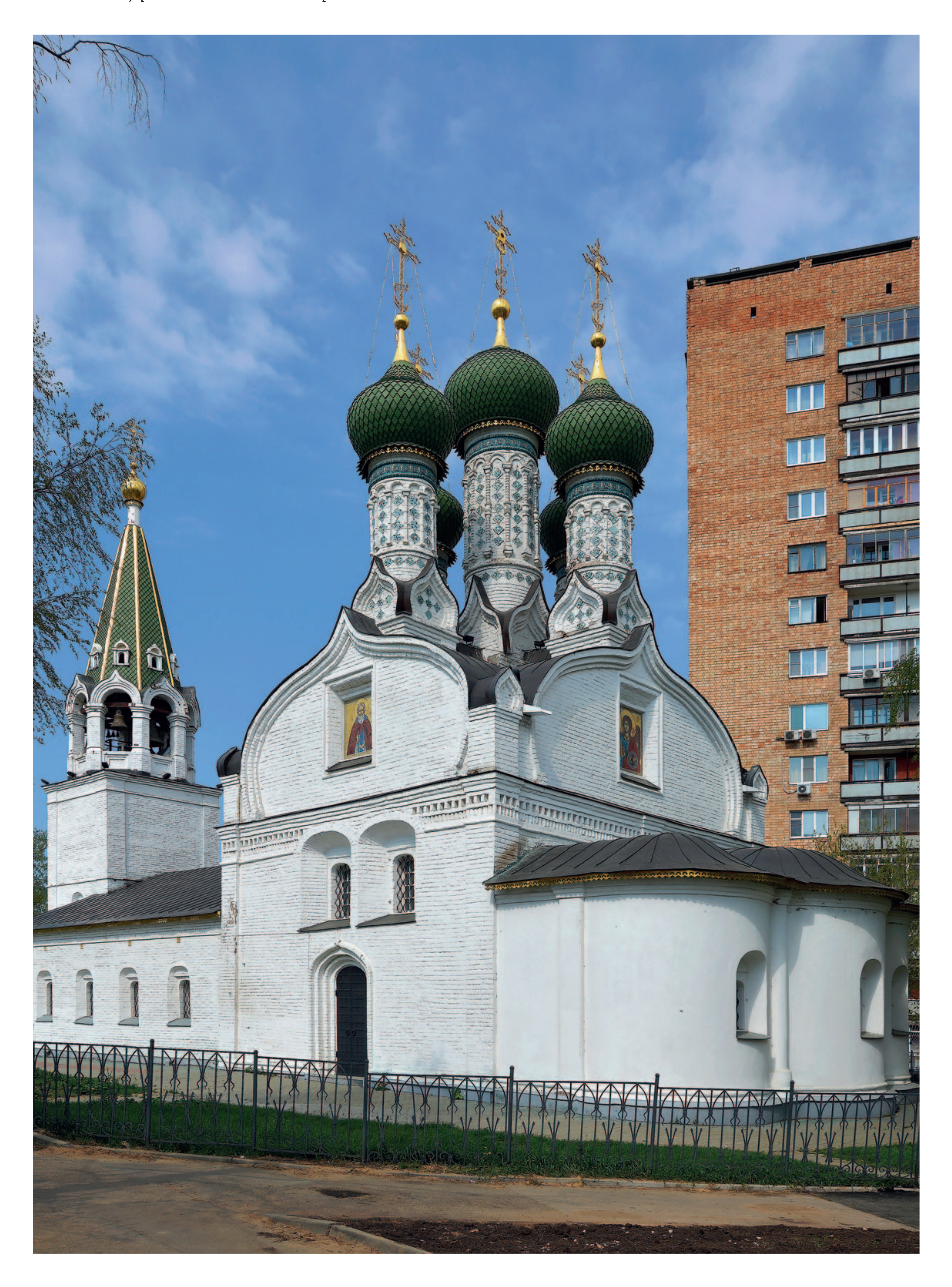


УСПЕНСКАЯ НА ИЛЬИНСКОЙ ГОРЕ В НИЖНЕМ

Самое яркое пятнышко при взгляде издалека, может быть, даже с реки или через реку – церковь и колокольня солепромышленников баронов Строгановых, самое могучее сооружение – конечно, кремль, а самое важное – и вовсе малозаметно, в самом углу, справа сверху, малюсенькая Успенская церковь с пристроенными поздними трапезной и колокольней. Про недавние прибавления говорить не стоит, в них формообразование случилось такое, какое случилось. Лучше уж разглядывать неподалёку каменное жилое строение с такими всходами, что дух захватывает. Но всё затмевает сама церковь, которую тоже недавно привели в порядок, сколько могли. Глаз, приученный видеть окна в сооружениях XVII века только украшенными, не сразу досылает в мозг вопрос: «А где наличники? Где очелья? Где карнизы? Где порталы, поребрики, бегунцы, городьба?» После первого недоумения приходит понимание – значит, ничего не осталось, никаких данных для восстановления не было, поэтому подровняли, покрасили, сделали вычинки, справились с решётками и столярными заполнениями окон, и – отошли. Второе недоумение приходится адресовать уже себе: да как же можно не заметить, с декором или без – форма-то остаётся, может быть, даже отсутствие декора подчёркивает достоинства фигуры, как маленькое чёрное платье, которое должно быть в каждом шкафу с одеждой. И это такая форма, которой нет ни братьев, ни сестёр во всём свете! Какие там шкафы… Тут не знаешь, откуда начинать удивляться. Именно и как раз благодаря скупости на украшения внизу ярче проступила повсеместная строительская ухватка, которая до того приелась, стала привычной, что уже и не отмечается. Карниз, антаблемент, бегунец все вместе подо лбом образуют подобие бровей на лице, горизонтальную тягу, почему-то всегда разорванную в нескольких местах задранными сквозь брови очельями, которые увеличивают очи, удивлённо раскрывают их, словно ресницы подпирают линию бровей. Здесь и ресниц-то нет, а результат есть. Маленькие чёрные окна сквозь расширяющиеся к внешней стене светлые проёмы точно, как глаза, смотрят на мир. Приветливости немного, но и строгости нет, нет хмурости без декора, просто смотрят. Такая реставраторская смелость гораздо честнее и лучше, чем фантазии на тему аналогов: ну если уж вы знаете, что должны быть наличники, пририсуйте их самостоятельно, какие понравятся. Выше – не хуже. Киоты под фрески от атмосферных осадков и от ветров спрятаны в углубления – это понятно и неудивительно. Но надо отдать себе отчёт в том, что фреска написана на стене, которая имеет для крепости толщину под иконой. Полкирпича мало, тогда весь огромный кокошник получается никак не меньше, чем в два кирпича, а скорее и в три с четырёх







сторон. Успенская церковь небольшая, но поверху три кокошника поместились бы запросто, а если помельчить, то можно и целую гору нагородить, примеры есть, чуть ли не до сотни доходило. Строго говоря, их не четыре, а восемь, есть ещё маленькие, ориентированные с востока на запад. Чтобы поставить один кокошник (иногда именуемый бочковатым покрытием) вместо трёх, пяти, или скольких-нибудь ещё, требуется не столько инженерная ловкость для соединения их с барабанами и главами (что тоже сделано залихватски, с удалью беспримерной), сколько неслыханная, отчаянная архитектурная смелость и свобода, широта мысли. Вот до чего дошли закомары!

И как поставили! Видно и из города, и с воды, и сколько такта, деликатности, понимания оказалось у недипломированного градостроителя – в отличие от снабжённого подтвердительной документацией градогубителя, встромившего башенную доминанту на самую бровку, загородившего и затмившего Успенскую церковь, задавившего и затоптавшего всё, что ничтожными вшами теперь копошится под его горделивым надзором: и кремль, и Благовещенский монастырь, и стрелку, и строгановскую Рождественскую церковь, и Ильинскую, и Жён-Мироносиц у подошвы стены. Счастливым болваном топорщится теперь эта башня только потому, что никто не осмеливается задать вопрос: а для чего её поставили здесь? Ответ удручающе неутешителен. По мнению строителей, всё живое и неживое внизу не обладает достоинством, которое нельзя подвергнуть оплёвыванию. Предположить, что принимавший решение о строительстве (совсем недавно) не понимал, что именно он губит, нельзя. Он всё видел, им командовал партийный билет в кармане над сердцем. Но качество принимателя решений было столь неудовлетворительно, что его ноль на шкале важного и неважного моментально подвинулся к тому месту, на котором мягко сидеть: имеет значение только то, что подо мной. К сожалению, «клятая башня» стоит крепко, надёжно портя и всё снаружи, и всё внутри, как если бы она была построена на кладбище.

В нескольких десятках метров, разделяющих башню и Успенскую церковь, поместились триста лет, разделяющие их. Первое, что сразу ясно, – разное назначение: в церкви (как правило) не живут, не обороняются, она построена с великим умением и старанием для другого. Всё в башне лучше, особая кладка кирпича, планировка, разводка сетей, водоподведение и водоотведение, радиоточки давно заменены на точки раздачи интернета, воздушные лоджии обудоблены до комнатного расширения и прочее. Но всему этому есть замена и триста, и пятьсот, и тысячу лет назад, даже не надо объяснять, какая. В башне собраны условия для жизни, а в церкви поместился смысл, которому придана красивая (чтобы не сказать – совершенная) форма. Несмотря на разницу в размерах, на возведение того и другого были потрачены сопоставимые ресурсы и трудозатраты, всего раз в триста в башне больше. А оказалось, что важнее для улицы, для города, для страны, для вселенной – Успенская церковь. В ней собралось то, чего больше нигде нет. Назвать это, поименовать не удаётся, так же, как не удаётся поставить пределы XVII веку (то есть определить его суть), и дело не в том, что такую же коробку можно поставить в Ханое или Мехико, там и Успенскую церковь поставить можно. Дело в дистанции между башней и церковью, что найдено за триста лет, и что потеряно. Коротко говоря, найдено великое удобство, где больше, где меньше, 30 квадратных метров не сильно отличаются от 300, только убирать пыль легче там, где поскромнее, иначе придётся терпеть взвод горничных. А потеряны – покой и воля. В церкви они есть, а в башне – нет.

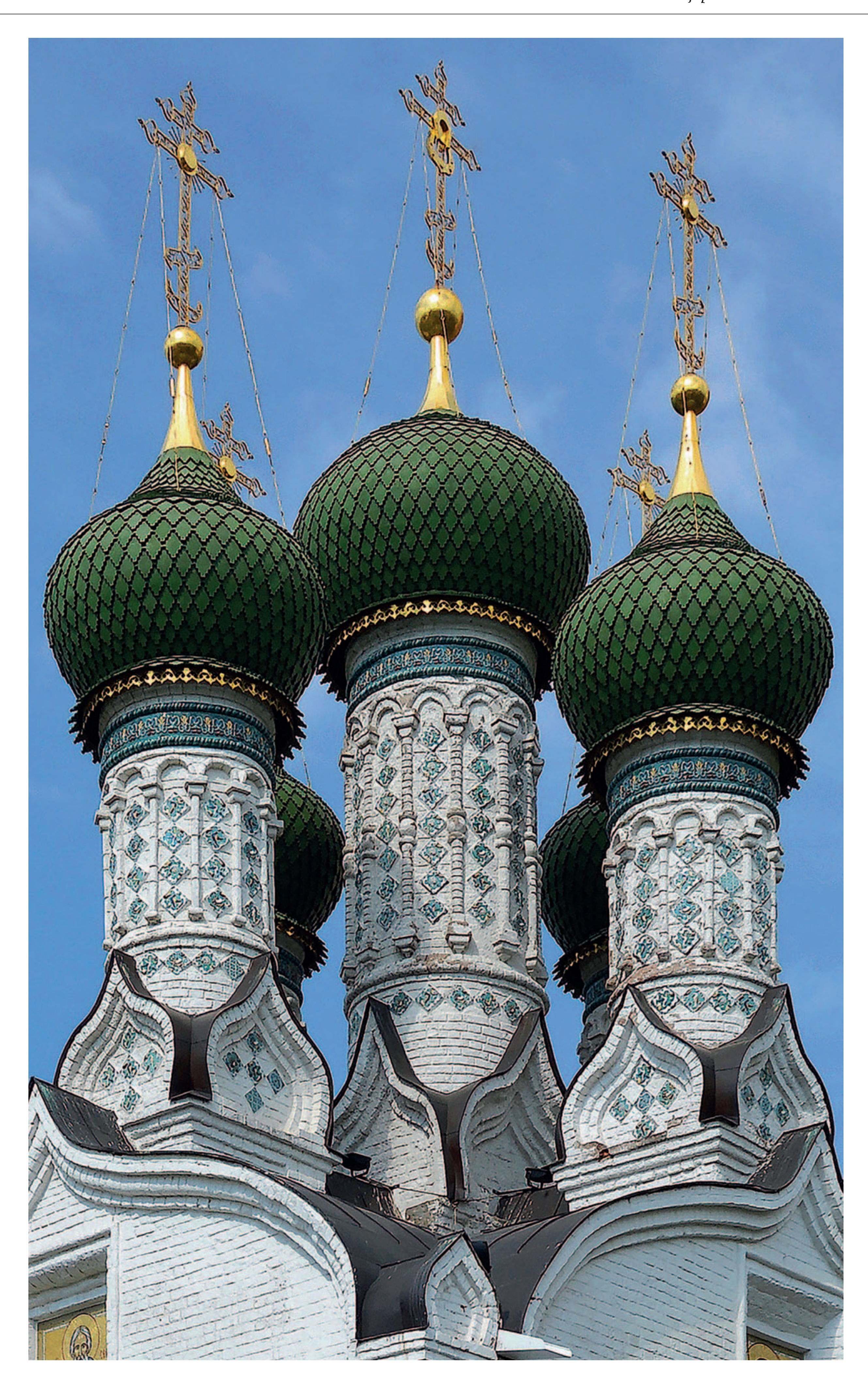
Что касается эстетики, то тут уже без технологий не обойтись. Бегать с линейкой в поисках гармонии – как было, так и остаётся бессмысленной затеей, но есть вещи, которые не относятся к категории оценочных суждений вроде «нравится – не нра-

вится», «красиво – не красиво» и с которыми бесполезно спорить и не надо надувать губы с сомнительно-протяжным «Ну-у-у-у... не знаю...». Форма самого здоровенного кокошника (в количестве четырёх штук по сторонам света) – не просто полукруг со щипцом сверху, поставленный на карниз, чего для общего рисунка здания было бы вполне достаточно, он имеет ещё и сужение внизу к центру, заметное и подчёркнутое короткими столбиками по углам (нужда в которых неочевидна) и выступающим валиком по всему обводу кокошника. Эта же форма повторена четырьмя самыми маленькими кокошниками по углам, и не менее громогласно провозглашена уже двадцатью кокошниками в основаниях барабанов, причём четыре из них на малых барабанах честно исполнены несмотря на то, что их никто, кроме ухаживающих за храмом, не увидит никогда, они обращены внутрь, а четыре под большим барабаном спрятаны от взглядов большую часть времени осмотра, даже если специально поднять глаза и стараться их из-под стены приметить. В форме кокошника нельзя не увидеть схожесть с вертикальным разрезом куполов, то есть если купол огромным горизонтально сжимающим прессом сплющить с обеих сторон, получится ровно такая конструкция. Потом надо дать себе труд сосчитать все купола вместе с их образами (с кокошниками) – получится тридцать три. А посвящение храма – Успение, один из двунадесятых праздников, вот и объяснение, как можно праздновать смерть. Её жизнь после смерти сына на кресте, каждодневное и еженощное переживание его крестных мук – превосходят его собственные муки и ведут к мысли, что избавление от таких мучений – это и есть облегчение, тут уже есть что отметить: то, что Его не стало, не может отменить того, что Он был. 33 купола – 33 года. Чтя Успение, чтим Жизнь.

К южному фасаду надо приглядеться повнимательнее. Почему его не портит явная кривизна, для чего оба окна над входным порталом подвинуты далеко к востоку? Простое объяснение – так лучше освещён иконостас, но почему глаз не спотыкается об это смещение, оно ничуть не мешает восприятию? Ответ ещё проще: потому что это не важно. Симметрия, равность и ровность, прямота и повторяемость могут быть, могут не быть, не от них зависит, появилась красота – или нет, от чего-то другого. От чего – уже несколько тысяч лет исполнилось попыткам понять, пока твёрдо установлено одно, симметрия в счёт не идёт, кажется, даже наоборот, одно из условий для появления красоты – дисбаланс, рассогласование, кривизна, неправильность, уклон краше горизонта, изгиб лучше прямой. Но только там, где они нужны. А где не нужны – можно и прямо. Остаётся пустяк, определить, где надо, а где не стоит.

Мерцающее колдовство изразцовой огранки круглых барабанов нарочно было устроено, чтобы намного позже, только через полтораста лет отчеканились строки «За морем царевна есть, что неможно глаз отвесть. Днём свет божий закрывает, ночью землю освещает». Да, и нельзя наглядеться, и затмевает, и освещает. Лучше не скажешь. Церковь-царевна. А за морем-то – всего-навсего за Окой. При должной ныне подсветке, в ясную погоду, с того берега, от желтой церкви на плоту – как бы она смотрелась! «Die schönste Jungfrau sitzet dort oben wunderbar, ihr goldnes Geschmeide blitzet, sie kämmt ihr goldenes Haar...»

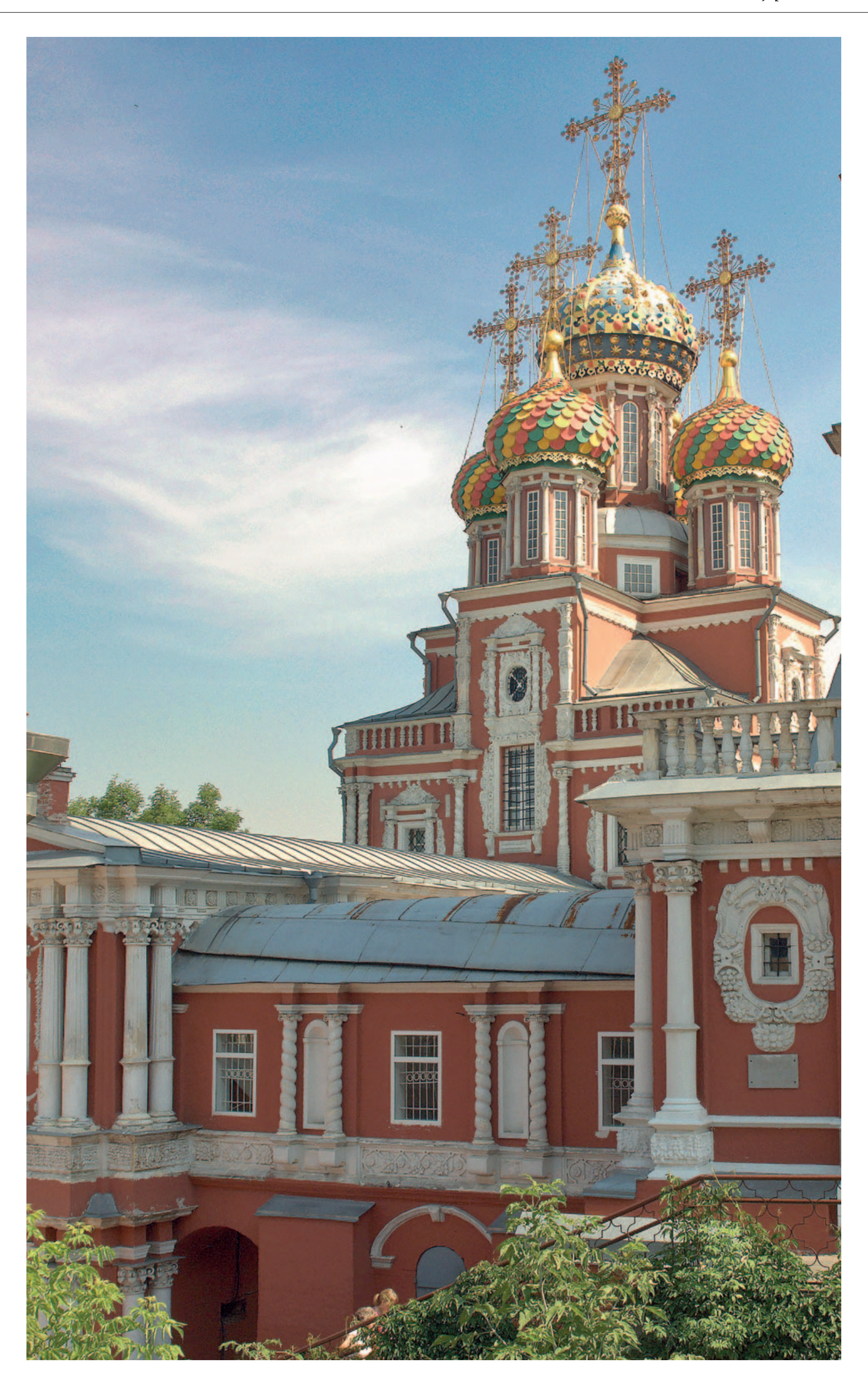
Но видна только башня из хорошего кирпича, в которой никто ничего не зашифровывал, а просто и прямо, не мудря, делал хорошим людям хорошо. И сделал. Как мог. Жаль, что ума хватило только на это. Вот где качество человекоматериала, добытое за триста лет эволюции. Каким бы ядом ни насытить, ни пропитать слова и мысли, адресованные башнеавтору, всё недостаточно, потому что в последние три столетия как раз человековедение (гуманность) съёживалось и съёживается напористее, скорее, безвозвратнее, чем прочие «-ведения». Точнее говоря, А.А. Ахматова, может быть, и стоит на одной полке с А.С. Пушкиным, но количество полок с той поры не увеличилось ни на процент, сколько было, столько осталось. А народу

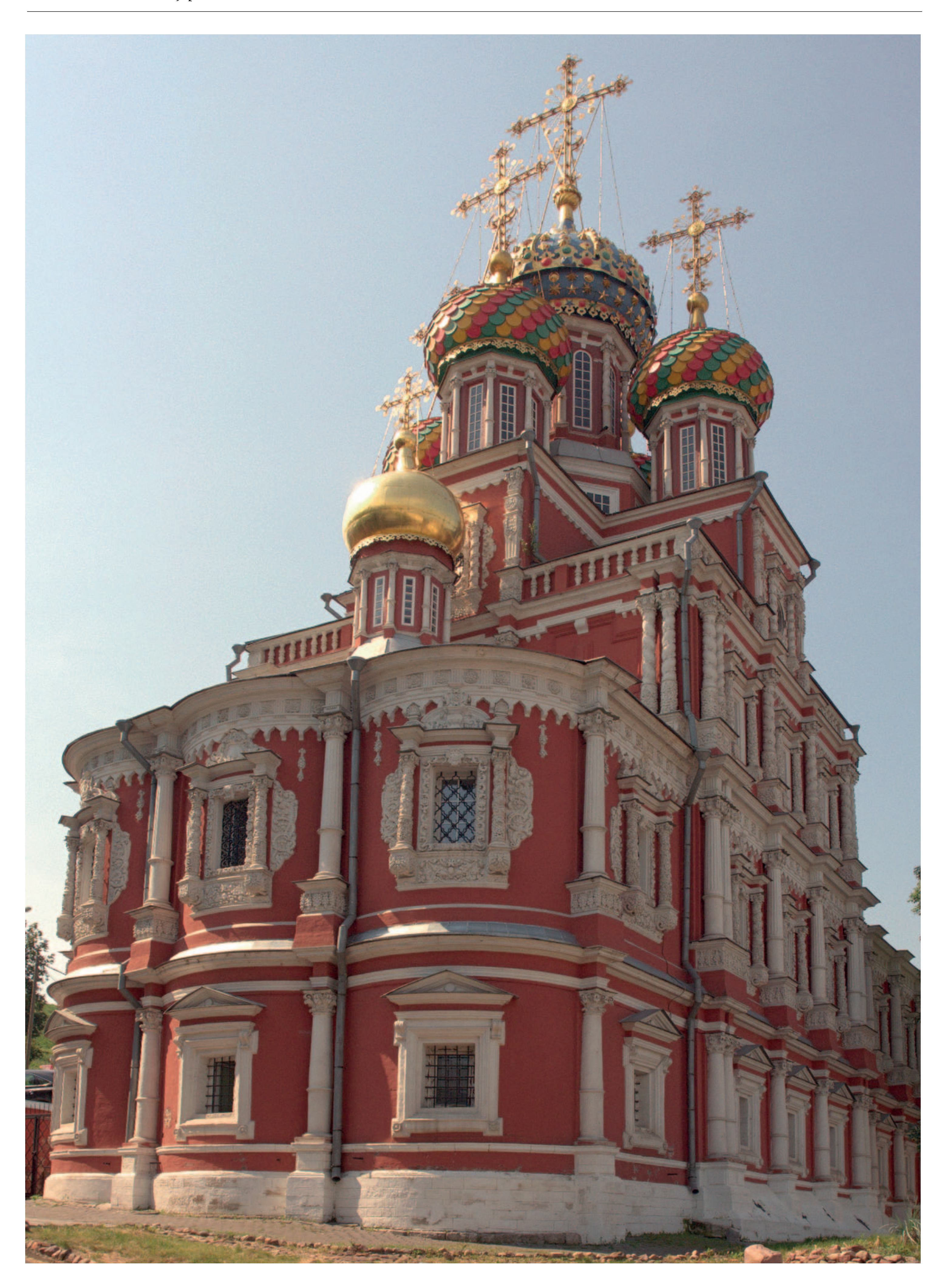


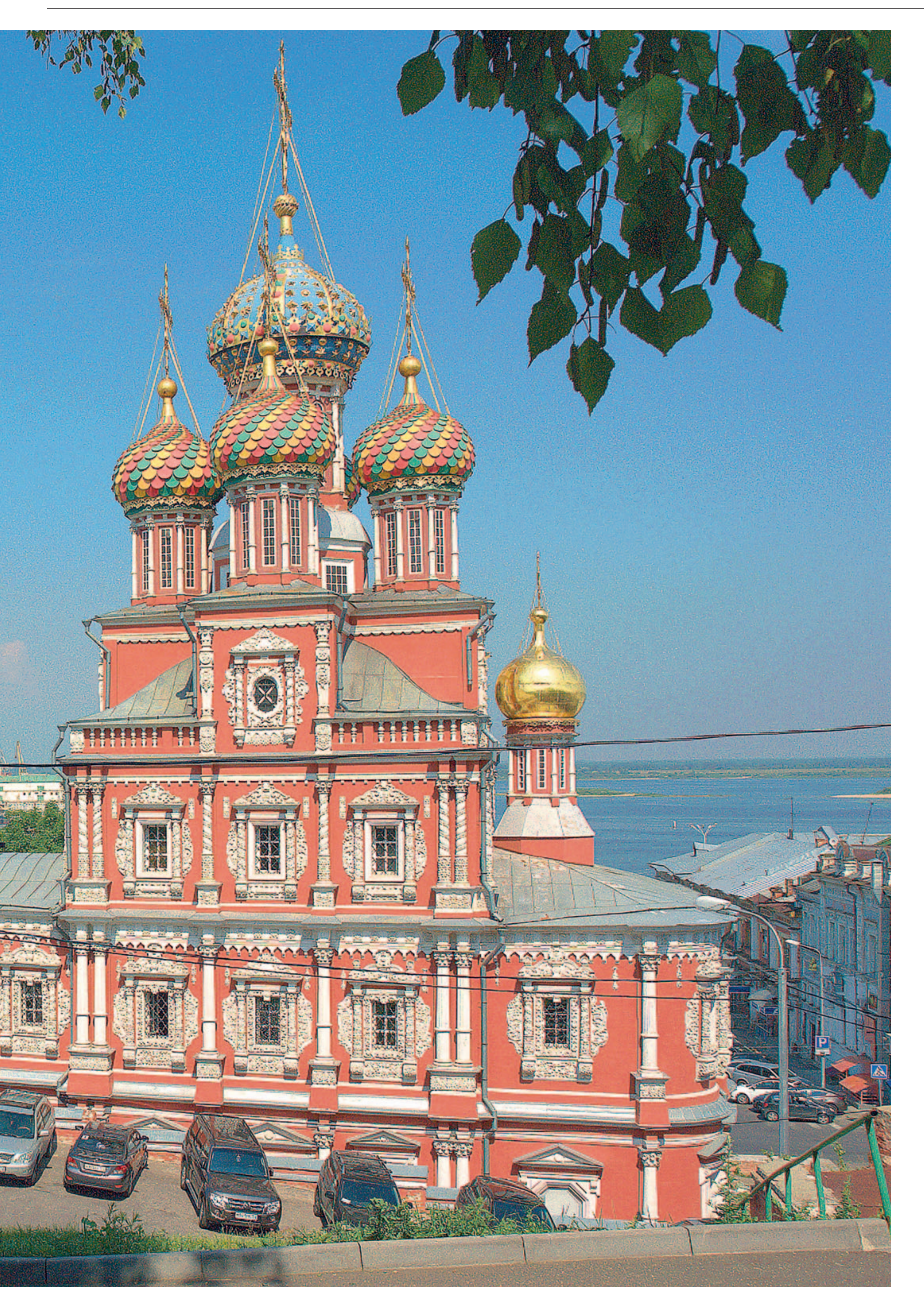
прибыло. Достижений Просвещения меньше не стало, они растворяются в море, ничуть не увеличивая и не уменьшая его солёность, поэтому варварство Ельцина ничуть не превосходит варварство Аттилы или Чагатая.

Эта связь столь же крепка, сколь и невидима. Более того, она тем крепче, чем менее заметна: не видимое не подлежит критике, потому что невидимо. Вспоминая Ходжу Насреддина и Сократа, можно сказать, что если из массы незнания вычесть объём знания, то количество незнания будет постоянно расти несравнимо быстрее, чем жалкая кучка знания, пропорциональная скорость относительного убывания которой несопоставима с темпами роста торжествующего незнания, счастливого уже собственной жаждой познания, обузданного безудержной ленью и косностью в костях. Если сказать, что в появлении клятой башни виновата царица Наталья Кирилловна, неисчислимые пальцы прокрутят дырку в виске. А между тем башню построили в те же годы, когда Ельцин разобрал в Екатеринбурге дом, в котором Ленин, Троцкий и Сталин расстреляли взрослых и малололетних родственниц и родственников царя и его самого вместе с неродственным врачом. Всевозможные юровские виноваты в массовом убийстве так же, как спусковой крючок нагана повинен в причинении тяжких телесных страданий и повреждений невиновным людям – приговор взрослым никто не вынес, всякую малышню и подростков пристрелили так просто, для удовольствия, за компанию. Виновны поименованные цареубийцы, и как это вяжется с рукодельными образами «самых человечных» человеков – неведомо никому. А Ельцин со товарищи тут помянут только для того, чтобы стало видно: вот эти наследники, до сего дня сохраняющие кровную преемственность уже внуков и небедствующих правнуков, и суть настоящие родственники цареубийц, клеймо не смыть вовек, и если понадобится, они и дом снесут, и на спусковой крючок нажмут, и юные тела своими руками искровавят, химией пожгут, и из ямы в яму перепрятывать станут. Вопреки тексту франко-немецкой песни, последние стали первыми, но кто был ничем, так ничем и остался; то есть должность-то первая, неизвестно, кем назначенная, а человечинко – малое, глупое, порой и совсем дрянь, даже зачастую дрянь, так почти всегда дрянь, и исключения – только прижизненные, кабинетно-портретные, искренне, от души лобызуемые. Только собственность бегает от одного «ставшего всем» к другому, к тому, которого ещё не доели, не брезгуя опарышами, «белок – он и есть белок».

Государь Пётр Алексеевич за время полуторагодичного отлынивания от дел в европах впал в неисправимый восторг и низкопоклонство перед западом в такой тяжёлой форме, что по возвращении на родину, совсем занедужив, решил, что стране нужна перестройка и ускорение, потому что она отстала. Загнать клячу истории ему удалось, едва живу отпустил в 1725 году, учинив образование и город на болоте, а главное, на долгие века впечатав в мозг недовольное количество качества здешнего люда, завсегда косного, дурного, пьяного, ленивого, отсталого-преотсталого, без надежды догнать. Этот Imressum крепостью превосходит все известные на Земле материалы, он «жил, жив и будет жить». Кстати, отсюда прямая дорожка к знаменитой ленинской фразе про октярьский переворот. «Мы Россию завоевали, теперь надо научиться ею управлять». А позвольте, голубчик, поинтересоваться, зачем? Раз воевали– значит, враги, ладно. Зачем завоевали-то? До того, перед тем, как учиться управлять? И в этой школе Каин был преподавателем? Как ни ищи оправданий, оказывается, что войну развязали только затем, чтобы супругам наркомов «суп к обеду в горшочках прямо из Парижу возили», чтобы Демьян Бедный, поэт победившего пролетариата, рассекал пространство и простор на своём личном, персональном, собственном, для него одного поезде. Потому что суп всегда только в Париже, в Калуге-то, известное дело, суп не тот, то лягушки не уродились, то котлы прохудились, а поселянам и поселянкам пуще разных полезных товаров нужно разъяснение, куда







им, болезным, шествовавать потребно, – ведь своим умом они дорогу не нащупают, ибо убоги, не то, что европейцы. Вот для этого и завоевали, для супов и поездов, а про справедливость, про «...тот станет всем» – это чтобы им было над чем поразмыслить в редкие моменты досуга, выкроенные от сплошного строительства хоть чего-нибудь, хоть социализма, хоть феодализма – пока суп везут, пока паровоз гудит, а морковка на палочке к массивному загривку приделана.

Суть петровских преобразование лучше других архитектурный произведений отражает строгановское барокко, хоть в Троице (часовня около Духовской церкви), хоть в Нижнем Новгороде (Рождественская церковь). Она (церковь) и сама по себе хороша, и местность преображает, и нарядная, уж про купола и речи быть не может – один сплошной восторг и духозахват. Колокольня как колокольня, они такие все – ухтомские. Надо всё же попробовать заставить себя понять, а чем же церковь хороша? И неожиданно выясняется, что только декором и раскаской, которая тоже часть декора. Из-за неслыханной сложности инженерно-строительной части задачи – надо было построить очень большую цнрковь на очень крутом склоне горы (не холма, а горы) – формообразование в ней присутствует только постольку, поскольку декор на чём-то надо укрепить; если представить себе здание без белокаменной резьбы, отменно витиеватой, и без куполов, с тёмносерой немецкой раскраской – не останется ничего, кроме нескольких объёмов с окнами и башенками.

И это опять до некоторой степени пример-перевёртыш: видим очень хорошо, а видеть-то нечего, так, одна видимость, потому что внутри блистательного костюма есть только религиозный организм, а архитектурного нет; видимое невидимо, но уже по другой причине – не на что смотреть.

И совсем уж тайное знание – про две беды, про дураков и дороги. И что, кто-то всерьёз полагает, что итальянский или немецкий дурак лучше тутошнего? В том-то и дело, что никто и никогда не уточняет, что под дураками имеется в виду не дурость рукодельного пахаря или слесаря (они одинаково плохи и хороши во всех географиях), а дурное управление. Это управители должны «бить себя по затылку», весь менеджмент, от бригадира и мастера до царя и президента, каждый, каждое утро, по затылку, и спрашивать, что ты сделал, чтобы дороги стали лучше.

Отчего-то в слове 'геология' нет, а в слове 'землеведение' есть оттенок заботы, курирования и курабельности – Landeskunde. То же и со словами 'гуманитарные науки' – на первый взгляд, пустое словоблудие пополам со сказками, продиктованными авторам желанием прослыть инженерными ловцами душ и исподвольводителями народов. Это мнение для людей, которым пока удавалось избегать угрозы получить образование. А вот умные французы собрали своё гуманитарное знание вокруг Дома наук о человеке, преодолев детское заблуждение, будто науки можно поделить на гуманитарные и общественные. Любые люди живут в обществе, даже отшельники (они определили себя через отход всё-таки от общества), водораздел между человеком и обществом противоестественен: гуманитарные науки не трогают общество, общественные не имеют отношения к человеку. 'Человековедение' помещается в Дом наук о человеке, а исторический материализм – никак. Способ ве́дения человека в XVIII–XX веках удалился от алтаря и иконы, несмотря на выдающиеся прошлые достижения церкви в этой именно области, в человековедении, и никак вот уже двести лет не может обрести новые институциональные формы, потому что для произведения переворота в науке, превосходящего достижения и самого Евгения Дюринга, и его критиков, надо совершить немыслимое: самая презираемая часть знания, самая плохооплачиваемая, самая бессмысленная и непользопроизводящая «прослойка», те самые противоестественные интеллигенты-ботаники, которых ничего не стоит в бараний рог согнуть, должны родить мысль, что в слове 'религия'

есть нужное им прямое содержание, 'восстановление связи', всех связей, во всех областях знания, включая религиоведение и использование религиозного опыта, а это не что иное, как république des lettres.

Эта республика за три века произвела такое количество знания, в том числе гуманитарного, которое не помещается в старые религиозные мехи, а новых как не было, так нет, даже в России академию наук превратили в клуб по интересам.

Институционализации мешает то, что все возможные её двигатели понимают: это должна быть такая институционализация, в которой черты институциональности не просто незаметны, а вовсе отсутствуют, иначе путь прямо ведёт в сектантство разной степени исступления и остервенения, со своими кастами, службами, алтарями, иконами, тупиками и уголовщиной. Как?

Никто не знает. Иначе полторы сотни миллионов давно жили бы в Сочи. Ясно, что никто и не узнает. Дураков с рецептами перестали пускать на порог, отстреливают на дальних подступах.

Стоящие часы два раза в сутки показывают верное время. Умственно ущербные люди в 1985 году один раз правильно призвали вернуть свободу слова, назвав её плохо понимаемым словом 'гласность'. Отчего М.Е. Салтыкова-Щедрина издают очень скупо? Вероятно, оттого, что сильно мешает продолжительному вранью, вправляя вывихи в мозгах. Раньше или позже институционализация появится сама, достаточно чаще вспоминать о просвещении без кровопролития. В конце концов, двести-триста лет – не срок для нового института человековедения, появится сам, в своих формах. Платон ничего не знал о Блаженном Августине, и ничего, он благополучно появился. Но пока самый паршивый сенатор и глупенький министр не будут знать, кто такой Томас Аквинат, Боэций и Исидор Севильский, уж не говоря про Феофана Грека и Жана Этьена Лиотара, перемен ждать не приходится, добра не жди, жди беды и новых окровавленных башнеделов.

Остаётся одно утешение: паралеллограммическое здание не простоит ни триста, ни двести, ни даже сто лет, повалится в связи с истечением срока эксплуатации. А Успенская так и останется.

Днём затмевать солнце,
Ночью освещать землю.
Под охраной тридцати трёх богатырей.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.

Церковь Успения выше церкви Рождества; одна на бровке холма, другая на склоне. Рождественская и поставлена позже, на рубеже XVII и XVIII веков, когда инженерная изобретательность уменьшила трудности встраивания проекта в ландшафт; на крутом склоне что-то поставить можно только если он – скала, в которой можно закрепиться, а здесь скалистость не просматривается, у любого сооружения хорошие шансы сползти вниз, теряя по дороге детали. Укрепиться можно или оперевшись на подпорную стенку, или вцепившись сваями поглубже в грунт. Здесь решение попахивает волюнтаризмом, но отказать ему в оригинальности нельзя. Вся церковь выше подцерковья в четыре с половиной света, половина пятого – верхние окна центрального барабана, вес немалый. Трудно сказать, от какого выхода отказались сразу – от северного или от южного, но надо признать, что устроить их здесь без архитектурно-акробатических упражнений нелегко: или на юге лезть в гору под углом возвышения градусов в сорок, или на севере кубарем катиться в бездну с таким же уклоном, махнули рукой, выход сделали входом. Вместо гульбища устроили на западе загогулину с поворотом для проникновения внутрь, и над ней взгромоздили колокольню, в которой семь ступеней убывания площади от основания кверху, то

есть семь ярусов, в каждом присутствуют следы желания архитектора придать ей элегантную монументальность. В итоге получилась франтоватость и чуточку деревенская шикарность: чем больше перьев и аксельбантов, тем наряднее их обладатель с тяжёлым затылком, сильно оттягивающим голову назад, за спину. Те же качества и в самой церкви. Целокупное видение всего тела церкви не предшествовало разглядыванию её украшений – в туловище нет ничего интересного, в отличие от той, что с середины XVI века стоит совсем неподалёку, в кремле; на ней скупые украшения (пояски под карнизом и на апсидах) не мешают, а помогают её красоте, они работают как небольшой бриллиант на нужном месте («месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит»), который не могут заменить пудовые бусы, даже сделанные из бриллиантов сплошняком, с оправой из золота, чтобы потяжелее.

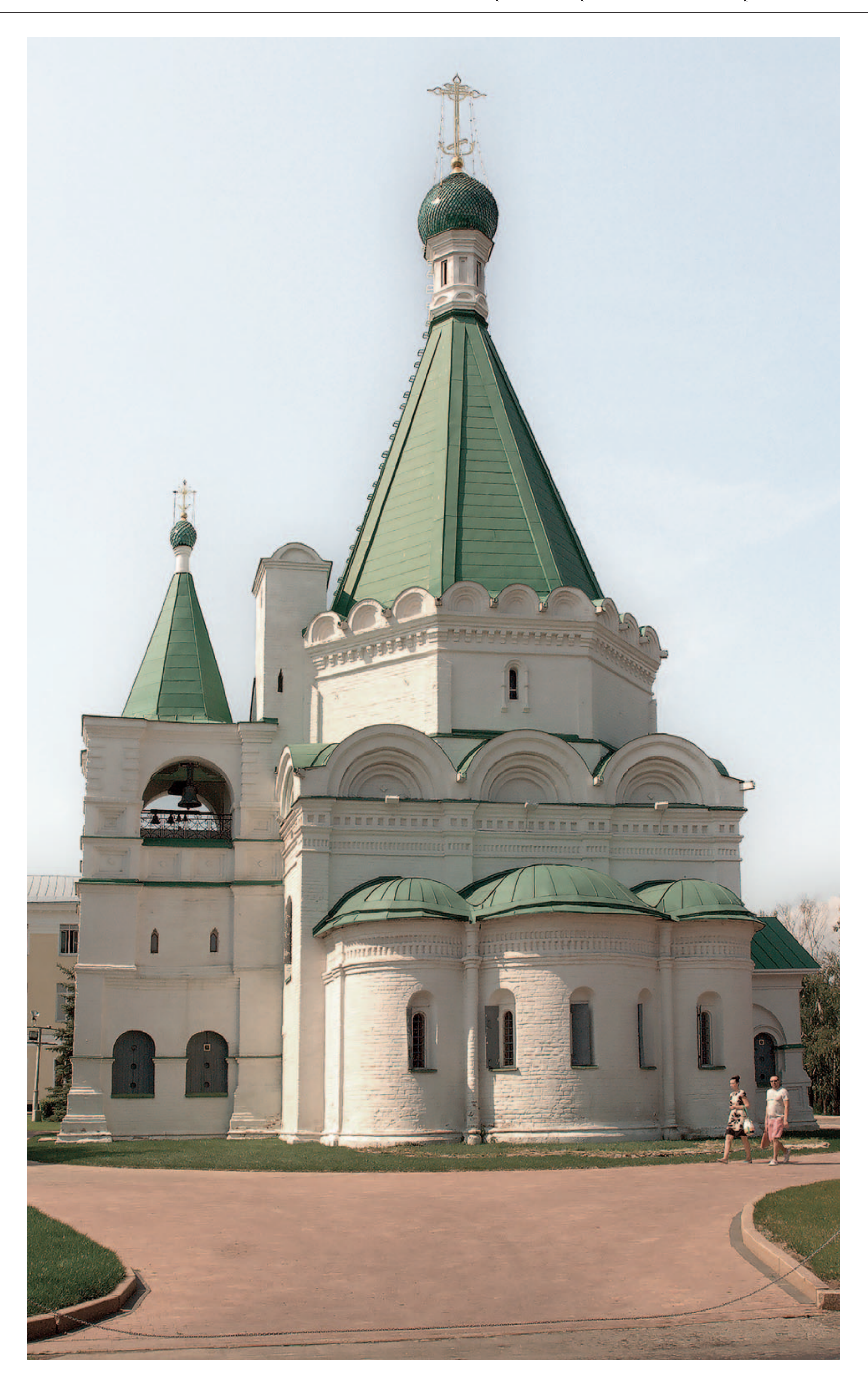
В Рождественской церкви есть всё, и яркость, и извилистый вход, и трогательное доказательство того, что сами строители видели небезупречность общего рисунка, для исправления которого придумали поставить малый барабан и главку прямо на апсиду, что не диктуется литургическими нормами и призвано только разнообразить силуэт, сгладив скалистые обрывы горы. Главы над апсидами иногда ставили, если там устраивался ктиторский придел, чаще в дьяконнике, но здесь-то барабан прямо над престолом; его лишняя избыточность проявилась ещё и в том, что расстояние от круглого окна на уровне главы, полностью его загораживающей от света, исчисляется несколькими десятками сантиметров – ясно, что выглядывать оттуда некому, но проход света вовнутрь надёжно загорожен главой. Изобильное всесилие привело к тому, что в церкви собралось всё, заслуживающее превосходных степеней, но пропало главное – формообразование как первая и главная задача нимало не потревожило автора проекта (всё вроде есть, но чего-то нет, а чего именно – и не поймёшь); если прикрыть глаза на пёстрые купола над барабанами, проступают черты очень шикарного отеля для приличной публики с добротной, но недорогой кухней.

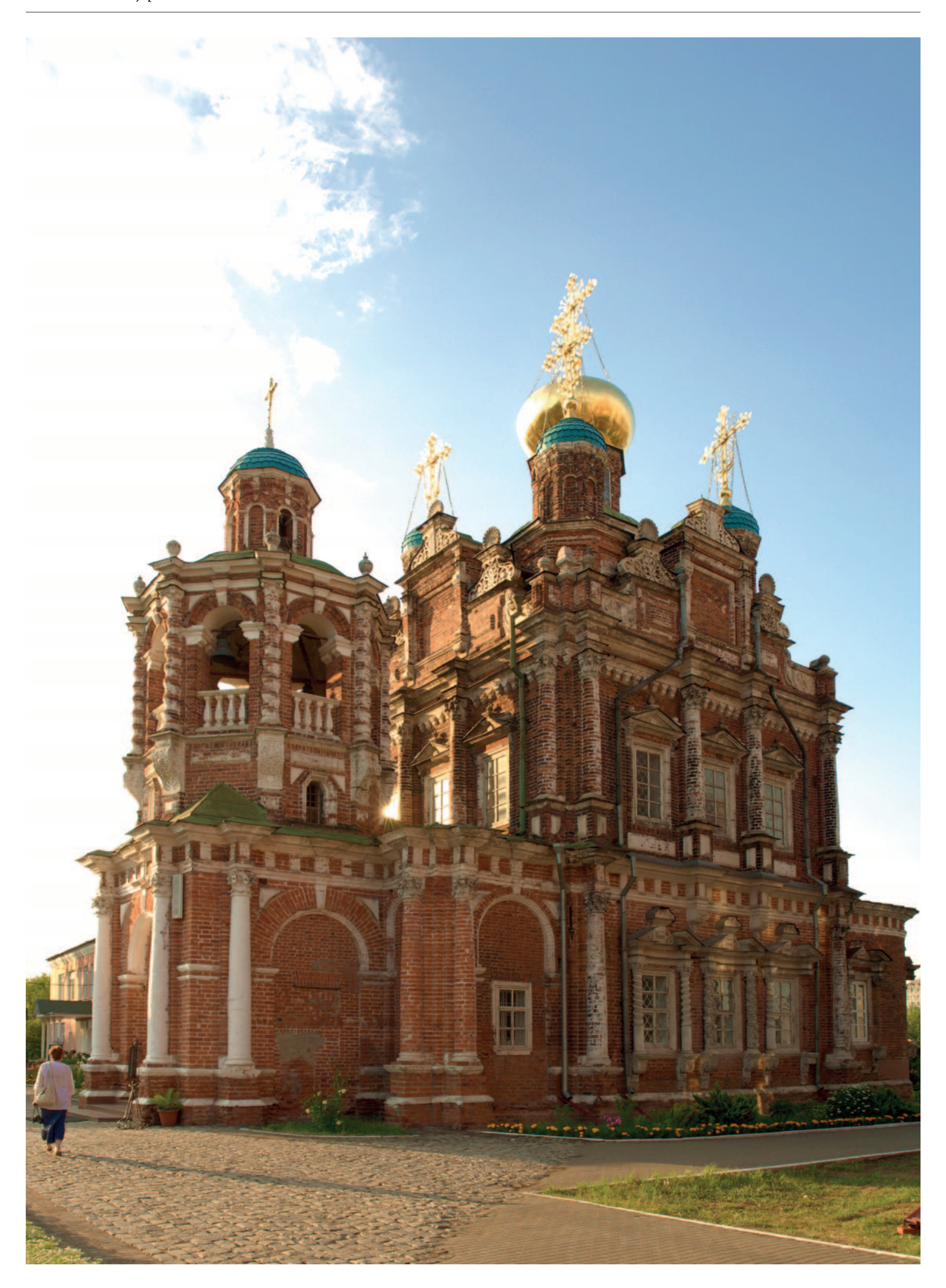
Если клятую башню покрасить розово-красным и налепить по всей высоте отменных белокаменных украшений любого сюжета, выйдет такой же поставленный «на попа» отель, и всё равно ростом не догонит Успенскую церковь на горе.

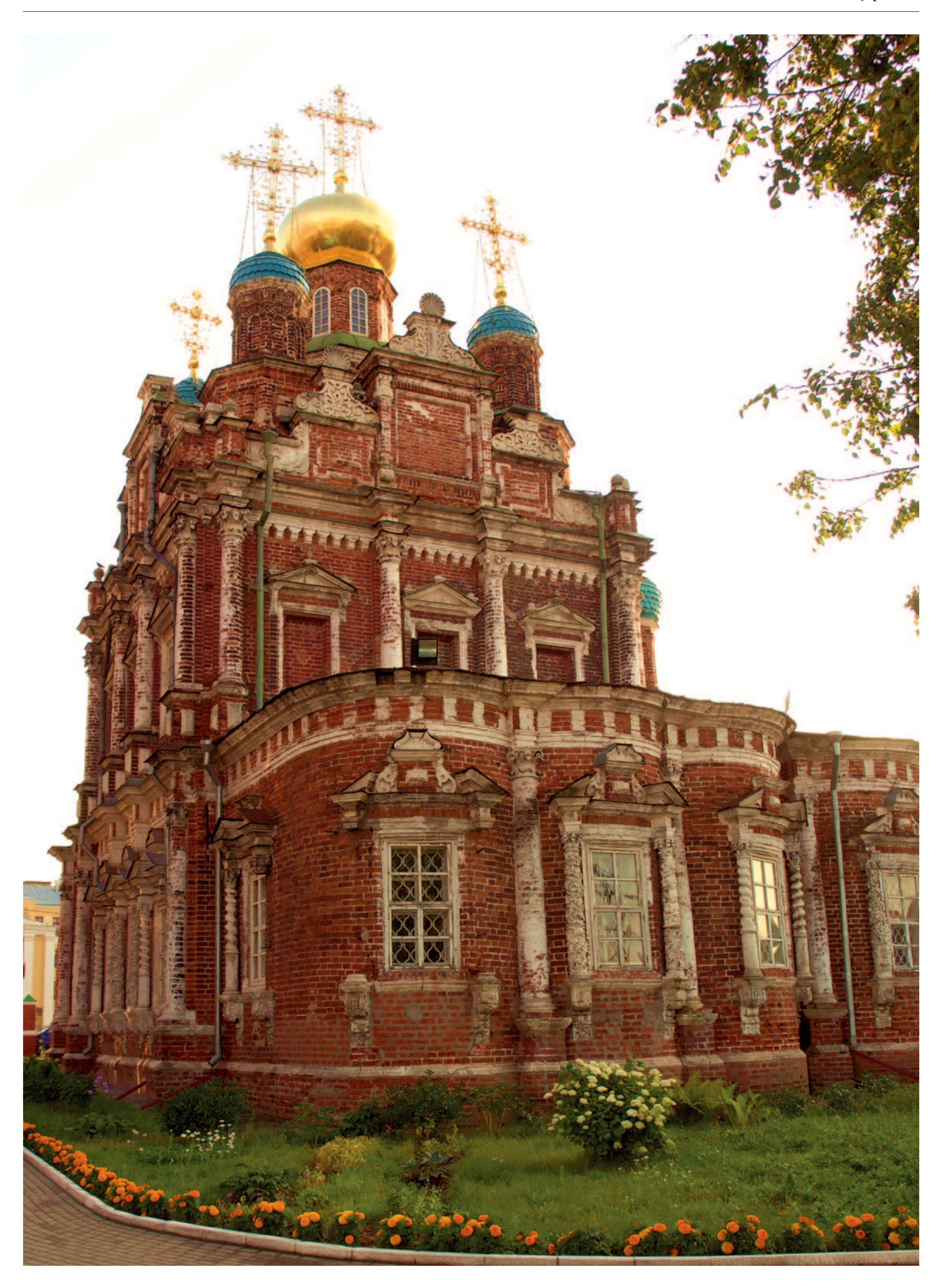
Образ «строгановской» церкви меркнет и пропадает сразу, стоит отвести взгляд. Краснозатейливо и многовитиевато. Уже хорошо, настроение вздыбилось – и хватит, и ладно, пройдёмте к следующим «кунстштукам».

В следующей церкви формообразующее бессилие стало кричащим, победительным и могучим, несмотря на семантическую несуразицу, как большая куча гирь из разных комплектов, материалов и времён, которые расшвыривали ногами в надежде, что они сами собой улягутся в хорошем порядке. В восточной стене четверика над апсидой три... вещи. Не киоты, не окна, не двери. Есть наличники с треугольными портикоподобными очельями, тогда, может быть, это заложенные окна? На западе, на закате, окна есть. Нет, кладка вперевязку со стеной. Выше рядок прелестных кронштейнов под карнизом, полуколонки снабжены оглавлениями. Выходит, все три предмета устроены только для красоты, как она привиделась строителю? Изрядный приём неожиданно для автора имеет глупейшее последствие: так устроенные неокна напоминают закрытые французские двери в пол, ведущие... на крышу апсиды для променада, в пространство, заботливо огороженное, чтобы никто не выпал. Занятие, не предусмотренное для этой части здания, но восток выглядит именно как место для неспешного фланирования пригожих погодков обоего пола в ясную погоду за плавными изгибами перил на алтарных выступах.

И так всё, не доделано, не додумано, не придумано, набросано в порядке бреда. Колокольня выглядит так, словно её передумали строить на полдороге – «и так сойдёт». Над четвериком – хаос Вороньей слободки, кубики, призмочки, цилиндрики,







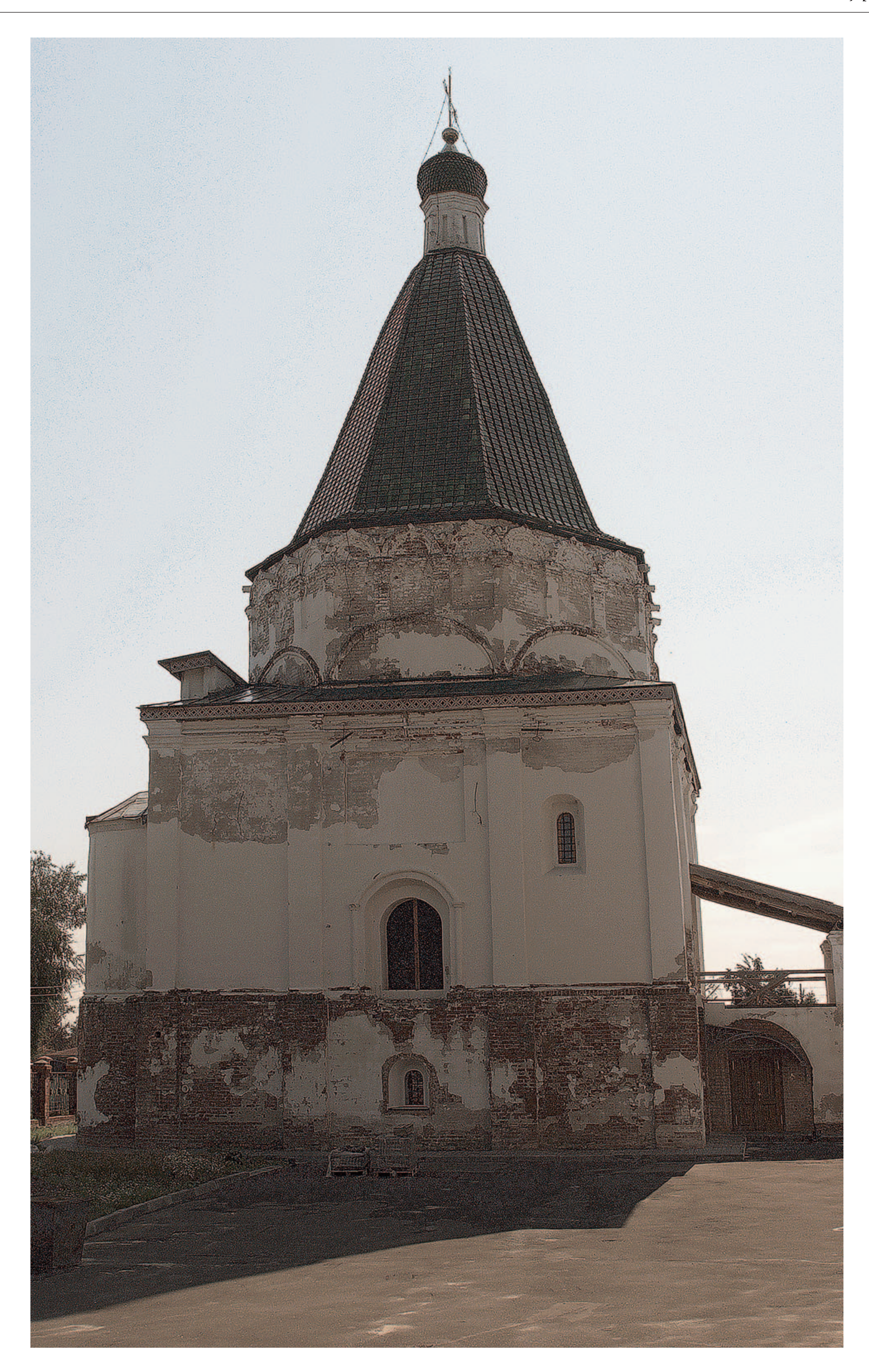
присутствуют также раковины, шарики и прочая разнокалиберная геометрия, громко говорящая о пространственной беспомощности строителя, не знавшего, как же из всего этого выпутаться. Эта любопытная неспетая, застрявшая в горле песня должна остаться в веках, чтобы хриплым голосом обучать на натуре: «Видишь, мальчик, вот так делать не надо, нехорошо, нельзя, фу». Сила без ума вызывает только жалость.

И другой пример-перевёртыш, лучше сказать, пример-неваляшка, про то, как число «33» помогает спасти безнадёжно, казалось бы, погубленное здание. В Балахне есть шатровая церковь, которой нет. В Никольской церкви (1552) надо насильно остановить, приклонить взгляд и припомнить, что глаз расположен, как правило, недалеко от ума. От первой реакции подозрительного пренебрежения предостерегает только размер – и высоко, и крупно, и на западе не крыльцо, не ступени, не постамент, а всход; верх подцерковья там, где не всякий затылок достанет, всход как процесс, как событие с продолжительностью, не на прыжок и не на два, а до утомлённости после преодоления. Словом, количество вершков, локтей и саженей и ступеней настраивает на большое, а раздутые для восторженного восклицания лёгкие производят не крик, а вздох. И где? И всё? Это вот это вот и называется гордым словом Шатёр? Нет, что-то тут не то.

То есть предмет есть, но он на задах автотранспортного предприятия и четыре с половиной века жизни прошли для него недаром, чудом уцелел; слово «красота» отсюда убежало опрометью, давно, спотыкаясь и падая. Сначала как-то распорядились с гульбищем (каменным или деревянным), северный и южный выходы за ненадобностью ликвидировали, и всё-таки возрожденческая мощь XVI столетия устояла, с ней не справились. Над складывающимся внутрь четвериком поместился невысокий восьмерик – обычное дело на переходе к восьмигранному шатру. Необычно то, что там поместились все тридцать два кокошника – у основания восемь огромных, и наверху, перед началом шатра – маленькие, по три на каждую грань. Когда у архитекторов дойдут руки до реставрации, вокруг этого числа и этих кокошников надо будет строить всю восстанавливаемую красоту здания, которая не видна, но есть.

Шатёр пока нелеп и неуклюж, несмотря на близкое присутствие трёх похожих шатров в Печерском монастыре, которые могли бы подсказать тем, кто переделывал оригинальный шатёр, простой секрет стройности: плечики в самом тонкой, верхней части не стоит делать шире диаметра барабанчика сверху, силуэт сразу становится пухлым и грузным, словно на шатёр надета шуба из кирпичей, а потом плащ из металла. Непроизнесённый торжественный гимн сменяется горечью сожаления – ясно, что было что-то многомогучее и величественное. И куда делось? Грех роптать. Хорошо, что не разобрали на кирпич для соседских сараев.

Взгляд со стороны двора или с запада никак не влияет на чувства по отношению к большевикам, таинственным манером точка обзора распространяет эти чувства во времени, причём вспять прямо на три столетия. Отличие от московского поленовского дворика не только в том, что нет дорисованных детей на первом плане, там ветхость трогательна, здесь жалка. Всклокоченная эклектика облезлой чернобарабанной церкви оттеняет многовековую, до – и без – большевиков достигнутую инвалидность, то есть негодность исполина в нынешнем состоянии. Низенький шатёр, заложенные щелевые окошки барабана, странная крыша – всё только отвлекает, заслоняет главное недоумение. Входная лестница на западе поднимает прихожанина к дверям. А вот выходов из Никольской церкви на севере и на юге давно нет. Нет так давно, что без археологических исследований нельзя твёрдо сказать, какими были гульбище и лестницы, дерево это было, или камень. Стилистически дерево маловероятно. Строители не хуже нас знали о хрупкости и недолго-



вечности построек из дерева, поэтому независимо от деревянных прибавлений основное сооружение должно было быть каменно-целостным, то есть отнятие деревянных приспособлений не должно было лишать всю постройку смысла (как сейчас). До XVIII века незыблемым (с редчайшими исключениями) правилом было наличие в каменной церкви южного и северного выходов – другой способ покинуть церковь требует повернуться к Царским вратам спиной, а это невозможно исполнить, не поворотившись к иконам затылком. Построить такую каменную громадину и пожалеть кирпича для лестниц и гульбища – невообразимо, почти святотатственно для XVI века.

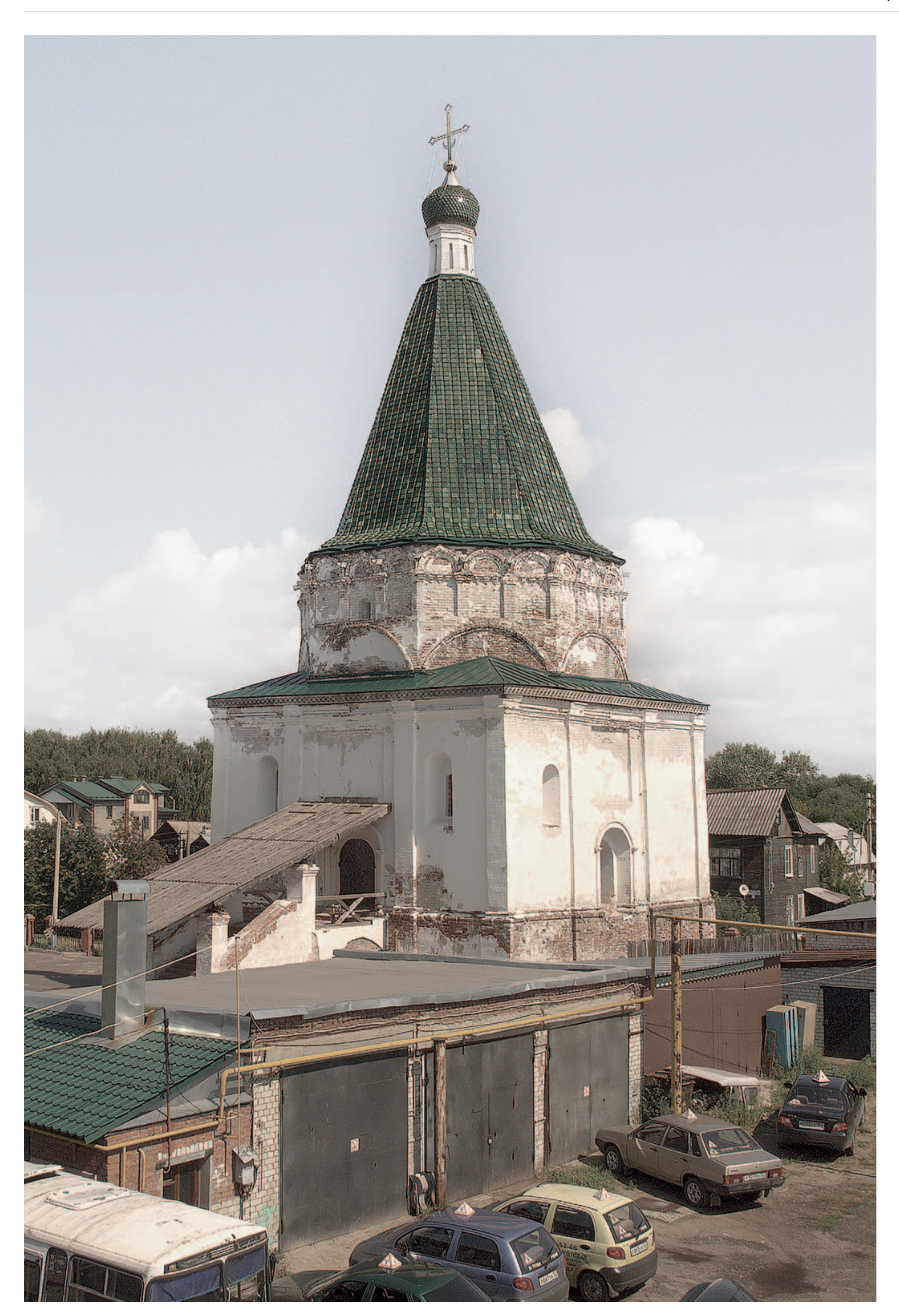
Вознесенская церковь в Коломенском доказывает, своим общим видом в первую очередь: гульбище с троном и всходы не прислонены к церкви, не украшают её и не подпирают, а создают её, они неотделимы. То же должно быть и здесь, в Никольской. Но ничего нет, затейливая западная лестница не в счёт, она недавняя. Наибольшее недоумение вызывает полное отсутствие следов примыкания любого гульбища, хоть деревянного, хоть железного. Должны были бы быть или следы заделки деревянных балок перекрытий, или следы срубленных кирпичей перевязки с отсутствующей конструкцией, следы срезанных металлических связей, причём неустановленная высота культурного слоя никак ни на что не влияет – двери высоко. Строители в XVI веке всё про Парфенон знали, хороший наклон к центру есть и в углах и стенах четверика, и в стенах апсиды (алтаря). Это обезрученное и обезноженное туловище исполина, вопиет о необходимости проведения исследований для восстановления былого величия, заодно и колокольни поблизости, и какого-то человеческого, более мягкого отношения к другой церкви, стоящей рядом.

Вторая церковь Покровского подворья нижегородского Благовещенского монастыря вызывает такую жалость, что слово нейдёт с языка, речь отказывает, её изощрённо, изобретательно и замысловато уродовали долгие десятилетия, кто небрежением, кто малым злым умом, кто слабосильностью благих намерений. Её давно обнимают добрые неумелые руки, не сулящие ничего хорошего ни в близком, ни в отдаленном будущем. Для веры и верующего качество иконы вроде бы не имеет значения, мысль о святости одинаково может таиться и во взгляде на чей-то Звенигородский чин, и на Троицу Андрея Рублёва, и на Авеля Феофана Грека, и на печатную иконку неопределенной руки и плохой полиграфии; то же и с архитектурой церкви. Но здесь красота вольно или невольно погублена, оструганa, растёсана и выскоблена слишком сильно, чересчур, с перебором равнодушно, и это небезобидно, оскорбительно для любого глаза, неправильно, несправедливо. Единственное, что оставляет место надежде – это маленькое окно под карнизом на юге и округлое утолщение в основании центрального барабана. Устроить такой пузырь на коньке скатной крыши – хлопотная затея, никак, кажется, не прибавляющая красоты, её и не видит-то наверху никто. Не прячутся ли там сколько-нибудь кокошников? Например, восемь? А под крышей с севера и с юга по два в первом и втором ярусах, и с востока и с запада по четыре в двух ярусах?

Успенская церковь на Ильинской горе в Нижнем в нижнем уровне не несёт на себе декора – не сохранился; реставраторы фантазировать не стали, даже наличники отказались выдумывать.

Вот блистательная иллюстрация значения формообразования: найденная форма столь выразительна сама по себе, что декор на ней тоже хорош, но обладает главным свойством хорошего декора – он съёмный, может быть, может не быть.

Что станется со всеми «строгановскими» церквями, если красок нет, декор ещё не навесили, он сделан, привезён, но пока лежит на дворе, сложенный аккуратно на травке рядом? Сущее уныние. Правильной форме декор не помеха, неправильной – любой декор не спасение.



МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКАЯ В АРХАНГЕЛЬСКОМ

Церковь в Архангельском построена в 1667 году в вотчине князя Я.Н. Одоевского. В 1995 году, вероятно, по просьбе прихожан, В.В. Кавельмахер дал самое сжатое описание её, скорее всего, для составления плана неотложных мероприятий по уходу.

Автор неизвестен. Ядро памятника образует уникальной конструкции двухстолпный четверик, покрытый многоярусной кровлей кокошников. Церковь имеет оригинальную планировку: основной придел традиционно расположен возле северо-восточного угла храма, второй – «подколоколенный» – на его юго-западном углу. Судить о формах древней колокольни не представляется возможным: она не сохранилась. Перед каждым из приделов устроены небольшие, примыкающие с двух сторон к четверику, под прямым углом друг к другу, – паперти или притворы, обращенные к общему рундуку на северо-западном углу здания (не сохранился). Сюда некогда выходили оба церковных портала.

В середине XIX в. памятник был капитально перестроен. Древняя шатровая колокольня (или звонница) была разобрана, бывший подколоколенный придел перенесен на юго-восточный угол, на одну линию с северо-восточным приделом, окна и порталы растесаны и перелицованы, вместо поярусных кровель устроенные вальмовые. Перед западным фасадом храма была построена примитивной архитектуры колокольня.

В советское время памятник был подвергнут разгрому. Иконостасы, церковное убранство, колокола, столярка – уничтожены и расхищены.

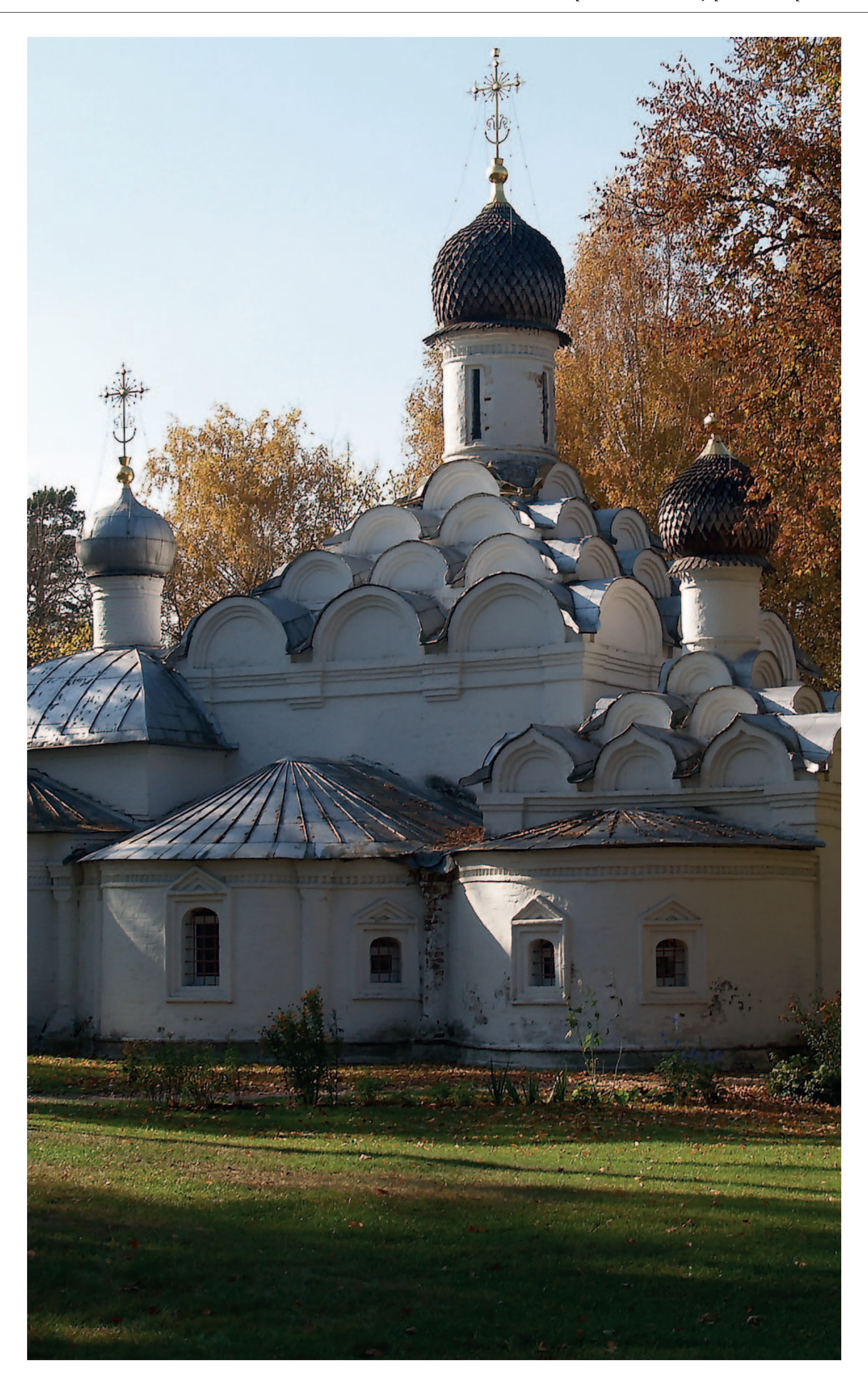
Здание церкви Михаила Архангела реставрировалось в 1964–1965 гг. под руководством арх. О.С. Горбачевой (ВПНРК). Следуя ведущей реставрационной концепции своего времени, Горбачева стремилась к «освобождению» памятника от поздних «малоценных» наслоений, к полному воссозданию его первоначального вида. Проявленная ею при этом излишняя последовательность привела к необратимым потерям: были разобраны колокольня, паперти и крыльца (объем утрат может быть восстановлен по материалам архива ВПНРК). Тем не менее, своей цели Горбачева добилась: церковь Михаила Архангела сегодня – один из самых художественно законченных, совершенных памятников зрелого XVII в. в Подмосковье. Ее скромный «сельский» облик исторически и художественно верен. Несмотря на не всегда удачные отдельные реставрационные решения, – и качество проекта, и его воплощение остаются высокими. Добротно и точно восстановлены поярусные покрытия обоих древних объемов. Замечательно удалось лемеховое

> (из осины) покрытие древних луковиц. Точно восстановлены окна, карнизы, единственный, к сожалению, портал. Церковь Михаила Архангела в ее современном виде – памятник русской реставрационной школы.
>
> Разумеется, не со всеми решениями Горбачевой можно согласиться (прежде всего, в конструктивной части): неправильно был организован сброс воды с придельного северо-восточного притвора и с крыши трапезной. Не оправдал себя отказ тогдашней реставрационной практики от водосборников и системы водосточных труб. Они предохранили бы (не на 100%) цокольную часть здания от непрерывного намокания. Предложенное О.С. Горбачевой покрытие кокошников безупречно, но принятый ею уклон вальмовых кровель на древних отметках (они очень пологие) требует с точки зрения древней технологии значительно большего свеса. Некоторые решения автора проекта были, очевидно, вынужденными: вокруг церкви невозможно было сделать удовлетворительную вертикальную планировку и отмостки в связи с тем, что храм стоит на кладбище и ушел в землю. Это проблема всех погостов.
>
> Прошедшие со времени реставрации 30 лет также не прошли бесследно. Кровли из оцинковки начали ржаветь, известковые швы выветриваются, кирпич шелушится и осыпается, однако испытание временем памятник выдержал. Кладка основной конструкции, за исключением обопревших мест, практически здорова.

Ещё несколько десятилетий понадобилось для того, чтобы заметить ещё один маленький недостаток реставрации, в котором нет даже тени вины О.С. Бочаровой: нельзя обвинять Й.Й. Винкельмана в том, что в его первое сочинение не вошли от-

крытия в Геркулануме, сделанные после 1756 года – тираж (55 экз.) вышел в 1755. Очарование двух приделов Преображенской церкви в Острове действовало и действует на архитекторов как мелодия дудочки на сказочных крыс. Даже повернувшись спиной, их продолжают видеть, и за сотни километров, и десятки лет спустя, все равно продолжают видеть из-за колдовства.

Следует предупредить, что далее мы вступаем в область, целиком построенную на влажном песке, как детская крепость на берегу. Изобретательность связана только с доброжелательными измышлениями, она бездоказательна и направлена лишь на упражнение мыслительных способностей. Вероятнее всего, предположения абурдны, но во всяком случае они не злонамеренны. Нередки случаи, когда при восстановлении завершения церкви реставратор сталкивается со счищенной до сводов поверхностью, с которой убрали всё «лишнее» и подготовили для крепкой прямоскатной крыши. Не пытаясь бросить тень на опыт предшественников, которые в момент принятия решения о числе ярусов кокошников скорее всего всё-таки опирались на недовычищенные остатки, допустим, что им достался стерильный вариант – одни своды под будущими стропилами. От ныне и тогда существовавшего валика под окнами барабана надо для крыши отступить вниз хотя бы на пятнадцать (лучше двадцать) сантиметров. Это значит, что верхний, четвёртый ряд из четырёх кокошников (по одному на сторону света) пропадает. На «античной» фотографии над нижним рядом кокошников надложено ещё несколько кирпичей (около двадцати сантиметров, или больше). От верхушки ныне существующих, восстановленных нижних кокошников, при полностью убранных верхних, ведут прямые линии, и перпендикулярные стене, и к углам. Если во время постройки крыши понадобилось поднять нижний край, то трудно не придти к выводу, что что-то этой прямой линии мешало, что-то выпирало между нижними кокошниками и нижним валиком барабана, что-то вы-

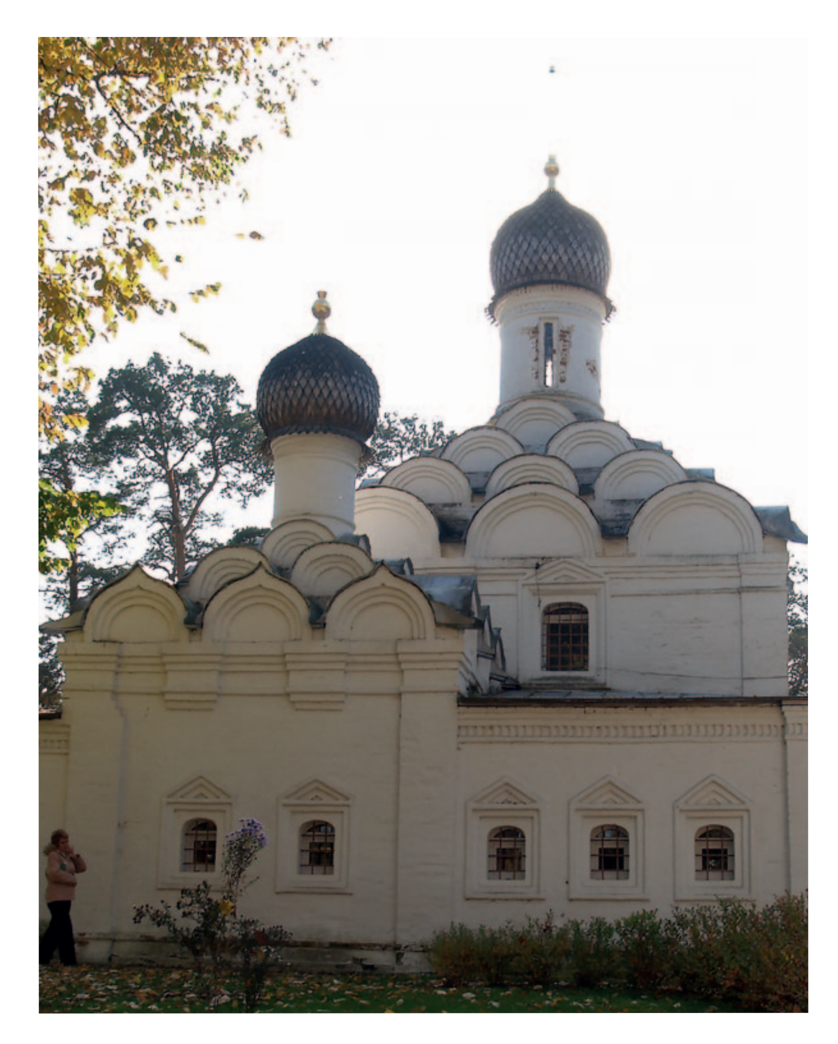


нудило надложить несколько рядов кирпича по периметру, чтобы крыша стала ровной. Не следует ли предположить, что это был подвышенный по сравнению с сегодняшними кокошниками второй ряд при отсутствующем третьем?

Существующая пирамида так же безупречна, как совершенна нынешняя пирамида Малого собора Донского монастыря. Именно правильность и безупречность заставляет сомневаться в том, что кокошников было тридцать шесть (по О.С. Бочаровой, четыре раза по девять). Для прикрытия светового кольца не нужен кокошник такого размера (он всё равно оставляет дыру размером почти с половину своего диаметра, как выщербленный зуб), скорее нужно плотное прилегание небольших кокошников-листочков, а средний ряд, может быть, должен был бы и стоять повыше, и быть повыше. Общая картина заметно переменится, но к худшему ли? Узнать это можно будет нескоро, при очередной реставрации через много-много лет.

С.С. Подъяпольский, исключительно прозорливый исследователь, лишь постепенно приблизился в проектах реставрации к мысли, что третий ярус кокошников должен состоять не из двенадцати, а из восьми кокошников, первые кирилловские и ферапонтовские реконструкции включали в себя именно 36 кокошников в трёх ярусах, по двенадцать в каждом. Рука сама, непроизвольно дорисовывает конгруэнтный второму третий ярус под барабаном, потому что ничто не мешает зрительному восприятию, форма получается близкой к совершенству, силуэт не режет глаз, слабых мест нет, как нет причин для купирования верхнего яруса до восьмёрки. Это не связано ни с квалификацией, ни с дарованием архитектора, ни с чем вообще зависящим от человека, только с островскими приделами. Мало того, что в основном объёме во втором ярусе кокошников средний пришлось сделать поменьше, чтобы сохранить ровные спускающиеся к углам диагонали, совершенно необходимые для идеи пирамидальности, но и из сопоставимых 24 придельных кокошника верхние 12 явно велики для уменьшенного объёма четверика. Они нужны для взаимодействия с верхними соседними, чтобы получались «две пирамиды» с иногда совпадающими уклонами углов, но собственной соразмерности основанию нет.

В Михаило-Архангельском соборе над центральным четвериком в трёх ярусах предположительно должно быть тридцать два кокошника, а не 36, как сейчас, и светового кольца под барабаном не должно быть видно. Тогда струна оборвётся как раз на той продолжительности третьей четверти такта, которая нужна для обозначения бесконечности, и завершать его четвёртой четвертью уже не надо, фраза лучше не станет, пустое место зависнет над пропастью, ни на что не опираясь.

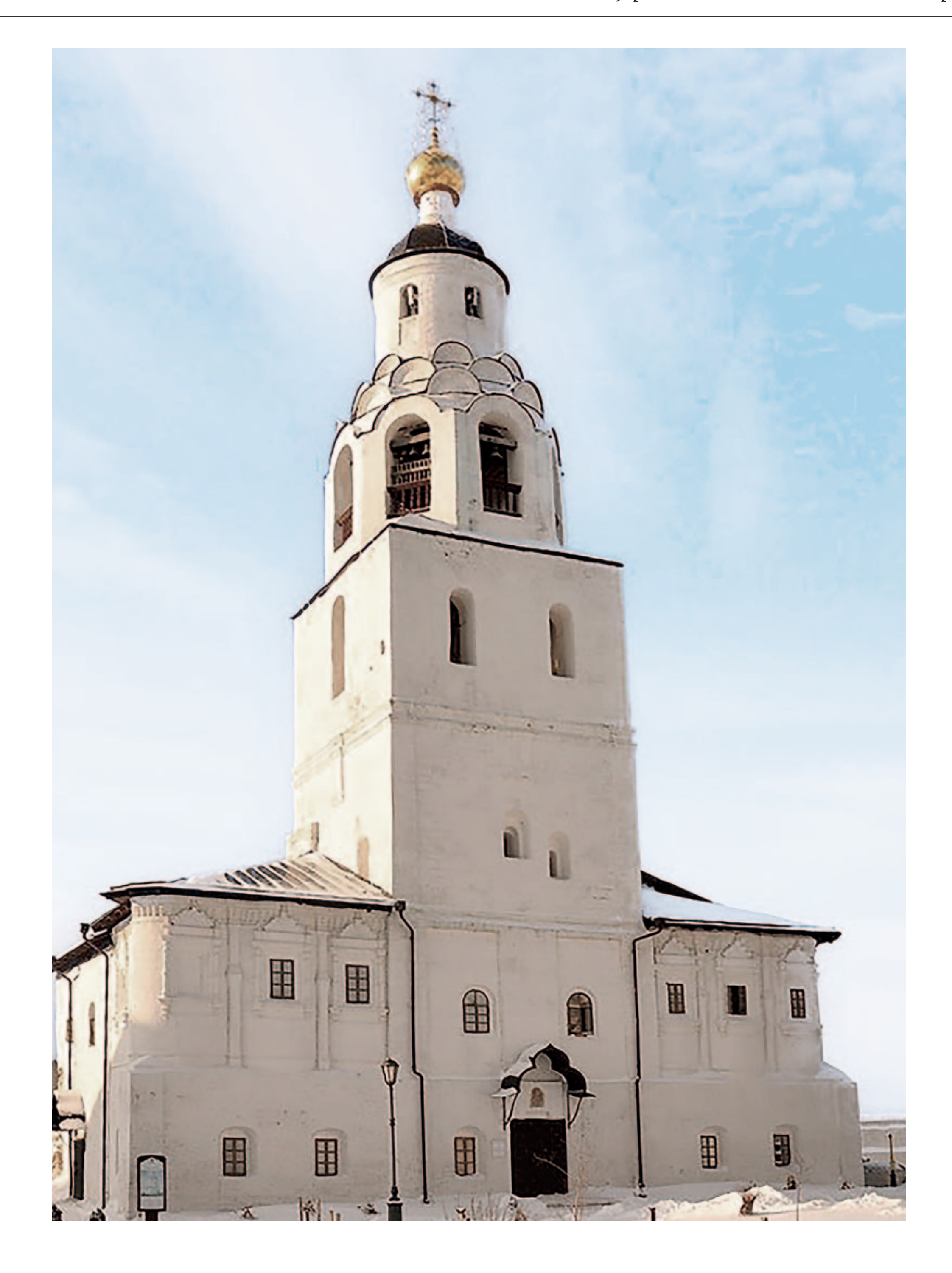


СЕРГИЕВСКАЯ В СВИЯЖСКЕ

Грозненское и годуновское времена совсем не знают понятия «провинциальность», оно появилось, вероятно, только после Петра. Никольская церковь Успенского монастыря в Свияжске (построена раньше, чем перестроена Распятская в Александровской слободе) годится для любой столицы, лаконичная простота немного испорчена только верхними уровнями со слишком маленькой главой над худосочным барабанчиком и полузаложенными окнами, появление шатроподобного конуса из металла можно попробовать объяснить себе только попыткой то ли укоротить похожую на палец шею под главой, то ли желанием немного нарастить барабан с окнами, но сразу видно, что сделано без задора, без чувства, просто, чтобы сделать. А вот пониже этой заготовки заводской кирпичной трубы начинается действительно интересное.

Благоприобретённая привычка считать кокошники сначала приводит к немного обескураживающему результату: восьмигранник нельзя охватить одним взглядом, пока огибаешь взглядом, забываешь, откуда начал. Выход есть: каждый угол восьмигранника режет пополам два стоящих сверху кокошника, два слева и два справа; сложив четыре половинки и один целый кокошник, имеем над гранью три кокошника. Итого – 24. Но нет, надо учесть и те, что накрывают проёмы, и вот добавилось ещё восемь. Радиус окружности нижних дуг, которые «исполняют обязанности» кокошников, намекает на радиус окружности главы, что должна была бы стоять наверху. Образовавшееся внезапно, без предупреждений, число «33» заставляет вспомнить подколоколенную церковь в Александровской слободе, ещё Алексеевскую, от 1513 г. Она была существенно ниже нынешней, и число кокошников на ней неизвестно, они скрыты в 1570 г. во время перестройки, а за 4 года до того они ещё могли быть образцом для новой колокольни. Доказать это предположение можно, только дождавшись новых неразрушающих методов исследования в Александровской слободе. Но даже и без немного натужной привязки к Алексеевской церкви в качестве образца Никольская важна как один из ранних в XVI веке (известных нам) примеров архитектурных размышлений с числом «33».

Небольшой накопленный опыт рассматривания церквей годуновского времени заставляет насторожиться при рассмотрении даты «1604», когда, судя по надписи на закладной доске, построили церковь Сергия Радонежского с Никоновским приделом в Иоанно-Предтеченском монастыре Свияжска. К этому времени уже стояли модельные церкви и приделы (Василия Блаженного, Феодотия Анкирского и Георгиевская в Серпухове, Богоявленская в Красном на Волге, Преображенская в Кириллове). Нынешнюю Сергиевскую церковь строили на подворье Троице-Сергиева мо-



настыря, поэтому возможно в высшей степени осторожное предположение о возвратной образцовости двух комплексов. Первый – Троицкий собор с Никоновской церковью, стена к стене. Второй Сергиевская церковь в Свияжске с Никоновским приделом. Сначала строители сергиевской церкви могли держать в голове образ Троицкого собора с кокошниками в завершении, теперь Сергиевская церковь своей хромотой может помочь Троицкому собору вернуть недостающие кокошники. Доказывать, что их било в 1604 году 32, а не 24, не надо – достаточно взглянуть на сегодняшнюю недосказанность, чтобы понять, как её исправить. Сергий с Никоном тогда послужили образцом для Свияжска, теперь наоборот, Свяжск может стать образцом для Троицкого собора – как восстановление оригинала по копии.

Четыре причины заставляют предполагать, что и Сергиевская относится к этому кругу.

1. Все перечисленные (кроме Василия Блаженного), и Сергиевская, отмечены выраженной тягой вверх, ввысь, к подъёму, большему, чем принято обычно, начиная от

возвышенного места, от простора, от лестниц перед гульбищем и после, от солеи; здесь, чтобы войти, надо не подняться, а «взобраться», долго, с поворотами, разными маршами, через палатки и уровни.

2. У серпуховских церквей Феодотия Анкирского и Георгиевской отсутствуют апсиды, как и в Свияжске у Сергиевской.

3. За Георгиевской в Серпухове построено «Заегорье», то есть каменный архитектурный мотив, перешедший с иконы в природу, иконолит; ровно то же самое есть и у Сергиевской, хотя это и трудно опознать, очень уж за три с лишним века его покорёжили, куполов понаставили, окон нарубили – то есть искренне и от души пытались спасти то, чего не понимали и в чём не видели ни смысла, ни содержания: что-то ремонтируем, но как называется, что это и для чего это – сказать нельзя, не видим ни глазом, ни умом.

4. Число «33».

Отлично отреставрированная Сергиевская церковь отреставрирована плохо. Она должна блистать также, как комягинская (тоже Сергиевская), островская (Преображенская) и кирилловская (тоже Преображенская). Чтобы отреставрировать хорошо, надо поставить за своей спиной парсуну Бориса Годунова и помнить, что он всё время смотрит в затылок и дышит, пыхтит и сопит, силясь подсказать и нашёптывая:

«Ну не может быть такого барабана, он похож и на кеглю, и на бутылочное горло, и луковица должна быть побольше, сообразно нижнему ряду кокошников, и кокошники во втором ряду должны быть побольше, и у основания барабана надо бы сделать восьмигранник из кокошников, как у Василия Блаженного и Феодотия Анкирского, и окна эти очень уж явно стилизованы 'под старину', и купол этот, похожий на казан, надо убрать, и поставить шатёрик, а то и два, и всё время следить за тем, чтобы сохранялся и появлялся иконный облик, чтобы невидимые святые ждали за каждым углом и поворотом, потому что они привыкли к этой и такой архитектуре, они в ней жили и живут, как в иконе».

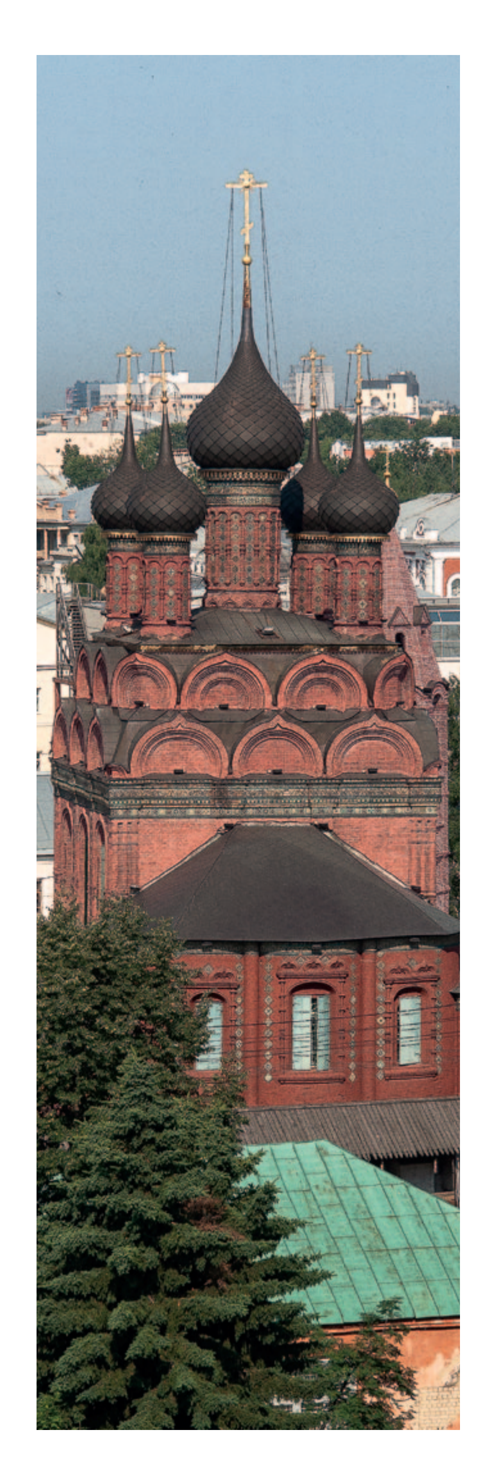
Никоновская церковь, построенная в третьем десятилетии XVII века вплотную к Троицкому собору в Посаде, отстоит по времени от здешней Сергиевской церкви с Никоновским приделом всего на два десятилетия. Стилистически между ними нет ничего общего, церковь краше придела, но будить мысль Никоновский придел мог, достаточно было одному человеку рассказать о виденном в Свияжске чуде.

Чтобы снова стать чудом, Сергиевской церкви надо встряхнуться, сбросить всякие нахлобучки и превратиться в такую же красавицу, как Успенская церковь на Ильинской горе в Нижнем, как островское Преображение без колоколенных добавок: «...что неможно глаз отвесть».

Никоновский придел строили одновременно с церковью, сразу, об этом свидетельствует восточный фасад. Плоская его скатная крыша как-то не вяжется с затейливостью замысла всего комплекса. Два окна на севере не могут ничего сказать, их вполне могли прорубить существенно позже, добавив просторности, а вот восточные красноречивы. Нижнее, побольше, чем верхнее, опущено чуть пониже окна в церкви: Никон был учеником, превозноситься не подобает. Самое красноречивое – отрубленное верхнее слово. Оставить окно без перекрытия (с. 379↗), просто накрыв косую дыру стропильной ногой, не может ни один строитель, никогда, покрытие наверняка было иным. Форма окна повторяет два проёма слева, на церкви, а близость к северной стене церкви, с добавлением хоть какой-нибудь высоты разумного перекрытия окна – прямо запрещает, делает совсем невозможной плоскую крышу, она должна быть почти горизонтальной, как дорога. Было ли такое же окошко в правом прясле стены – сказать трудно, но покрытие самого Никоновского придела должно, обязано, не может не, стопроцентно и наверняка вторить покрытию Сергиевской

церкви, оно было с кокошниками и никак иначе. Достаточно для полной уверенности вспомнить Никоновскую церковь в Сергиевом посаде, стоящую вплотную к Троицкой церкви, с одной стеной. Только тогда приобретают смысл, встают на свои места все лопатки восточного фасада, симметрия внутри асимметрии появляется там, где надо, и даже зарождается подозрение, для чего не стало апсид, ни там, ни там. Две взлохмаченные горы, стоящие бок о бок, показались бы ниже, если бы опирались на массивные апсиды, без них конструкция чище, более звонкая и простая, по-годуновски. Чтобы прозреть облик заранее, может быть, есть смысл построить в масштабе макет с новыми покрытиями и главами. Тот реставратор, который это воссоздаст на месте, станет в ряд с П.Д. Барановским (со смоленским собором) и С.С. Подъяпольским (с Преображенской церковью). А если найдётся решение для запада и юго-запада, хотя бы по аналогам, рынды будут носить его (bzw её) царский шлейф всю оставшуюся жизнь.

БОГОЯВЛЕНСКАЯ В ЯРОСЛАВЛЕ



Церковь Богоявления так ловко поставлена, что её можно считать одной из визитных карточек всего Ярославля. Её нельзя миновать и не заметить: высокий берег, центральная площадь, несколько дорог, хоть небольшое, но расстояние для взгляда есть почти отовсюду, да и сама она немаленькая.

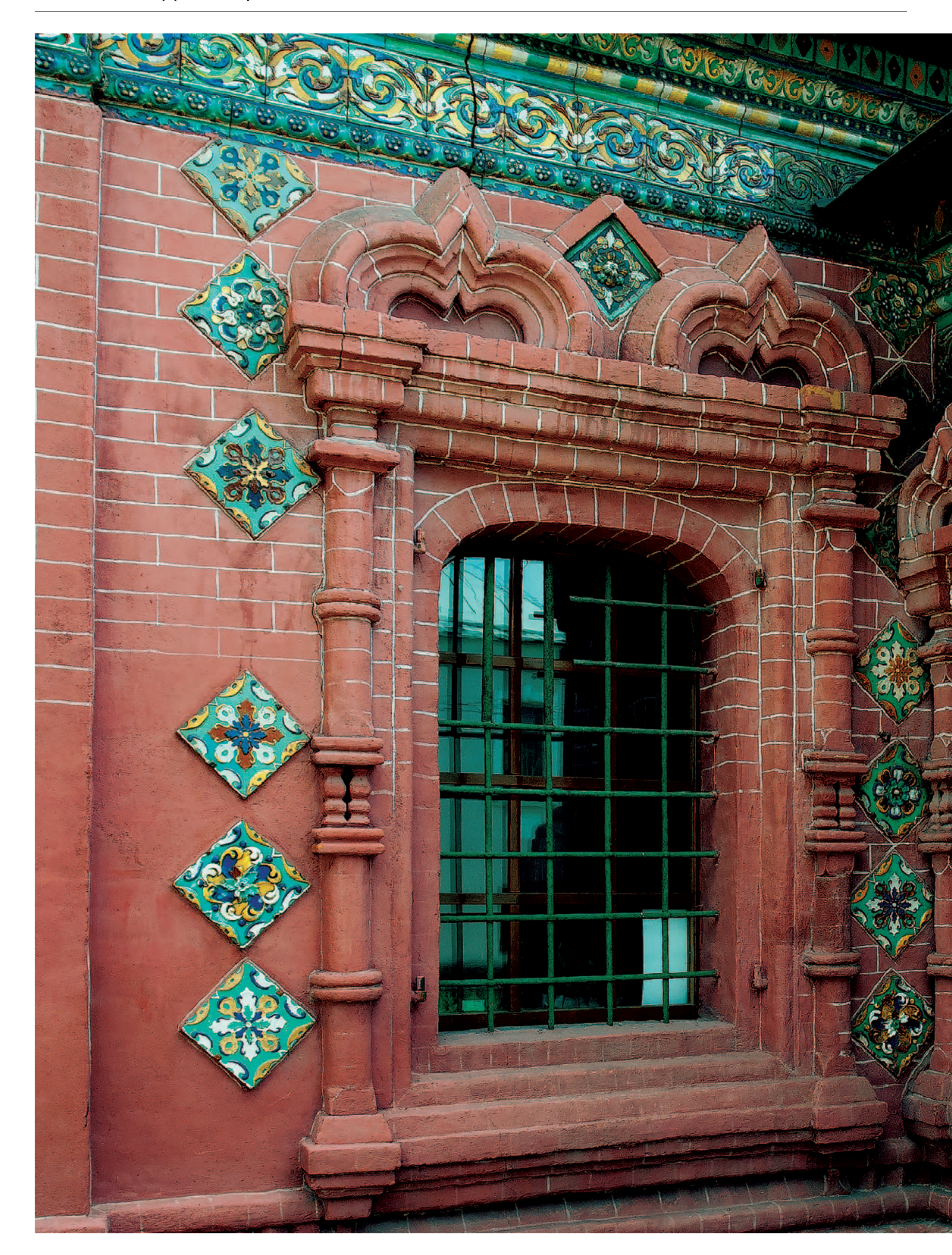
Бросим взгляд на кокошники. У них есть пять (по крайней мере) особенностей, которые делают их почти самостоятельным художественным явлением: число, форма, ярусность, карточный фокус с угловыми и расположение. По порядку:

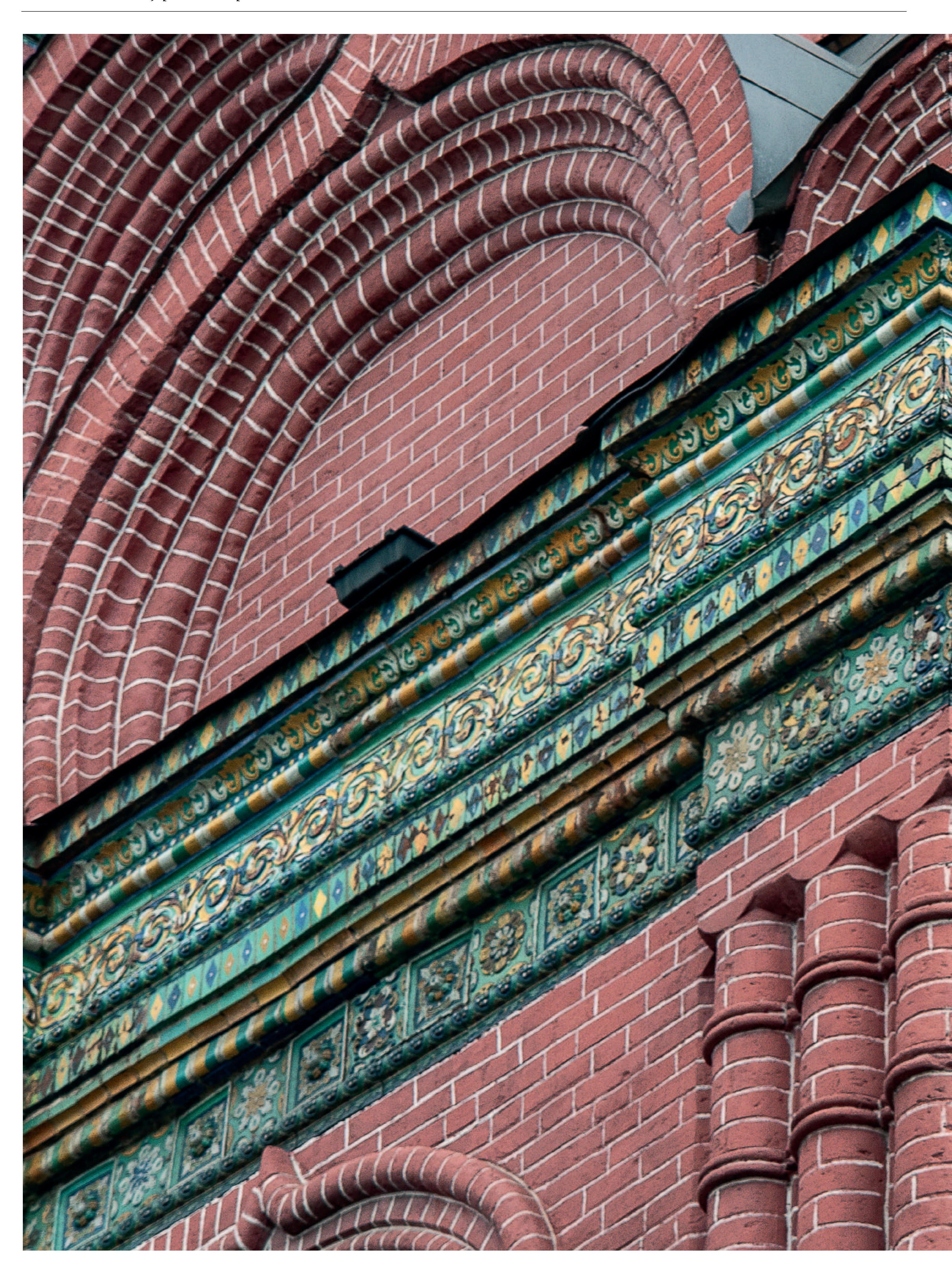
Число: сколько их? По пять с каждой стороны плюс четыре угловых? 24? Нет. Их 28, в углах над карнизом примостились ещё четыре малюсеньких, почти незаметных. Ещё меньше – тот десяток, который бусами обвился вокруг шеи центрального барабана, из самых микроскопических, незаметных почти ни с какой точки зрения. Анализ причин их появления там, где никто не видит – материал для размышлений о запрете строительства «островерхих» храмов (на них особенно легко и делается, и читается число «33») при Никоне и пропаганде пятиглавых. Придёт посланник от патриарха проверять – так вот, с запасом. А нам их 300 лет не видно.

Форма: каждый кокошник – больше, чем полукруг. После горизонтального диаметра они не врастают половинкой в четверик, карниз, антаблемент или импост, нет, они ещё продолжают сужаться книзу, словно это тарелки, стоящие в сушилке, причём верхние – глубокие, с маленьким донышком.

Ярусность: нижний, первый ряд – три штуки, второй – две (не считая угловых), просится и третий ярус с одним-единственным кокошником, как мы уже видели тысячу раз, но его нет.

Вместо него угловые во втором ряду не просто стоят под углом 45° к соседним, они ещё переломлены вертикально посередине и внешние края отогнуты к центру; из-за того, что





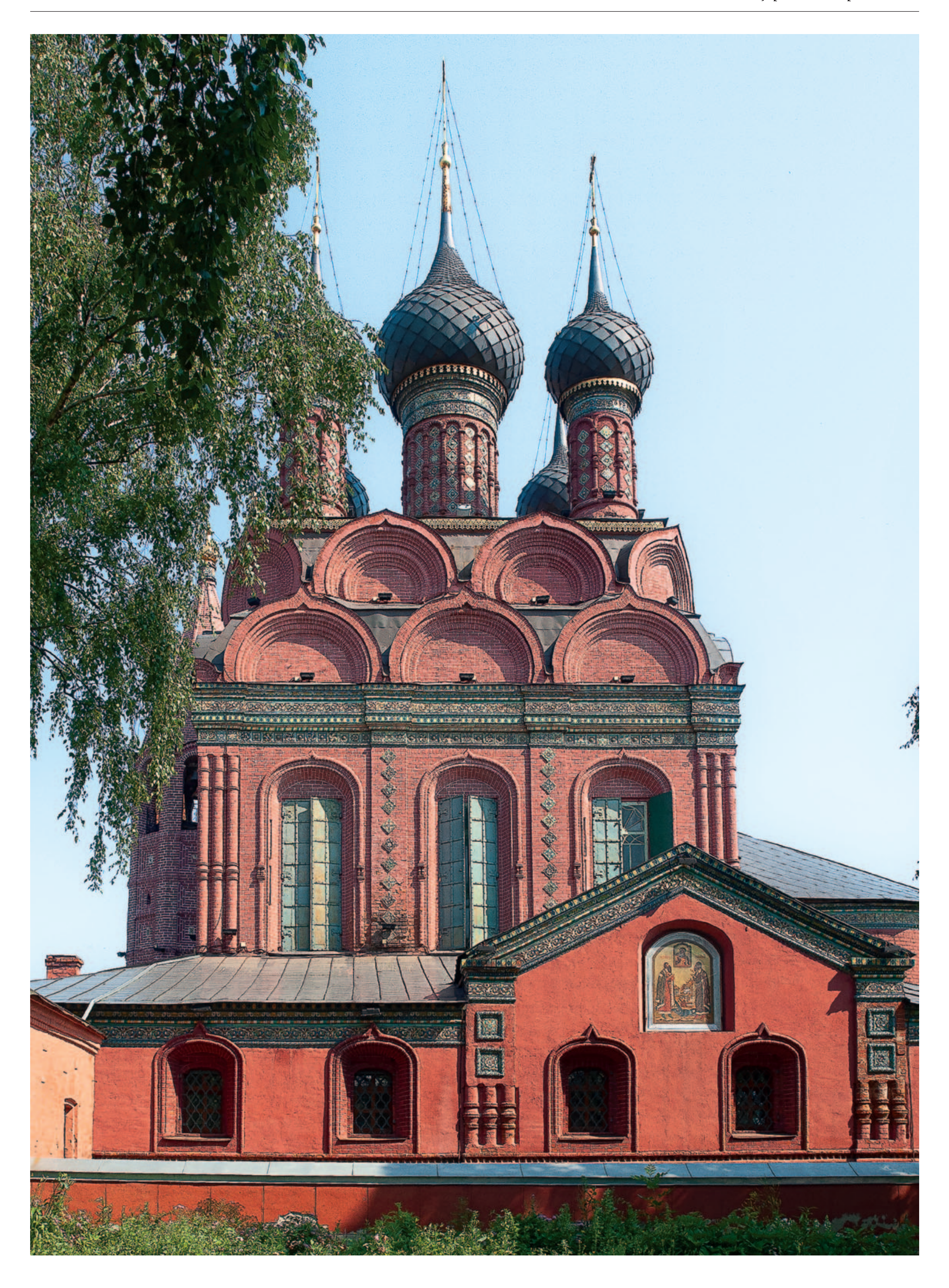
от донышка к самому большому диаметру всё ближе и ближе подступают наборные кирпичные валики, при некоторых углах обзора появляется фокуснический обман: верхняя часть будто бы наклонена книзу, словно большое око, устремлено вниз, на тех, кто на земле.

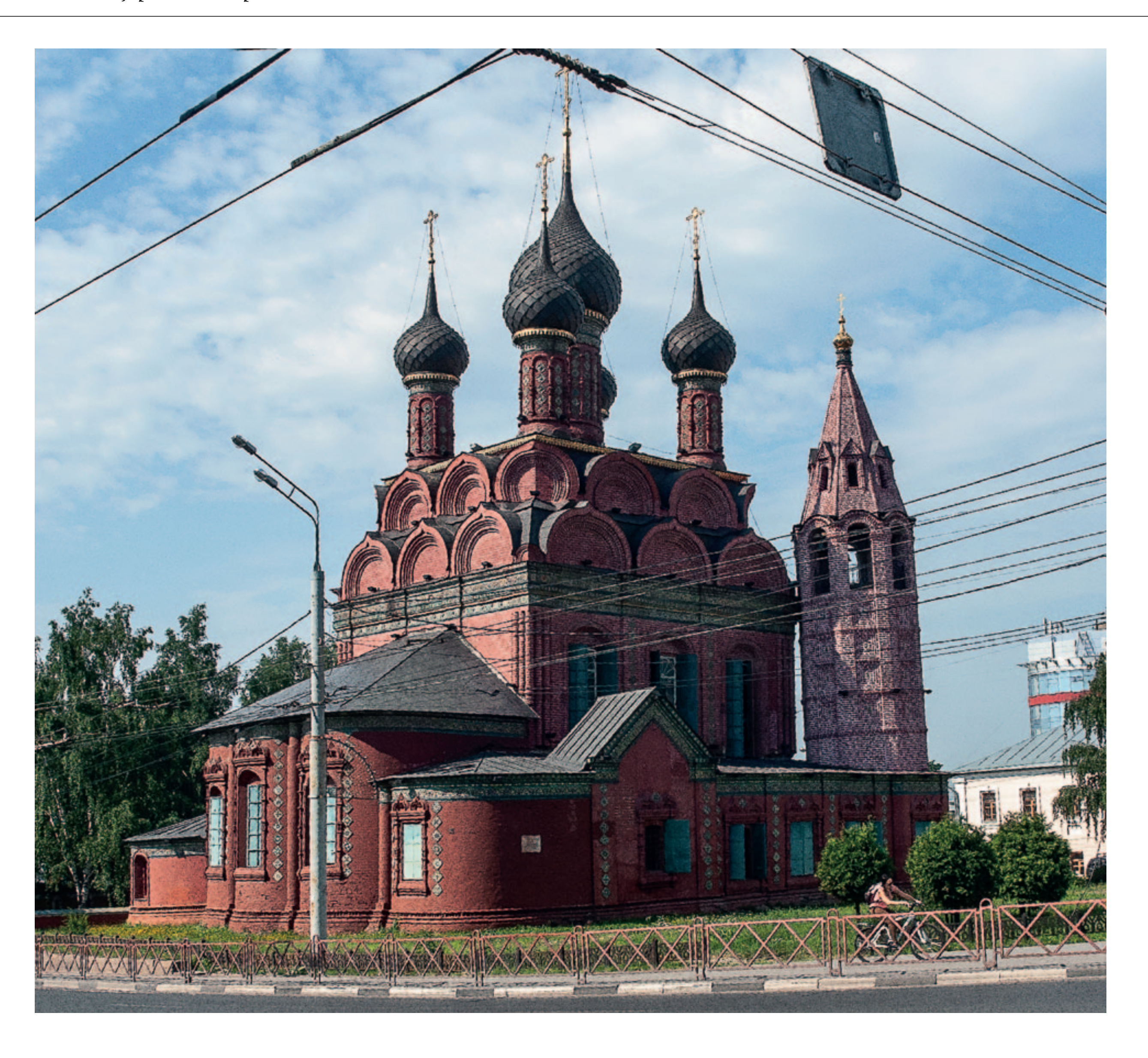
Последняя особенность: расположение на импостах. Импост – это выступающее из карниза развитое утолщение нижней лопатки или полуколонки, на которое опирается пятка арки. Так это делается обычно, и в результате закомара вывешена наружу, за вертикальную плоскость стены, приближена к наблюдателю. Но не здесь, здесь импост и вовсе конструктивно не нужен, на него ничто не опирается. Эти громадные тарелки – наоборот, отступили от края к середине здания, чтобы их тыльные стороны поддержали внутреннее движение свода к центру, к макушке, чтобы не громоздить лишнюю тяжесть.

Хорошо ли получилось в конце концов? Так отменно! И решающую роль сыграл изразцовый пояс: он достаточно заметен, контрастен, высок, чтобы быть почти самостоятельным ярусом, отделяющим верх от низа. Просто декорация, просто украшение оказалось совершенно необходимым именно в тектонике здания, то есть декоративными средствами решена та задача, которую прежде решали конструктивно необходимые элементы. Если мысленно убрать изразцовую четверть этажа, получится форменное безобразие, ни высоты, ни стройности, барабаны станут ещё тоньше, низ – ещё массивнее.

Это не просто изменение значения украшений. В церкви Покрова на Нерли, и в Дмитриевском соборе Владимира украшения тоже важны, но они не участвуют в формообразовании. А здесь форма немыслима без украшения. Это обретение дизайна как полноправной архитектурной дисциплины – в конце XVII века.

Попытка влезть в голову строителя Богоявленской церкви в конце 80-х годов XVII века – смешна, что он думал при проектировании – никому не известно. Можно, правда, не сомневаться в том, что он был не менее сообразителен, чем потомки, и рассчитывал на то, что потомки справятся с задачей расшифровать то, что он так уж хитро запрятал. Ломаные угловые кокошники ещё можно как-то понять, дело привычное, не первый раз они ставятся на углу, хотя, конечно, перелом по вертикали – вполне новаторский. А вот зачем понадобились малюсенькие по углам над карнизом? Привычное тут решение – парочка самых маленьких кокошников по двум сторонам света, общим числом – восемь. Но нужно было, чтобы было четыре, не больше. И тут надо начинать не уставать придумывать новые хвалебные слова для описания талантов строителя. Во втором ярусе двенадцать кокошников, так делали, с небольшим уменьшением, всегда и везде, поворот угловых не сильно меняет дело, двенадцать и есть двенадцать. Но переломленные во втором ряду – родственники тех, что переломлены в первом, поворот с переломом визуально увеличил нижние





вдвое, стоит только отклониться от фронтального взгляда, то есть наверху их сломали для того, чтобы число самых маленьких стало не восемь (по паре на угол), а четыре. И они, хоть и не сразу, но заметны, в результате общее число стало не 32 (12+12+8), а 28 (12+12+4). И для того, чтобы мы получили право (и даже восприняли его как обязанность) прибавить к числу кокошников число глав, их дважды логически уподобили главам. Кокошники-тарелки в рядах отличаются размером и глубиной, во втором ряду глубина больше, донышко меньше, и потому верхние приближаются по форме к половинке внутренней поверхности шара, и размерность их такая, что их можно, вытащив из сушилки, надеть на малые главы, как шапки, размер позволяет; нижние кокошники формой напоминают канотье, и размер – как раз для большой главы. Наконец, последнее из того, что бросается в глаза (так-то, вполне возможно, что причин для сопоставления кокошников и глав больше, пока просто не заметили), – форма кокошников. Для чего после горизонтального диаметра округлость продолжается вниз? – Только для того, чтобы лишний уже раз напомнить о форме глав: у луковицы отрезали донышко и вертикально располовинили. Это верхние. А большие нижние – уже нарезали кольцами. Двенадцать раз. До слёз.

И форма кокошников, и украшения барабанов – сильно напоминают Успенскую церковь на Ильинской горе в Нижнем Новгороде. Подсмотрели? И молодцы!

Значит, так дорога была мысль: напомнить, не тратя слов.

Чтобы слова не теряли ценность, стираясь об язык.

Научное издание

Утверждено к печати
Учёным советом издательства
·Памятники исторической мысли·

Игорь Николаевич из Кузнецов

ВИДИМОЕ НЕВИДИМО

Изготовитель: И.Н. из Кузнецов
Корректор: Х. Абвезендадзе

Издательство
· Памятники исторической мысли ·
Валентиновка, ул. имени Надежды К.К. 10/1

Подписано в печать 10.07.23.
Ф-т 60×90 1/8. 49,01 п. л.
Тир. 32 экз.
Печать пороховая.

Типография «Канцлер».
Ярославль, Полушкина Роща, 16,
усадьба 66α

Отпечатано в России
И переплетено